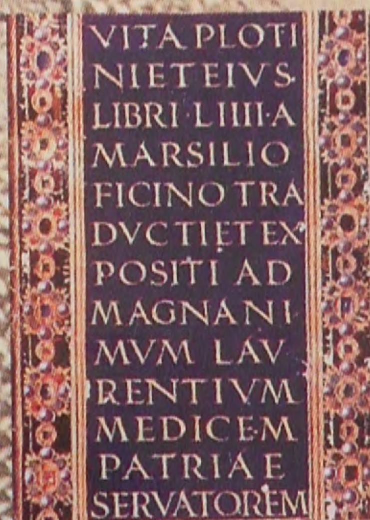
МНОГОМЕРНОЕ ПРОШЛОЕ

Д. В. Калюжный,
А. М. Жабинский

2



VITA PLOTI
NIETEIVS
LIBRI·LIIII·A
MARSILIO
FICINO TRA
DVCTI ET EX
POSITI AD
MAGNANI
MVM LAV
RENTIVM
MEDICEM
PATRIAE
SERVATOREM

О любви в папирусах и книгах

ТЕРРА–КНИЖНЫЙ КЛУБ

1 МНОГОМЕРНОЕ ПРОШЛОЕ

2 МНОГОМЕРНОЕ ПРОШЛОЕ

3 МНОГОМЕРНОЕ ПРОШЛОЕ

МНОГОМЕРНОЕ
ПРОШЛОЕ

В ТРЕХ ТОМАХ

Том 2

Д. В. Калюжный,
А. М. Жабинский

О любви в папирусах и книгах

МОСКВА
ТЕРРА–КНИЖНЫЙ КЛУБ
2003

УДК 930.9
ББК 63.3(0)
М73

Оформление художника
И. МАРЕВА

Многомерное прошлое: Культурологическое исследование. В 3 т. Т. 2: Калюжный Д. В., Жабинский А. М.
М73 О любви в папирусах и книгах. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 2003. — 304 с.: ил.

ISBN 5-275-00892-9 (т. 2)
ISBN 5-275-00890-2

Без прошлого, как известно, нет настоящего и будущего. «Насколько верна та версия нашего прошлого, которую мы с вами изучали в школе?» Авторы книги задаются этим вопросом и предлагают взглянуть на историю по-иному, выдвигая свою хронологию исторических событий.

Во второй том культурологического исследования вошла монография А. Жабинского и Д. Калюжного «О любви в папирусах и книгах».

УДК 930.9
ББК 63.3(0)

ISBN 5-275-00892-9 (т. 2)
ISBN 5-275-00890-2

Каждый год в сентябре, к началу школьных занятий,
Стоят по рабочим окраинам женщины
в писчебумажных лавках
И покупают для детей учебники и тетради.
В отчаянии выуживают они последние гроши
Из потрепанных сумочек и сокрушаются,
Что знание нынче так дорого.
Они не догадываются,
Насколько плохо то знание, которое
Предназначено для их детей.

Бертольд Брехт.

Предисловие

В книге французского писателя Франсуа Рабле (1494—1553) «Гаргантюа и Пантагрюэль» есть такая удивительная фраза:

«У вас у всех там столько свободного времени, что вы не знаете, куда его девать, и тратите вы его на то, чтобы говорить, спорить и писать всякий вздор о нашей госпоже королеве. Цицерон не нашел ничего лучшего, как отвлечься ради этого от своего «Государства», и Диоген Лаэртский туда же, и Феодор Газа, и Аргиропуло, и Виссарион, и Полициано, и Бюде, и Ласкарис, и все эти чертовы пустоголовые мудрецы, коих число было бы не так велико, когда бы к ним уже в наше время не присоединились Скалигер, Биго, Шамбрие, Франсуа Флери и еще какие-то саврасы без узды».

Почему-то не заметно в этом тексте Рабле, что от Цицерона промчалось более полутора тысяч лет, да и от Диогена Лаэртского немногим меньше. Он их упоминает наравне со своими старшими современниками. Литературоведы, назвав роман Рабле «сатирой», эту конкретную фразу объясняют очень просто: обычный средневековый анахронизм. А словом «анахронизм» называются такие ошибки в творчестве писателей, когда события и черты одной эпохи авторы приписывают другой эпохе. Специальное же словцо для обозначения подобных ошибок понадобилось придумывать потому, что, по сообщению Литературного энциклопедического словаря, *«анахронизмы органичны для ис-*

кусства и литературы средних веков и Возрождения», то есть ими переполнены тексты того времени. Вот интересно: «античные» писатели анахронизмами не страдали, современные тоже, а только средневековые.

В чем же причина такой странности? Легко догадаться, что ее нужно поискать в самой хронологии. Ведь последовательность событий мировой истории в том виде, в каком она теперь известна литературоведам, составил вскоре после Рабле сын упомянутого им Юлия Скалигера, Иосиф (1540—1609), хотя, разумеется, и до него писатели и прочие интеллектуалы имели какие-то представления о прошлом человечества. Известно им было и слово «антика». Но именно Скалигер высчитал, в какие годы от Сотворения мира была «антика», а в какие — средневековье и прочие времена, а затем Дионисий Петавиус перевел эти даты в эру от Рождества Христова.

Если же Скалигер случайно или намеренно ошибся, и приписываемые античному миру люди и приключения «съехали» со своего настоящего места в истории в далекое прошлое, то средневековые анахронизмы становятся, конечно, неизбежными. Ведь автор XIV века, лично знакомый с Цицероном, знакомство с «древним» римлянином так или иначе в своих текстах проявит, что потребует от историков объяснений, почему это произошло. А объяснить это в рамках скалигеровской хронологии они не могут, и для простоты объявляют представления писателей средневековья и Возрождения «ошибочными» в любой удобный для себя момент, то есть когда они (средневековые представления об истории) перестают соответствовать той истории, которую нынешние ученые выучили в школах и институтах.

Но ведь можно пойти по другому пути: свести «анахронизмы» в одну шкалу и посмотреть, нет ли здесь системы.

Мы сделали это в одной из своих книг, проанализировав стилистику произведений изобразительного искусства за все время существования человечества. Оказалось, века традиционной истории как бы складываются в некую «гармошку»,— мы назвали ее синусоидой,— с шагом в девять веков так, что некоторые периоды «античности» или «древности» совпадают со временем «возрождения» этой античности или древности. При сложении синусоиды получается некая «объемная» история, в которой Цицерон действительно может оказаться близким современником Рабле!

Анализ произведений литературы подтверждает и дополняет выводы, сделанные нами из анализа произведений искусства. В этой книге мы прежде всего обращаем внимание на *стилистические параллели*, для прояснения которых используем капитальный академический труд «История всемирной литературы» (1983—1994). Его авторы сами нашли и показали эти параллели в литературе разных эпох, и нам, цитируя их, оставалось только не обращать внимания на «разъяснения» о том, что глупые средневековые писатели страдали страстью к «анахронизмам».

А кстати, если посмотреть на проблему широко, то можно найти «средневековые анахронизмы» и у античных авторов, причем обнаружится столь большее количество стилистических параллелей в мировой литературе, что даже историкам и литературоведам станет ясна необходимость в корректировке нынешней традиционной хронологии.

К ИСТОРИИ ВОПРОСА ОБ ИСТОРИИ

В литературном наследии человечества есть такие повествования, которые называются мифами, и такие, которые называются историческими хрониками. В чем разница между ними?

Наверное, большинство читателей скажет, что разница — в степени достоверности сообщаемых в этих повествованиях сведений. Миф — это предание о богах, духах и сказочных героях, а историческое сообщение — о реальных людях и реальных событиях прошлого. Но это не совсем так. «Миф» и «история» различаются датировками! Если специальные люди (историки) соизволили присвоить тексту дату, то это история. А если не соизволили — то это миф.

Вот пример мифа.

«Лишь только освободился Геракл от рабства у Омфалы, сейчас же собрал он большое войско героев и отправился на восемнадцати кораблях к Трое, чтобы отомстить обманувшему его царю Лаомедонту. Прибыв к Трое, он поручил охрану кораблей Оиклу с небольшим отрядом, сам же со всем войском двинулся к стенам Трои. Только ушел с войском от кораблей Геракл, как напал на Оикла Лаомедонт, убил Оикла и перебил почти весь его отряд. Услыхав шум битвы у кораблей, Геракл вернулся, обратил в бегство Лаомедонта и загнал его в Трою. Недолго длилась осада Трои. Ворвались, взойдя на высокие стены, в город герои. Первым вошел в город герой Теламон. Геракл, величайший из героев, не мог снести, чтобы кто-нибудь превзошел его. Выхватив свой меч, он бросился на опередившего его Теламона. Увидя, что неминуемая гибель грозит ему, быстро нагнулся Теламон и стал собирать камни. Удивился Геракл и спросил:

— Что ты делаешь, Теламон?

— О, величайший сын Зевса, я воздвигаю жертвенник Гераклу-победителю! — ответил хитрый Теламон и своим ответом смирил гнев сына Зевса.

Во время взятия города Геракл убил своими стрелами Лаомедонта и всех его сыновей; только младшего из них, Подарка, пощадил герой. Прекрасную же дочь Лаомедонта Гесиону Геракл отдал в жены отличившемуся своей храбростью Теламону и позволил ей выбрать одного из пленных и отпустить его на свободу. Гесиона выбрала своего брата Подарка.

— Он прежде всех пленных должен стать рабом! — воскликнул Геракл,— только если ты дашь за него выкуп, будет он отпущен на свободу.

Гесиона сняла с головы покрывало и отдала его как выкуп за брата. С тех пор стали называть Подарка — Приамом (т. е. купленным). Отдал ему Геракл власть над Троей, а сам отправился со своим войском на новые подвиги».

Затем повествуется, как едва не передрались из-за Геракла боги, и Зевс подвесил между небом и землей богиню Геру, заковав ее в несокрушимые золотые оковы и привязав к ногам две тяжелые наковальни. Рассказ остался без датировок, тем более что археология не предъявила историкам не только наковален, золотых оков и скелета богини Геры, но и доказательств присутствия Геракла под стенами Трои. И остались его приключения только мифом.

А вот пример «реальной истории». Она тоже не имеет археологических доказательств, но зато имеет даты! Итак, в 334 году до н. э. Александр Македонский затеял подчинить себе город Тир. Вот что пишет об этом историк Ф. Шахермайр[1]:

«Относительно Тира у Александра были свои планы: считая себя отпрыском Геракла (внуком Зевса), он хотел в знак благодарности принести жертву богу города — знаменитому тирскому Гераклу. На самом деле этого местного бога звали Мелькартом, но уже с древних времен (с каких, ведь история Геракла не датирована?) его идентифицировали (кто?) с греческим Гераклом. Казалось, что в замысле царя нет ничего неожиданного (так же, как в замысле самого Геракла отрубить голову своему полководцу Теламону;

[1] Примечания в скобках наши.

и Александр, и Геракл порою выглядят, как истеричные недоумки), но он преследовал совсем иную цель. Тир, расположенный на отдаленном от берега острове и поэтому малодоступный сухопутным властителям, владел могущественным морским флотом и всегда был самым самостоятельным из финикийских городов. Александр потребовал ни больше, ни меньше как отказа города от преимуществ своего изолированного положения (каким образом?!)».

Жители Тира его требование отклонили. «Они надеялись на неприступность своего острова, к которому трудно подойти кораблям»,— пишет Шахермайр. Но Македонский, как всем известно, гений, и вот в начале января 332 года до н. э. его армия начала строить дамбу к городу. Согнали рабочих со всех окрестных городов, чтобы добывать камни и валить лес. История умалчивает, в какую копеечку влетела вся авантюра, которая в конце концов не оправдалась: прибой «разрушал все уже построенное», а жители Тира не только ломали постройку, но и сожгли приготовленные заранее осадные машины. Правда, царь-гений не растерялся и «сразу же приступил к строительству другой, более надежной дамбы», но и на этот раз затея не удалась, и вскоре Александр Филиппович решил брать город морским путем, штурмуя его с кораблей.

«Когда наступила весна и открылась навигация, финикийские и кипрские контингенты покинули Фарнабаза и вернулись на родину. В течение лета капитулировали все острова и опорные пункты. Когда же эскадры прибыли на Ближний Восток, только одна из них, тирская, поспешила на помощь осажденному городу. Финикийская и кипрская эскадры оказались в распоряжении Александра. Объединившись, они стали сильнее тирского флота».

Казалось бы, поскольку исходная проблема была в недоступности города для сухопутных владык, а теперь Александр оказывался могущественным морским владыкой, он должен был поменять свои стратегические планы и требования к городу. Но, похоже, все затраты производились ради единственной цели: уничтожения Тира.

«Теперь царь мог приступить к осуществлению своего в техническом отношении необычайно смелого замысла — разрушить окружавшие город стены при помощи машин (каких?), стоявших на кораблях. Кроме того, он приказал построить плоты, на которых подвозили тараны, башни и снаряды (напомним, идет IV век до н. э.) И снова мы (историки) наблюдаем высокий уровень ведения войны с обеих сторон. Но вот наступил день — вероятно, это была середина августа — ни

ветра, ни волн. Это решило судьбу города. Вокруг него сосредоточились плавучие чуда техники. Со всех сторон летали снаряды, македоняне стремились прорваться в гавань. Под ударами тарана (неужели таран был установлен на корабле?) рухнула стена. В этом месте высадились (с корабля) сам царь и его лучшие войска. Они штурмом взяли разрушенные стены, захватили башни и всю крепость. В гавани никто не оказал сопротивления, и македоняне окружили город. Война завершилась кровавой бойней.

Теперь благочестивый царь мог выполнить свой замысел — принести в жертву своему предку Гераклу лучшую осадную машину и лучший корабль. В честь бога был устроен торжественный парад войск и флота, в священном районе города состоялись спортивные состязания и факельное шествие. Над Тиром учинили страшную расправу».

Менее чем через год после падения Тира Александр уже владел Египтом и в конце мая 331 года до н. э. отправился в Месопотамию. Как видим, и в самом деле описания его приключений от подобных же приключений Геракла отличаются только наличием дат. Но ведь сам Александр не оставил датированных сообщений о своих подвигах, тем более в годах «до н. э.»!

Как же возникла хронология, кто и когда определил время жизни и деятельности и Александра Македонского, и всех остальных персонажей древней, античной и средневековой истории?.. Э. Бикерман в книге «Хронология Древнего мира. Ближний Восток и античность» так рисует этот процесс:

«Гелланик с острова Лесбос был первым, кто попытался во время Пелопонесской войны подогнать различные системы хронологических указаний к общей модели... По его примеру последующие греческие ученые составили синхронистические таблицы...

Используя труды своих предшественников, христианские историки поставили мирскую хронографию на службу священной истории. Этот «Канон» вошел во вторую часть «Хроники» Евсевия Кесарийского, написанный около 300 г. н. э., был переведен Иеронимом и продолжен им до 378 г. н. э. Компиляция Иеронима явилась основой хронологических знаний на Западе. И. Скалигер, основоположник современной хронологии как науки, попытался восстановить весь труд Евсевия».

О чем здесь рассказано? Сначала кто-то «попытался подогнать» историю к своему замыслу; историки христианства подверстали эти расчеты к своей идее; образовался канон, который использовал Евсевий. Его труд «переложил»

Иероним[1]. Иосиф Скалигер в XVI веке «попытался восстановить» труд Евсевия, но насколько точно «восстановил» его — непонятно.

Так что наука хронология умещается между «попыткой подогнать» историю к неким схемам и «попыткой восстановить» эти «попытки подогнать». Теперь посмотрим подробнее, что происходило за почти полторы тысячи лет между Евсевием и Скалигером. Об этом сообщает современник Скалигера Жан Боден (1530—1596):

«Иеремия прибавил (к схеме Евсевия) 50 лет, Проспер Аквитанский 60 лет, Пальмьерий Флорентийский 1040 лет ...Сигиберт Галл (составил хронику) от 381 года до 1113 года с приложением неизвестного автора до 1216... Винцент из Бовэ — историю от Сотворения мира до 1250 г. от Рождества Христова. Антонин, архиепископ Флорентийский — историю от Сотворения до 1470 г... Донато Боссо Миланский — до 1489, Иохан Науклер из Тюбенгена — до 1500, Филипп Бергамский до 1503. Павел Джовио от 1494 до 1540 года. В 1551 году опубликована «Хроника всего света» польского историка Марцина Бельского. Иоханн Карион Любекский создал три книги хроник от Сотворения мира до 1530 года, к которым прибавлено приложение до 1555 года».

Даже не обращая внимания, что здесь перечислены в основном западноевропейские историки, мы сразу видим, что они занимались конструированием хронологических схем. Сначала один из них (Евсевий) неизвестно на каких основаниях (и неизвестно *когда,* раз до него хронологии не было, а после него она многократно переделывалась) составил схему истории от Сотворения мира до своих, можно предположить, лет, встроив в эту схему всех своих предшественников, включая какого-то Гелланика. Затем несколько летописцев добавили к его истории по пять — шесть десятков лет. Потом один из них (Пальмьерий) добавил сразу 1040 лет, чем, по сути, изменил схему и породил так и не разгаданную до сих пор загадку «темных веков». Внутри этой новой схемы Евсевию некуда было деваться, кроме как вслед за Геллаником тоже провалиться в далекое прошлое, хотя он вполне мог быть современником самого Пальмье-

[1] Хронолог Иероним отличился тем, что в послании, написанном после 374 года, поздравил некоего Павла со столетием, одновременно утверждая, что Павел знал лично карфагенского епископа Киприана, умершего в 259 году!

рия. Затем эту «новую хронологию» стали с энтузиазмом переписывать; потом опять началась тонкая «доводка», наращивание истории буквально год за годом.

После этого и появилась версия Иосифа Скалигера. Как всякая искусственная схема, она не смогла объять всего и оставила без объяснений грандиозное количество фактов, которые теперь называют анахронизмами. Еще и в XVIII веке многие видные ученые (Винкельман и др.) избегали пользоваться хронологией Скалигера, не доверяли ей. Она утвердилась только в XIX веке, и лишь в XX веке стала общепризнанной и традиционной.

Шестерки Скалигера

Историки утверждают, что древние тексты содержат даты, пусть даже записанные необычным способом, и по ним грамотный хронолог мог выстроить связное прошлое. Типичный образчик такой архаичной хронологии, например, дает Фукидид (ок. 460—400 до н. э.), согласно которому Пелопонесская война началась «на пятнадцатом году (после четырнадцатилетнего сохранения тридцатилетнего договора, заключенного в связи с покорением Эвбеи), в сорок восьмой год жречества Хрисиды в Аргосе, когда эфором в Спарте был Энесий, а архонству Пифидора в Афинах оставалось до срока четыре месяца, на шестнадцатом месяце после сражения при Потидее, в начале весны».

Но это схоже и со средневековыми датировками. Сервантес и Рабле точно так пародировали предшествующую им литературу. И в этом причина, по которой хронология зародилась в недрах филологии, ведь филология фиксирует слитность литературоведения с другими гуманитарными дисциплинами (и не только гуманитарными). Отсюда нередкие попытки выдать хронолога Иосифа Скалигера за скромного филолога, а не астронома или математика.

Литературный энциклопедический словарь сообщает, что филология — это совокупность гуманитарных дисциплин, изучающих историю и сущность духовной культуры человечества через языковой и стилистический анализ письменных текстов. Это как раз и означает, что филолог был тем «демиургом», которые разделял тексты на мифы и на историю.

В идеале такой филолог должен знать всё, коль скоро всё в принципе может потребоваться ему для прояснения того или иного текста. Только в XIX веке в итоге деятельности плеяды немецких ученых история отделилась от филологии в качестве самостоятельной отрасли знания; одновременно была окончательно признана скалигеровская версия хронологии, и было закреплено, что история делится на три этапа: Античность, Средние века и Новое время.

Правда, тут возникает вопрос: а кем же были Фукидид, Ливий, Тацит и сам «отец истории» Геродот? Филологами, работавшими с текстами? Или создателями этих текстов?

Но разберемся с Иосифом Скалигером. Так вот, он действительно высчитывал даты событий, основываясь на литературных источниках. Мы с этим не спорим, хотя у некоторых историков, знакомых с нашей версией, сложилось мнение, будто мы выискиваем «ошибки Скалигера» при датировке имевшихся у него исторических документов. А документы эти, пишут наши оппоненты, «легко найти в любой библиотеке — это опубликованные на тот момент произведения античных писателей».

Нет, Скалигер, высчитывая даты событий, описанных в тех самых произведениях, в математических расчетах,— не ошибался, из-за чего и возникла основная проблема «научной хронологии». Ошибочным было его мировоззрение. Он трудолюбиво и целенаправленно конструировал СВОЮ историю, но эта конструкция при всех математических достоинствах так же похожа на реальное прошлое, как и, например, компьютерная игра «Фараон и Клеопатра» похожа на реальные события египетской истории. Счастье Скалигера-хронолога в том, что он, в отличие от предшественников, довел дело до канонизации своей версии.

А методикой для расчетов он взял нумерологию, оккультную науку о всеобщих математических соответствиях, и каббалу, выискивавшую связь между написанием слов и их смыслом. Положив в основу расчетов числа, производные от магической цифры 9, и знаменитое число Зверя 666 (три шестерки дают 18, а это две девятки), он создал столь математически стройную систему дат, что нам теперь удалось выстроить всю хронологическую последовательность в четкую синусоиду; мы покажем ее через несколько страниц.

Скалигер, конечно, не был основателем каббалистической хронологии в том смысле, что не он ее придумал,— предшественников у него были, может быть, сотни,— но он стал отцом хронологии как системы дат, получившей всеобщее признание. Он удачно завершил определенную традицию исторических расчетов на базе оккультной философии. Нужно помнить, что до его родного XVI века в среде магов и нумерологов уже сложилось мнение об этом времени именно как о XVI веке, ибо уже была «установлена» дата рождения Христа. То есть, хотя Скалигер и оперировал только датами от Сотворения мира, в его время существовало представление, что идет второе тысячелетие от РХ, и что прошло семь тысяч лет от Сотворения мира.

Общеизвестно, что каббалистическое учение развивалось, начиная с XII века. Нынче все знают, кто такие нумерологи, астрологи и прочие специалисты герметических наук. Историки XVI века не скрывали, что они заняты *расчетом* дат. Никаких других хронологий, кроме основанных на оккультной нумерологии или на астрологии, и никаких других ученых хронологов, кроме гностиков, не было в XII—XVI веках. И что же? «Филолог» Скалигер, как это написано в книжках наших современных историков, составил «научную хронологию». А куда, спрашивается, подевалась каббалистическая, оккультная хронология, которую готовили все его предшественники?! Такой вопрос даже не возникает в головах наших историков, и это говорит об их полной профнепригодности.

Мало того, когда стали известными результаты двадцатилетних трудов Исаака Ньютона по пересмотру скалигеровской хронологии, его немедленно объявили сумасшедшим. Историки поныне продолжают потешаться и над Н. А. Морозовым (1854—1946), создателем многотомного исследования «Христос. История человечества в естественнонаучном освещении». Никак не желают они подвергнуть свою любимую оккультную хронологию проверке наукой, хотя это дало бы им возможность объяснить противоречия, анахронизмы, «темные» места в истории. Но ведь прошлое человечества принадлежит нам всем, а не только «жрецам»: историкам, искусствоведам, литературоведам.

Еще до обнародования версии Скалигера историк Жан Боден отмечал: «Если кто-либо сравнит Ливия и Дионисия с Диодором, то обнаружит в древней истории римлян частые и заметные противоречия, особенно в расчетах [религиозных] постов и Олимпиад, в чем последний ошибался особенно часто».

Это замечание Бодена дает еще одно подтверждение, что даты прошлых событий рассчитывали, причем с ошибками.

История — это нелинейный процесс, математической формализации не поддающийся. А потому нет ничего странного в том, что скалигеровская «научная хронология», помимо уже упомянутых «темных веков» породила массу противоречий и нестыковок как между историями (древней, античной, новой), так и внутри них.

«...Путем перекрестных проверок синхронных сведений и с помощью астрономических данных, основоположники современной хронологии И. Скалигер (1540—1609) и Д. Петавий (1583—1652) вычислили основные даты, которые в свою очередь позволили пересчитать по нашей системе летосчисления и другие даты античной истории,— пишет Э. Бикерман.— Петавий в своем труде «Rationarium temporum», II, приводит материал, который подтверждает принятые сейчас отождествления древних дат с юлианскими годами».

Однако, похвалив хронологов, ученый тут же признает:

«Нужно отдавать себе отчет в том, что невозможно составить удобные для пользования хронологические таблицы иначе как на основе таблиц и прочих перечней, созданных самими древними учеными, а они в свою очередь могли ошибаться из-за отсутствия нормализованного исчисления времени.

Относительная хронология Фукидида... может быть переведена на наше летосчисление с помощью таблиц Евсевия... в которых, например, основание Сиракуз приводится под датой, соответствующей 733 году до н. э.»

Спрашивается: сколько дней было в году Евсевия? С какого месяца он начинал счет лет? Как определял «начало Мира» он, и как определял это «начало» тот, кто пересчитывал даты Евсевия в эру от Рождества Христова? И вообще, кто и когда установил «соответствие» Сиракуз 733 году, равно как и многое другое, включая годы жизни самого Евсевия? Это сделали люди, у которых могли быть свои, не известные нам интересы, далекие от научных. Неужели это не понятно?

Имя Скалигера в современной России практически неизвестно, но до советского периода ему отдавали должное как выдающемуся уму человечества. Признавалось безоговорочно, что именно он трудами своими «построил мировую историю», периодизировал ее и синхронизировал по

странам. Процитируем Словарь Брокгауза и Ефрона начала XX века:

«Врагов реформатской церкви он [Скалигер] устрашал и побеждал необычайною многосторонностью и глубиною знаний, во многих пунктах соприкасавшихся с теологией: Силою воображения и точных знаний С. построил в «Сокровищнице времен» мировую историю, расчленил ее материал по народам, синхронистически сопоставил события по периодам от начала ассирийского царства до половины XV в. нашей эры. ...В лице С. европейская наука вышла из подчиненного отношения к науке древних греков. Ученость С. оставляла далеко за собой знания и методы александрийских ученых».

О качестве же творчества исторических писателей, труды которых использовал для «синхронистического сопоставления» Скалигер, и в верности которых нисколько не сомневаются современные историки, вот какое мнение излагает его современник Жан Боден. Он сам был масоном, а потому его трудно заподозрить в предвзятом отношении к нумерологической хронологии:

«Мы имеем бесчисленное множество писателей, которые наводнили мир своими сочинениями ... так, что, кажется, главная и серьезнейшая беда его — объем. Поистине написанное должно быть глупо и несовершенно, ведь только тот, кто беспомощен в писательстве, порождает большее количество книг. Я еще не встретил ни одного писателя, который смог бы в краткой форме изложить разбросанный и разнородный материал. Люди, которые давали подобные обещания в пышных заголовках, потерпели неудачу».

Надежных «исторических писателей» накануне создания традиционной истории сами историки того времени не обнаруживают. Даже Геродот, которого Жан Боден сравнил с Соломоном, и чье имя означает «Даритель древностей», не признается им безупречным, как историк. Он понимает, что летописцы творили мифы:

«Я думаю, что никто не может совсем отказаться от восхвалений своей страны и не может в этих похвалах быть равнодушным. Так, например, Полибий (ок. 200—120 до н. э.), наиболее внимательный и правдивый среди лучших из известных нам писателей, повествовавших о своих соотечественниках, не смог воздержаться от очень язвительной брани в адрес Филарха (III век до н. э.) только потому, что тот скрыл доблесть и славу мегалополетян в войне против Аристомаха (тиран Арголиса в III веке до н. э.). Этот мотив, если я не ошибаюсь, стал основным у Плутарха (46—127) в произведении о злобе, направленном против Геродота (490/480 — ок. 425 до н. э.). В этой работе он остановил

свое внимание на материале о биотийцах и херонейцах. Может быть, именно этот вышеназванный пример удержит вас от улыбки при чтении работ Сабеллия (М. Антонио Кочча), где он сравнивает войны венецианцев с делами римлян? Даже Д. Джианноти — гражданин Венеции — не смог вынести этих сравнений. Почти все историки борются со своими слабостями. Это касается и Цезаря, когда он описывал традиции греков, и Тацита с его описанием германцев, и Аппиана, когда речь шла о франках... Но серьезные сомнения, не приятные ни мне, ни истории, которые вызывает материал, окрашенный в откровенно хвалебные или враждебные тона, равно как и вывод, сделанный в ходе полемики, все-таки полезны, так как помогают сформировать непредубежденное мнение.

С некоторых пор история существенно отличается от того образа правды, который содержался, например, в летописях, исправленных и приведенных в соответствие с истиной,— в летописях, оценить которые может любой. Я предполагаю, что склонность историков преуменьшать значение великих событий обусловлена тем, что они видят только общую картину. Это сочетается с желанием навязать неопытному читателю мнение, заведомо сомнительное. Вышесказанное следует всегда иметь в виду, чтобы не поддаться обману. Свойство истории таково, что с течением времени происходит переоценка ценностей, и поэтому приходится все подвергать сомнению. И это никем не оспорено. Весьма огорчительной представляется ситуация, когда исторический материал становится лишь приятным поводом для рассуждений риториков или философов, которые рвут нить незаконченных письменных источников или направляют размышления и память читателей в каком-нибудь ином направлении. Так что читатель имеет право отвергнуть Тимея (356—260 до н. э.) с точки зрения обоих недостатков, ибо он отступает от истории, часто сводя повествование к простым упрекам,— его не зря называют «клеветником».

Можно предположить, что кроме мифов и фантазий, написанных с неизвестно какой степенью достоверности, сдобренных астрологическими соображениями и оккультными расчетами, ничего не было у тех, кого принято называть «отцами» истории и традиционной хронологии. И с тех пор ничего принципиально нового наука история не приобрела, кроме, может быть, одного: фанатичной уверенности в непогрешимости теории Скалигера и подверстанной к его схеме археологии. Что же теперь делать?

Подгонка схемы

С именами Скалигеров, отца и сына, связываются иногда очень древние события, причем весьма неожиданным образом. Литературный энциклопедический словарь, например, сообщает о литературоведении эпохи Возрождения следующее:

«...новое Л. вырастало на основе «открытия античности», утверждение оригинальности противоречиво совмещалось с попытками приспособить элементы антич. поэтики к новой лит-ре (перенос на эпопею норм аристотелевского учения о драме в «Рассуждении о поэтическом искусстве», 1587, Т. Тассо). Восприятие классич. жанров как «вечных» канонов уживалось со свойственным Возрождению ощущением динамизма и незавершенности. В эпоху Возрождения была заново открыта «Поэтика» Аристотеля (наиболее важное изд. осуществлено в 1570 Л. Кастельветро), к-рая вместе с «Поэтикой» Ю. Ц. Скалигера (1561) оказала сильнейшее влияние на последующее Л.»

Но не только «совместная» литературная деятельность Скалигера-старшего и Аристотеля оказала «сильнейшее влияние» на мировую культуру. Если юлианский календарь, как считается, ввел римский император Юлий Цезарь, то так называемый Юлианский период (или цикл) некоторые ученые приписывают Юлию Цезарю Скалигеру, отцу Иосифа Скалигера, основателя научной (или все же каббалистической?) хронологии. Так отец «скромного филолога» тоже оказывается весьма «скромным» литературоведом, если тут уместна ирония. Кстати, в том же XVI веке, при тех же Скалигерах, а возможно, и не без их участия был принят и григорианский календарь, несущественно отличающийся от юлианского.

Посмотрим на примере, в чем заключается работа хронолога. Э. Биккерман сообщает о смысле этой работы так..

«если говорится, что «Гораций умер на пятый день до декабрьских календ, когда консулами были Г. Марций Цензорин и Г. Асиний Галл» ... то с помощью хронологии эта римская дата переводится на нашу систему летосчисления как 27 ноября 8 года до н. э...»

Перевод с календ на эру «от Сотворения мира» делается по таблицам Скалигера, а с этой эры на эру «от Рождества Христова» — по Дионисию Петавиусу (1583—1652), чье прозвище значит «Малый». Проблема в том, что до Скалигера и Петавиуса уже существовали сходные таблицы: хроно-

логией «от Сотворения» занимались Евсевий и Иероним, а хронологией «от Рождества Христова» — Дионисий в III веке, и Дионисий Ничтожный (Малый) в VI веке.

Поэтому упомянутый Биккерманом Гораций мог на самом деле умереть, если считать от нашего времени, 750 лет назад, то есть в рамках традиционной системы, в середине XIII века в Константинополе, но по схеме Скалигера он попадает в Рим I века до н. э. и умирает там в восьмом году, по Евсевию — в IV век н. э., а по Иерониму, например, в IX или в V век.

В математических расчетах каждый из хронологов по-своему прав, но получившиеся в результате «Горации» никакого отношения к реальному прошлому человечества не имеют. Так возникают дубликаты («двойники»), которые хорошо — не надо лукавить! — очень хорошо знакомы историкам как герои с приставкой «псевдо». Например, обращенный в христианство в I веке самим апостолом Павлом Псевдо-Дионисий Ареопагит жил в V веке н. э., причем апокрифическое «Откровение Павла» было написано им, как считают литературоведы, в конце IV века.

Исторические двойники — люди, разнесенные хронологией в разные века,— не обязательно известны под одними и теми же именами, хотя бывает и так. Никифор Калист пишет сочинение «Священная история от Христа до Гераклита». Это какой же Гераклит, спросит изумленный читатель, неужели тот знаменитый Гераклит Эфесский, герой не нашей эры? Нет, скажет историк, это другой какой-то, неизвестный науке Гераклит, он жил после Рождества Христова, хотя и не понятно, почему ему оказано такое уважение в священной истории. Также у Гебера, жившего якобы в XIV веке, и у Джабира ибн Гайана (VIII—IX века) имена схожи, и о них историки пишут: «видимо, речь идет о двух разных алхимиках».

Но как же быть с теми «двойниками», которые вошли в историю под разными прозвищами? Один, например, под греческим, а другой под латинским или еврейским. О том, что они — жертвы хронологической а-синхронизации, и мысли у историков не возникнет! Если же вдруг возникнет, тексты всегда можно было поправить. То, что литературные тексты правили и дополняли на протяжении веков все, кому не лень, тоже хорошо известно и литературоведам, и историкам. Так, А. Кураев пишет о раннехристианском времени:

«...Тексты Оригена проходили тройную правку: со стороны тех православных, которые любили его и хотели защитить от критики; со стороны еретиков, которые хотели сделать Оригена своим единомышленником, и со стороны откровенных недругов Оригена, которые вставляли в его тексты суждения, противопоставляющие его Церкви.

Заметим, что если современные оккультисты полагают, что христиане испортили тексты Оригена, убрав оттуда реинкарнационные рассуждения, то, по мнению древних учеников Оригена, отголоски язычества внесены в тексты Оригена позднейшими еретиками».

В допечатную эпоху правка книг начиналась еще при жизни писателя; ее «редактировали» переписчики. Тем более интенсивно она продолжалась после смерти писателя. В тексты нередко вставлялись ссылки на авторов, ставших известными намного позже него.

Только во времена Гете появился первый «серьезный опыт обстоятельного анализа» произведений античности (Винкельман, Лессинг). Г. Гердер подытожил «достижения» в области изучения античности, предложив вслед за Гиббоном идею полуторатысячелетнего упадка Римской империи (до 1453 года). А ведь, как мы теперь понимаем, вся «античность» с продолжившим ее «возрождением античности» протекала между IX и XVII веками.

Итак, сначала стараниями хронологов, а затем писателей и историков была создана античная история. Затем ее вдолбили в головы населению, слегка «замазав» трещины. Как их замазывали гуманисты, последователи скалигеровской версии,— пишет В. Кузищин в учебнике для студентов-историков:

«...Своего рода приемом работы были фальсификация и вымысел исторических фактов; прибегали к произвольным вставкам в текст античных авторов... Средневековые монахи... совершали ошибки, которые механически повторялись другими переписчиками... Перед гуманистами встала задача восстановления текста (без оригинала? — *Авт.*). Они выполняли ее по мере копирования рукописей и подготовки их к печати».

Из этого учебника следует, что авторы исторических текстов — заведомые фальсификаторы, а переписчики — ленивые тупые невнимательные монахи, и только «гуманисты» по наитию восстановили правду истории. Да, если так позволительно сказать — «по наитию» работали историки во времена Скалигера,— но так же работал и Георг Нибур (1776—1831) во времена Гете:

«...В случае недостаточности собранного материала, полученного из источников или путем сравнения (с чем?! — *Авт.*), Нибур считал возможным опираться на собственную интуицию историка, внутреннюю убежденность, которая не только перерабатывает факты, но как бы сама подсказывает их исследователю».

«Интуиция» и внутренняя убежденность чернокнижника далеко заведет! Казалось бы, совершенно невозможно, чтобы четвертый век наступил раньше третьего и писатель четвертого века, например Иероним Стридонский (ок. 347—420), не упоминал писателей недавнего для него прошлого, например, Евсевия Кесарийского (ок. 263—339). Но случается и такое.

«Филология едва ли станет когда-нибудь «точной» наукой. Филолог, разумеется, не имеет права на культивирование субъективности; но он не может и оградить себя заранее от риска субъективности надежной стеной точных методов. Строгость и особая «точность» филологии состоят в постоянном нравственно-интеллектуальном усилии, преодолевающем произвол и высвобождающем возможности человеческого понимания»,— пишет С. Аверинцев.

К сожалению, как раз собственный произвол и не удавалось обуздать историкам и литературоведам во всем обозримом прошлом. В результате историки запутали философов, объясняющих мир на основе исторических своих представлений, и наконец наступил момент, когда уже никто ничего не понимал. Оставалось или принять скалигеровский вариант истории на веру (что и произошло), но тогда история перестает быть наукой и превращается в разновидность религии,— или отрицать эту историю. Теперь, когда традиционная история полностью владеет умами, чтобы отрицать ее, надо что-то предложить взамен. К сожалению, оставаясь в рамках скалигеровской версии, предложить нечего. Надо суметь встать НАД Скалигером и показать другим такую возможность. Но видит Бог, как трудно это сделать.

Анахронизмы

Монтескье написал в 1734 году «Рассуждения о причинах величия и упадка римлян», опираясь на труды Платона, Ксенофонта, Аристотеля, Полибия, Плутарха, Тита Ливия,

Тацита, Цицерона. Но определить, когда происходили описанные ими события, он не смог. Разнобой у этих авторов, а также у Орозия, Тацита, Светония, Плиния, Геродиана, Лампридия, Филасторгия и других он пытался объяснить их «принадлежностью к различным политическим партиям, различным религиям». Другой видный деятель эпохи Просвещения, Вольтер, писал об этих попытках так: «Я не менее сыт всеми книгами, в которых повторяются басни Геродота и подобных ему о древних монархиях Азии и об исчезнувших республиках».

Так Вольтер ставит под сомнение свидетельства всех античных авторов. Он больше доверяет неопровержимым памятникам, к которым относятся остатки городов, предметы материальной культуры, произведения искусства и считает, что только если невозможно их обнаружить, можно привлекать письменные свидетельства.

В статье «История», написанной им для Энциклопедии Дидро и д'Аламбера, он высказал убеждение, что многие факты вымышлены хронистами, и современные люди не могут иметь объективного представления о событиях прошлого. Потому-то слишком много в мировой литературе несостыковок, анахронизмов.

Поговорим же подробнее о существующей в исторической науке проблеме средневековых анахронизмов. Думаем, ни один из серьезных историков не будет возражать против их изучения. И хотя только фиксировать наличие анахронизмов в исторических или литературных произведениях — занятие малоинтересное, ведь важно понять, как они возникают, объяснить закономерности их появления,— для начала просто покажем, как выглядят эти анахронизмы.

К примеру, Вергилий в «Божественной комедии» Данте говорит:

...Я от ломбардцев возвожу свой род,
И Мантуя была их краем милым.
Рожден sub Julio, хоть в поздний год
Я в Риме жил под Августовой сенью...

Итак, древний поэт, рожденный «под властью Цезаря», ведет свой род от средневекового народа ломбардцев. Уже странно.

У Низами в «Искендер-наме», вышедшей в 1486—1487 годах, есть глава «Поход Искендера на запад и посе-

щение Каабы», из чего следует, что Искендер,— а так называли на Востоке Александра Македонского,— был мусульманином за 1000 лет до рождения основателя этой религии Мухаммеда. И у того же поэта в главе «Искендер вступает в борение с племенами русов» читаем:

Посреди вставали русы; сурова их дума:
Им, как видно, не любо владычество Рума!..
С мощью русов смешалась румийская сила,
Как на лике невесты бакан и белила.

Так Низами сообщает, что во времена Александра Македонского русские были под властью Румского султаната, хотя при традиционных датировках никаких русских не могло быть во времена Македонского, как не было еще и султаната. А персидский и таджикский поэт Джами (1414—1492) в «Книге мудрости Искендера», являющейся поэтическим ответом на «Искендер-наме», пишет:

Когда услышал это Файлакус,
Подвластным странам,— будь то Рум иль Рус,
Он имя Искендера объявил,
Венец и жезл царей ему вручил.

Из этого следует, что и Филипп Македонский (Файлакус), отец Александра Великого (Искендера), тоже знал и о Румском султанате в Турции, и о Руси. Возникает вопрос: или он знал об этих странах в IV веке до н. э., или сам жил в средневековье, о котором и пишут оба автора этих поэм.

Нам скажут: чего же вы хотите от поэтов. Они все перепутали, потому что писали не историю народов, а историю «чувств».

Но анахронизмов немало не только у поэтов. К месту и не к месту упоминает античность известный историк искусства, архитектор и художник эпохи Возрождения Джорджо Вазари (1511—1574). Между очень отдаленными временами он зачастую не видит большой разницы. В частности, пишет о том, что в античных крепостях предусматривали помещения для артиллерии.

Сочинения флорентийца Дж. Вазари, по мнению искусствоведов и историков, наполнены «глупостями и небылицами», но ведь не только он считал Ливия и Саллюстия, Вергилия и Овидия жившими незадолго до изобретения книгопечатания. Цицерона тоже полагали средневековым

автором. Вазари утверждает, что «старые» греки доделывали мозаики, начатые «древними» греками! О ком это?..

Причинами перемены *древних* греков на *старых*, а затем и на *новых* могли стать, во-первых, чума XIV века, ополовинившая население Европы, а во-вторых, колоссальное унижение христианского мира, потеря Царьграда в 1453 году. Шли войны с турками, а страдали как раз греки. Вот и рубеж для слова «antico». Мастера эпохи «Возрождения античности» прямо продолжали традиции художников-«антиков»:

«Художники эти, как лучшие и единственные в своей профессии, приглашались в Италию, куда вместе с мозаикой завезли и скульптуру и живопись в том виде, в каком они были им известны, и так они и обучали им итальянцев...»

Это написано еще до того, как Скалигер обнародовал свою хронологию. А на многих картинах художников Средних веков и Возрождения можно видеть античность вперемешку со средневековой атрибутикой.

Но и в этом случае нам могут возразить: чего ждать от художника! Натура увлекающаяся, «я так вижу», и всё такое:

Тогда дадим слово путешественникам тех времен. Они люди серьезные, им, в отличие от поэтов и художников, выдумывать нет нужды; сами все видели или от очевидцев слышали. И о чем же они сообщают? Об очень интересных вещах.

Марко Поло пишет не только людях с песьими головами, но и о том, что Александр Македонский воевал с татарами и построил с этой целью крепость на Кавказе. Об этом известно и другим деятелям того времени, например Ламберу ле Тору. Подобные недоразумения можно также встретить у Плано Карпини, Рубрука, Клавихо и прочих, якобы ходивших в неведомую даль — в Самарканд, Монголию и Китай,— свидетелей, оставивших свои записи.

А один из самых авторитетных авторов, современник «монгольского» периода Рашид-ад-дин в своей книге в главе «Повествование о Кубилай-каане» рассказывает о рубежах государства китайского императора вот что:

«С восточной стороны непосредственно с побережья океана и границы области киргизов каан не имеет ни одного непокорного».

Комментаторы его текстов обычно не упускают возможности пояснить читателю, что имеет в виду автор. Но в этом случае они молчат. Сказать-то нечего, ведь где в Кир-

гизии океан? Комментаторам не хватает смелости заявить, что под киргизами Рашид-ад-дин имеет в виду корейцев, потому что такое объяснение может быть ужасным для них. С другой стороны, возможно, что Китаем называлась во времена Рашид-ад-дина не та земля, которую называют так теперь. Учитывая, что «в древности» Каспийское море считалось заливом Внешнего океана, здесь можно поискать и «Китай» XIII века, но это еще более ужасно для историков, потому что разрушает всю скалигеровскую историю в ее привязке к географии. Кстати, наш современный Китай назывался в старину страной Сер, а никаким не Китаем и даже не Чином.

Монах Рубрук, совершивший путешествие в Монголию времен Чингисхана, довольно правдоподобно описывает путь по берегам Черного моря. Он правильно пишет имена царей XIII века, но вот время их царствований в его записках — никуда не годится. Так, Андроник II Гид умер в 1235 году, Феодор I Ласкарис на тринадцать лет раньше, а Феодор II Ласкарис воцарился лишь через двадцать лет после Гида, в 1255 году, между тем Рубрук в своем походе «встречает» Гида и Ласкариса (неизвестно, какого) одновременно. У турок только Осман (1288—1326) принял титул султана, через 33 года после смерти Феодора II Ласкариса и через 53 года после смерти Андроника Гида, а Рубрук утверждает, что Синоп уже в их время принадлежал султану.

Еще интереснее: в первом издании книги написано, что Скифия (Scythia) не повинуется тартарам. Но ведь Скифия по всем другим первоисточникам занимала всю южную Россию, то есть была на месте Украины, в том числе и Киевского княжества, и не быть под властью тартар не могла! И вот, чтобы затушевать эту несуразность, неизвестный позднейший корректор переименовывает Скифию в какую-то Цихию, причем в разных рукописях написано то Zikia, то Ziquia, Zichia, Zithia, Zittia, а первоначально все же — Scythia.

Если же вспомнить, что Скифия уничтожена готами в III веке н. э., то «свидетельство» Рубрука становится совсем плохим. Или вот он пишет: «Затем к югу находится Трапезундия, которая имеет собственного государя по имени Гвидо (Андроник II Гид), принадлежащего к роду императоров константинопольских; он повинуется Тартарам». Здесь полная нелепица; никаким татарам

Гид не повиновался. (Впрочем, необходимо заметить, что книга Рубрука должна служить примером не анахронизма, а подделки: это не записки путешественника, а роман, причем написан он не в XIII, а самое раннее в XV веке.)

В разговоре об анахронизмах наши оппоненты могут придраться и к свидетельствам путешественников: де, языков не знали, не понимали, где бродят. Географических карт опять же не было, а потому анахронизмы и нелепицы становились неизбежными. Ну тогда дадим слово историкам. Эти сидят, изучают, мыслят, а потом как скажут:

Начнем с историка Иордана (VI век н. э.):

«Филипп же, отец Александра Великого, связав себя дружбой с готами, принял в жены Медопу, дочь короля Гудилы, с целью укрепления Македонского царства через такое родство».

Здесь беда такая: во времена Александра, как уже сказано, не было русов, но ведь не было и готов. Стало быть, Иордан, очень авторитетный историк, допускает анахронизм. Можно ли верить другим его сообщениям, если в этом случае он — не прав? А если мы будем верить другим его сообщениям, то почему же нам не верить как этому, так и следующему, хоть здесь между упомянутыми персонами три века, согласно традиционной истории:

«И когда Гай Тиберий, уже третий, правит римлянами, готы все еще твердо сидят, невредимые, в своем государстве». Или: «Затем Дарий, царь персов, сын Гистаспа, пожелал сочетаться браком с дочерью Антира, короля готов...»

Иордан понимал, что геты и готы — одно и то же племя. Современные историки этого не понимают. Или наоборот. А в следующем откровении историка вы — еще того не лучше,— встретите готов за полторы тысячи лет до их появления на свет, у стен... Трои:

«При такой удаче готы, вторгшиеся в области Азии, забрав добычу и награбленное, снова переплывают Геллеспонтский пролив; по пути они разоряют Трою и Илион, которые, едва успев лишь немного восстановиться после Агамемновой войны, снова оказались разрушенными вражеским мечом».

Трудно сказать, по какому летосчислению меряет Иордан историческое пространство. В следующем эпизоде упомянут Юстиниан, византийский император VI века: «Так славное королевство и сильнейшее племя, столь долго царившее, наконец почти на 2030-м году покорил победитель всяческих племен Юстиниан-император через вернейшего ему консула Велезария».

Здесь самое время перейти к средневековым византийским историкам. Читая их, понимаешь, что никакого другого Рима, кроме своего родного Константинополя (Царьграда) они не знают, а в своих сочинениях постоянно «вспоминают» названия племен, городов и вещей, которые должны были уже выйти из употребления. В частности, под тавро-скифами всегда имеют в виду русских; турков называют персами, а Багдад — Вавилоном. А Пселл (XI век) пишет, что Василий II «дворцовую казну увеличил до 200 тысяч талантов», но таланты античная монета, и Василию II взять ее было неоткуда.

Султан Селим считал русских — турками; а Мавро Орбини (XVI век) вообще не видит разницы между турками, татарами, русскими, славянами, причисляя их всех к славянам, вышедшим из Мидии близ горы Арарат, к которой пристал Ноев ковчег. Силы «руссов» неисчислимы, задолго до Петра Великого они имеют колоссальный флот:

«Принимали они (славяне) участие и в опустошительных походах в Европу и другие страны. При этом, по свидетельству Герберштейна, по имени предводителей тех походов всех их называли готами. Нанесли руссы большой урон и Греческой Империи. При императоре Льве Лакопене в Большом море флотилия из 15000 парусных судов с неисчислимым, как пишет Зонара, количеством воинов внутри, осадило Константинополь. То же повторилось и при императоре Константине Мономахе. На основании этого можно судить о величии и могуществе славянского народа, сумевшего в короткое время создать столь великий флот, что прежде никакому другому народу не удавалось. Однако греческие писатели, стремясь возвеличить деяния своего народа, пишут, что руссы вернулись домой почти с пустыми руками. Еремей Русский в своих анналах, напротив, свидетельствует о том, что руссы перебили многих греков и вернулись домой с большой добычей».

Интересно, что русских причисляет к туркам и современник Скалигера, историк Жан Боден (1530—1596). Мы тут постараемся цитировать этого автора как можно больше; некоторые его высказывания вообще сшибают с ног. Например, утверждается, что если бы галльский проконсул слушал не приказы Сената, а советы Демосфена, то император Священной Римской империи германской нации Карл V, воюя с Османской империей (в XVI веке), смог бы избежать поражений в ходе Пунических войн (во II—III веках до н. э.):

«По мнению неопытных и несведущих людей, для Карла V было выгодно убить послов Рихена и Фредоса и скрыть, что они были убиты его людьми, потому что они имели своими союзниками армию турок. Все же это преступление не только оказалось подлым, но и обернулось самым пагубным образом против Карла V и его страны, став поводом для великой войны, в которой христианское королевство запылало в огне. Разрушение Коринфа и поражение Тарента не имели какой-либо иной причины, кроме оскорбления послов».

Карл V жил в 1500—1558 годах, Коринф был разрушен римской армией Луция Муммия в 146 году до н. э., Тарент захвачен Ганнибалом в 212—209 годах до н. э. Так когда же были Пунические войны? Во времена Карла V. С точки зрения традиционной истории, бред, но в нашей версии, допускающей передатировку «по синусоиде», логично.

Жан Боден не указывает в своих текстах дат жизни большинства упоминаемых им лиц, поэтому позвольте нам и дальше в скобках дополнять его традиционными датами:

«Тот, кто рассказывал о войнах Генриха (II Валуа, 1519—1559), я упущу имя этого историка, кто воевал в книге с императором Карлом V (1500—1558) и принимал решения и за того и за другого, окружил короля такой лестью, так засыпал его славословиями, что даже Генрих не мог выносить его восторгов без отвращения; с другой стороны, Карла он обвинил в таких грехах, как безнравственность и подлость. Этот «хороший» человек не понимал, что и лесть и упреки могут быть одинаково оскорбительны, особенно если речь идет о собственном короле, от которого зависели вопрос войны с врагами упомянутого лица, победа над ними и, самое главное, договор о его [короля] женитьбе. В результате он единодушно признан всеми лживым как историк и пристрастным как судья. Не менее безрассуден был в своих оценках и Джовио (XVI век), когда он не встретил согласия с собственным мнением у мудрого Селима (1467/68 или 1470—1520) и Исмаила (1487—1524), затем у Карла V и папы Павла (1468—1549), а также и у других королей. Я согласен с позицией Ксенофонта (430—354 до н. э.), Фукидида (460—396 до н. э.), Светония (70—140), Гвиччардини (1483—1540), Слейдана (1506—1556), которые отваживались на собственное мнение, но делали это довольно редко и осмотрительно».

Все перечисленные авторы показаны Боденом как его недавние предшественники. Можно предположить, что «древние греки» Ксенофонт и Фукидид жили самое большее за 150—200 лет до него. Действительно «древность», если вникнуть в смысл слова: ведь это столько же, сколько от нас

*Франческо Пезеллино.
Аллегория города Рима.
Иллюстрация к поэме
о Пунической войне Силия
Италика. XV век*

*Франческо Пезеллино.
Ганнибал Карфагенский.
Иллюстрация к поэме
о Пунической войне Силия
Италика. XV век*

до А. С. Пушкина. Ни из чего не следует, что от Ксенофонта и Фукидида до Бодена и Скалигера два тысячелетия:

«...Фукидид превозносил Перикла (ок. 494—429 до н. э.), а Слейдан — короля Франции и герцога Саксонского. Дю Белле и другие искали правды, а Слейдан присваивал себе награды, которые те отклоняли, поссорившись с соотечественниками. Если кто-либо неизвестный голословно утверждал что-либо, то они требовали в подтверждение необходимых доказательств или сами находили их, приняв безоговорочно слухи толпы, молву. Это является общим для всех, кто вместе с Гвичардини (1483—1540), Плутархом (ок. 45 — ок. 127), Макиавелли (1469—

1527), Тацитом (ок. 55 — ок. 120) пытается вывести на чистую воду чьито тайные планы и разоблачает различные военные уловки.

Слейдан был представителем короля Франции и очень часто участвовал в посольствах в другие страны. Но так как он планировал писать в основном о религии, у него не было причины разглагольствовать о чем-то другом. Он не только не привел главных и второстепенных аргументов, но также пренебрег и книгами о религии, написанными обеими сторонами, что многим неприятно.

Никто, конечно, не увидит ничего предосудительного в том, что человек интересуется историей древних (столетней давности) и делает государство предметом своих исследований. Это касается прежде всего таких писателей, как Монстреле (1400—1453) и Фруассар (1337—1404). У них великое множество всякой всячины, тех самых подробностей, безделиц, которые и открывают нам картины древности; да и современные времена не были ими опрометчиво обойдены. Та же картина была найдена мною у Эмилия, опустившего многие вещи, уже описанные другими. Подобный характер носят труды Льва Африканского, Альвареса (1465—1541) и Гаци, который подошел к материалу столь отстраненно, не определяя его значения, что в глазах инквизиции просто рябило от всевозможных вариаций и подробностей.

Но эти вещи более устраивают нас в трудах греков или римлян, которые имели дело только с гражданскими и военными занятиями, иногда их материалы описывают какое-либо конкретное памятное событие, как, например, у Ливия — горящая столица в пожаре гражданской войны, а у Тацита — рассказ о великом огне пожара, уничтожившем двенадцать районов города. Между тем не только совершенно заурядные авторы, но даже и очень известные описывали невероятные чудесные ясновидения. Так, даже весьма высоко оценивавший себя Цезарь (100—44 до н. э.) писал в «Гражданской войне», что однажды статуи покрылись испариной, и это показало преступнику презрение к нему и богов и людей.

В отношении Ливия: он обличал всех в вере в приметы, точнее, я бы сказал, в суевериях, ибо во всех этих рассуждениях о том, что поведали коровы, или как сгорели служащие государственного учреждения, или почему статуи покрылись испариной, или о том, что Бог явился Ганнибалу, а шестимесячный ребенок провозгласил своим криком победу, люди не были беспристрастны...»

В книге «Метод легкого познания истории» Боден упоминает эллинистического поэта и ученого Каллимаха (III век до н. э.), а вскоре сообщает читателю название книги, написанной этим эллином: «История борьбы поляков

против турок». Где античный грек мог бы отыскать поляков и турок — загадка.

«В наше время (в XVI веке) Павел Джовио, во всем следуя Полибию (II век до н. э.), тоже решил разделить всеобщую историю, правда, на свои собственные периоды»,— пишет Боден. Уже видно, что вплоть до торжества скалигеровщины уживались разные «периодизации» истории. Далее поясняется, чем отличается Джовио от Полибия. Оказывается, не интервалом в 1800 лет, а тем, что один лично участвовал в событиях, а другой отсиживался в Ватикане:

«Полибий долгое время занимался военными и гражданскими дисциплинами, ни один ученый муж не имел такого опыта. Полибий был признанным вождем в своем государстве среди рядовых граждан. Уже обогащенный большим опытом, он стал врачом. Полибий много путешествовал; объехав большую часть Европы, побережья Африки и Малой Азии, он мог изучить традиции многих народов. А Павел Джовио, как он сам хвастался, оставался в Ватикане в течение тридцати семи лет. Первый был наставником, помощником и советчиком Сципиона Африканского (военачальник II века до н. э.) повсюду, во всех его войнах, а последний был ежедневным советником папы. Когда его спросили, почему он пишет вещи, которые заведомо являются фальшивыми, или скрывает то, что является правдой, то он ответил, что делает это потому, что так нужно его друзьям. Кроме того, он считал, что потомки будут верить ему бесконечно, вознесут похвалу и ему, и его соотечественникам. Жорес Парижский определенно дал окончательное доказательство этому, когда выразил уверенность, что выдуманные басни об Амадисе будут нести не меньше правды и вызывать не меньше доверия, чем написанное Джовио. Недостатки его были бы еще разительнее, если бы он распространял придуманную им ложь в интересах какого-либо государства. Является фактом, хотя Ксенофонт и Платон и ставили это под сомнение, что если ложь для кого-либо служит основой в жизни, то, действительно, в истории ему всегда найдется место. Как-то кардинал Виссарион (1395—1472) сказал, что когда он заметил, как многие из тех, кого он осуждал, обращались к богам с глупыми восхвалениями Риму, то он действительно стал очень сильно сомневаться, были ли правдой вещи, описанные древними. Таким образом, лживые истории разрушают веру во все остальное».

Итак, мы видим, что историки Иордан и Боден тоже сильно грешат «анахронизмами». Другие историки в этом отношении ничуть не лучше.

Плотин (204/205—269/270) пишет «Жизнеописание Римского Папы Петра VII», хотя от Св. Петра до наших дней римских пап с этим именем не было!

Турпиан и Эйнгард пишут «Жизнеописание Карла Великого», причем две книги об основных периодах правления императора, а третья — о его деятельности до 1490 года, хотя этот Карл... почил в 814 году, если верить традиционной истории.

Ефагрий Схоластик пишет шесть книг о римской церкви и империи от 435 до 595 года от РХ. «Он начинает там, где заканчивается троянская история»,— замечает по этому поводу Жан Боден.

Иоханн Тритемий Германец пишет о делах средневековых франков, начиная с 433 года до Рождества Христова (!) и по 1500 год от оного Рождества.

Наконец, Констант Герман Эмунд пишет книгу «Об отношениях герцогов Бургундского, Фландрского, Брабантского и Голландии: история от Троянской войны до императора Карла V», а Вильгельм Парадиний — «Книгу, касающуюся древнего государства Бургундия». Нет слов... В довершение картины напомним факт, вам известный, но на который вы, может быть, не обращали никогда внимания: средневековая история Руси IX—XII веков называется историей Древней Руси! Вот это и есть тот уровень «древности», к которому надо поднять из глубины времен историю Египта, Месопотамии, Китая, Индии, Греции и Рима.

Интересное «Сказание Иоакима» о доваряжском времени Руси, изобилующее не соответствующими традиционной истории подробностями, было известно Карамзину, в его библиотеке находилось и «Сказание о Словене и Русе». Но Карамзин отказался писать эту «древнюю историю». Он начал историю Руси с призвания варягов. Таким образом, только с XIX века из истории Руси исчезли анахронизмы, причем по одной-единственной причине: их «вычистили».

А в Европе даже после того как в XVII—XVIII веках скалигеровская версия истории стала широко известной, массы историков продолжали придерживаться «неправильных» представлений, базируясь не на этой новой идеологии, а на известных им летописных источниках. До Карамзина так было и у нас. Русский историк петровских времен А. И. Лызлов сообщает:

«О сих татарех монгаилех, иже живяху в меньшей части Скифии, которая от них Тартариа назвалась, множество знаменитых дел историкове писали. Яко силою и разумом своим, паче же воинскими делы на весь свет прославляхуся... Никогда побеждени бывали, но всюду они побеждаху. Дариа царя перскаго из Скифии изгнаша; и славнаго перскаго самодержца Кира убиша... Александра Великого гетмана именем Зопериона с воинствы победиша; Бактрианское и Парфиское царства основаша».

Мы тут видим, что тысячу лет спустя после Иордана русский историк подтверждает, что татаро-монголы XIII—XIV веков колотят героев античной древности. Прав Лызлов или не прав, мы тут не обсуждаем; мы говорим о том, что и после появления хронологии Скалигера продолжают бытовать мнения, которых придерживались Иордан, Орбини и другие. Кстати, Орбини писал, что славянский народ «озлоблял оружием своим чуть ли не все народы во вселенной; разорил Персиду: владел Азией, и Африкою, бился с египтянами и с великим Александром; покорил себе Грецию, Македонию, Иллирическую землю; завладел Моравиею, Шленскою землею, Чешскою, Польскою, и берегами моря Балтийского, прошел во Италию, где много время воевал против Римлян».

В «Истории Ромеев» Никифора Грегоры, в которой описывается время крестовых походов, упоминается о договоре «начальника скифов с генуэзцами». Историк Гейд в «Истории Левантийской торговли в средние века» (1879) пишет о «северных скифах Чингисхана». А возвратясь к Лызлову, обнаруживаем в его скифской истории, в главе о вере и обычаях крымских татар во время войны и во время покоя, стихотворение древнеримского поэта Овидия (I век н. э.) в собственном переводе Лызлова:

И что творят сарматы страшные и злыя,
Такожде таврицкия народы иныя.
Егда в зиме померзнут Дунайские воды,
Скачут тамо через реку на конех в заводы.

Русский гений, Михайло Васильевич Ломоносов, в «Древней Российской истории» пишет:

«О грамоте, данной от Александра Великого славянскому народу, повествование хотя невероятно кажется, и нам к особливой похвале служить не может, однако здесь об ней тем упоминаю, которые не знают, что, кроме наших новгородцев, и чехи оною похваляются».

«Длугош свидетельствует, что во время междоусобной войны Иулия Кесаря и Помпея некоторое число римлян, оставив Италию, на южных берегах варяжских поселились и создали город, проименовав его Ромово, который долго там был столичным. Из польского летописца Матвея Меховского согласный сему довод имеем, что в Пруссию преселилось много римского народу и разделилось по Пруссии, Литве и Жмуди... Должно мне упомянуть о происхождении Рурикове от Августа, кесаря римского, что в наших некоторых писателях показано. Из вышеписанных видно, что многие римляне преселились к россам на варяжские береги. Из них, по великой вероятности, были сродники кое-нибудь римского кесаря, которые все общим именем Августы, сиречь величественные или самодержцы, назывались. Таким образом, Рурик мог быть кое-нибудь Августа, сиречь римского императора, сродник».

Другой историк XVIII века, В. Н. Татищев, в «Истории российской» писал:

«...из Диодора Сикилиского и других древних довольно видимо, что славяне первее жили в Сирии и Финикии... Перешед оттуду обитали при Черном мори, в Колхиде и Пофлагонии, а оттуда во время Троянской войны с именем Генети, Галли и Мешини, по сказанию Гомера, в Европу перешли и берег моря Средиземного до Италии овладели, Венецию построили и пр., как древние многие, особливо Стрыковский, Бельский и другие, сказуют».

Опять же напоминаем, что мы тут говорим не о правдивости сообщения, а о противоречиях и анахронизмах. В этом сообщении В. Н. Татищева для нас интересно, что в число древних авторов вместе с Диодором и Гомером попали Стрыйковский, Бельский «и другие», творившие за 200 лет до Василия Никитича.

Продолжать можно долго; можно половину книги посвятить анахронизмам, кои в изобилии наполняют книги писателей, путешественников, историков. Анахронизмы можно найти у скульпторов и в живописных полотнах, и даже в убранстве архитектурных памятников. Но мы остановимся на уже сказанном. И посмотрим, как относятся к этому явлению — к изобилию документов, противоречащих скалигеровской версии,— современные историки, ее апологеты?

Они объявляют все подобные письменные свидетельства ложью или подделкой. Не анализируют развитие искусства, литературы, науки и просто выводят из научного обращения неугодные им тексты. Например, многие ли из вас слышали о Мухаммаде ал-Ауфи? Это очень известный в ис-

торических кругах арабский летописец XIII века. Кое-что из его сообщений противоречит общепринятым представлениям. Поэтому его труды вам найти не удастся, а в «исторических сборниках» его сообщения... редактируют и сокращают в нужном «ключе».

Судите сами. Ал-Ауфи пишет:

«Русы... постоянно занимаются разбоем и знают только одно средство добыть себе пропитание — меч. Если кто-нибудь из них умрет, и после него останутся сын и дочь, то все имущество отдают дочери, а сыну не отдают ничего, кроме меча, говоря ему: «Твой отец добыл имущество себе мечом». Так было до тех пор, пока они не сделались христианами в трехсотом году Хиджры. Приняв христианство, они вложили те мечи в ножны. Но так как они не знали другого способа добывать себе пропитания, а прежний теперь был для них закрыт, то их дела пришли теперь в упадок, и жить стало им трудно. Поэтому они почувствовали склонность к религии ислама и сделались мусульманами. Их побуждало к этому желание получить право вести войну за веру».

Это — полная цитата. А в сборнике «Древняя Русь в свете зарубежных источников» на стр. 233 сказано лишь о том, что ал-Ауфи описывал принятие русами христианства. Казалось бы, вызывает у вас текст какого-либо автора сомнения, так анализируйте весь текст или откажитесь от него целиком, оставив разбираться других исследователей. Нет: текст от читателя скрыли, и только те его слова, которые были удобными для составителей «истории», тому же читателю предоставили в качестве доказательства своих теорий. А ведь это подлог.

Другой пример. В. Н. Татищев, опираясь на ныне утраченный источник — Иоакимовскую летопись, сообщает о таком не совпадающем с традиционными представлении факте: город Словенск был построен на берегу Ильмень-озера в 3099 году. Неизвестно, как считал года летописец. Если от Сотворения мира, то это, по современным представлениям, около 2409 года до н. э. Рановато, конечно. Может, счет шел от какой-то другой эры? Но вот наши современники, историки (!!!) А. Бычков, А. Низовский и П. Черносвитов вместо анализа текста ошарашивают такой «оценкой»:

«...возвращаясь к «Иоакиму», хотелось бы понять: что дало ему, как и многим, многим другим, моральное право на такие беззастенчивые спекуляции? Или он совсем не понимает, что делает?»

Проще проявить «бдительность», чем систематизировать анахронизмы, искать закономерности в их бытовании. Ведь чтобы заняться такой работой, надо усомниться в единственно верном, непобедимом учении «скромного филолога» Скалигера. Ученые скалигеровской школы на это просто неспособны. А мы не постесняемся заняться поиском закономерностей, которые, уверяем вас, приведут к интереснейшим результатам!

Нам говорят, что историки не против высоко поднятой планки доказательств, но хорошо ли представляют они себе, что это такое? Им бы следовало отказаться от романтической фразеологии и подумать над такими скучными вещами, как теория вероятности. Насколько вероятно, что ВСЯ древнегреческая металлическая посуда и ВСЯ средневековая глиняная не сохранились?.. И наоборот, сохранилась древнегреческая глиняная и средневековая металлическая.

Или, если известный китаист доказывает древность культуры Китая тем, что сегодня живут тысячи потомков Конфуция, собирающиеся даже на какие-то съезды, то можно ли считать это «высоко поднятой планкой» доказательств? Он, видимо, забыл, сколько было детей у лейтенанта Шмидта, или не знает, как десятки большевиков клялись, что «несли бревно вместе с Лениным». Пора отбросить все несуразицы, которыми замусорена история человечества. Как писал Б. Ф. Поршнев: «В науках о человеке должен произойти переворот, который можно сравнить лишь с коперникианской революцией».

Синусоиды

О том, что искусство, наука и литература античности и средневековья имеют «параллели», известно давно. Можно сказать, как только появилась хронология Скалигера, так они сразу и выявились. В конце концов, сам термин «Возрождение» ввел Жюль Мишле только в 1838 году потому, что художники, ученые и писатели XIV—XVI веков, как полагают, возрождали именно античность.

Вся последовательность веков может быть разбита на «кусочки». Каждый такой «кусочек» можно назвать «тра-

ком веков». Если сначала вся последовательность имела такой вид:

-IX -VIII -VII -VI -V -IV -III -II -I +I +II +III +IV +V +VI +VII +VIII +IX+ +X +XI +XII +XIII...

...то теперь ее можно представить так:

3-й трак = — IX — VIII — VII — VI — V — IV — III — II — I
2-й трак = — I + I + II +III +IV +V +VI +VII +VIII
1-й трак = + IX +X + XI + XII + XIII + XIV + XV + XVI + XVII

Между соседними веками по разным тракам легко найти параллельные события и явления. Повторяются стили искусства, а иногда и герои. Но есть особенность: четные траки (2-й, 4-й и другие) имеют регрессный ход. Здесь наша история выглядит так, будто она течет вспять. Такая ситуация хорошо знакома историкам, она не раз описана ими: количество городов уменьшается, население в них сокращается, грамотность падает от века к веку. И в истории литературы мы видим сходную картину: количество произведений (и мастерство писателей) на 2-м траке «падает», становясь все примитивнее, от римского расцвета I—II веков и до полного исчезновения к VIII веку н. э.

Также и художники опираются на технические приемы и навыки предшественников, но в «темные века» (VI—VIII) их умение кончается. Остаются только островки вроде Вестготского и Остготского королевств. И эти островки, как, видимо, считают историки, спасают всю их историю, но на самом-то деле не спасают, а окончательно делают такой ход событий бредовым!

Все приходит в норму лишь в том случае, если четные траки «перевернуть», направив «ход событий» в другую сторону. Как только мы это сделали, так сразу поняли, что составленная стараниями оккультистов в XII—XVI веках хронология имеет волновой характер и выстраивается в структуру, которую можно назвать «синусоидой».

Каждой линии, объединяющей «параллельные» века, мы присвоили номер, что позволит нам в дальнейшем, называя номер линии веков, сразу указывать на параллели событий и стилей.

Подобная структура возникла не сама по себе, а от замысла автора хронологии, И. Скалигера. Это тем более вероятно, что незадолго до него идею циклизма развивал Никколо Макиавелли (1469—1547). Она заключается в том,

Стандартная «греческая» синусоида

4-й трак	3-й трак	2-й трак	1-й трак	Линии веков №
	– I		XVII	9
	– II	I	XVI	8
	– III	II	XV	7
	– IV	III	XIV	6
– XIV	– V	IV	XIII	5
– XIII	– VI	V	XII	4
– XII	– VII	VI	XI	3
– XI	– VIII	VII	X	2
– X	– IX	VIII	IX	1

«Римская» волна

– 3/3 III			1/3 III
– 2/3 III	– II	II	2/3 III
– 1/3 III	– I	I	3/3 III
– IV			IV

что ситуации, имевшие место в прошлом, повторяются: таково божественное провидение. Если Скалигер стоял на сходной точке зрения, то ему не надо было даже искать древние документы: повторяй в прошлом события вчерашнего дня, и не ошибешься. Ведь этот хронолог занимался совсем не выяснением Истории, а привязкой ее к библейскому Сотворению мира.

На самом же деле нет никаких оснований для иного вывода, кроме того, что история человечества цельна, последовательна и непрерывна; если и происходили какие-то «регрессы», то локально и непродолжительно. Когда эту цельную и не очень длинную историю разделили как бы вдоль на кусочки, и «кусочки» эти выстроили друг за другом, то и получилось то, что называется теперь «традиционной историей», в которой стили искусства и литературы, научные открытия, экономические теории, законодательство и многое прочее «развивается» волнообразно.

С IX по XVII век нашей действительной истории, на 1-м траке, который и представляет из себя более или менее реальную последовательность событий, достижения античности «вспоминаются» с той же скоростью и в той же последовательности, с какой античность развивалась с минус IX до минус I века, на 3-м траке. Мало того что по теории вероятности такое повторение попросту невозможно, так еще ученые сами сообщают публике, что «возрождение» началось только с XIV века, когда, дескать, средневековые люди «впервые откопали» античные произведения искусства и

литературы. Как же могли они столь последовательно «откапывать» их от XIV до XVII века?..

А на 2-м траке, с минус I века и по VIII включительно, достижения античности с той же скоростью забываются, чего вообще не может быть. То есть забываться-то достижения могут; невозможна событийная и стилистическая зеркальность этого процесса по сравнению с процессом возрождения.

Нам тут могут возразить: даты жизни писателей (а также царей, художников, полководцев, священников и прочих) этого 2-го трака опровергают нашу версию. Но ведь в том-то и заключается работа хронолога, чтобы вычислять даты. Надо же понимать, что до весьма недавнего прошлого не было у людей паспортов, и не записывали в метрики данные о рождении и смерти. Не велось статистического учета, никто не считал среднюю продолжительность жизни, и не было стройной хронологической системы, в которой записанным друг за другом писателям, философам и прочим были бы точно и сразу по рождению или смерти приписаны даты жизни, да еще выданы свидетельства, что имярек писатель или философ.

Мы даты их рождений и смертей имеем теперь только в результате вычислений хронологов, да к тому же сделанных не для всех. Отсутствие точных дат в некоторых случаях уже подозрительно, ведь обычно скалигеровцы не церемонятся; если установлено, что кто-то жил, допустим, в IV веке, ему тут же дают годы жизни. Современников же, живших на рубеже веков, легко «развести по линиям»: одного в III век, другого — в IV. Фактические даты потом «уточняются» (но так и остаются разночтения, например, в светской и церковной истории).

Однако писатель должен опираться на опыт предшествующих поколений. Проявляется это, во-первых, в том, что писатель III века ссылается на писателя II века, писатель II века — на писателя I века и т. д. Понятно, что в пределах одного века это происходит само собой (хотя иногда оказывается, что старики ссылаются на молодых), а другие ссылки в пределах регрессного трака могут оказаться фальсификацией. Во-вторых, дело не только в упоминаниях предшественников, но и в идеях. Писатель, как и философ, опирается на идеи живших до него мыслителей, развивает их, усложняет и т. п. Но в традиционной нашей истории,

оказывается, «усложнение» может происходить и помимо воли философа, как бы через его голову.

Что же за историю нам придумали? Иероним (IV век) знает Евсевия (III век), Евсевий знает Оригена (ок. 185—253/54), Ориген, наверное, знает Лукиана (ок. 120—190), а Лукиан — Плутарха (ок. 45—ок. 127)[1]. Но Иероним (линия № 5) о Лукиане (линия № 7 «римской» волны) уже вряд ли слышал. Так каким же образом получилось, что сатира Лукиана понятна Эразму Роттердамскому (1469—1536, линия № 7—8) и близка ему, а Иерониму не понятна и не близка? Наш ответ: это произошло в результате хронологических подтасовок. На самом деле Иероним жил раньше и Лукиана, а потому его не знал!

Давайте-ка разберемся и с этим. Надо привыкать к тому, что мир сложный.

Так, Ф. Зелинский пишет в книге «Соперники христианства»:

> «Ученые с давних пор забавляются развенчанием Цицерона как философа, отыскивая греческие источники его философских сочинений, которых он, к слову сказать, и не выдавал за оригинальные; такими источниками называют Антиоха, Филона, Посидония, Панэтия, Клитомаха и много других».

Наша гипотеза отводит Цицерону (106—43 до н. э.) место на линии № 6 «римской» волны, до чумы 1347—1350 годов, скорее всего в начале XIV века. Философы-стоики Панэций (ок. 185—110 до н. э.) и Посидоний (ок. 135—51 до н. э.), а также Филон Александрийский (30 до н. э.— 50 н. э.) и Клитомах (II век до н. э.) должны быть деятелями Возрождения (известного также как эллинизм) конца XIV — начала XVI века. Вдаваться в суть учений этих философов нам тут нет надобности, нам важно, что Цицерон не ссылается на упомянутых авторов (иначе не было бы смысла в этих разоблачениях).

Считается, что он был эклектиком, но это означает в рамках нашей синусоиды, что в его сочинениях были зерна, впоследствии развитые в различных философских школах. Возникает вопрос: а нет ли у этих авторов ссылок на

---

[1] В нашей книге вы можете увидеть, например, для Плутарха разные даты жизни: ок. 45 — ок. 127, или 46—127, потому что в разных случаях мы брали их из разных справочников. Такая ситуация со многими «древними».

Цицерона? Если и были, за многие годы «текстологической» работы их убрали.

Конечно, он мог опираться на идеи философов V—IV веков до н. э. (линии № 5—6 стандартной «греческой» синусоиды), а «поздних греков» он знать не мог, или это может оказаться простым совпадением имен. Любой факт может иметь массу интерпретаций. Но сколько же «совпадений» должно быть в реальности, чтобы историки обратили на них внимание?!

А они, услышав о такой замечательной нашей синусоиде, даже обрадовались: вот, говорят, а мы и всегда знали, что история развивается по спирали! Вы только подтвердили это. И с ними можно было бы согласиться, если бы не две крупные (для традиционной истории) неприятности.

Во-первых, авторы средневековья из всех своих «античных коллег» знали только тех, кто жил «параллельно» с ними, или ниже по линиям веков. Например, Данте (1265—1321, линия № 5—6) в поэме «Божественная комедия» упоминает две сотни античных деятелей, но только тех, кто жил в веках не выше линии № 6. Например, Данте не знает Архимеда. И это не секрет: механизмы, изобретенные Архимедом (ок. 287—212 до н. э., линия № 7), и в самом деле не были известны в XIV веке; о них «вспомнили» только во времена Леонардо да Винчи (1452—1519, линия № 7) и Рабле (1494—1553), который, как мы уже сообщали в предисловии, пенял антикам вроде Цицерона и Диогена за то, что они «пишут всякий вздор о нашей (французской) королеве».

«Старовавилонская» волна	**Линии веков №**	**Реальная история**	**«Византийская» волна**
	- 9 -	**XVII** -	-
	- 8 -	**XVI** -	-
	- 7 -	**XV** -	VII XI XV -
	- 6 -	**XIV** -	VI VIII X XII XIV -
– XXII	- 5 -	**XIII** -	IV V IX XIII -
– XXIII – XXI – XVII	- 4 -	**XII** -	
– XXIV – XX – XVIII	- 3 -	**XI** -	
– XXV – XIX	- 2 -	**X** -	
	- 1 -	**IX** -	

Во-вторых, обнаружились для исторических царств римская, старовавилонская, византийская и арабская «волны», имеющие хорошую корреляцию со стандартной «греческой» синусоидой, а также весьма специфические Ассиро-египетская и Индийско-китайская синусоиды. «Римская» волна имеет свои сложности (скажем, в показе эволюции искусства она сдвинута вниз относительно «греческой» примерно на пол-линии, а в показе событийности — нет), и требует дальнейшего изучения. «Старовавилонская» и «византийская» волны как бы продляют друг друга. (Полагаем, они представляют собой две части истории Византийской (Ромейской) империи из-за перехода власти от азиатской к европейской династии.) Одного этого достаточно, чтобы целиком отказаться от идеи циклического развития человечества. Нет, «история» была сконструирована создателями хронологии, которые в расчетах своих исходили из идеи цикличности.

Греческая синусоида с **«арабской»** волной	Реальная история	**Линии веков №**
-1 17	**XVII** -	- 9 -
1 11 16	**XVI** -	- 8 -
2 10 12 15	**XV** -	- 7 -
3 9 13 14	**XIV** -	- 6 -
4 8 13	**XIII** -	- 5 -
5 7 12	**XII** -	- 4 -
6 11	**XI** -	- 3 -
7 10	**X** -	- 2 -
8 9	**IX** -	- 1 -

Чтобы воссоздать историю в подлинном, «объемном» виде, следует свести воедино все траки всех синусоид. Проблема здесь в том, что человечество как-то жило и до «линии № 1», то есть до IX века. Поэтому надо суметь не только сложить из мнимых историй реальную «объемную историю», но и вычленить события, датировку которых традиционная история выполнила правильно.

Первоначально синусоиды и волны были обнаружены нами на основе стилистического анализа произведений изобразительного искусства. Пришла пора посмотреть с такой точки зрения и на литературу. Ведь существует мнение, разделяемое очень многими учеными, что качественные уровни словесного и изобразительного искусства должны быть взаимосвязаны. Иными словами, не может быть плохого искусства при хорошей литературе. И то и другое, да еще научные знания, определяет уровень культуры в целом.

И тут мы опять сталкиваемся со странной ситуацией. Древнеримская литература имела какое-то развитие с IV века до н. э., а древнеримское искусство только с I. До этого процветало этрусское искусство, но этрусской литературы вообще, видимо, не было, ибо когда говорят о ней, то имеют в виду лишь отдельные нерасшифрованные надписи. Такая ситуация никак необъяснима, если синхронность развития искусства и литературы является общим законом.

Впрочем, это всего лишь досадная мелочь в объеме всемирной литературы. И анализ литературных памятников позволит нам подтвердить нашу гипотезу о «синусоидах» и «траках», а заодно вы увидите, какие «матрицы» наложены на умы людские с XVII века, какие там завязли негодные стереотипные представления о прошлом нашего с вами человеческого рода.

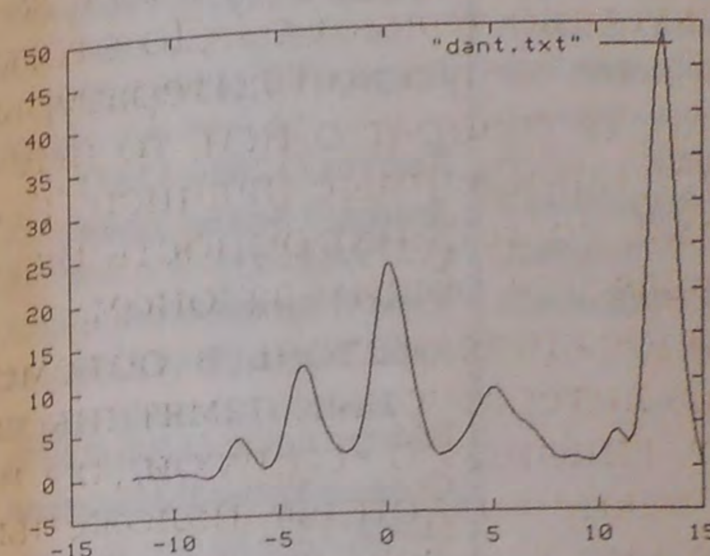
Проверка делом

Проверить «синусоиду времен» можно быстрым и оригинальным способом. Давайте возьмем в руки «Божественную комедию» Данте Алигьери (1265—1321, линии № 5—6) и составим список исторических лиц, упоминаемых в произведении. «Божественную комедию» не зря называют энциклопедией средневековья; здесь перечислено около двух сотен персонажей, в основном реальных лиц.

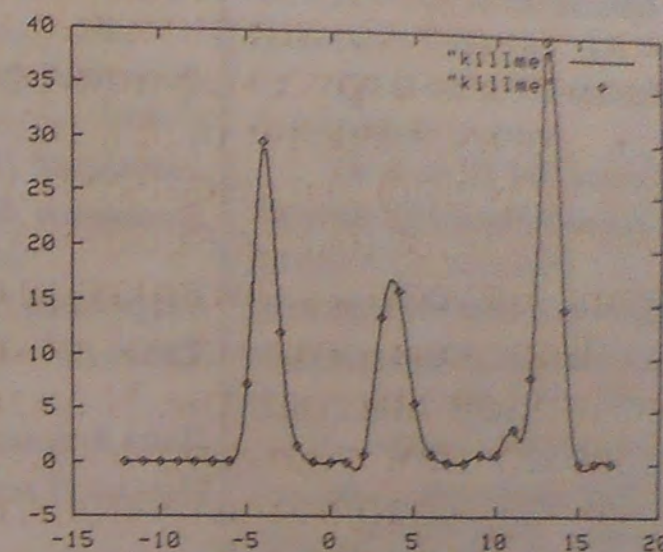
Если традиционная версия истории верна, то можно ожидать, что многочисленные античные и средневековые знаменитости расположатся на всей шкале времени приблизительно поровну или с нарастанием от античности ко времени автора.

Но этого не происходит. Составив график без учета нашей синусоиды, мы обнаруживаем, что биографические знания Данте имеют очень «неровный» характер. Но еще более поразительной становится эта картина, если расставить упомянутых писателем исторических героев по «линиям веков» нашей синусоиды, с учетом римской, византийской и арабской волн: теперь мы видим три ясных пика.

Причем оказывается, что между пиками пусто, то есть на всех траках выше линии жизни самого Данте он никого не знает! Это может быть только в том случае, если «древ-



По всей шкале времен



Формализовано по синусоиде

ние» греки и римляне, жившие в любом веке выше линии № 6, жили позже Данте.

Ведь мы не видим ни одного персонажа на линиях № 7—9 кроме трех человек, которые вполне могли попасть сюда в результате любой случайной ошибки, или их наличие может быть объяснено поздними вставками. В любом случае, равномерного нарастания знаний Данте о прошлом не наблюдается, а «всплески» этих знаний становятся еще «острее».

Перечислим же всех его персонажей, расставив их по тракам, выделив героев «римской» волны курсивом.

3-й трак IX—I век до н. э.	2-й трак IX—I век	1-й (реальный) трак IX—XVII век
	Линия № 9 — нет	
	Линия № 8 — нет	
	Линия № 7	
Ганнибал (247—183 до н. э.) «римская» волна Эвклид (III до н. э.)	Исидор Севильский (VII век) византийская волна	Нет
	Линия № 6	
Александр Македонский (356—323 до н. э.)	Беда Достопочтенный (VIII век), визант. волна	Альбрехт I Габсбург (1298—1308)

- Антифан (IV до н. э.)
- Аристотель (384—322 до н. э.)
- Бреин (IV в. до н. э.)
- *Гракх Гай (II до н. э.)*
- *Гракх Тиберий (II до н. э.)*
- Диоген (404—323 до н. э.)
- Диосиний I Сиракузский (407—367 до н. э.)
- *Диоскорид (I век)*
- *Иуда Маккавей (II до н. э.) — «рим. волна»*
- *Плавт (III—II до н. э.)*
- *Птолемей Иерихонский (135 до н. э.)*
- *Сципион Африканский (II до н. э.)*
- *Теренций (II до н. э.)*
- *Цецилий (II до н. э.)*
- Эпикур (341—270 до н. э.)

- Велисарий (VI век) визант. волна
- *Гален (130—200)*
- *Дионисий Ареопагит (I век)*
- *Диоскорид (I век)*
- *Домициан (81/96)*
- Лаврентий (III век)
- *Лукан (39—65)*
- Папа Агапит I
- *Персий (I век)*
- Присциан (VI век) визант. волна
- *Птолемей (II век)*
- Савелий (III век) визант. волна
- *Стаций (40—96)*
- *Тит (I век)*
- *Траян (с 98 по 117)*
- *Ювенал (60—127)*
- Юстиниан (527/565) визант. волна

- Бонифаций VIII (1294/1303)
- Вацлав II (1278/1305)
- Генрих VII (1308/1313)
- Джотто (1266—1337)
- Диниш I Землепашец (1279/1325)
- Карл II Анжуйский
- Карл Валуа (? — 1325)
- Роберт Брюс (1306/1329)
- Стефан Урош II Милутин (1282/1321)
- Федериго II (1296/1337)
- Фердинанд IV (1295/1312)
- Филипп IV (1285/1314)
- Хокон V Долгоногий (1299/1319)
- Чимабуэ (1240—1302)
- Эдуард I (1272/1307)
- Яков (1262/1311)
- Яков II (1291/1327)

Линия № 5

- Анаксагор (500—428 до н. э.)
- *Брени*
- *Брут Марк Юний (I до н. э.)*
- *Варий (I в. до н. э.)*
- *Вергилий (70—19 до н. э.)*
- *Гай Кассий Лонгин (I до н. э.)*
- Гиппократ (V—IV до н. э.)
- *Гораций (65—8 до н. э.)*
- Демокрит (460 до н. э.—?)
- Дионисий I (407—367 до н. э.)
- Еврипид (480—406 до н. э.)
- Зенон (490—430 до н. э.)
- *Кассий (?—42 до н. э.)*
- *Катон Мл. (95—46 до н. э.)*
- *Квинций (V в. до н. э.)*
- *Клеопатра (I в. до н. э.)*
- *Красс (I в. до н. э.)*
- Ксеркс (V в. до н. э.)
- *Курион (I в. до н. э.)*
- *Марция (I до н. э.)*
- *Марцелл (I до н. э.)*
- *Луций Цецилий Метел (I до н. э.)*
- *Марция, жена Катона*
- *Овидий (43 до н. э.—17 н. э.)*
- *Пирр (319—272 до н. э.)*
- Платон (427—347 до н. э.)
- Поликлест (V в. до н. э.)
- *Помпей (106—48 до н. э.)*
- *Секст Помпей (I до н. э.)*
- Симонид (556—468 до н. э.)
- Сократ (469—399 до н. э.)
- *Тит Ливий (59—17 до н. э.)*
- Торкват (IV до н. э.)
- *Цицерон (106—43 до н. э.)*
- Эмпедокл (490—430 до н. э.)
- *Юлий Цезарь (I до н. э.)*
- *Юлия, дочь Цезаря*

- *Август (27 до н. э.—14 н. э.)*
- Агафон (V до н. э.)
- Антифонт (V до н. э.)
- Арий (IV век)
- *Деций (?)*
- Донат (IV век)
- Иероним (IV—V век)
- *Иоанн Богослов (I век)*
- Иоанн Златоуст (IV век)
- *Константин Великий*
- Макарий Александрийский (IV век)
- Мелисс (V до н. э.)
- Павел Орозий (IV—V век)
- Парменид (V до н. э.)
- *Персий (I век)*
- *Публий Папаний Стаций (ок. 45 — ок. 96)*
- *Сенека (4 до н. э.—65 н. э.)*
- Симонид (V до н. э.)
- *Тиберий (I век)*
- *Ювенал (60-е — 127)*

- Адзолино (1194—1259)
- Алессио Интреминелли
- Альберто Касалоди
- Беатриче (1265—1290)
- Бонтуро Дати
- Бранка д'Орья (? — 1275)
- Брунетто Латини
- Буозо да Дуэра
- Ванни Фуччи
- Венедико Каччанемико
- Витальяно дель Денте
- Гвидо Бонатти
- Гвидо Гверра
- Гвидо Кавальканти
- Гизабелла Канчанекмика
- Гомита из Галлуры
- Гульермо Борсиере
- Джакомо да Сант-Андреа
- Джанни Сольданьер
- Джованни Буйамонте
- Кавальканте Кавалькинти
- Карл I Анжуйский (1226—1285)
- Каталоно деи Малавольти
- Лано из Сиены (? — 1287)
- Лодеринго дельи Андало
- Микеле Скотто
- Микеле Цанке
- Монтанья деи Парчитати
- Моска деи Ламберти
- Николай Орсини
- Обиццо д'Эсте (? — 1293)
- Оттавиано дельи Убальдини (? — 1273)
- Оттокар II (? — 1278)
- Пинамонте деи Бонакольси
- Пьер делла Винья
- Риньер де Пацци
- Риньер Корнето
- Рудольф Габсбург (1273/91)
- Тебальд II Наваррский
- Теггьяйо Альдобранди
- Тезауро деи Беккерия
- Уголино делла Герардеска
- Фарината дельи Уберти
- Федерик II Гогенштауфен (1194—1250)
- Фома Аквинский
- Франческа Малатеста
- Франческо д'Аккурсио (1225—1293)
- Целестин V (1219 — ?)
- Якопо Рустикуччи

Линия № 4

Гераклит (544/540 — ?)	Али (VII век, зять Магомета) арабская волна»	Аверроис (XII век)
Гомер	Анастисий (папа 496/98) визант. волна	Бертрам де Борн
Лукреция, жена Коллатина	*Атилла (433—453)*	Гвальдрада
Луций Тарквиний Коллатин	Боэций (V—VI век)	Гугон (XII век)
Луций Юний Брут	Григорий Великий (VI—VII век) визант. волна	Доминик (1170—1221)
Муций Сцевола	Магомет (570—632) арабская волна	Констанция (1154—1198)
Солон (VI до н. э.)	Фотин	Петр Ломбардский (XII)
Фалес (625—547 до н. э.)		Саладин (1138—1193)
Эзоп		Франческо Грациано
		Фридрих Барбаросса (1125—1190)

Линия № 3

Нет	Король Артур	Авиценна (XI век)
		Бернард Клервоский (1091—1153)
		Иоахим (ум. 1202)
		Петр Дамиани

Линия № 2

Нет	Нет	Гуго Капет (X век)

Линия № 1

Нет	Нет	Рабан Мавр (IX век)

Результат подсчета упомянутых Данте человек по линиям веков приведен в таблице.

Линии	3 трак	2 трак	1 трак	Всего
№ 9	0	0	0	0
№ 8	0	0	0	0
№ 7	2	1	0	3
№ 6	15	17	18	50
№ 5	37	20	49	106
№ 4	9	7	10	26
№ 3	0	1	4	5
№ 2	0	0	1	1
№ 1	0	0	1	1
Итого	63	46	83	192

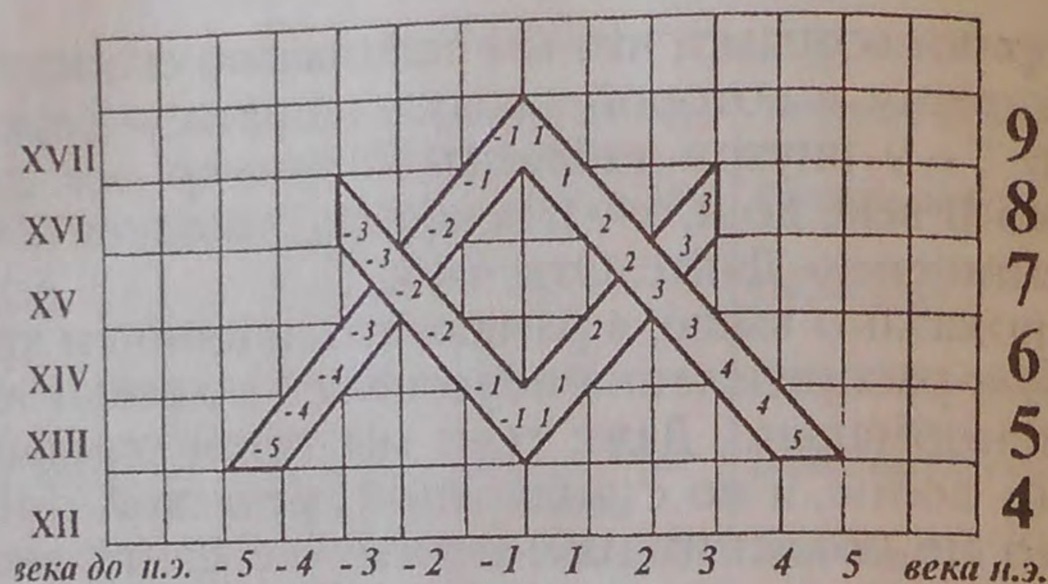
Историки возразят, что мы специально сконструировали такую схему, в которой удалось «спрятать» персонажей линий № 7—9 внутри таблицы. Например, все римляне, жившие во II веке до н. э.— II веке н. э., оказались почему-то «современниками» Данте. Отвечаем.

Как показано выше, в рамках традиционной хронологии график распределения персонажей по векам тоже выглядит ненормально. Даже если мы учтем римлян не по «римской» волне, а по стандартной греческой синусоиде, никак это не объяснит нам, почему же Данте, зная этих римлян и упоминая их, не упоминает ни одного грека того же периода. В его списке нет ни Пифагора, ни Гермеса Трисмегиста, и уж совсем удивительно, что нет в нем таких всемирно известных лиц, как Апулей, Архимед, Герон, Гиппарх, Тацит, Эратосфен и десятков других.

Потому и появилась специальная «римская» волна синусоиды, что «уши» римского анахронизма посреди античной истории очень заметны! Этому совпадению римской истории II—I веков с греческой историей V—IV веков до н. э. сами историки присвоили название «аттикизм».

«АТТИКИЗМ, лит. направление в др.-греч. и отчасти в др.-рим. риторике. Развилось во II в. до н. э. как реакция на азианизм, культивировало «подражание классикам» — соблюдение языковых норм аттич. прозаиков V в. до н. э., простоту и строгость стиля. В области стиля А. уступил азианизму, но в области языка одержал верх: имитация языка аттич. прозы многовековой давности осталась идеалом всего позднеантич. греч. красноречия» (из Литературного энциклопедического словаря».

Что означает этот самый «аттикизм»? А означает он лишь одно: в XVI веке хронологи датировали латинскую культуру Византийской империи предшествовавших XIII—XIV веков как культуру II—I веков до н. э., а греческую ее часть — как культуру V—IV веков до н. э. Так в истории образовался некий «зигзаг»: греческая культура, пройдя свой путь от V до II века до н. э., «уткнулась» сама в себя, но уже в изображении римлян якобы II века, а затем еще и «возродилась» в XIV веке. Объяснить, с какой стати развившаяся культура возвращается к своим истокам трех-, четырехсотлетней (!!!) давности, совершенно невозможно, с точки зрения здравого смысла. Но литературоведение, вслед за историей, и здравый смысл превозмогает: вот, говорят, развился



Рубеж эр по "греческой" синусоиде на уровне 1600 года
Рубеж эр по "римской" волне на уровне 1300 года

Графическое изображение скалигеровской хронологии в виде масонских циркуля (греческая история) и угольника (римская история). Справа — номера линий веков

такой «аттикизм» вопреки «азианизму», и можно прекращать дискуссию.

Из этой хитрости, придуманной в угоду традиционной истории, развилось и представление об «обходных путях» римской литературы: дескать, Вергилий есть римский Гомер, Саллюстий — римский Фукидид, Тит Ливий состязается с Платоном и Демокритом. Почему бы римским авторам II века до н. э. не посостязаться с греческими авторам того же века? Но они для римлян будто не существуют!

«Чтобы вернуться к патриотическому эпосу Невия и Энния и дальше, к отечественным преданиям самой седой древности, Вергилий нуждался в уроках Гомера и Аполлония Родосского, в блужданиях по буколическому миру Феокрита, в поэтической культуре неотериков», — пишет С. Аверинцев в книге «Поэтика древнеримской литературы».

Вот он, «обходной путь»! Уточняем: Вергилий (I век до н. э.), желая вернуться к эпосу римлян Энния и Невия (II до н. э.), страшно нуждается в Аполлонии Родосском (III до н. э.) и греке Гомере (между XII и VIII до н. э.), но предварительно должен поблуждать по культуре неотериков («новых поэтов») своего I века до н. э., сначала заглянув к греку Феокриту (конец IV — первая половина III до н. э.).

Этот хронологический зигзаг, верно подмеченный С. Аверинцевым, исчезнет, как только мы сложим вместе все «волны» и «траки» синусоиды. И окажется, что Вергилий — прямой продолжатель Гомера и современник Феокрита, а Энний и Невий (как и Аполлоний Родосский, возможно) — просто его последователи, хоть и менее талантливые. Кстати, римский комедиограф Плавт называет римлянина Невия poeta barbarus («варварский поэт»). Может быть, Плавт грек?

История совершенно упускает из виду, что в средневековье существовало как минимум две Греции и два Рима. Византийскую (Ромейскую) империю называли Грецией (на Руси даже в XVII веке), а южную Италию с Сицилией, подчиненные Константинополю, называли даже Великой Грецией. До распада единой империи, включавшей в себя и всю Европу тоже, на две части, восточную и западную, Константинополь (он же Царьград) был Римом, столицей римских императоров, и итальянский Рим тоже был Римом. Итак, имеется две Греции, и в каждой столица — Рим. Когда Скалигер сочинял свою историю, он события греческого Рима (Константинополя) сдвинул дальше, чем события итальянского Рима. В результате получилось, будто поэты «древнего Рима» не знают своих современников, поэтов Греции, но знают их предшественников, которые на самом деле и есть их современники, и вся их «сложная» история — это история средневековья и Возрождения.

С. Аверинцев продолжает:

«В конце III в. до н. э. влиятельные аристократы города Рима Фабий Пиктор и Цинций Алимент излагают отечественную историю на международном языке эллинистической цивилизации (на греческом), как до них Берос излагал на этом же языке вавилонскую историю, а Манефон — египетскую. За ними последовали Публий Корнелий Сципион Африканский, сын Сципиона Старшего, Гай Ацилий, Авл Постумий Альбин, превращавшие римскую аналистику в составную часть учености эллинизма. Довольно характерно, что Ацилий говорил об основании Рима греками».

Итак, в эпоху Возрождения еще помнили «об основании Рима греками». Да, скалигеровская хронология задает множество загадок. Тем, кто не до конца разобрался в ее оккультных корнях, постоянно приходится говорить о фальсификации письменных источников. И немудрено! Ведь на сочинениях писателей и историков эпохи «древнего» элли-

низма то и дело лежит отпечаток Ренессанса, времени великих географических открытий и предвидения успехов науки XVII века.

Дополнительную сложность дает бытование в какой-то период двух государственных языков империи: греческого и латыни. Фабий Пиктор (точно римлянин) пишет о римской истории по-гречески, а грек Ливий Андроник пишет о приключениях Одиссея на латыни. Как же расставить их на этой схеме? Куда поставить африканца Теренция или кельта Станция Цецилия?

Закономерное развитие культуры требует, чтобы в литературном процессе не возникало полос бесплодия, хотя традиционная хронология и вынуждает литературоведов как-то объяснять их наличие. Можно допустить, что римские авторы проявляли повышенный интерес к греческой литературе многовековой давности. Но почему их интерес к современной им греческой литературе так ничтожен? И почему греческие авторы не переводили римлян, принадлежащих в империи к власть имущим? В целях пропаганды «римского образа жизни» их следовало обязать к такому труду, но этого не было сделано,— и этот факт необъясним в рамках традиционной истории, но понятен, если перейти к нашей версии.

Нужно учесть и другие важные обстоятельства. В средневековье писатели и ученые часто брали себе прозвища знаменитостей прошлого или их называли громкими именами в знак признания заслуг. Например, астронома Ал-Кушчи (XV век) звали «Птолемеем»; Ибн Сина и Ибн Рушд могли носить прозвища неких *Авиценны* и *Аверроэса* из XII—XIII веков, известных в Европе, и сами были скорее всего европейцами. Ну, не было до какого-то момента слов «астроном» и «географ», а был слово *птолемей*, и каждого, кто занимался тем же, чем и Птолемей, вполне могли прозывать так же.

А имена некоторых из числа упомянутых в книге Данте героев, таких как Саладин, Сципион и т. п., могли принадлежать просто мифическим персонажам, и уже средневековые европейцы награждали ими своих современников, будь те из XII или XVI века. То, что Сципион, упомянутый в книге Данте — «Африканский», является мнением комментатора, а на деле Сципионов (в том числе «Африканских») в традиционной истории немало: Корнелий Сципион Публий, консул

(218 до н. э.); Корнелий Сципион Публий Африканский, консул (205 и 194 до н. э.), победитель Ганнибала во 2-й Пунической войне; Корнелий Сципион Эмилиан Публий Африканский (185—129 до н. э.), разрушивший Карфаген и, вполне может быть, победивший в 3-й Пунической войне очередного Ганнибала, ведь Ганнибал — тоже родовая фамилия, имевшая «ответвления», например, Газдрубалов. У Тита Ливия упомянуты три разных пунийских военачальника по имени Ганнибал, и семь по имени Газдрубал.

У Данте мы встречаем Зенона, но что это за Зенон — из Китиона или из Элеи,— тоже неизвестно. А такими именами, как Карл Великий или Юстиниан (что значит «Законодатель»), могли величать вообще любого правителя любой губернии.

Кстати, очень показательно, что Данте расположил римского императора Юстиниана в раю. Это наш 2-й трак, линия № 6, и VI век по «византийской» волне = XIV реальному веку. Скорее всего сам Данте жил вскоре после того, как Юстиниан правил в Константинополе, и в таком случае имя Законодателя мог носить Михаил IX Палеолог. Сам «Законодатель» так представляется в поэме:

Был кесарь я, теперь — Юстиниан...

Что это означает? «Раньше я был Тиберий» (или Траян, или любой другой кесарь), «а теперь — Юстиниан»?.. В таком случае, почему не Михаил IX Палеолог?.. Все это, как и то, что поэты средних веков сочиняли стихи за древнегреческого Анакреонта, как и многое другое, хорошо известно историкам и литературоведам, но обычно не афишируется, чтобы не порождать в умах излишних сомнений. А нам стесняться нечего; истина дороже.

Историкам очень хорошо известно, что правивший в XIII веке император Священной Римской империи Фридрих II Гогенштауфен именовался в документах Цезарем Августом; его Конституции носят название «Книг Августа»; на чеканившихся им золотых монетах (августалиях) он изображен в лавровом венке и одеянии «римских» цезарей, на обороте — римский орел и надпись: «Римский император Цезарь Август». Перед нами чистейший, без примесей, римский император! И точно так же, как «исторические» римские императоры, он воевал с христианством!

Манифесты папы Григория IX, направленные против этого Августа, написаны языком Апокалипсиса, с прямыми заимствованиями из этого документа, будто бы и не промчалось более тысячи лет:

«Выходит из моря зверь, преисполненный богохульства, ноги у него, как у медведя, а пасть у него, как пасть у бешеного льва, а другие члены, как у леопарда, и изрыгает он хулу на имя Божие... Своими железными когтями и зубами жаждет он все сокрушить и своими ногами растоптать мир». Так пишет папа в 1239 году, а затем сообщает о ереси Фридриха,— якобы он заявлял, что мир ввели в заблуждение три обманщика: Иисус Христос, Моисей и Магомет, что «глупцы все, кто верит, что Бог мог родиться от девы».

В «Божественной комедии» Данте упомянут канцлер и фаворит этого императора Пьер делла Винья, который впал в немилость, был заточен в тюрьму, ослеплен и покончил с собой в 1249 году. Он спокойно называет своего императора Августом («Ад», песнь 13, 58), и это не вызывает возражений у беседующих с ним:

Я тот, кто оба сберегал ключа
От сердца Федерика и вращал их
К затвору и к отвору, не звуча,

Хранитель тайн его, больших и малых,
Неся мой долг, который мне был свят,
Я не щадил ни сна, ни сил усталых.

Развратница, от кесарских палат
Не отводящая очей тлетворных,
Чума народов и дворцовый яд,

Так воспалили на меня придворных,
Что Август, их пыланьем воспылав,
Низверг мой блеск в пучину бедствий черных.

Но в «Божественной комедии» нет целой толпы других римских императоров: Калигулы, Клавдия, Нерона, Веспасиана, Адриана и прочих. Или они жили позже Данте, или в поэме названы только их средневековые имена, и один лишь Цезарь Август именуется также и Федериком.

Поэт живет в XIII—XIV веках, лучше всего знает деятелей XIII и XIV веков (среди которых встречает императора Августа) и по тем же линиями — деятелей (в том числе императоров) I века до н. э.— I века н. э., но не пишет ни о каких греках старших «линий» и не упоминает не только многих героев римской истории, но и византийской. Из византийцев у него нет императрицы Ирины, императоров Константина Копронима (Навозоименного) и Михаила Пьяницы, очень известных в свое время, если судить по истории, и многих, многих других. Пропало все иконоборство, начиная от Льва Иконокласта (VIII век). Кто-то из «пропавших» деятелей относится к линии № 7, и Данте просто до них не дожил. Но нет в его книге византийцев IX века, а век этот расположен на линии № 5 «византийской» волны и относится к родному Дантову XIII веку.

Куда же девались эти императоры и другие деятели? Видимо, вместо их греческих имен Данте использовал их латинские прозвища, и они тоже оказались в «Древнем Риме». Туда же, в число героев мифической «древней» истории могли попасть отсутствующие в «Божественной комедии» участники крестовых войн. Нет у Данте ни папы Иннокентия III, ни императоров Латинской крестоносной империи, ни королей Иерусалимских, нет вообще всей этой эпопеи.

Но ведь это невозможно: зная о Гомере и о Троянской войне минус XIII века, Данте ни словом не вспоминает о важнейших событиях и героях своего родного, реального XIII века. И речь не только о крестоносцах! Чингисхан, величайший и ужаснейший завоеватель всех времен и народов, умер лет за сорок до рождения самого Данте, но в списке поэта такого имени нет ни среди попавших в ад, ни среди удостоенных рая. Нет его и в чистилище. Неужели Данте его не знает?! Допустим, что не знает, но хотя бы имя Батыя, воевавшего с европейцами на европейской же территории, ему известно?.. Нет. Вообще он не знает Монголии, при его жизни владеющей половиной мира, а «на том свете» если и отыскивает каких-то военных гениев, то только совсем древних, вроде Александра Македонского.

Итак, Данте — автор линии № 6, знает персонажей человеческой истории, живших на линиях не выше линии № 6 нашей синусоиды времен. Посмотрим же теперь, кого упоминают в своих произведениях авторы более высоких линий, например, Франсуа Рабле (1494—1553, линия № 8). По поводу его романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» литературоведы сообщают нам, что «роман его стоит у высокого подъема ренессансной волны, как «Божественная комедия» Данте стоит у истоков Ренессанса. Обе книги по своему охвату — энциклопедии...»

Что ж, продолжим экспериментальную проверку теории о совпадениях по линиям веков. У Рабле должны упоминаться античные философы, поэты, политические деятели вплоть до линии № 8.

3-й трак IX — I век до н. э.	2-й трак IX — I век	1-й (реальный) трак IX — XVII век

Линия № 9

Страбон (I до н. э.)	Нет	Нет

Линия № 8

Антиох (II до н. э.)	Аполлоний Тианский (I в.)	Агриппа Неттесгеймский
Критолай (II до н. э.)	Герон (I век)	Алессандро д'Имола
	Демонакс (I век)	Амброзио Каленино
	Селевк (I век)	Андре Тирако
		Антонио де Лейва
		Бриан Вале
		Габриэль де Пьн-Эрбо
		Генрих II
		Гийом Брико
		Гийом дю Белле
		Гийом Ронделе
		Гюг Салель
		Джазопе Майно
		Джироламо Фоленго
		Джованни Тривульци
		Диже Манский
		Жак Картье
		Жан Альмен
		Жан де Буасоне
		Жан Катюрс
		Жан ле Вепер
		Жан Лемер
		Жан Тено
		Иоанн Ласкарис
		Кайет
		Кэтберг Тэнстолл
		Леоник Томео
		Маргарита Наваррская
		Меллэк де Сен-Желе
		Ортуин Грациус
		Папа Юлий
		Петр Ралус
		Пьер Галак
		Пьер дю Шатель
		Пьер Жиль
		Пьер Кютюрье
		Пьер Тартаре
		Сильвестр де Приеро
		Симфорьен Шампье
		Трибуле
		Филиберт Делоран
		Филиппо Строцци
		Франциск I
		Франческо Курций
		Хайр-эд-Дин
		Якоб фон Гохштратен

Линия № 7

Антифон (IV—III до н. э.)	Афиней (II—III)	Александр Тартаньи
Аристарх Самосский	*Галет (130—200)*	Али-Аббас
Аристофан Византийский (III до н. э.)	*Гелий (Геллий) (II век)*	Альберти
Архимед (287—212 до н. э.)	*Гермес Трисмегист (II век)*	Ангеран де Монстреле
Газдрубал (III—II до н. э.)	Дион Никейский (160—235)	Биго Гийом
Ганнибал (III—II до н. э.)	Каракалла (с 211 по 217)	Гебер
Дентат (IV—III до н. э.)	Лукиан (120—180)	Джан Мария Риминальдо
Катон (234—199 до н. э.)	*Марцелл (II век)*	Джованни Беркатино
Клеанф (III до н. э.)	*Плиний (62—114)*	Джованни Понтано
Луцилий	*Поллукс (II век)*	Жан Буржуа
Метродор (III до н. э.)	*Прокул (III век)*	Жан Шарлье
Плавт (254—184 до н. э.)	Соран Эфесский (II век)	Иоанн Аргиропуло
Сципион (III—II до н. э.)	Турпин (IX век) виз. волна	Иоанн Виссарион
Теофраст (372—287 до н. э.)	*Феон Смирнский (II век)*	Карл VIII
Фабий Пиктор (III до н. э.)	Флавий Филострат (II—III)	Леонардо Миттен
Эвклид (III до н. э.)	Флакк (II век)	Мигель де Орис
Эмилий (II до н. э.)	Энний (239—169)	Мирандолла
	Эпиктет (I—II)	Николай Кузанский
	Эскулап (III до н. э.)	Николо Тедески
	Ювенал (60—127)	Оливье Майар
	Антонин Пий (II век)	Паоло де Кастро
	Коммод (II век)	Папа Александр
		Папа Бонифаций
		Папа Каликст
		Папа Сикст
		Пьер д'Айли
		Св. Франциск
		Сисиль
		Сульпиций Веруланский
		Турпин
		Феодор Газа
		Франсуа Виллон
		Франческо Колонна
		Эрмолао Барбаро

Линия № 6

Александр Македонский (356—323 до н. э.)	Агафий (VI век) визант. волна	Бартольд Сассоферрато
Аристотель (384—322 до н. э.)	Александр Миндский (III век)	Джон Дунс Скот
Гераклид Понтийский (IV в. до н. э.)	Гебер (VIII—IX) визант. волна	Максим Плануд
Гиппократ (V—IV до н. э.)	Григорий Великий (ок. 540—604) визант. волна	Николай Лира
Деметрий Фалерский (IV до н. э.)	Диоген Лаэртский (III век)	Папа Урбан
Демосфен (384—322 до н. э.)	Кальпуриний Пизон (I век)	Пьер де Копьер
Камилл (IV до н. э.)	Корпут (I век)	Пьетро Бальдо
Ксенократ (IV до н. э.)	Ливия (I до н. э.—I н. э.)	Раймонд Луллий
Навуходоносор	Нерва (I—II век)	Томас Уоллис
Пиррон (IV до н. э.)	Нерон (I век)	Уильям Оккам
Тимон Афинский (320—230 до н. э.)	Плутарх (46—126)	Якопо Пассаванти
Тимон Афинский (320—230 до н. э.)	Саллюстий	
Филипп Македонский	Серапион Аскалонский	
Эпаминонд (V—IV до н. э.)	Траян (I век)	
	Трибониан (VI век)	
	Фульгенций Планциад (VI век) визант. волна	
	Цензорин	
	Юстиниан Великий (с 527 по 565) визант. волна	

Линия № 5

Артаксеркс (V до н. э.)	Авзоний (IV в. н. э.)	Александр из Вельдье
Аттей Капитон	Апиций (I в.)	Гугуций Пизанский
Брут (I век до н. э)	Донат (IV в.)	Давид Кимха
Вергилий (70—19 до н. э.)	*Иоанн Богослов (I век)*	Жоффруа де Люзиньяк
Веррес (V в. до н. э.)	Иоанн Златоуст (IV век)	Фома Аквинский
Витрувий (I в. до н. э.)	Калигула (I в.)	Франческо Аккурский
Геродот (V в. до н. э.)	Квинт Смирнский (IV в.)	Эберар из Бетюна
Герпсион (V в. до н. э.)	*Константин Великий*	
Гораций (65—8 до н. э.)	Макарий Александрийский (IV век)	
Дарий I (522—486 до н. э.)	Макробий (ок. 400 года)	
Друз (I до н. э.)	Матфей (I век)	
Еврипид (480—406 до н. э.)	Орибазий (326—403)	
Каллимах (V в. до н. э.)	Павел (I век)	
Кассий Лонгин Гай (1 до н. э.)	*Сенека (4 до н. э.—65 н. э.)*	
Клеопатра (I до н. э.)	*Тиберий (I век)*	
Ксеркс (V до н. э.)	Юлиан (с 361 по 363)	

Лабсон Антистий		
Леонид (VI—V до н. э.)		
Лициний (I в. до н. э.)		
Марк Варрон (116—27 до н. э.)		
Нума Помпилий (V до н. э.)		
Овидий (43 до н. э.—17 н. э.)		
Октавиан Август		
Платон (427—347 до н. э.)		
Поликлет (V в. до н. э.)		
Сократ (469—399 до н. э.)		
Софокл (496—406 до н. э.)		
Сулла (II — I до н. э.)		
Тит Ливий (59—17 до н. э.)		
Фемистокл (V до н. э.)		
Филолай Тарентский		
Царь Тигран (II—I до н. э.)		
Цицерон (106—43 до н. э.)		
Эсхил (525—456 до н. э.)		
Юлий Цезарь (I до н. э.)		

Линия № 4

Арифрон Сикионский	*Марциан Капелла (V век)*	Грациан
Гераклит (530—470 до н. э.)		Пьер Ломбардский
Гомер		Фома Английский
Камбиз (VI век до н. э.)		
Кир (VI век до н. э.)		
Лукреция (VI век до н. э.)		
Милон Кротонский (VI до н. э.)		
Петрон (VI до н. э.)		
Семирамида		
Сервий		
Тарквиний (VI до н. э.)		
Эзон		

Линия № 3

Анк Марций (VII до н. э.)	Нет	Абен Эзра
Гесиод (VIII—VII до н. э.)		Готфрид Бульонский
Гитес (VIII—VII до н. э.)		
Нехепс (VII до н. э.)		

Линия № 2

Ромул (VIII до н. э.)	Нет	Нет
Эней (VIII до н. э.)		

Линия № 1

Нет | Нет | Нет

Сюда не вписаны персонажи 4-го трака, линия № 4,— герои Гомеровского эпоса минус XIII века Ахилл, Агамемнон, Нестор, Приам и Пирр. Без них общая таблица итогов по книге Рабле такова:

Линии	3 трак	2 трак	1 трак	Всего
№ 9	1	0	0	1
№ 8	2	4	46	52
№ 7	17	22	35	74
№ 6	14	18	11	43
№ 5	35	16	7	58
№ 4	12	1	3	16
№ 3	4	0	2	6
№ 2	2	0	0	2
№ 1	0	0	0	0
Итого	87	61	104	252

К сожалению, это неполный список; некоторых персонажей не удалось датировать или идентифицировать. Однако нас интересуют не отдельные упоминаемые лица, а общая тенденция: в романе Рабле римляне и греки линий № 7—8 встречаются сплошь и рядом!

И опять, как и в случае с Данте, автор линии № 8 не знает многих «древних» деятелей своей линии и вообще никого — линии № 9. Рабле неизвестны: Филон Ларисский, Антиох Аскалонский, Стратон, Панэтий, Посидоний, Гиппарх, Гиппал, Полибий...

А кстати, для нас очень показательно, что Франсуа Рабле (1494—1553) не упоминает историка и писателя Полибия (200—120 до н. э.), а Жан Боден (1530—1596) очень его любит, постоянно на него ссылается и ставит другим в пример. Это может быть только в том случае, если Полибий жил одновременно с Рабле, но стал известен позже. Ведь тогда не то что сети Интернет, но даже газет и научных журналов не было. И в самом деле, по возрасту Боден младше Рабле на 36 лет, пережил же он его на 43 года.

В отличие от Данте Жан Боден интересуется в большей степени историей, а потому своих «современников»-антиков упоминает чаще, чем современников просто. На линии № 9, то есть выше его собственной жизни, обнаруживаются только два лица, и оба минус I века, это Страбон (64—20) и Веллий Патеркул.

Таблица упоминания персонажей для Бодена выглядит так:

Линии	3 трак	2 трак	1 трак	Всего
№ 9	2	0	0	2
№ 8	10	22	80	112
№ 7	29	24	33	86
№ 6	36	34	16	86
№ 5	29	16	7	52
№ 4	0	1	5	6
№ 3	0	0	0	0
№ 2	0	0	0	0
№ 1	0	0	0	0
Итого	106	97	203	406

Если же сравнить графики, составленные для Рабле и для Бодена без учета нашей синусоиды, то есть по всей «шкале времен», то и в этом случае мы увидим ненормальное распределение — с необъяснимыми «взлетами» и провалами, как и в случае с Данте. Надо, конечно, учитывать, что у этих авторов были разные сферы интересов: один был писателем, другой — историком права.

Чосера, который умер в 1400 году (окончание линии № 6) тоже считают энциклопедией — «Энциклопедией английского средневековья». Хоть у него упоминается менее полусотни исторических деятелей, будет интересно сравнить данные по Чосеру с двумя другими «энциклопедиями»: Данте и Рабле. В его списке встречаются люди линии № 7—8, чего не должно быть, но объясняется это и тем, что не только даты жизни Чосера приблизительны (он мог жить в начале XV века), и тем, что его Кентерберийские рассказы очень популярны и могли быть дополнены переписчиками после его смерти. Недаром литературовед И. Кашкин пишет, что это произведение «выходит за рамки средневековья».

Линии	3 трак	2 трак	1 трак	Всего
№ 9	0	0	0	0
№ 8	1	0	1	2
№ 7	2	3	1	6
№ 6	4	12	10	26
№ 5	1	3	3	7
№ 4	1	0	2	3
№ 3	0	0	1	1
№ 2	0	0	0	0
№ 1	0	0	0	0
Итого	9	18	18	45

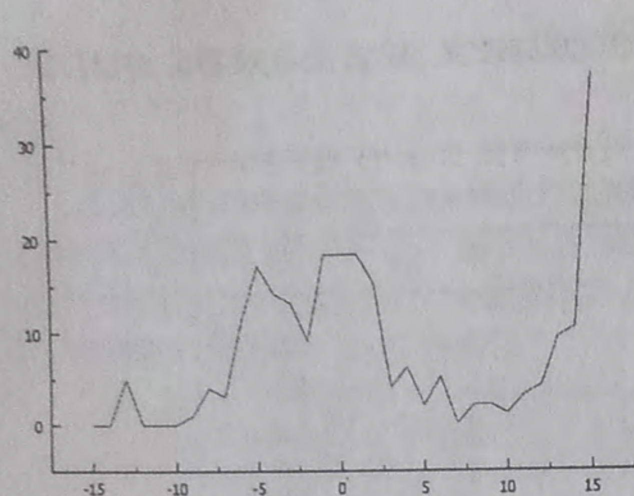


График для Рабле

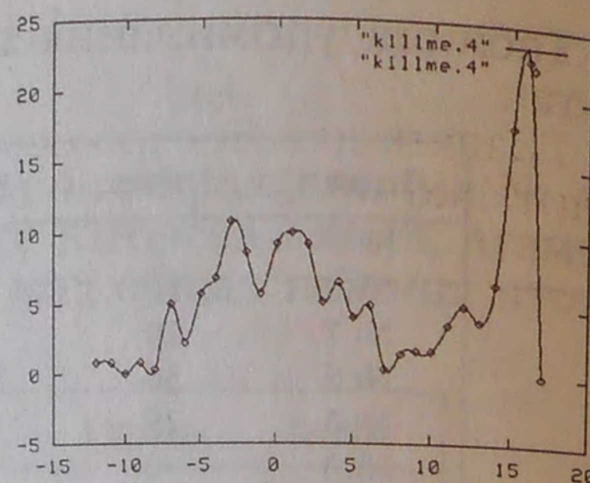


График для Бодена

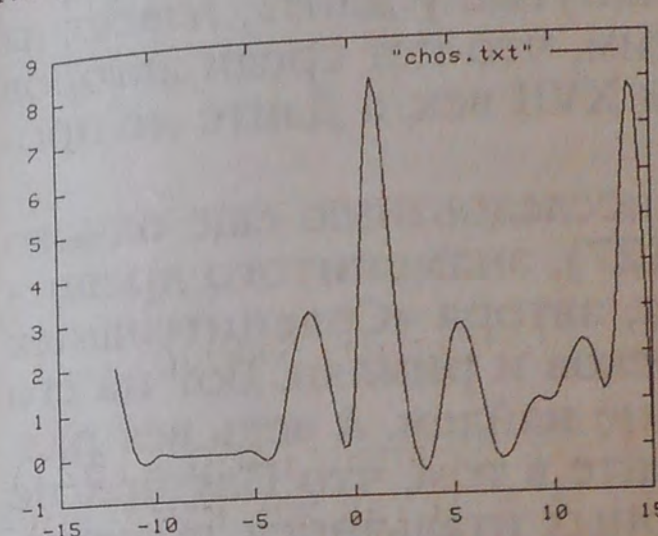
Примечательна таблица для Макиавелли (1469—1527). Ни одного персонажа выше линии № 8, и так же, как у других авторов «Возрождения», нет никого ниже линии № 3. Однако античных греков и римлян Макиавелли знает существенно больше в количественном отношении, чем своих современников, а «пробелы» в знаниях этого эрудита достигают 800 лет!.. Это ли не доказательство, что вся хронология смонтирована Скалигером? В своих книгах Макиавелли дат жизни упоминаемых им персонажей не указывает, эти даты появились позже, и в результате искусственность нашей традиционной истории ярко проясняется в таблице распределения упоминаемых в трудах Макиавелли исторических персонажей.

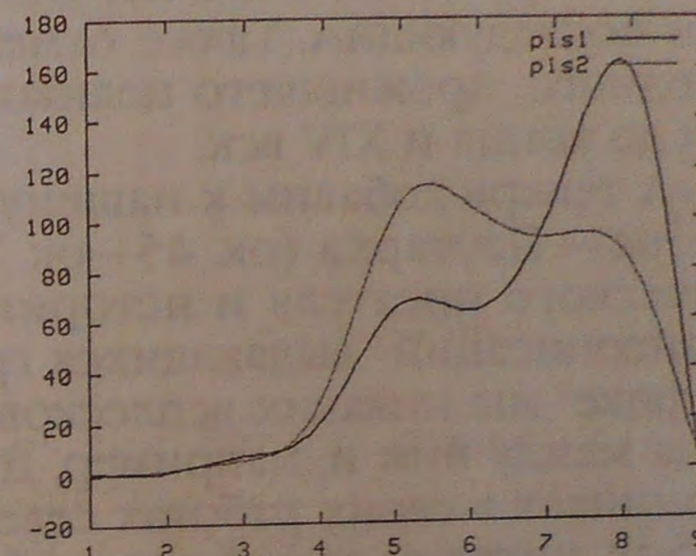
Линии	3 трак	2 трак	1 трак	Всего
№ 9	0	0	0	0
№ 8	7	1	32	40
№ 7	14	6	37	57
№ 6	21	18	9	48
№ 5	34	2	0	36
№ 4	20	0	0	20
№ 3	1	0	0	1
№ 2	0	0	0	0
№ 1	0	0	0	0
Итого	97	27	78	202

А чтобы сделать картину еще более яркой, приведем суммарный график для всех упомянутых в этой главе авторов: Данте, Рабле, Чосера, Бодена, Макиавелли. Здесь кривая pis-1 показывает значения по всем линиям только 1-го трака, а кривая pis-2 — значения по общему результату, включая 1-й трак. По оси абсцисс отложены номера линий веков от 1 до

9, по оси ординат — условная численность упоминаемых человек.

График для Чосера без разбивки по линиям веков выглядит так:





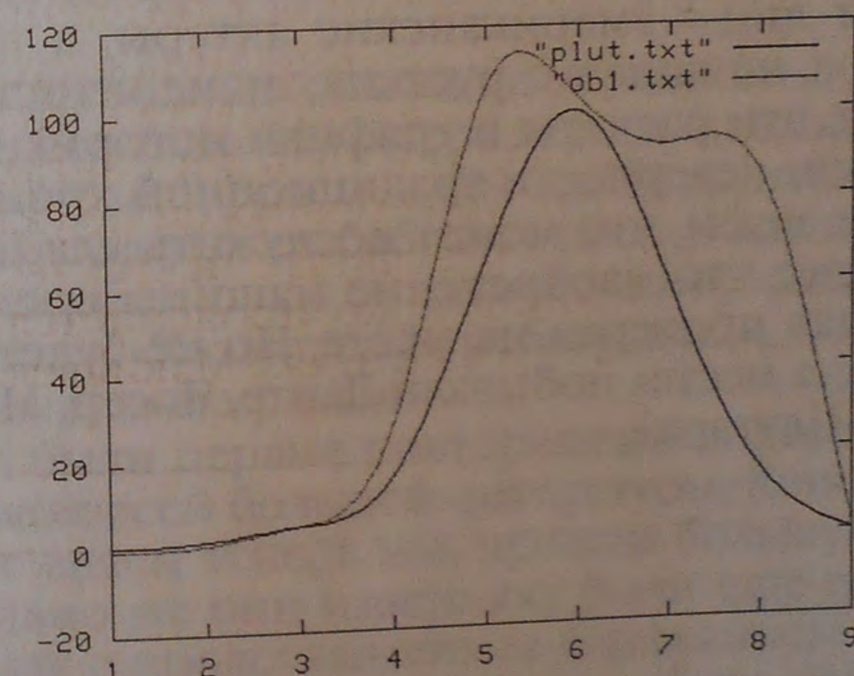


График «античного» Плутарха на фоне суммарного графика «возрождавших античность» писателей

Численность названа условной, потому что график построен по методу наименьших квадратов, а его распределение нормировано, то есть интеграл первой и второй кривой одинаковый. В реальности суммарный график pis-2 должен быть в два с половиной раза выше графика pis-1 (по 1-му траку), что понятно, поскольку в общую сумму входит и численность персонажей 1-го трака.

«Всплеск» на уровне линий № 5—6, или XIII—XIV века вызван тем, что отсюда мы и начали наше исследование — с Данте, жившего в XIII—XIV веках. До линии № 3 никто из авторов «Возрождения» не упоминает участников исторического процесса, а имена, упомянутые у Данте, известны всем последующим. Также отметим, что нет среди авторов ни одного, прожившего целиком XVII век, а Данте не прожил до конца и XIV век.

А теперь добавим к нашему исследованию еще одного автора — Плутарха (ок. 45—ок. 127), знаменитого древнегреческого писателя и историка, автора «Сравнительных жизнеописаний» выдающихся греков и римлян. Вот на его графике[1] мы никаких всплесков не найдем. А ведь вся разница между ним и, например, Данте в том, что Плутарх не упоминает в своих работах северных итальянцев, поскольку был жителем самой сильной империи мира. Точно так же в современных русских «светских» журналах две трети упоминаемых лиц — американские актеры, а в журналах США, наверное, не пишут о русских знаменитостях.

Если даже эти расчеты и графики историки не сочтут доказательством неверности традиционной хронологии, то тогда мы и не знаем, что может послужить для них доказательством. Разве что изобретение машины времени и непосредственная проверка на месте. Но не будет ли достаточным, что «на месте» побывали Данте, Чосер, Макиавелли, Рабле, Боден, Плутарх?..

---

[1] Подсчет упомянутых в произведениях Плутарха лиц велся по хронологической таблице М. Гаспарова.

Сказки

Русские народные сказки всем известны. Крайне простой сюжет, четкость характера героев, повторяющиеся рефреном ключевые фразы — вот их отличительные черты. «Я от дедушки ушел, я от бабушки ушел»; «Как выпрыгну, как выскочу, полетят клочки по закоулочкам»; «Дед бил-бил, баба била-била...»; «Козлятушки, ребятушки...», «Ходит медведь за окном: скирлы-скирлы...».

Таковы были первые повторяющиеся рассказики, ставшие затравкой всей большой литературы. Конечно, те сказки, которые знаем теперь мы, прошли большую обработку, первоначально же они наверняка были еще примитивнее. Затем, наряду с продолжавшимся бытованием простейших сказок, появились сказки посложнее. Даже сами их названия: «Иван-царевич и серый волк», «Марья-искусница», «Василиса Прекрасная»,— показывают нам, что составляться они стали уже после широкой христианизации Руси, которая привнесла в русскую жизнь не только новые имена людей, но и умение слушать и произносить длинные речи, проповеди.

Так, обучаясь шаг за шагом, сказители осваивали новые умения в сложении слов. Простейшие сказки, затем сюжетные — посложнее, затем эпические произведения, а позже и наряду с ними работы религиозного характера, имеющие, конечно, свои особенности. Письменность позволила уве-

личивать размеры произведений, а широкое развитие грамотности закрепляло в культуре народа правила художественного словесного творчества.

А как представляют себе начало национальных литератур специально наученные разбираться в них люди, литературоведы? Оказывается, по их мнению, литературы всех народов начинались с развитых эпических форм и дидактических произведений религиозного характера и лишь затем перешли к сказкам. А дальше, надо полагать, уже можно было и алфавит придумывать.

«Прежде всего, как свидетельствует сравнительная история литератур Древности, становление этих литератур обычно начинается с появления религиозных сводов и эпоса»,— пишет П. Гринцер. Но давайте скажем прямо: «прежде всего» вывод литературоведа основан на неверной хронологии. Сказали ему: «вот эта эпическая поэзия и есть самая древняя литература», и он бубнит о сравнительной истории литератур Древности. А ткнули бы его носом: «смотри, из этого зернышка сказок выросло дерево эпоса», он бы так и говорил. Но в рамках скалигеровской истории здравому смыслу места нет, и вот мы читаем:

«Первыми произведениями китайской литературы считаются «Шуцзин», «Шицзин» и «Ицзин», вошедшие в конфуцианское «Пятикнижие», история иранской литературы открывается Авестой, еврейской — Библией, греческой — «Илиадой» и «Одисеей». Среди древнейших памятников месопотамской, угаритской, хеттской и египетской литератур преобладают фрагменты мифологического эпоса и ритуальных текстов. С этой точки зрения представляется закономерным, что начало развития индийской литературы ознаменовано созданием литературных комплексов (ведийского, буддийского, джайнского и эпического)...»

Здесь надо отметить наличие некоторой недоговоренности, свойственной литературоведению. Литература, по определению, есть совокупность произведений письменности. Но ведь первичные сказания ходили в устной форме задолго до появления письменности. Они тоже были записаны, то есть являются теперь частью литературы, но, как вы вскоре увидите, в некоторых случаях были записаны только в XX веке! Значит ли это, что им ПРЕДШЕСТВОВАЛА религиозная литература?.. Например, определение П. Гринцера не раскрывает нам истоки нашей родной русской литературы. Ведь в отличие от традиционной «Месопотамии», никакой Древней Руси не находят историки раньше VII—

IX веков н. э. В таком случае, скажите же нам поскорее, что предшествовало появлению сказки «Репка»: Велесова книга, Библия, «Правда Ярослава» или еще что-то?..

«Посадил дед репку. Выросла репка большая-пребольшая. Стал дед репку тянуть. Тянет-потянет, вытянуть не может. Позвал дед бабку. Бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут. Позвала бабка внучку. Внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут. Позвала внучка Жучку[1]. Жучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут. Позвала Жучка кошку. Кошка за Жучку, Жучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут. Позвала кошка мышку. Мышка за кошку, кошка за Жучку, Жучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянули репку».

А в качестве примера,— какая литература «развилась» на основе буддийского «литературного комплекса»,— рассмотрим сказку, записанную А. Д. Рудневым в начале XX века в российской Бурятии:

МОЛОДЕЦ С ЖЕЛЕЗНЫМИ НОГТЯМИ

«Жили были некогда два брата; у старшего были простые ногти, а у младшего — железные. Они забирались в ханский амбар и крали оттуда разные вещи. Раз ночью они оба взобрались на амбар, и старший сказал:

«Ты, как младший, залезай вперед».

Младший ответил:

«Нет, ты, как старший, входи первым».

Старший брат влез первым и плюхнулся в бочку с растительным маслом. А младший брат убежал домой.

Наутро ханские служащие, сняв голову старшего брата и привязав ее к хвосту коня, пустили коня бегать между многочисленным народом, чтобы узнать, кто будет ее жалеть. Жену его начал разбирать плач. Кто-то ей говорит:

«Если ты собираешься плакать, то снеси лучше своей еды на черную каменную плиту и заплачь, разбив вдребезги посуду с едой, чтобы все думали, что тебе стало жаль своей еды».

---

[1] Пример явного опоэтизирования первоначального текста. Назвать в тексте сказки собаку «Жучкой», в рифму с внучкой, могли много позже составления самой сказки.

Она снесла лучшей своей еды на черную каменную плиту и, разбив посудину с едой, заплакала. Ее не стали подозревать.

На следующую ночь его брат, человек с железными ногтями пошел один, чтобы красть в ханском амбаре. А хан, одевшись в плохие одежды, стоит у угла амбара. Тот спросил:

«Это вы зачем тут?»

Хан ответил:

«Сходи и посмотри через окошко, что мои сановники делают?»

Человек с железными ногтями запропал, затем пришел и говорит:

«Ваши сановники на печи расставляют что-то в склянках, и сговариваются, что завтра, когда хан придет, заставим его выпить».

Хан сказал:

«Отправляйся со мной, а когда мне нальют того, что в склянке, я, раз хлебнув, выброшу на северную стену, а ты отруби головы всем сановникам».

И дал хан тому молодцу золотой свой меч.

Наутро сановники посадили хана на золотую повозку и, отвезя в его дом, подали ему что-то из склянки. Хан раз хлебнул и выбросил на северную стенку, а молодец отрубил тем сановникам головы.

После того хан спрашивает:

«Что же ты возьмешь у меня?»

Молодец отвечает:

«Ничего я с вас не возьму, а буду жить по-прежнему вором».

Хан сказал ему:

«Коли ты такой великий вор, то сходи и укради золотую душу у Шолмос-хана».

Молодец сел на лодку и поплыл. Плыл он, плыл, и вот видит дворец. Пошел к нему. А там железная дверь. Он вошел в железную дверь. Дальше серебряная дверь; он и в серебряную дверь вошел; дальше золотая дверь; он и в золотую дверь вошел. Сидит там Шолмос-хан с рогами в семь сажен, с тремя глазами, золотую свою душу он спрятал в правую стену, и говорит:

«В мой дом ни мошка, ни муха не залетала, а как же ты вошел?»

«С лекарством на большом пальце, со снадобьем на указательном пальце».

Шолмос-хан испугался и стал чай варить, а молодец взял его золотую душу и вышел. А Шолмос-хан остался, взывая:

«Ах! Золотая душа моя!»

Молодец сел на лодку и поплыл. Видит опять дворец. Пошел к тому дворцу, вошел в железную дверь, вошел в серебряную дверь, а когда в золотую дверь вошел, сидит там сын Шолмос-хана, с рогами в шесть сажен, с тремя глазами, и говорит:

«В мой дом не залетали ни мошка, ни муха, а ты как вошел?»

Молодец отвечает:

«У меня на руках лекарство и снадобье».

«А почему это у тебя только два глаза? Сделай, чтобы и у меня было два».

Тот растопил свинца полный семимерный котел, положил сына хана лицом вверх, вылил котел на все его три глаза, а сам побежал прочь; вышел через золотые двери, вышел через серебряные двери, а как хотел выйти через железные двери, железная дверь не открывается. Войдя в восточное помещение, подлез он под холощеного козла, привязался за его бороду и видит; ослепший сын Шолмос-хана говорит:

«Верно, ты в козлином помещении, я убью тебя».

Он похватал козлов и повышвырнул их вон; да и холощеного козла тоже вышвырнул прочь, а с ним и молодца. Тогда молодец, дразня его, запел: «что, взял? Что, взял? Вот так ты! Привязавшись за козла, ушел я, что, взял, что, взял, вот так ты!»

Сын Шолмос-хана говорит:

«Теперь уж ни один из нас другого не победит, я тебе дам этот золотой меч».

Молодец отвечает:

«Брось мне его!»

«Когда что-нибудь дают, то разве не из рук берут?»

Молодец подошел, схватился за меч и прилип. Но он отрезал себе руку, отбежал и дразнит Шолмоса:

«Что, взял, что, взял, вот так ты!
Отсек я руку, ушел,
что, взял, что, взял, вот так ты!»

Молодец сел на свою лодку и поплыл к дому. Опять видит дворец; пошел к тому дворцу, вошел через железные двери, вошел через серебряные двери, вошел через золотые двери, и сидит там дочь Шолмос-хана, с рогами в пять сажен, с тремя глазами, и говорит ему:

«Стань скорее моим мужем!»

Он сделался ее мужем. Жена его каждый день ходила есть людей. И вот она родила мальчика с рогом в две сажени, с тремя глазами. Мальчик тот был плакса. Всякий раз, как уйдет жена есть людей, молодец взойдет на дом и смотрит, а ребенок заплачет и заставляет его в дом возвращаться. Раз, когда жена ушла и взошел он на дом, посмотреть, ребенок не заплакал. Он сел в лодку и быстро поплыл.

Жена, вернувшись домой, перерубила мальчика по середину, и нижнюю часть его тела бросила вдогонку за своим мужем. Мальчик догнал и прикрепился к лодке. А молодец перерубил поперек лодку, сел

на одну половину, быстро приплыл к своему хану и отдал ему душу Шолмос-хана».

Таковы большинство из 23 рассказов, записанных со слов самих рассказчиков А. Д. Рудневым и опубликованных во втором и третьем выпусках его книги «Хори-бурятский говор» 1913 года. Не правда ли, мы спускаемся к самым началам человеческой культуры? Из всего «буддийского литературного комплекса» в эту сказку внедрилось только слово «душа», заменившее в тексте некий золотой предмет, который до этого, несомненно, должен был украсть «молодец с железными ногтями». И металлические ногти, и металлическая «душа» выдают нам время первичного появления сказки, это эпоха перехода от использования камней к металлам.

Так и должно быть: национальные литературы начинаются с компилятивных произведений (значительную часть которой составляют вставки, рассказы действующих лиц и т. п.), не достигающих уровня большой эпической формы. Такие, как саги «Угон быка из Куалнге» и «Повесть о кабане Мак-Дато», а также «Родовые саги», где персонажи группируются по семейно-родовому и что, как правило, совпадает, территориальному признакам.

Затем появляются «суставчатые» произведения вроде сказки «Тысяча и одна ночь» или индийских «Сказок попугая». Причем приобрести подобный вид, когда ранее раздельные сказки объединяются некой общей нитью, они могут лишь в руках умелого литератора, хорошо владеющего письменностью и уверенного, что у скомпилированного им произведения будут читатели.

Позже появляются экстатические стихи и молитвы, еще не оформленные в поэмы и драматические произведения, но они не исключают из оборота первичных сказок, которые продолжают свое развитие, усложняясь, принимая новые формы. Приведем для примера стихотворную русскую сказку о Волхе Всеславьевиче. Что интересно, являет нам этот Волх чистейшее колдовство, хоть никаких «религиозных сводов» ему и не предшествовало.

...А втапоры княгиня понос понесла,
А понос понесла и дитя родила.
А и на небе просветил светел месяц,
А в Киеве родился могуч богатырь,

Как бы молодой Волх Всеславьевич;
Подрожала сыра земля,
Стряслося славно царство Индейское,
А и синее море сколыбалося
Для-ради рожденья богатырского
Молода Волха Всеславьевича;
Рыба пошла в морскую глубину,
Птица полетела высоко в небеса,
Туры да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы по чащицам,
А волки, медведи по ельникам,
Соболи, куницы по островам.
А и будет Волх в полтора часа,
Волх говорит, как гром гремит:
«А и гой еси, сударыня матушка,
Молода Марфа Всеславьевна!
А не пеленай во пелену червчатую,
А не поясай во поесья шелковые,—
Пеленай меня, матушка,
В крепки латы булатные,
А на буйну голову клади злат шелом,
По праву руку — палицу,
А и тяжку палицу свинцовую,
А весом та палица в триста пуд».
А и будет Волх семи годов,
Отдавала его матушка грамоте учиться,
А грамота Волху в наук пошла;
Посадила его уж пером писать,
Письмо ему в наук пошло.
А и будет Волх десяти годов,
Втапоры поучился Волх ко премудростям:
А и первой мудрости учился
Обертываться ясным соколом;
А и другой-то мудрости учился он, Волх,
Обертываться серым волком;
А и третей мудрости-то учился Волх
Обертываться гнедым туром — золотые рога.

«Появление мифа у первобытных людей сравнивают с поведением и отношением к миру ребенка,— пишет Э. Тайлор в своем труде «Первобытная культура»,— который в своем духовном становлении воспроизводит некоторые черты духовной жизни далеких предков. Ребенок способен заниматься мифотворчеством: представлять, что стул или палка есть конь, кукла — живое существо, т. е. «представлять себе, что нечто есть некто»... Нравственные правила, несомненно, существуют у дикаря, но они гораздо слабее и неопределеннее наших. К их

нравственному, так же как и умственному, состоянию мы можем, я полагаю, применить... сравнение диких с детьми...»

Взрослые люди в те времена, когда эти сказки впервые появились, относились к ним так же, как теперь относятся к ним дети, а для малолетних детей мифические или сказочные персонажи не отличаются от реальных. С ростом образованности человечества снижается возраст людей, «воспринимающих» литературу предшествующего времени. То есть сказки, которые когда-то всерьез воспринимались взрослыми людьми, теперь целиком перешли на «обслуживание» детей; «взрослые» когда-то приключенческие романы типа «Трех мушкетеров» стали подростковым чтением.

Представьте же себе сообщества, в которых все взрослые люди по умственному и эмоциональному развитию сходны с современными пятилетними детьми!.. Впрочем, хоть мы и не проводили специальных исследований, полагаем, и сейчас имеется значительная прослойка таких людей среди взрослых, и даже всеобщее образование немногим исправило это положение.

Н. А. Морозов когда-то, в молодые свои годы, был народовольцем. Он «ходил в народ», неся ему (народу) свет знаний. Однажды в какой-то сельской харчевне разговорился с крестьянином:

— А что, братец, не нужны ли вам книги?

— Очень нужны, барин, без книг прям беда! Уж давно нам не носили, исстрадались все.

Николай Александрович страшно обрадовался тяге крестьян к знаниям и стал выспрашивать, куда принести литературу и что именно народ предпочитает из жанров. Оказалось, нужны и поэзия, и проза, и даже прокламации, а пуще всего нужны толстые:

— Уж ты, барин, сделай божескую милость: раз тебе все равно книжки-то тащить, так ты неси которые потолще.

Морозов удивился, ведь он полагал, что дело не в толщине книг, а в их содержании. Когда же будущий академик сообразил, зачем крестьянам книги, он с этим селянином подрался.

В этом анекдоте, как в капле воды, отражается средний умственный уровень как «народа», так и его радетелей всего сто лет назад. И ведь Морозов был из лучших! А сколько народовольцев так и осталось при убеждении, что крестьяне особо любят Льва Толстого?..

Было время, когда сказки сочиняли взрослые для взрослых; затем происходило умственное взросление некоторых социальных прослоек, семей и племен; после XVIII века сказки уже начали сочинять специально для детей. И мы видим, что сами сочинители перестают быть «детьми» в своем понимании мира. Какой свободный слог, сколько юмора показывает нам Владимир Иванович Даль в своих сказках!..

В. И. ДАЛЬ

ЛУЧШИЙ ПЕВЧИЙ

В сказках и притчах всегда говорится, коли вы слыхали, что орел правит птичьим царством и что весь народ птичий у него в послушании. Пусть же так будет и у нас; орел — всем птицам голова, он им начальник. Волостным писарем при нем сорокопут, а на посылках все птицы поочередно, и на этот раз случилась ворона. Ведь она хоть и ворона, а все-таки ей отбыть свою очередь надо.

Голова вздремнул, наевшись досыта, позевал на все четыре стороны, встряхнулся и, со скуки, захотел послушать хороших песен. Закричал он рассыльного; прибежала вприпрыжку ворона, отвернула учтиво нос в сторону и спросила: «Что-де прикажешь?»

— Поди,— сказал голова,— позови ко мне скорешенько что ни есть лучшего певчего; пусть он убаюкает меня, хочу послушать его, вздремнуть и наградить его.

Подпрыгнула ворона, каркнула и полетела, замахав крыльями, что тряпицами, словно больно заторопилась исполнить волю начальника, а отлетев немного, присела на сухое дерево, стала чистить нос и думать: «Какую-де птицу я позову?»

Думала-думала и надумалась, что никому не спеть против родного детища ее, против вороненка, и притащила его к орлу.

Орел, сидя, вздремнул было между тем сам про себя маленько, и вздрогнул, когда вороненок вдруг принялся усердно каркать, сколько сил доставало, а там стал довертывать клювом, разевая его пошире, и надседался всячески, чтобы угодить набольшему своему. Старая ворона покачивала головой, постукивала ножкой, сладко улыбалась и ждала большой похвалы и милости начальства; а орел спросил, отшатнувшись:

— Это что за набат? Режут, что ли, кого аль караул кричат?

— Это песенник,— отвечала ворона,— мой внучек; уж лучше этого хоть не ищи, государь, по всему царству своему не найдешь...

Примером развития больших сюжетных сказок может служить творчество Г.-Х. Андерсена. Кто посмеет сказать, что эта литература имела своим источником не первоначальные сказки народов, а какой-то «религиозно-литературный комплекс»?..

Г.-Х. АНДЕРСЕН

ИСТИННАЯ ПРАВДА

— Ужасное происшествие! — сказала курица, проживавшая совсем на другом конце города, а не там, где случилось происшествие.— Ужасное происшествие в курятнике! Я просто не смею теперь ночевать одна! Хорошо, что нас много на насесте!

И она принялась рассказывать, да так, что у всех кур перышки повставали дыбом, а у петуха съежился гребешок. Да, да, истинная правда!

Но мы начнем сначала, а началось все в курятнике на другом конце города.

Солнце садилось, и все куры уже были на насесте. Одна из них, белая коротконожка, курица во всех отношениях добропорядочная и почтенная, исправно несущая положенное число яиц, усевшись поудобнее, стала перед сном чиститься и расправлять клювом перышки. И вот одно маленькое перышко вылетело и упало на пол.

— Ишь, как полетело! — сказала курица.— Ну, ничего, чем больше я чищусь, тем делаюсь красивее!

Это было сказано так, в шутку,— курица вообще была веселого нрава, но это ничуть не мешало ей быть, как уже сказано, весьма и весьма почтенною курицей. С тем она и уснула.

В курятнике было темно. Куры все сидели рядом, и та, что сидела бок о бок с нашей курицей, не спала еще; она не то чтобы нарочно подслушивала слова соседки, а так, слушала краем уха,— так ведь и следует, если хочешь жить в мире с ближними! И вот она не утерпела и шепнула другой своей соседке:

— Слышала? Я не желаю называть имен, но тут есть курица, которая готова выщипать себе все перья, чтобы только быть красивее. Будь я петухом, я бы презирала ее!

Как раз над курами сидела в гнезде сова с мужем и детками; у сов уши острые, и они не упустили ни одного слова соседки. Все они при этом усиленно вращали глазами, а совиха махала крыльями, точно опахалами.

— Тс-с! Не слушайте, детки! Впрочем, вы, конечно, уж слышали? Я тоже. Ах! Просто уши вянут! Одна из кур до того забылась, что принялась выщипывать себе перья прямо на глазах у петуха!

— Prenez garde aux enfants![1] — сказал сова-отец.— Детям вовсе не следует слушать подобные вещи!

— Надо будет все-таки рассказать об этом нашей соседке сове, она такая милая особа!

И совиха полетела к соседке.

— У-гу, у-гу! — загукали потом обе совы прямо над соседней голубятней.— Вы слышали? Вы слышали? У-гу! Одна курица выщипала себе все перья из-за петуха! Она замерзнет, замерзнет до смерти! Если уже не замерзла!

— Кур-кур! Где, где? — ворковали голуби.

— На соседнем дворе! Это почти на моих глазах было! Просто неприлично и говорить об этом, но это истинная правда!

— Верим, верим! — сказали голуби и заворковали сидящим внизу курам:

— Кур-кур! Одна курица, говорят, даже две, выщипали себе все перья, чтобы отличиться перед петухом! Рискованная затея! Можно ведь простудиться и умереть, да они уж и умерли!

— Кукареку! — запел петух, взлетая на забор.— Проснитесь.— У него самого глаза еще совсем слипались от сна, а он уж кричал: — Три курицы погибли от несчастной любви к петуху! Они выщипали себе все перья! Такая гадкая история! Не хочу молчать о ней! Пусть разнесется по всему свету!

— Пусть, пусть! — запищали летучие мыши, закудахтали куры, закричали петухи.— Пусть, пусть!

И история разнеслась — со двора во двор, из курятника в курятник и дошла наконец до того места, откуда пошла.— Пять куриц,— рассказывалось тут,— выщипали себе все перья, чтобы показать, кто из них больше исхудал от любви к петуху! Потом они заклевали друг друга насмерть, в позор и посрамление всему своему роду и в убыток своим хозяевам!

Курица, которая выронила одно перышко, конечно, не узнала своей собственной истории и, как курица во всех отношениях почтенная, сказала:

— Я презираю этих кур! Но таких ведь много! О подобных вещах нельзя, однако, молчать! И я, со своей стороны, сделаю все, чтобы история эта попала в газеты! Пусть разнесется по всему свету — эти куры и весь их род стоят того!

[1] Осторожнее, здесь дети! *(фр.)*

И в газетах действительно напечатали всю историю, и это истинная правда: одному маленькому перышку куда как не трудно превратиться в целых пять кур!

Теперь, если кто желает посмотреть, во что превратились русские стихотворные сказки вроде приведенного выше повествования про Волха Всеславьевича, пусть перечитает «Сказку о царе Салтане» А. С. Пушкина. И давайте задумаемся: неужели за пятьсот или тысячу лет до Андерсена, Даля или Пушкина, или даже на протяжении ста тысяч лет до них не было людей, ум которых был потенциально способен создать столь же великие произведения? Были конечно. Но они развивали этот свой ум в рамках имевшейся тогда образованности человечества, и в тех же рамках его проявили.

А в наше время, если приравнять XX век к возрасту человека, существует ли такая литература, которую не мог бы создать гениальный 20-летний писатель? В 20 лет А. С. Пушкин написал «Руслана и Людмилу», вскоре — «Бориса Годунова», «Евгения Онегина» и прочее; Лермонтов вообще погиб в 27 лет; Шолохов написал первые книги «Тихого Дона» в 25 лет, хотя его авторство и оспаривается. Начиная писать «Дон Кихота» как легковесную пародию на рыцарские романы, великий Сервантес смог подняться до высочайших философских вершин. То же можно сказать и о Шекспире (1564—1616):

Два духа, две любви всегда со мной —
Отчаянье и утешенье рядом:
Мужчина, светлый видом и душой,
И женщина с тяжелым мрачным взглядом.

Чтобы меня низвергнуть в ад скорей,
Она со мною друга разлучает,
Манит его порочностью своей
И херувима в беса превращает.

Стал бесом он иль нет — не знаю я...
Наверно, стал, и нет ему возврата.
Покинут я; они теперь друзья,
И ангел мой в тенетах супостата.

Но не поверю я в победу зла,
Пока не будет он сожжен дотла.

Здесь и восторженность чувств, характерная для молодежи, и высочайшее мастерство. Откуда же оно взялось? Люди научились выражать вот такие чувства в процессе развития своих способностей — и духовных, и литературных,— и продолжали свое умение совершенствовать. Из одного только этого соображения можно прийти к выводу, что древнегреческий любовный роман возник незадолго до Шекспира.

Н. А. Морозов о литературе

Философы XVIII века любили сравнивать развитие всего человечества и отдельной человеческой личности.

«Просвещение — это выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находился по собственной вине...— писал Иммануил Кант.— Несовершеннолетие — это неспособность пользоваться своим рассудком без руководства кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине имеет причиной не недостаток рассудка, а недостаток мужества пользоваться им без руководства кого-либо другого...»

Это в целом верно, причем в приложении не только к отдельной личности, но даже ко всему человечеству. Мозг — такой же орган, как и рука, и умение пользоваться им должно тренировать. Если человек не утруждает свои руки физическими упражнениями, они сами по себе не приобретают излишней силы. Точно так же и разум остается в пределах природных своих возможностей, не развивается, если не делать некоторых усилий. Но ведь потребность в таких усилиях не возникает сама по себе, она зависит от того умственного окружения, которое имеется у человека!

Иначе говоря, для того, чтобы начался умственный прогресс отдельных личностей и всего человечества, в обществе предварительно должна сложиться прослойка образованных, научившихся думать людей, которые были бы способны не только давать образование новым ученикам, но и воспринимать идеи самых продвинутых мыслителей.

Вот на возникновение такой прослойки и потребовалось двести тысяч лет нашей эволюции. Человек осознает себя, но на это способен и медведь. Чтобы действительно стать человеком разумным, следовало осознать это осознание, развить способность подниматься над «суетными сло-

вами» в мир информации и абстрактных понятий. Ни медведь и никто другой, кроме человека, сделать этого не смог.

Первоначально же редкие искры мыслей, не относящихся к повседневному быту и превышавших уровень усвоенных с детства представлений о мире, залетая в головы людей, казались им настолько удивительными, что воспринимались не иначе, как непосредственный голос Бога. И они говорили своим соплеменникам: мне Бог сказал. И что интересно, это — наша довольно недавняя история. Рассказами о людях, услышавших голос Бога, переполнены все религиозные источники, в том числе христианские и мусульманские. Даже если не менять хронологию, получается, что мыслить «по-современному» люди начали всего лишь полторы — две тысячи лет назад. Легко понять, что только после этого могло начаться развитие литературы от простых сказок к сложным формам.

Н. А. Морозов в третьем томе своей книги «Христос» посвятил некоторое внимание различным типам беллетристических произведений. Он показал, что высшие из этих типов возникают из сложения первичных элементарных сообщений, подобно тому, как сложные организмы возникают из сложения первичных клеточек, и тоже не беспорядочно, а в виде систематических комплексов, связанных между собою переходными мостиками, нередко построенными тоже очень художественно.

Позже ученый потратил еще немало усилий для прояснения хронологии литературных произведений. Среди его рукописей имеется целая книга «Миражи исторических пустынь», которую сам он считал за девятый том книги «Христос» и посвятил литературе. Поскольку книга эта никогда не была издана[1], а приводимые в ней соображения очень интересны, мы в этой главе процитируем из нее «Основной закон эволюции человеческой литературы»:

«Всякий законченный в самом себе по смыслу комплекс сообщений (т. е. отдельных фраз) соответствует волокну сложных организмов и целому организму у несложных. Несложными литературными композициями являются молитвы, лирические стихотворения, басни и короткие детские сказки. А сложными произведениями являются большие поэмы, повести и романы, в которые такие отдельные композиции входят как волокна в сложные организмы, переплетаясь между собою всевозможными способами и соединяясь в одно целое переходными мостиками, как цементом.

[1] Книгу Н. А. Морозова «Миражи исторических пустынь» готовит к печати издательство «Крафт».

Разъясню эту параллель более детально.

Возьмем, например, то время, когда большинство русского народа было еще безграмотно, тогда дети даже привилегированных сословий удовлетворяли потребность своего воображения так называемыми «нянькиными сказками», а взрослые люди песнями баянов, т. е. первобытных поэтов. Конструкция таких сказок и песен была проста, через весь рассказ проходила только одна нить последовательности. Слог очень элементарен, фразы почти без придаточных предложений. И вся композиция не превышает двух-трех или нескольких страничек современной печатной книжки. Сюжетами были большею частью боевые или охотничьи приключения с невероятными вмешательствами говорящих зверей, птиц и рыб, и нередко сверхъестественных существ. Если затрагивался любовный сюжет, то не иначе как унесенная волшебником похожая на куклу принцесса-красавица, которую нужно было освободить.

В нашей русской баянской поэзии излюбленным героем был богатырь Илья Муромец, и о нем создалось до XX века много былин, т. е. элементарных описаний того или другого из приписываемых ему подвигов.

Представьте теперь, что в период уже развившейся письменности какой-нибудь любитель-грамотей, человек начитанный и не без собственного литературного таланта, собрав в своей жизни и записав в отдельности несколько десятков или даже не одну сотню таких рассказов, захотел бы составить из них нечто цельное, воображая таким образом восстановить полную биографию своего героя, если по легковерию своему считал эти сказания правдивыми, а если нет — то цельную поэму об Илье. Расположив их в одной последовательности по своему вкусу и соединив переходными мостиками перерывы при скачке от одного независимого сказания к другому, в виде связующих вставок или перестановок действия, с неподходящих на подходящие места, он легко составил бы большую суставчатую поэму вроде Илиады или Одиссеи, и тем более легко, что размер стиха в эпической поэзии всегда один и тот же — в греческой, например, гекзаметр.

Таково образование всех длинных эпопей, похожих на многосуставчатых червей, в которых каждый членик представляет как бы самостоятельное целое и у которых при разрезе пополам обе половины начинают жить самостоятельно. Но и эти эпопеи, как мы видели, могли возникнуть лишь в период развитой письменности, так как для их записи в таком виде, как мы имеем, недостаточно простого уменья писать каракульками, вырисовывая каждую букву, а необходимо уменье писать ско-

рописью, что дается только продолжительной практикой, как в письме, так и в чтении, и необходим дешевый материал вроде бумаги, так как на листках древесной коры такой эпопеи не напишешь, а пергамент слишком был дорог, чтоб употреблять на несерьезные произведения.

Перейдем теперь к современному роману.

Первоначальной его формой был фантастический рассказ, к которому только в конце XVIII века присоединился реалистический,— без сверхъестественных вмешательств и невероятных приключений и с введением психологических подробностей. Сначала его особенностью являлась почти всегда романтическая канва взаимных отношений девушки и молодого человека до их вступления в брак, и кончалось на этом событии, или происходила трагическая развязка. Только уже потом — со времени Бальзака — стали вводить в романы главными героинями и замужних женщин.

Отличительной особенностью всех романов является их сложная планировка, при которой вместо одной нити рассказа переплетаются две: начав рассказ о героине, автор прерывает его обыкновенно на самом интересном месте, возвращается вспять, описывает иногда на нескольких листах, что делал и чувствовал в это время герой романа, и искусно подводит его к тому критическому положению, на котором он оставил героиню. Соединив на этом месте обе нити рассказа, вновь возвращается к отдельным повествованиям, иногда примешивая к ним еще и третью нить, и затем приводит к развязке, к которой оказываются приспособленными уже все детальные сообщения, которые были даже и в самом начале. Такой роман аналогичен уже позвоночным животным, со скелетом и взаимодействующими друг с другом разнообразными органами, которых уже нельзя разрезать на две части, не разрушив целого. Это **скелетный** роман.

Эра такого романа только с XIX века, а место его вплоть до конца того века была только Европа да Северная Америка, как ее самая культурная колония.

Переходом к этому типу литературного творчества является **лучистый** тип, соответствующий лучистым животным классификации Линнея вроде морских звезд, морских ежей, морских лилий и т. д.

Он композируется очень просто.

Сначала рассказывается, как несколько человек разными путями сошлись вместе. Каждый из них затем сообщает историю о своих приключениях, приведших его в компанию с остальными, а вместе с тем в общее затруднительное положение. Они пытаются, помогая друг другу, выпутаться из беды и достигают этого тем или другим способом.

Читатель сам видит, что это средний тип между суставчатой и скелетной композицией. Отсюда ясно, что и по времени своего возник-

новения он должен помещаться после суставчатого и ранее скелетного типа.

Но это еще не значит, что высшая форма вытесняет в литературе низшее. Нет! Здесь происходит то же, что и в органической природе, где, несмотря на более позднее появление скелетных животных, продолжают существовать и развиваться и суставчатые, и лучистые, и даже одноклеточные организмы».

Такова основная схема эволюции литературного творчества на земном шаре, описанная Н. А. Морозовым. Все, что противоречит этой схеме, должно быть признано неправильно размещенным по векам или по народам, пишет ученый.

Мифология и начало литературы

«Для афинян поколения Геродота и Фукидида, двух великих историков — основоположников исторической науки, такие мифические персонажи, как Эдип, Ахилл, Тесей, были, пожалуй, более живыми и реальными фигурами, чем многие действительно существовавшие персонажи греческой истории VIII—VI веков до н. э.»,— пишет Ю. Андреев в книге «Поэзия мифа и проза истории».

А мы скажем так: для нынешних школьников персонажи греческой истории VIII—IV веков до н. э. (многие из которых изображены Геродотом и Фукидидом) — не менее мифические герои, чем Эдип или Ахилл. Описываемые Фукидидом события скорее всего происходили в XII—XIII веках, но степень достоверности этих описаний под вопросом. Действительно ли «наука нового времени смогла окончательно освободить историю от мифологии», как полагает Андреев, или наоборот — окончательно историю мифологизировала?

Оставаясь в пределах традиционной хронологии, ученые задают сами себе вопросы, и не могут ответить. Что толку призывать друг друга найти ту грань, ту ступеньку, с которой начинается история общества, уже не сводимая к простому чередованию мифических эпизодов, если пока, как мы видим, историю сводят именно к этому, к чередованию мифов. Совершенно справедливо пишет А. Лосев[1]:

---

[1] «История античной эстетики».

«Миф, как средоточие знания и вымысла, обладает безграничными возможностями, в которых Платон видит даже нечто магическое, колдовское. Недаром миф может заворожить человека, убеждая его в чем угодно... Сомневающихся в богах тоже заговаривают мифами».

Так и нас, скептически настроенных к традиционной истории людей, «заговаривают» мифами со множеством бытовых подробностей и называют это наукой. Например, искусствоведы составили очень подробную и весьма наукообразную историю искусства. В этой истории изобразительное творчество X века напоминает творчество младшеклассников, впервые взявшихся за это дело, а вот великолепные римские портреты II—III веков никак не могли бы выполнить дети, хоть они и сделаны якобы за восемьсот лет до примитивных работ X века!

Если же найти в себе смелость посмотреть на искусство непредвзято, сразу становится ясно, что классическое искусство не имеет никакого отношения к «детству человечества»,— таковым является искусство первобытное. Точно так же легко увидеть отличия между мифологиями: первобытной и античной.

В первобытном сознании царствует дологическое мышление. По определению Леви-Стросса, «в мифе все может случиться; кажется, что развитие событий в нем не подчинено никаким правилам логики. Любой субъект может иметь какой угодно предикат (свойство); возможна, мыслима любая связь». То есть смыслы покорно следуют за сочетаниями слов.

Позднее мифология становится более осмысленной. На рубеже бронзового и железного веков явно фантастические сказания сменяются «былинами». Мифология предшествует любой письменной литературе, ибо представления о происхождении мира, о явлении природы и т. д. относятся и к религии, и к народному творчеству.

А вот историку античной словесности приходится очень трудно, ведь ему надо держаться хронологических построений скалигеровцев, но то, что он обязан называть «мифом античности», таковым не является, выбиваясь из ряда первобытных мифов, а то, что считается «историей античного мира», есть история не античного мира. Это история средневековья, что тоже, в общем-то, «выпирает». Ложное знание не способно увлечь по-настоящему ни историка, ни читателя. Примером, что из этого получается, может служить книга «Миф и литература древности»

О. Фрейденберг. Впечатление такое, будто автор запутала сама себя.

«До греческой литературы нет никакой литературы,— пишет она.— Я хочу сказать, что нет в античности. Что касается до древнего Востока, то и там ее нет, но это и несущественно, потому что «детство» возникающего общества не может перенимать готовых образов общества дряхлеющего... О ней (греческой литературе) нельзя говорить, как говорят о продолжающейся литературе, хотя вся беда в том, что о ней говорят именно так».

Понять автора трудно. Речь здесь о том, что литература средневековая и античная проделали сходный путь, но у средневековых писателей были предшественники — как раз антики, но они предшественников не имели, причем не потому, что их не было, а потому, что они были авторами «дряхлеющего общества». Читателю становится понятным, что сходство в развитии античной и средневековой литератур ничем не объяснимо. Автор тоже это понимает, но признать не может:

«Получается так: античная литература... подобна (за исключением «полисных» сюжетов) любой европейской литературе — немецкой, английской, русской, французской».

«Античная литература возникла из фольклора. Нельзя игнорировать тот факт, что античной литературе не предшествовал никакой род литературы, ни своей местной, ни занесенной извне. Ведь только начиная с эллинизма литература получает возможность опираться на предшествующую литературную традицию; архаическая и классическая Греции такой литературной традиции не имеют».

Есть такая болезнь: шизофрения. У человека раздваивается сознание. То он рядом с вами, живет нормально и все понимает, то вдруг начинает в воздухе руками чертей ловить. История, разделенная на историю средневековья и историю античности, как раз и являет нам беспрерывно примеры шизофренического бреда, вроде этих рассуждений об античной литературе:

«Спрашивается, что же ей предшествует? В научной литературе ответ на этот вопрос прекрасно разработан. Правда, неверно названа сама область этого ответа. То, что до сих пор называлось историей религии, в английском понимании — фольклором, во французском — первобытным мышлением, следует обозначить совершенно иначе. И мышление-то это не первобытное, и фольклор этот еще не фольклор, и, главное, эта религия вовсе не религия. Но дело не в этом... Теперь все, что я здесь сказала, я прошу забыть».

К чему же все это словоблудие? Автор верит, что античная литература не такая, как другие, особенная, и хочет нас в этом убедить. Получается плохо, а между тем надо же объяснить, почему она, не имея предшественников, ничем не отличается от средневековой литературы, которая, как всем понятно, предшественника имеет — как раз в лице литературы античной. Но литературоведу самой не ясно, ни чем отличается античная литература от прочих, ни чего она от нее хочет: А, вот, кажется, поняла:

«В античности структура литературного произведения дается автору в готовом виде, в обязательном порядке».

Да разве так — только в античности? А в средневековье этого нет? Кажется, наш литературовед уже целиком переселилась в область мифа. Античные писатели для нее — рабовладельцы, которые эксплуатируют «народное творчество», черпая из него сюжеты и структуру своих произведений. То есть, в основе «античной литературы» — народ и его творчество, а творчество писателей совсем не творчество, потому что писатели не «представители народа», а рабовладельцы. Марксистский взгляд не допускает, чтобы рабовладельцы занимались тем, что выросло не в их слоях, потому что они, как вы сами понимаете, «страшно далеки от народа». Отсюда вся эта невнятность в теоретических построениях многих литературоведов. История учит их одному, а когда они сами влезают «в античность», то видят совсем другое. Им становится страшно, и начинаются уже совсем дурные выдумки, вроде «теории полисов».

Но и понятие полиса литературоведов не спасает. Под
полисом они понимают не город в современном значении
слова, а специфическую античную форму государственно-
сти, когда в пределах одного города как бы происходит це-
лая мини-история мини-государства, сменяются типажи,
пролетают эпизоды, словно в кино. В таком городе царит
демократия, развиваются науки и искусства, а за его стена-
ми — одни недоумки, не способные обучиться грамоте. Они
в это «кино» не попали.

Л. Глускина так описывает ситуацию в книге «Античная
Греция. Проблемы развития полиса»:

«Корень зла для Аристотеля, и особенно для Платона, заключает-
ся в стремлении к наживе, к чрезмерному обогащению, с одной сторо-
ны, и посягательствам бедноты на имущество состоятельных граждан, с
другой. Придя к власти, бедняки переобременяют богачей литургиями

или прибегают к конфискациям, изгнаниям, а то и казням (прямо какая-то французская революция!..) Эта политика способствует сплочению богатых граждан, склоняет их к заговорам. Опасаясь их, народ вручает защиту своих интересов сильному человеку, представляющемуся ревнителем интересов демоса и врагом богачей. Возникает тирания, сначала угождающая народу отменой долгов и переделом земли, но затем приводящая к жесточайшему порабощению (а это «русская» революция.— *Авт.*)... Ничуть не лучше и олигархия, при которой имущественный ценз, а не способности человека определяют его положение в обществе».

Но чем же отличаются город и античный полис? «Полис и город начинают выражать две противоположные тенденции: город — центр производства, полис — объединение землевладельцев... Развитие города как общественного организма, средоточия производства и обмена постепенно деформирует полисную структуру»,— объясняет Г. Кошеленко.

На наш взгляд, правильнее было бы сказать, что полис — понятие XII—XIII веков, а город — уже XIV века.

«Город как олицетворение развития производства (в первую очередь ремесленного) и товарно-денежных отношений вступал в конфликт с полисом как социальным организмом, основанным на общинных началах и допускающим лишь ограниченное развитие ремесла и товарно-денежных отношений... Не случайно в ряде греческих полисов принимались законы, ограничивавшие права гражданства для людей, занятых ремесленным трудом, или гражданам вообще запрещали заниматься ремеслом».

Не напоминает ли это противоречия между феодаль-
ным и капиталистическим способами ведения хозяйства?
И в истории средневековой Европы есть примеры подо-
бных законов.

В 1343 году во Флоренции произошло первое крупное
выступление чесальщиков шерсти. В 1345 году создана ор-
ганизация чесальщиков и красильщиков. В 1371 году
вспыхнуло восстание шерстянников в Перудже, которое
поддержали другие ремесленники. В Сиене было организо-
вано правительство «тощего народа». Были изгнаны наибо-
лее богатые горожане.

Увеличивалось расслоение внутри цехов ремесленни-
ков. Цеховые мастера отделялись от подмастерьев и зани-
мали привилегированное положение. Во Франции согласно
закону от 1351 года устанавливался максимум заработной

платы и затруднялся доступ к «метризе» — к получению звания мастера.

«Крестьяне, селившиеся в городах, приносили с собой навыки общинного устройства. Строй общины-марки, измененный в соответствии с условиями городского развития, сыграл очень большую роль в организации городского самоуправления... Особенностью средневекового ремесла в Европе была его цеховая организация. Цехи представляли собой особые союзы-объединения ремесленников определенной профессии в пределах данного города... Цех строго РЕГЛАМЕНТИРОВАЛ производство, через избранных должностных лиц он следил, чтобы каждый член цеха выпускал продукцию определенного количества... Уставы цехов строго ОГРАНИЧИВАЛИ число подмастерьев и учеников, ЗАПРЕЩАЛИ работу в ночное время и праздничные дни, ОГРАНИЧИВАЛИ количество станков, регулировали запасы сырья»[1]. (Выделено нами. — *Авт.*)

В XII—XIII веках в городах-полисах шла борьба за власть между цехами и городским патрициатом (землевладельцами и богатыми домовладельцами). Так формировалось сословие бюргеров в средневековой Европе, и такой же процесс описывает нам Л. Глускина, но происходил он якобы в античной Греции. И дальше параллели между ее античным миром и Европой — поразительные:

«Наемничество, распространение которого было прямым следствием развивающегося кризиса полиса, в свою очередь явилось фактором, усугублявшим и углублявшим этот кризис... Отряды таких наемников, возглавлявшиеся опытными командирами, представляли собой готовый горючий материал, который самим своим существованием способствовал вспышкам новых конфликтов как между различными государствами, так и внутренних».

Да ведь это же средневековая Италия! В 1378 году произошло крупное восстание чомпи (ремесленников, которым отказывали в создании своих цехов) во Флоренции:

«В июле доведенные до отчаяния чомпи двинулись к Старому дворцу, резиденции правительства. Вскоре запылали дома богачей, а их владельцы бежали... В конце августа вооруженные отряды наемников в союзе с ополчением феодалов разгромили повстанцев... С помощью наемников во главе с их предводителями — «кондотьерами» — правительство Флоренции вело активную захватническую политику»[2].

---

[1] «Всемирная история. Монголы и крестоносцы».
[2] «Всемирная история. Начало Возрождения».

То, что мы сейчас делаем, в кинематографе называется монтаж. Из кадров, снятых на одной площадке с разных точек, монтируется одна картина. А можно смонтировать две (а то и три), что и сделали историки посредством неверной хронологии.

Но, может быть, у кого-то наше сравнение светлой и счастливой поры греческих полисов и мрачного средневекового города вызвало раздражение?.. На этот счет существуют разные мнения. Например, взгляды Ницше на устройство жизни в Древней Греции таковы:

«Греки вовсе не были гуманным народом... Их культура была культурой узкого слоя господ, стоящих над массой вьючных животных».

Представления историков о своем предмете, как видим, могут быть весьма субъективны. С одной стороны, нам сообщают, что в полисах развивались науки, искусства и философия, и это — при преследовании ремесленников и торговцев, приносящих полису деньги! С другой, что в эллинистическую эпоху «ни производство того времени, ни философия не имели нужды в расширении научного кругозора».

Александр Македонский наплодил полисов по всему миру, после чего «полисное мышление» само собой разрушилось. Фантастика!

Развитие философии, литературы и искусства в «античности» налицо: софисты, Академия Платона, аристотелевский Ликей, затем «сад Эпикура», стоики, перипатетики. С другой стороны, как пишет О. Фрейденберг, «когда появляется Лукиан, философия уже носит характер не творческой науки, а предавно изготовленного к употреблению предмета просвещения... Это греческий ренессанс, который отличается от итальянского тем, что возрождает самого себя».

Вот вам еще одно «возрождение» — самого себя. Забавно, однако, что история Древней Греции изобилует подъемами и падениями, и началось это задолго до Платона и Эпикура.

В книге «Раннегреческий полис» Ю. Андреев сообщает:

«...В конце XIII в. до н. э., когда на страну обрушились дикие орды северных пришельцев, опустошая все на своем пути... Некоторые области Средней Греции лишились большей части своего населения и почти совершенно обезлюдели».

Кто же это такие были? Читаем, и вдруг на тебе:

«Мы ничего не знаем ни об их (пришельцев) происхождении, ни о маршруте, по которому они пришли, ни о том, наконец, куда они исчезли после того, как разграбили и опустошили всю страну».

Так, может быть, их и не было? И дикие орды лишь привиделись историкам? Или, что вернее всего, все эти описания лишь сохранившееся в фольклоре воспоминание о крестовых войнах?..

«Дальнейший ход событий во многом неясен... В это время продолжается и, по-видимому, еще больше возрастает отток населения из материковой и островной (!) Греции».

То есть местное население, разбежавшись во время нашествия неизвестно какого врага, и даже уплыв с островов, напрочь отказалось возвращаться в покинутые города после прекращения нашествия, чтобы начать строить новую жизнь, а продолжает жить в шалашах и пещерах. И пришельцы тоже в старых городах жить не желают, ведь они — «дикие варвары». (Ау, санитары!) Кто же там и, главное, что «возрождал»?

«Основная часть населения,— продолжает фантазировать историк,— или постоянно кочевала с места на место или ютилась по незначительным деревушкам, от которых не осталось никаких следов... Расположенные на их (городов) территории дворцы и другие постройки разрушены и лежали в развалинах. В них никто уже больше не жил».

Впечатление такое, что кто-то запустил кинопленку в обратном направлении. В самом деле, историк рассказывает здесь о 4-м траке, а это нисходящая ветвь синусоиды, регрессная. Так что ничего удивительного, что в этой истории дела идут все хуже и хуже:

«Общее число мест, где обнаружены следы микенской культуры на территории Арголиды, составляет 44 наименования. В следующий за катастрофой период их число сокращается более чем вдвое — до 19 наименований. Для Мессении аналогичное соответствие составляет 41 к 8, для Лаконии 30 к 7, для Беотии 28 к 5... Следы поселений, которые можно было бы датировать периодом 1100—900 гг. до н. э. на территории Балканской Греции и большей части островов Эгейского моря, чрезвычайно редки».

Итак, в XIII веке до н. э. от пришедших неизвестно откуда неизвестно кого разбежались греки материка и островов, а в XII—XI веках до н. э. якобы перерождается микенская культура, причем здесь уже местное население (кстати, неизвестно из кого состоящее) ведет себя по-варварски, без

Микеланджело. Потоп. Фрагмент фрески плафона Сиксинской капеллы. 1508—1512

всяких пришельцев. Объяснения происходящего очень туманны. Дж. Перкис пишет по этому поводу в книге «Греческая цивилизация»:

«Старый способ объяснять культурные и лингвистические изменения рядом «нашествий» больше не приветствуется и не считается убедительным. С современной точки зрения, большинство людей — и, разумеется, их предки — всегда жили на одном месте, и существует много внутренних причин, объясняющих, почему меняется культура и язык».

Но время не течет вспять. Как же сам Дж. Перкис объясняет «обратный» ход истории? Ответа нет. Зато потом начинается какой-то греческий ренессанс, «возрождающий сам себя». А с I века н. э. греческая цивилизация опять падает, и даже писатели возвращаются к языку четырехсотлетней давности (!), зато римская цивилизация почему-то возвышается именно на фоне падения греческой. Из чего складываются столь странные представления о начале литературы, вообще об истории? Не морочат ли нам голову?

Мы отказываемся верить этим ничем не подкрепленным выдумкам и приходим к выводам, что поскольку архаическая форма полиса относится к XI—XII реальным векам, то к этому же времени относится и зарождение письменной литературы.

И хотя в «Истории всемирной литературы» сказано, что «Старые» литературы... были замкнуты в своем существовании рамками Древнего Мира, и даже те творческие импульсы, которые они передали литературам — своим преемникам, были исчерпаны последними еще в Древности»,— это всего лишь очередная попытка объяснить необъяснимое. На деле европейцы старательно творили свою собственную средневековую историю. Потом появились Скалигер и Петавиус и объявили: не жили вы, а возрождали прошлое, да не свое, а чужое,— никому не ведомую античность! Одно можно сказать твердо: люди, которые все это придумали, веселились от души. Нашим же современным литературоведам остается только, зажмурившись от стыда (хочется все же верить в их человеческую честность), плести такие, например, кружева:

«Но я имела в виду историческое своеобразие Греции, еще мало изученное, которое сложилось в результате перехода и трансформации государственных (условный термин) форм,— всех этих эгейских культур, Крито-Микен и прочей чертовщины... Эволюции, конечно, не было, но из одной культуры вырастала противоположная, другая» (О. Фрейденберг).

Историки сказали: «эволюции не было», вот литературовед и пишет «конечно, не было», а просто из одной культуры вырастала другая. Для такого случая и существует слово «эволюция», но у них, литературоведов античности, тут не эволюция. Ведь из чего-то одного выросло что-то «противоположное». Понятно? Действительно, чертовщина.

«Нужно сказать, что с античной литературой наши учебники обходятся без церемоний. С одной стороны, ее считают совершенно такой же художественной литературой, какой, по их мнению, должна быть и всегда была всякая литература. Сложенная в эпоху развитых понятий, такая литература отличается от нашей только по темам и кое-каким неподелкам».

Мы все время об этом и говорим: античная и «наша» литература практически неразличимы. А это дает возможность литературоведам самим устанавливать хронологический порядок в истории, а не следовать за оккультными построениями Скалигера и его последователей.

Рассмотрим же подробнее, как может выглядеть реальная, выстроенная на основе анализа развития литературы история. И для примера возьмемся за одну из излюбленнейших тем как античной, так и средневековой литературы. Это — любовь, эротика.

Любовь и страсть

Тогда, глядящие в века былые,
Пусть хроники покажут мне твой лик
Лет за пятьсот назад, в одной из книг,
Где в письмена вместилась мысль впервые[1].

В. Шекспир, сонет 59, перевод В. Брюсова

Прежде чем начать наш путь вниз, к истокам мировой литературы, приведем пример образца высшего писательского мастерства на линии № 9,— Франсиско де Кеведо-и-Вильегас (1580—1645), рыцарь ордена Сантьяго, покровитель города Вилья-де-Сан-Антонио-Абад:

---

[1] O, that record could with a backward look,
Even of five hundred courses of the sun,
Show me your image in some antique book,
Since mind at first in character was done!

Я видел стены родины моей:
когда-то неприступные твердыни,
они обрушились и пали ныне,
устав от смены быстротечных дней.

Я проходил вдоль жаждущих полей,
я видел след ручья в засохшей глине;
стада брели понуро по равнине
под ливнем жгучим солнечных лучей.

В свой дом вошел я и увидел там
очаг остывший, скудость, запустенье;
и надломился посох мой устало,

и шпага, отслужив, сдалась годам.
И все, чего бы ни коснулось зренье,
о смерти властно мне напоминало.

(Перевод А. Косс.)[1]

Не все задумываются об этапах умственного взросления человечества, а если и придется вдруг, то полагают, что люди всегда были такими же умными, как сейчас. Советский философ Б. Поршнев в книге «О начале человеческой истории» пишет:

«Историки эпохи Возрождения, как Гвиччардини или Макиавелли, да и историки эпохи Просвещения, включая Вольтера, усматривали мудрость в этом мнении: как будто бы все меняется в истории, включая не только события, но и нравы, состояния, быт, но люди-то с их характерами, желаниями, нуждами и страстями всегда остаются такими же. Что история есть развитие, было открыто только в конце XVIII — начале XIX в... [Это] было открыто Кондурсе[2] в прямолинейной форме количественного материального прогресса, а великим идеалистом Гегелем — в диалектической форме развития через отрицание друг друга последовательными необходимыми эпохами».

Литература, как и искусство, является отражением умственного развития людей. Если в некоем веке мы видим свидетельства лишь примитивного уровня, то значит, что раньше этого века тоже не могло быть большего совершенства. Ведь речь идет об одном биологическом виде. Но традиционная история предлагает нам такие нелепицы: в VIII веке н. э. — в Европе полное отсутствие литературы и изобразительного искусства, а за тысячу лет до этого — шедевры!

Если же рассмотреть последовательно несколько литературных произведений по нашей синусоиде, сначала XVIII века, затем XVI, XIV, и, наконец, идя по линиям веков — «древних греков» (относящихся, по нашим предположениям, к XII—XIII векам), то можно увидеть, как мы неспешно опускаемся к детству человечества.

Вся историческая традиция в XVIII веке была еще крайне наивной. Ученые всерьез занимались вопросом, когда Европа была похищена Юпитером, и вычисляли точную дату. Вольтер (1694—1778) подсчитывал жертвы религиозных преследований со стороны христианства и пришел к выводу, что христианская религия стоила человечеству 17 миллионов жертв, если считать по миллиону в столетие. Читая его антиклерикальные опусы, трудно отделаться от впечатления, что они написаны восемнадцатилетним юношей, задиристым максималистом. Вот каков стиль его исследования о возникновении канонических Евангелий:

«Почему теперь церковь считает подлинными известные четыре Евангелия, между тем как в первые века христианства отцы церкви ссылались исключительно на апокрифические Евангелия? Интересно, на каком основании церковь признала ровно четыре Евангелия из пятидесяти, не больше, не меньше?»

И в остальных своих исследованиях он, выдающийся ум своего века, таков: ищет не причины событий, а ошибки людей. К. Беркова в монографии «Вольтер» делает такой вывод: «Вольтер, конечно, был очень далек от мысли, что крестовые походы были экспедицией торгового капитала на Восток в поисках новых рынков. Для него вся история — длинная цепь глупостей и преступлений, порожденных заблуждением человеческого разума».

Предшествующие ему ученые, разумеется, выглядят еще более «молодыми» в своих рассуждениях. И художественные произведения так же, как и уровень научных работ, век от века будто бы «спускаются» вниз по возрасту.

Вольтер. «КАНДИД, ИЛИ ОПТИМИЗМ», глава 28 («Что случилось с Кандидом, Кунигундой, Панглосом, Мартеном и другими»):

[1] Мы не имеем возможности приводить фамилии переводчиков во всех случаях, поэтому они иногда указаны, а иногда нет. Просим извинить нас за этот недостаток нашей книги.
[2] Маркиз, французский философ, просветитель, 1743—1794.

«— Еще раз, преподобный отец,— говорил Кандид барону,— прошу прощения за то, что проткнул вас шпагой.

— Не будем говорить об этом,— сказал барон.— Должен сознаться, я немного погорячился. Если вы желаете знать, по какой случайности я оказался на галерах, извольте, я вам все расскажу. После того, как мою рану вылечил брат аптекарь коллегии, я был атакован и взят в плен испанским отрядом. Меня посадили в тюрьму в Буэнос-Айресе сразу после того, как моя сестра уехала из этого города. Я потребовал, чтобы меня отправили в Рим к отцу генералу. Он назначил меня капелланом при французском посланнике в Константинополе. Не прошло и недели со дня моего вступления в должность, как однажды вечером я встретил весьма стройного ичоглана. Было очень жарко. Молодой человек вздумал искупаться, я решил последовать его примеру. Я не знал, что если христианина застают голым в обществе молодого мусульманина, его наказывают, как за тяжкое преступление. Кади повелел дать мне сто ударов палкой по пяткам и сослал меня на галеры. Нельзя себе представить более вопиющей несправедливости. Но хотел бы я знать, как моя сестра оказалась судомойкой трансильванского князя, укрывающегося у турок?

— А вы, мой дорогой Панглос,— спросил Кандид,— каким образом оказалась возможной эта наша встреча?

— Действительно, вы присутствовали при том, как меня повесили,— сказал Панглос.— Разумеется, меня собирались сжечь, но помните, когда настало время превратить мою персону в жаркое, хлынул дождь. Ливень был так силен, что не смогли раздуть огонь, и тогда, потеряв надежду сжечь, меня повесили.

Хирург купил мое тело, принес к себе и начал меня резать. Сначала он сделал крестообразный надрез от пупка до ключицы. Я был повешен так скверно, что хуже не бывает. Палач святой инквизиции в сане иподьякона сжигал людей великолепно, надо отдать ему должное, но вешать он не умел. Веревка была мокрая, узловатая, плохо скользила, поэтому я еще дышал. Крестообразный надрез заставил меня так громко вскрикнуть, что мой хирург упал навзничь, решив, что он разрезал дьявола. Затем вскочил и бросился бежать, но на лестнице упал. На шум прибежала из соседней комнаты его жена. Она увидела меня, растянутого на столе, с моим крестообразным надрезом, испугалась еще больше, чем ее муж, тоже бросилась бежать и упала на него. Когда они немного пришли в себя, я услышал, как супруга сказала супругу:

— Дорогой мой, как это ты решился резать еретика! Ты разве не знаешь, что в этих людях всегда сидит дьявол. Пойду-ка я скорее за священником, пусть он изгонит беса.

Услышав это, я затрепетал и, собрав остаток сил, крикнул:

— Сжальтесь надо мной!

Наконец португальский костоправ расхрабрился и зашил рану; его жена сама ухаживала за мною; через две недели я встал на ноги. Костоправ нашел мне место, я поступил лакеем к мальтийскому рыцарю, который отправлялся в Венецию; но у моего господина не было средств, чтобы платить мне, и я перешел в услужение к венецианскому купцу; с ним-то я и приехал в Константинополь.

Однажды мне пришла в голову фантазия зайти в мечеть; там был только старый имам и молодая богомолка, очень хорошенькая, которая шептала молитвы. Шея у нее была совершенно открыта, между грудей красовался роскошный букет из тюльпанов, роз, анемон, лютиков, гиацинтов и медвежьих ушек; она уронила букет, я его поднял и водворил на место очень почтительно, но делал я это так старательно и медленно, что имам разгневался и, обнаружив, что я христианин, позвал стражу. Меня повели к кади, который приказал дать мне сто ударов тростью по пяткам и сослал меня на галеры. Я попал на ту же галеру и ту же скамью, что и барон. На этой галере было четверо молодых марсельцев, пять неаполитанских священников и два монаха с Корфу; они объяснили нам, что подобные приключения случаются ежедневно. Барон утверждал, что с ним поступили гораздо несправедливее, чем со мной. Я утверждал, что куда приличнее положить букет на женскую грудь, чем оказаться нагишом в обществе ичоглана. Мы спорили беспрерывно и получали по двадцать ударов ремнем в день, пока сцепление событий в этой вселенной не привело вас на нашу галеру, и вот вы нас выкупили.

— Ну хорошо, мой дорогой Панглос,— сказал ему Кандид,— когда вас вешали, резали, нещадно били, когда вы гребли на галерах, неужели вы продолжали считать, что все в мире к лучшему?

— Я всегда был верен своему прежнему убеждению,— отвечал Панглос.— В конце концов, я ведь философ, и мне не пристало отрекаться от своих взглядов; Лейбниц не мог ошибаться, и предустановленная гармония всего прекраснее в мире, так же как полнота вселенной и невесомая материя».

Барон и Панглос в описании Вольтера — вполне типичны для своего времени. Они поступают опрометчиво, как очень молодые люди, хотя уже далеко не юнцы.

Следующий отрывок — из Рабле (1494—1553, линия № 8),— еще интереснее. В наше время взрослые люди так себя не ведут. Если раньше мы автора XVIII века сравнили с 18-летним юношей, то в этом произведении XVI века мы видим поступки 16-летнего подростка, описанные другим

Мастерская Леонардо да Винчи. Всадник. 1508—1512

таким же (и обратите внимание, с какой легкостью автор обращается с цифрами).

Франсуа Рабле. «ГАРГАНТЮА И ПАНТАГРЮЭЛЬ», глава XXII «О том, как Панург сыграл с парижанкой шутку, отнюдь не послужившую ей к украшению»:

«Надобно вам знать, что на следующий день приходился великий праздник Тела господня, праздник, когда все женщины наряжаются особенно пышно, и в этот-то самый день наша дама надела прелестное платье из алого атласа и мантилью из очень дорогого белого бархата.

Накануне Панург искал, искал и наконец нашел суку в течке, привязал ее к своему поясу, привел к себе в комнату и весь день и всю ночь отлично кормил. Наутро он ее убил, засим извлек из нее то, о чем толкуют греческие геоманты, разрезал на мельчайшие частицы и, спрятав это снадобье в один из самых глубоких своих карманов, отправился в церковь и стал там, где должна была пройти дама с процессией, положенной в этот день по уставу; как же скоро дама вошла в церковь,

Панург предложил ей святой воды и весьма любезно с ней поздоровался, а немного погодя, после того как она прочла краткие молитвы, опустился рядом с ней на скамью и вручил ей написанное на бумаге рондо, ниже воспроизводимое:

РОНДО

На этот раз надеюсь я, что снова
Меня вы не прогоните сурово,
Как в день, когда, не вняв моим мольбам,
Хоть ни делами, ни речами вам
Не причинил я ничего дурного,
Вы не нашли приветливого слова,
Чтоб, облегчая боль отказа злого,
Шепнуть мне: «Друг, нельзя быть вместе нам
  На этот раз».

Не скрою я из-за стыда пустого,
Что сердце от тоски сгореть готово
По той, кто краше всех прекрасных дам,
Что хоронить меня придется вам,
Коль не дадите мне вскочить в седло вы
  На этот раз.

А пока она раскрывала и читала бумажку, Панург проворно насыпал ей в разные места своего снадобья, преимущественно в складки платья и в сборки на рукавах, и, насыпав, сказал:

— Сударыня! Бедные влюбленные не всегда бывают счастливы. Что касается меня, то я все же надеюсь, что мои бессонные ночи, когда я проплакал все очи от любви к вам, будут мне зачтены за муки в чистилище. Во всяком случае, молите Бога, чтобы он послал мне терпение.

Не успел Панург договорить, как псы, почуяв запах снадобья, которым он обсыпал даму, отовсюду набежали в церковь и бросились прямо к ней. Маленькие и большие, гладкие и худые — все оказались тут и, выставив свои причиндалы, принялись обнюхивать даму и с разных сторон на нее мочиться. Свет не запомнит этакого безобразия!

Панург сперва отгонял их, затем, отвесив даме поклон, прошел в дальний придел и стал наблюдать за этой забавой, а мерзкие псы между тем обежали даме все платье, один здоровенный борзой кобель ухитрился даже написать ей на голову, другие — на рукава, третьи — на спину, четвертые — на башмаки, дамы же, находившиеся рядом, делали отчаянные усилия, чтобы ее спасти.

Панург, обратясь к одному из знатных парижан, со смехом сказал:
— Должно быть, у этой дамы течка.

Удостоверившись, что псы грызутся из-за дамы, словно из-за суки в течке, Панург пошел за Пантагрюэлем.

Каждому псу, который попадался ему на дороге, он неукоснительно давал пинка и приговаривал:

— Что ж ты не идешь на свадьбу? Твои товарищи все уже там. Скорей, скорей, черт побери, скорей!

Придя домой, он сказал Пантагрюэлю:

— Государь! К одной даме, первой красавице города, со всех концов набежали кобели,— пойдемте посмотрим.

Пантагрюэль охотно согласился и, посмотрев, нашел, что это зрелище очаровательное и доселе не виданное.

Но на этом дело не кончилось: во время процессии даму сопровождало более шестисот тысяч четырнадцати псов, доставлявших ей тьму неприятностей, и, куда бы она ни направлялась, всякий раз набегали еще псы и, следуя за ней по пятам, сикали на то место, которого она касалась своим платьем.

Представление это привлекло множество зрителей, и они не спускали глаз с собак, прыгавших даме на шею и портивших ей роскошный убор, дама же в конце концов решилась спастись бегством и побежала домой, но — она от собак, а собаки за ней, а слуги давай гоготать!

А когда она вбежала к себе в дом и захлопнула дверь, все собаки, налетевшие сюда издалека, так отделали ее дверь, что из их мочи образовался целый ручей, в котором свободно могли плавать утки, и это и есть тот самый ручей, что и сейчас еще протекает недалеко от Св. Виктора и где Гобелен, пользуясь особыми свойствами собачьей мочи, о коих некогда поставил нас в известность мэтр Орибус, красит материи в пунцовый цвет.

На таком ручье с божьей помощью можно было бы и мельницу поставить, но, конечно, не такую, как Базаклская мельница в Тулузе».

Литературовед скажет, что это гипербола, пародия или другой какой-то литературный прием. Тогда мы вправе признать за пародию и тот пассаж из Фукидида, который приводили в предыдущей части нашей книги. Высчитывая года, Фукидид пишет, что Пелопонесская война началась «на пятнадцатом году (после четырнадцатилетнего сохранения тридцатилетнего договора, заключенного в связи с покорением Эвбеи), в сорок восьмой год жречества Хрисиды в Аргосе, когда эфором в Спарте Энесий, а архонству Пифидора в Афинах оставалось до срока 4 месяца, на шестнадцатом месяце после сражения при Потидее, в начале

весны». Вот уж это впрямь пародия на средневековые датировки,— но ведь историки не склонны рассматривать такой текст как пародию.

Чтобы не было обидно представительницам прекрасного пола, что мы говорим лишь о мужских нравах и уме, поговорим и о женщинах, как ни описаны поэтами. За полвека до Рабле поэт Франсуа Вийон (1431—1463, линия № 7) так живописал нравы современных ему юных дев.

БАЛЛАДА-завет

прекрасной оружейницы гулящим девкам:

Внимай, ткачиха Гийометта,
Хороший я даю совет,
И ты, колбасница Перетта,—
Пока тебе немного лет,
Цени веселый звон монет!
Лови гостей без промедленья!
Пройдут года — увянет цвет:
Монете стертой нет хожденья.

Пляши, цветочница Нинетта,
Пока сама ты как букет!
Но будет скоро песня спета,—
Закроешь дверь, погасишь свет...
Ведь старость — хуже всяких бед!
Как дряхлый поп без приношенья,
Красавица на склоне лет:
Монете стертой нет хожденья.

Франтиха шляпница Жаннетта,
Любым мужчинам шли привет,
И Бланш, башмачнице, про это
Напомни: вам зевать не след!
Не в красоте залог побед,
Лишь скучные — в пренебреженье,
Да нам, старухам, гостя нет:
Монете стертой нет хожденья.

Эй, девки, поняли завет?
Глотаю слезы каждый день я
Затем, что молодости нет:
Монете стертой нет хожденья.

Это, напомним, XV век, третье столетие инквизиции. Оказывается, католическая церковь ничуть не мешает литераторам воспевать свободу нравов. Сходную ситуацию, то есть такую же свободу выражения являют «древние» греки и римляне 3-го трака той же линии веков.

Одновременно с сатирой, лирикой и плачами присутствует и поучительная литература, видимо, крайне востребованная в то время. Приведем для линии № 7 два примера, это поучения для мужчин и для женщин. Первый текст — из трактата дубровницкого купца XV века Бено Котрулевича «О торговле и совершенном торговце» — посвящен проблемам супружеской жизни, отношениям между мужьями и женами и вообще между мужчинами и женщинами, особенностям воспитания детей, то есть всему тому, что называется частной жизнью. Составители сборника «Средневековая Европа глазами современников и историков» прямо пишут, что «Котрулевич по существу первым в европейской литературе со всей откровенностью и полнотой представил взгляды горожан на вопрос взаимоотношения полов и сексуальную культуру».

То есть до него ничего подобного не было, и быть не могло.

Сообщается, что Бено Котрулевич происходил из богатой купеческой фамилии Дубровника, сам был удачлив в делах, умен, образован и красив, был счастлив в семейной жизни и имел много детей. Свой трактат, который в основе представляет собой настоящее экономическое пособие по ведению торговых операций, он завершил в 1458 году. Первое печатное издание книги увидело свет в Венеции в 1573 году.

Бено Котрулевич. «О ЖЕНЕ ТОРГОВЦА И ЕГО ДЕТЯХ»:

О ЖЕНЕ ТОРГОВЦА

Философ Феофраст[1] в книге о браке говорит, что жених должен быть рассудителен, богат, здоров и молод. Так что если ты собираешься жениться, а не обладаешь этими качествами или даже некоторыми из них — не женись. Три свойства желательны для всех жен. Первое — это порядочность, состоящая в целомудрии. Второе — полезность, под

[1] Феофраст — греческий философ IV века до н. э. (линия № 6).

которой я разумею приданое, наследство и богатство. Этого не следует домогаться, но если все это сочетается с порядочностью, не беги от этого. Третье — услада, выражающаяся в красоте, которая сама по себе является Божьим даром, однако со временем проходит, поскольку всякая женщина стареет, и если ты польстился на красоту, то с ее уходом проходит и любовь. То же касается и полезности. И только первое свойство — целомудрие остается с ней навсегда.

Жена должна быть разумна, надежна, серьезна, мила, старательна, нежна, скромна, милосердна, набожна, великодушна, сдержанна, бережлива, трудолюбива, умеренна в еде и питье, трезва, остроумна и всегда занята, поскольку две вещи — праздность и бедность являются причинами глубокого падения женщины. Работая, она заполняет досуг, который пробуждает страсть и блуд. Работая, она не впадет в нищету и всегда будет что-то иметь.

Женщина должна быть одета и украшена в соответствии со своим положением. Кожа ее должна быть чиста, и ни при каких условиях она не смеет мазать лицо, как обычно делают женщины в Италии и Греции. В этом отношении наша родина может считаться счастливой, так как здесь существует добрый обычай, запрещающий женщине делать это. Если же по несчастью ты встретишь мужчину, который холит свое лицо или волосы,— а я видел таких,— беги от него как от адской скверны.

Предупреждаю тебя, что бывают разные женские норовы. Некоторым нравятся ласковые слова. Таких любили в родительском доме. Они не терпят сурового обращения, так как им не по нраву грубые речи и побои, а ведь мало таких, которые по благородству духа не будут испытывать страха перед тобой. Они легко овладевают знаниями и добрыми обычаями, и блаженны те, кому достанутся такие жены.

Есть такие, у которых на лице написано, когда они пугаются; они по природе боязливы и большей частью малоценны, бестолковы и тяжело учатся. Таких надо разумно наставлять, чтобы раскрепостить их, поощрять их лаской и в ласке отпускать узду, а затем опять натягивать и пришпоривать, как делает ездок, желающий научить лошадь бежать рысью. Такие девушки держались в доме отцами в страхе.

Некоторые высокомерны, но глупы. В доме отца их держали в бедности и нужде. Когда они переходят в дом мужа, им кажется, что они вышли из темницы на свободу, и кичатся, думая, что стали госпожами. Муж должен их постоянно предостерегать и грозиться избить. Но если она не исправится, он может пустить в конце концов в ход палку, однако это уже последнее средство. Если она довела тебя до этой крайности, постарайся, чтобы никто об этом не узнал, поскольку нет большего обвинения против достойного человека, чем то, что он бьет жену, так как она — существо слабое и беззащитное и, как говорит

Аристотель — несовершенный человек[1], поскольку природа всегда стремится сотворить мужчину, но иногда, вследствие ошибки в материи либо по холодности мужчины или женщины, творит женщину. Несомненно, жена такова, какой ее сделал муж.

Некоторые женщины и готовы были бы чему-либо научиться, но легко забывают. Они с детства воспитаны в незнании. Лучше всего память развивается в упражнении. Меня многие порицали за то, что мои дочери учат грамматику и цитируют наизусть стихи Вергилия (линия № 5—6 «римской» волны.— *Авт.*). Но я это делаю не только затем, чтобы они стали совершеннее в грамматике и риторике, но чтобы были понятливее и умнее, с хорошей и крепкой памятью, а для того, кто чувствует, нет большего дара.

Некоторые бывают тупоумными и сонными, телом тучными. Только мясо без духа. Они из тех, кто проводили время в отцовском доме с глупыми подругами, где женщины обычно едят похлебку с вином, а потом все утро завтракают. Таких жен, нетрезвых, дебелых, похотливых и глупых, следует добром приучать к трезвости, отваживать их от пиршеств и учить молитвам и посту. Им надо отвыкать от всяческих похлебок, потому что еда такого рода наполняет голову водой, отчего они и становятся сонливыми и забывчивыми.

Если в 28 лет ты возьмешь в жены 16-летнюю, как требует Аристотель[2], то сделаешь ее такой, какой захочешь. В этом возрасте мужчина и женщина совершенны, и дети их получаются безупречными. Когда приведешь ее в дом, осторожно испытай ее, и если она окажется преданной тебе, доверь ей свои деньги и все свое имущество, и чем больше будешь выказывать ей доверия, тем более она будет преданной тебе.

Берегись и не смей развивать в жене похоть, потому что потом будешь раскаиваться. Ты должен по-разному держать себя с женой в обществе и наедине: на людях говорить с ней почтительно и стыдливо, а наедине — шутливо, приветливо и скромно. Отдай ей всю свою неиссякаемую любовь. Сделай ее женщиной, а не блудницей, и не показывайтесь друг перед другом с обнаженными срамными местами. Старайтесь быть застенчивы в словах и делах, храните супружескую верность. Супруг должен переносить нрав другого. Живи воздержанно и будь верен своей жене. Если ты не захочешь чужой жены, то и другой твоей не возьмет. А она тем больше будет стараться, чем больше будет сознавать, что она любима. Мужчина не должен оставлять свое семя, где ни

[1] Современной науке неизвестно подобного утверждения Аристотеля.

[2] Аристотель в «Политике» советует соединяться брачными узами 18-летним девушкам и 37-летним мужчинам.

попадя, так как от недостойных и дурных женщин не рождаются дети такие, как в браке.

Когда брак заключен, муж не имеет более власти над своим телом, только жена его, и жена не имеет власти над своим телом, только муж ее. Согласно власти, которую они имеют друг над другом и связывающим их священным узам, они должны исполнять супружескую обязанность. Мужа можно освободить от нее, если он болен, так как в этом случае жена не имеет власти над телом мужа в связи с тем, что исполнение супружеского долга происходило бы против его желания. Но если он требует сверх меры, то его требование неоправданно. Грешит ли тот, кто оказался неспособным исполнять супружеские обязанности? Если он ослабел из-за неумеренного увлечения ими, жена не имеет права требовать большего. Если имеется уважительная причина для этого, например пост, то не грешит, а когда ее нет — грешит. Грех жены, которая каким-либо образом предалась блуду, ложится на мужа.

Если нет противопоказаний, исполнять супружеские обязанности следует и во время беременности; можно даже требовать их исполнения, и это не является смертельным грехом, так как облегчение тоже является целью брака.

Если муж требует во время менструации, то нужно различать ситуации. Если просит и знает, то жена должна сказать ему оставить ее в покое. Если просит и не знает, тогда жене следует придумать себе какую-нибудь болезнь. Но если он настаивает, она должна исполнить свою обязанность. Неразумно жене всегда открывать свои болячки мужу, чтобы он не возненавидел ее.

Существует два способа противоестественного совокупления с женщиной: мимо природного сосуда или установленным естественным образом, но в другой позе. Первое всегда является смертным грехом, так как это противно природе. Второе — не всегда смертный грех, как утверждают некоторые, но, будучи иногда следствием человеческой чувственности, является серьезным грехом, который тем больше, чем больше эта поза отличается от естественной; а может и не быть грехом, если физическое состояние не позволяет использовать естественную позу.

А вот пример из сборника «Пятнадцать радостей брака и другие сочинения французских авторов XIV—XV веков».

Кристина Пизанская. «КНИГА О ГРАДЕ ЖЕНСКОМ» (1404—1405), книга I, глава 8:

Здесь Кристина рассказывает, как по внушению и с помощью Разума она начала копать землю и закладывать основание Града Женского.

И сказала дама Разума: «Вставай, дочь моя! Давай, не мешкая дольше, пойдем на поле Учености. Там, где протекают ясноводные реки и произрастают все плоды, на ровной и плодородной земле, изобилу-

ющей всеми благами, будет основан Град Женский. Возьми лопату твоего разумения, чтобы рыть и расчищать большой котлован на глубину, указанную мной, а я буду помогать тебе и выносить на своих плечах землю».

Я сразу же встала, повинуясь ей, и почувствовала себя в ее присутствии легче и увереннее, чем раньше. Она двинулась вперед, а я за ней, и когда мы пришли на это поле, я начала по ее указаниям копать и выбрасывать землю лопатой вопросов. И первый вопрос был таков: «Госпожа, я помню, как вы сказали мне по поводу осуждения многими мужчинами поведения женщин, что чем дольше золото остается в тигле, тем оно становится чище, и это значит, что чем чаще женщин будут несправедливо осуждать, тем больше они заслужат своей славы. Но скажите мне, пожалуйста, почему, по какой причине, разные авторы в своих книгах выступают против женщин, несмотря на то, что это, как мне известно от вас, несправедливо; скажите, неужели от природы у мужчин такая склонность или же они поступают как из ненависти к женщинам, но тогда откуда она происходит?»

И она ответила: «Дочь моя, чтобы дать тебе возможность углубиться в этот вопрос, я сначала подальше отнесу первую корзину земли. Поведение мужчин предопределено не природой, оно скорее даже ей противоречит, ибо нет иной столь сильной и тесной связи, данной природой по воле Бога мужчине и женщине, кроме любви. Причины, которые побуждали и до сих пор побуждают мужчин, в том числе и авторов книг, к нападкам на женщин, различны и многообразны, как ты и сама уже поняла. Некоторые обрушиваются на женщин с добрыми намерениями — чтобы отвратить заблудших мужчин от падших, развращенных женщин, от которых те теряют голову, или чтобы удержать от безрассудного увлечения ими и тем самым помочь мужчинам избежать порочной, распущенной жизни. При этом они нападают на всех женщин вообще, полагая, что женщины созданы из всяческой скверны».

...Многие мужчины ополчаются против женщин по иным причинам. Одни прибегают к клевете из-за своих собственных пороков, другими движут их телесные изъяны, третьи поступают так из зависти, а четвертые из удовольствия, которое они получают, возводя напраслину. Есть и такие, кто жаждет показать, сколь много ими прочитано, и потому в своих писаниях они пересказывают то, что вычитали в других книгах, обильно цитируя и повторяя мнения их авторов.

Из-за собственных пороков нападают на женщин те мужчины, которые провели молодость в распутстве, наслаждались любовью многих женщин, обманом добиваясь любовных свиданий, и состарились, не раскаявшись в грехах. Теперь же они сокрушаются, что прошла пора их безумств и распутства. Природа, благодаря которой сердечное влече-

ние претворяется в желанное для страсти действие, охладила их способности. Они страдают от того, что прошло золотое время, им кажется, что на вершине жизни теперь молодежь, к коей и они когда-то принадлежали. И не видят иного средства побороть свою печаль, как только обрушиться на женщин в надежде сделать их менее привлекательными для других. Повсюду можно встретить таких старичков, произносящих нечестивые и непристойные речи. Вспомни Матеола, который сам признается, что он немощный старик, обуреваемый страстями. Один его пример убедительно доказывает правдивость моих слов, и можешь быть уверена, что и многие другие мужчины таковы.

...Из зависти подвергают нападкам женщин и те злоязычные мужчины, которые, испытав на себе, поняли, что многие женщины умнее и благороднее их, и, будучи уязвленными, преисполнились к ним презрения. Побуждаемые завистью и высокомерием, они набрасываются с обвинениями на всех женщин, надеясь умалить и поколебать честь и славу наиболее достойных из них. И поступают как автор сочинения «О философии», имени которого я не помню. Он пытается убедить, что почтительное отношение к женщинам некоторых мужчин недостойно внимания и что те, кто высоко ценит женщин, его книгу извратили бы так, что ее пришлось бы назвать не «О философии», то есть «О любви к мудрости», а «О филомории» — «О любви к глупости». Но уверяю тебя и клянусь, что сам автор этой полной лживых аргументов и выводов книги явил миру образец глупости.

Что касается тех мужчин, что из удовольствия возводят напраслину, то неудивительно, что они клевещут на женщин, ибо вообще по любому поводу злословят обо всех. И заверяю тебя, что всякий, кто открыто клевещет на женщин, делает это по злобе сердца, вопреки разуму и природе. Вопреки разуму, поскольку проявляет великую неблагодарность: благодеяния женщин столь велики, что как бы он ни старался, он никогда не смог бы без них обойтись, постоянно нуждаясь в услугах женщин. Вопреки же природе потому, что нет ни одной твари — ни зверя, ни птицы, — которая не любила бы своих самок, и было бы совершенно противоестественно для разумного человека поступать наоборот.

И поскольку до сих пор на эту тему не написано ни одного достойного сочинения, не нашлось достаточно искусного писателя, то нет и людей, пожелавших бы ему подражать. Зато много желающих порифмоплетствовать, которые уверены, что не собьются с правильного пути, если будут следовать за другими, кто уже писал на эту тему и якобы знает в ней толк, тогда как у тех, полагаю, одна бестолковщина. Стремясь выразить себя, пишут убогие стихи или баллады, в которых нет никакого чувства. Они берутся обсуждать поведение женщин, королей и дру-

гих людей, а сами не могут ни понять, ни исправить собственных дурных поступков и низменных наклонностей. Простаки же по своему невежеству объявляют их писания лучшими из созданных в этом мире».

Вслед за этим перейдем к XIV веку, линия № 6, и опять обнаружим, что ничто не мешает писателям и поэтам — например, Франческо Петрарке (1304—1374) нападать в своем творчестве на церковь, упоминая, кстати, императора Константина (IV век, линия № 5), сделавшего христианскую религию государственной,— по нашей реконструкции, незадолго до самого Петрарки:

Исток страданий, ярости притон,
Храм ересей, начетчик кривосудам,
Плач, вопль и стон вздымаешь гулом, гулом,
Весь — ложь и зло; был Рим, стал Вавилон.

Тюрьма, обманов кузня, где закон:
Плодясь, зло пухнет, мрет добро под спудом;
Ад для живых; великим будет чудом,
Христом самим коль будешь пощажен.

Построен в чистой бедности убогой,
Рог на своих строителей вздымаешь
Бесстыдной девкой; в чем же твой расчет?

Или в разврате? Или в силе многой...
Богатств приблудных? Константина ль чаешь?
Тебя спасет бедняк — его народ.

(Перевод Ю. Верховского.)

Из образцов самой востребованной литературы (того же сорта, что и сейчас) приведем сначала ординарное произведение, затем — одно из тех, что считается лучшим.

Книга рыцаря Делатур Ландри, написанная в назидание дочерям. Глава 19 «О ТОЙ, ЧТО ВСКОЧИЛА НА СТОЛ»:

Однажды три купца возвращались из поездки за руанским сукном. Один вдруг сказал: «Очень хорошо, когда женщина покорна своему господину». «Моя,— сказал другой,— мне подчиняется без слов». «Моя же,— сказал третий,— как мне кажется, еще покорнее». Первый и сказал: «Давайте заключим пари, посмотрим, какая из них выполнит приказания мужа наиболее покорно».— «Согласны»,— ответили купцы. И заключили пари, и договорились, что никто из них не предупредит жену об их пари и только скажет: «Что бы я ни приказал, должно быть исполнено». Сначала пришли к одной. Муж сказал: «То, что я сейчас прикажу, должно быть исполнено — что бы это ни было». После этого приказал жене:

«Прыгай в этот водоем».— «Зачем? С какой целью?» — «Затем, что я так хочу».— «Нет, я должна сначала узнать, зачем мне прыгать». И не двинулась с места. Муж рассвирепел и наградил ее сильным ударом. Потом отправились к другому купцу, и он заявил, как первый, что его приказание должно быть исполнено, и тут же приказал жене прыгать в водоем. Она же отказалась, не понимая причины, и была побита, как и первая.

Тогда отправились к третьему купцу. В доме уже был накрыт стол, поставлена еда, и они уселись отобедать. Хозяин сказал на ухо своим спутникам, что после еды он прикажет жене прыгнуть в воду, вслух же объявил, что, какое бы он ни отдал сегодня приказание, оно должно быть немедленно исполнено. Жена, которая любила и боялась его, внимательно выслушала и не знала, что и подумать. Гости принялись за яйца всмятку, и оказалось, что на столе нет соли. Муж окликнул жену: «Женщина, дополни сервировку!». Несчастная, сбитая с толку, но боясь промедления и ослушания, вскочила на стол, но рухнула вместе со столом и всей сервировкой: полетели на пол еда, вино, стаканы, миски. «Что это за манеры? В своем ли вы уме?» — воскликнул муж. «Господин,— отвечала она,— я выполнила ваше приказание, вы же сказали, что я должна его исполнить, каким бы оно ни было. Я выполнила, как сумела, хоть это и огорчило и меня, и вас. Вы же приказали, чтобы я дополнила сервировку».— «Я же имел в виду соль!» — «О Боже, а я подумала, что надо вспрыгнуть самой». Тогда вдоволь все посмеялись и пошутили. Оба гостя заявили, что нет нужды приказывать женщине прыгать в воду, она достаточно сделала и без этого; муж ее выиграл пари, а жена получила похвалы за образцовое повиновение и не была бита, как две другие, не исполнившие приказаний своих мужей. Если простолюдины наказывают своих жен кулаками, то благородных дам лишь журят, иначе поступать не следует. Поэтому любая благородная дама должна показать, что у нее доброе и честное сердце, то есть кротко и с приличиями выказать свое стремление к совершенствованию, покорности и послушанию перед господином, страх и боязнь ослушаться. Ибо добропорядочные женщины боятся, как та жена третьего купца, ослушаться своего господина. Каждая должна быть готова выполнить любой приказ, хороший ли, плохой ли — все равно. И если даже приказание порочно, она не будет повинна, выполнив его, ибо вина ляжет на господина».

Джованни Боккаччо. ДЕКАМЕРОН:

«Несколько лет тому назад в Барлетте жил священник, дон Джанни ди Бароло; приход у него был бедный, и, чтобы свести концы с концами, дон Джанни разъезжал на своей кобыле по апулийским ярмаркам: на одной купит, на другой продаст. Во время своих странствий он подружился с неким Пьетро из Тресанти — тот с такими же точно целями разъезжал на осле. В знак любви и дружеского расположения

священник звал его, по апулийскому обычаю, не иначе как голубчиком, всякий раз, когда тот приезжал в Барлетту, водил его в свою церковь, Пьетро всегда у него останавливался и пользовался самым широким его гостеприимством. Пьетро был бедняк, в его владениях хватало места только для него самого, для его молодой и пригожей жены и для его осла, и все же когда дон Джанни приезжал в Тресанти, то останавливался он у Пьетро, и тот в благодарность за почет, который оказывал ему дон Джанни, с честью его у себя принимал. Но так как у Пьетро была всего одна, да и то узкая, кровать, на которой он спал со своей красавицей женой, то он при всем желании не мог отвести для него удобный ночлег, и дону Джанни приходилось спать в стойлице, на охапке соломы, вместе с кобылой и с ослом. Зная, как священник ублажает Пьетро в Барлетте, жена Пьетро не раз выражала желание, пока священник у них, уступить ему свое место на кровати, а самой ночевать у соседки, Зиты Карапрезы, дочери Джудиче Лео, и говорила о том священнику, но священник и слушать не хотел.

Однажды он ей сказал: «Джеммата, голубушка, ты за меня не беспокойся, мне хорошо: когда мне вздумается, я превращаю мою кобылу в смазливую девчонку и с нею сплю, а потом, когда мне заблагорассудится, снова превращаю ее в кобылу, так что расставаться мне с ней неохота».

Молодая женщина подивилась, но поверила и рассказала мужу. «Если он и впрямь так уж тебя любит, то отчего ты его не попросишь научить тебя колдовать? — спросила она.— Ты бы превращал меня в кобылу и работал бы и на кобыле и на осле, и стали бы мы зарабатывать вдвое больше, а когда мы возвращались бы домой, ты снова превращал бы меня в женщину».

Пьетро был с придурью, а потому он в это поверил, согласился с женой и стал упрашивать дона Джанни научить его колдовать. Дон Джанни всячески старался доказать ему, что это чепуха, но так и не доказал. «Ин ладно,— объявил он.— Если уж тебе так этого хочется, завтра мы с тобой встанем, как всегда, пораньше, еще до рассвета, и я тебе покажу, как нужно действовать. Признаться, наиболее трудное — приставить хвост, в этом ты сам убедишься».

Пьетро и Джеммата почти всю ночь глаз не смыкали — так им хотелось, чтобы священник поскорей начал колдовать; когда же забрезжил день, оба поднялись и позвали дона Джанни — тот, в одной сорочке, пришел к Пьетро и сказал: «Это я только для тебя; раз уж тебе так хочется, я это сделаю, но только, если желаешь полной удачи, исполняй беспрекословно все, что я тебе велю».

Супруги объявили, что исполнят все в точности. Тогда дон Джанни взял свечу, дал ее подержать Пьетро и сказал: «Следи за каждым

моим движением и хорошенько запоминай все, что я буду говорить. Но только, что бы ты ни увидел и ни услышал,— молчи, как воды в рот набрал, а иначе все пропало. Да моли бога, чтобы приладился хвост».

Пьетро взял свечу и сказал дону Джанни, что соблюдет все его наставления.

Дон Джанни, приказав и Джеммате молчать, что бы с ней ни произошло, велел ей раздеться догола и стать на четвереньки, наподобие лошади, а затем начал ощупывать ее лицо и голову и приговаривать: «Пусть это будет красивая лошадиная голова!» Потом провел рукой по ее волосам и сказал: «Пусть это будет красивая конская грива». Потом дотронулся до рук: «А это пусть будут красивые конские ноги и копыта». Стоило ему дотронуться до ее упругой и полной груди, как проснулся и вскочил некто незваный. «А это пусть будет красивая лошадиная грудь»,— сказал дон Джанни. То же самое проделал он со спиной, животом, задом и бедрами. Оставалось только приставить хвост; тут дон Джанни приподнял свою сорочку, достал детородную свою тычину и, мигом воткнув ее в предназначенную для сего борозду, сказал: «А вот это пусть будет красивый конский хвост».

До сих пор Пьетро молча следил за всеми действиями дона Джанни; когда же он увидел это последнее его деяние, то оно ему не понравилось. «Эй, дон Джанни! — вскричал Пьетро.— Там мне хвост не нужен, там мне хвост не нужен!»

Влажный корень, с помощью коего растения укрепляются в почве, уже успел войти, и вдруг на тебе — вытаскивай! «Ах, Пьетро, голубчик, что ты наделал! — воскликнул дон Джанни.— Ведь я же тебе сказал: «Что бы ты ни увидел — молчи». Кобыла была почти готова, но ты заговорил и все дело испортил, а если начать сызнова, то ничего не получится».

«Да там мне хвост не нужен! — вскричал Пьетро.— Вы должны были мне сказать: «А хвост приставляй сам». Вы его низко приставили».

«Ты бы не сумел,— возразил дон Джанни.— Я хотел тебя научить». При этих словах молодая женщина встала и так прямо и сказала мужу: «Дурак ты, дурак! И себе и мне напортил. Ну где ты видел бесхвостую кобылу? Вот наказание божеское! С таким, как ты, не разбогатеешь».

Итак, по вине нарушившего обет молчания Пьетро, превращение молодой женщины в кобылу не состоялось и она, огорченная и раздосадованная, начала одеваться, а Пьетро вернулся к обычному своему занятию: сел на осла и поехал с доном Джанни в Битонто на ярмарку, но больше он с подобной просьбой к нему уже не обращался».

Мораль многих новелл Боккаччо: обмануть доверчивого человека не грех. И даже нельзя сказать, что все это — «юмор»; современники новеллиста писали еще более грубо

и резко. Возникает подозрение, что перед нами выраженные в литературной форме мечты подростка периода полового созревания. Да, XIV век: умственное развитие человечества находится на уровне 14-летнего ребенка.

Аналогичные чувства испытываешь, читая Петрония (I век н. э., линия № 5—6 «римской» волны). По нашей синусоиде его время соответствует тому же XIV веку. Излагаемое им «непотребство» стилистически прекрасно подходит к веку, когда жил Боккаччо и другие авторы Проторенессанса, писавшие подобные произведения. Да и общественная жизнь совпадает до мелочей! Адр. Пиотровский, автор предисловия к «Сатирикону», вынужден был отметить:

«Важнейшим двигателем общественной жизни стала торговля, верными узами деловых интересов связавшая далекие концы гигантского государства. Значение денег возрастало все более. Состояния росли. Усложнился кредит, развилось банкирское дело и торговые компании. Соблазнительно назвать капиталистической эту эпоху античной цивилизации».

К тому же или чуть более позднему времени относится трактат о любви «Ожерелье голубки» андалузского писателя Ибн Хазма (994—1063), в котором духовная, эмоциональная сторона любви превалирует над физической, в отличие от Петрония.

Ибн Хазм. «ОЖЕРЕЛЬЕ ГОЛУБКИ».

«У любви есть признаки, которые проследит понятливый и дойдет до них проницательный, и первый из них — долгий взгляд. Глаза — раскрытые ворота души, и они сообщают ее тайны, открывают ее сокровенные помыслы и изъясняют сокрытое в ней, и ты видишь, как взор, не мигая, движется с движениями любимой, поворачивается, когда она повернется, и направляется туда, куда она направляется, точно хамелеон за солнцем. Я скажу об этом стихотворением, где есть такие строки:

Словно ты из камня бахт, всем на удивленье,
Указуешь моему взору направленье,
Взор тебе сопутствует, следуя грамматике:
Ты определяемое, я определенье.

Еще признак любви: когда начинают разговор, который едва ли обращен к кому-нибудь, кроме любимой, хотя говорящий и старается показать, что это не так,— поистине его притворство ясно видно тому, кто его наблюдает. Другой признак любви: если смолкают, прислушиваясь к речам любимой, когда она говорит, и восторгаются всем, что она сделала, будь это сущая нелепость и нарушение обычаев, и объявляют

ее правою, хотя бы она и солгала, и соглашаются с нею, если она и обидела, и свидетельствуют за нее, хотя бы и была она несправедлива, и следуют ей, каким бы она путем ни шла и с какой бы стороны ни понимала сказанное.

К признакам любви относится и то, что спешат к тому месту, где пребывает любимая, и желание сесть вблизи от нее, к ней приблизиться: любимый бросает все занятия, если они препятствуют ему увидеть любимую, пренебрегает всяким важным делом, заставляющим с ней расстаться, и замедляет шаги, уходя от нее...

К признакам любви относятся также и нетерпение, овладевающее влюбленным, и его явный испуг, если он внезапно увидит любимую или та неожиданно появится. К ним же принадлежит волнение, охватывающее влюбленного, если он увидит кого-нибудь, кто похож на любимую, или вдруг услышит имя ее. Я скажу об этом стихи:

Приходит в красном, ранит сердце взором,
И кажется мне смертным приговором.
Ее наряд насквозь пропитан кровью,
Как будто бы окрашенный сафлором...»

В конце XIV века, при переходе от линии № 6 к линии № 7, мы наблюдаем, что «подростковая» чувственность охватила весь западный мир. А точнее, выплеснулась на страницы романов и рассказов писателей самых разных стран. Чтобы не быть голословными, перенесемся на берега туманного Альбиона и послушаем речь шестидесятилетнего рыцаря из произведения Чосера (1340—1400).

Джефри Чосер. «КЕНТЕРБЕРИЙСКИЕ РАССКАЗЫ»:

Но я предупреждаю вас, друзья:
Старуху всякую отвергну я.
Не больше двадцати пусть будет ей,—
Лишь рыба чем старее, тем ценней.
Милее окунь мне, чем окунек,
Но предпочту телятины кусок
Куску говядины. Да, смака нет
В той женщине, которой двадцать лет...

В ту же эпоху младший коллега Чосера и Боккаччо, Поджо Браччолини (1380—1459, линия № 7), писал попроще. Мы приведем здесь две его фачеции («короткий рассказ», а по сути анекдот). Такого рода поделки продолжают печатать доныне в сборниках типа «Итальянская новелла Возрождения» как один из лучших образцов художественного

творчества того времени. И это действительно лучшие образцы, прекрасно показывающие нам умственное и нравственное развитие человечества.

«О ЖЕНЩИНЕ, которая, желая закрыть голову, открыла зад».

«Одна женщина вследствие болезни кожи должна была обрить себе голову. Однажды соседка вызвала ее на улицу по очень нужному делу, и она, забыв второпях закрыть голову, вышла из дому на зов. Соседка, увидя ее, стала стыдить, что она вышла на люди с голой и безобразной головой. Тогда бритая, чтобы закрыть голову, подняла сзади юбку и, желая спрятать голое темя, обнажила зад. Присутствовавшие стали смеяться над женщиной, которая, чтобы избежать маленького срама, наделала большого. Это относится к тем, которые стараются прикрыть легкий проступок тяжелым преступлением».

«О ВРАЧЕ, который изнасиловал больную жену портного».

«Один портной из Флоренции пригласил к больной жене знакомого врача. Врач пришел к ней в отсутствие мужа и, несмотря на ее сопротивление, изнасиловал ее. Уходя, доктор встретил мужа, которому сказал, что лечение идет хорошо. Но, придя к жене, муж застал ее вне себя и в слезах. Узнав, в чем дело, он ничего никому не сказал, а через восемь дней, захватив с собою тонкой дорогой материи, отправился к жене доктора и сказал ей, что муж ее заказал ему сшить ей рубашку. Для того, чтобы снять мерку, нужно было, чтобы женщина — она была очень красивая — сняла с себя почти всю одежду. Когда она разделась, портной, воспользовавшись тем, что при этом никого не было, изнасиловал ее и отплатил таким образом врачу его же монетой. Позднее он ему в этом признался».

Предлагаем читателю литературоведческую оценку этих двух приведенных произведений и других подобных им, как она дана в предисловии к сборнику этих новелл (только не сочтите, что здесь мы издеваемся над литературоведами):

«Гуманистическое мировоззрение утверждало новый взгляд на человека, разбивая миф о его природной «греховности», лежащий в основе католической этики, и стремилось освободить человеческое сознание от религиозных предрассудков, насаждаемых церковью: оно было антиаскетическим и антиклерикальным. Гуманизм был направлен также и против сословно-феодальных пережитков средневековья, связывающих достоинство человека со знатностью происхождения, что сковывало инициативу наиболее активных социальных слоев города, тормозило рост демократического самосознания».

От души написано. Вот она, сила науки! Сразу становится понятным, что гуманизму в отношении женщин, который показывает нам литература конца XIV—XV веков н. э. (линии № 6 и 7) вполне соответствует гуманизм XVIII века до н. э. (линия № 6 ассиро-египетской синусоиды), явленный в законах царя Хаммурапи (Амму-Рабби, или Аммона Раввина по Н. А. Морозову). Согласно этим законам, если человек ударит дочь другого человека и причинит ей выкидыш, и эта женщина умрет, то в наказание нужно убить дочь виновного (Хамм., ст. 209—210).

А предшествовавшую Хаммурапи и Бокаччо линию № 5 представляет Фома Аквинский (1225—1274), из «Суммы теологии» которого мы возьмем к случаю лишь рассуждение о женщине, чтобы показать: не только законодатели и писатели относились к оной, как существу второго сорта. Это общее поветрие эпохи. Даже скорее так: поскольку церковь (линия № 5) признает женщину существом низшим, постольку и законодатели (линия № 6) делают то же самое, а писатели (от этой линии и выше) в творчестве своем не противоречат религии и праву. Потешаясь над женщиной, любой комедиограф делает дело, угодное церкви.

Фома Аквинский. СУММА ТЕОЛОГИИ.

«1. Считается, что человек был сотворен в раю. Ангел ведь был сотворен в месте своего обитания, а именно в эмпирее. Но рай до грехопадения был местом, предназначенным для пребывания людей. Итак, следует думать, что человек был сотворен в раю.

2. Далее: другие животные сохранились в месте своего происхождения, как, например, рыбы в воде и земные животные — на земле, из которой они созданы. Человек же содержался в раю... Следовательно, он должен был быть создан в раю.

3. Далее: женщина была создана в раю. Но мужчина много достойнее женщины. Следовательно, мужчина тем более должен был быть создан в раю.

Но против этого — то, что говорится в книге «Бытия» глава II: «И взял Бог человека и поселил его в раю».

Отвечаю: надо сказать, что рай был местом, приличествующим для обитания человека по отношению к непорочности первоначального состояния. Непорочность же эта принадлежала человеку не по природе, а по сверхъестественному дару Божию. Следовательно, для того чтобы пребывание в раю считалось заслугой Божественной милости, а не человеческой природы, бог сотворил человека вне рая, а потом поселил его в раю, чтобы он обитал там на всем протяжении телесной

жизни. Потом же, когда бы человек перешел к духовной жизни, он должен был быть перенесен на небо.

Следовательно, по первому пункту надо сказать, что эмпирей есть место, приличествующее природе ангелов, и потому они там сотворены. И подобным же образом надо сказать по второму пункту, ибо эти места подходят животным сообразно их природе. По третьему пункту надо сказать, что женщина была создана в раю не вследствие своего достоинства, а вследствие достоинства той основы, из которой было создано ее тело. Ибо подобным образом в раю родились и дети, так как родители были уже там поселены».

В художественной литературе этого периода (XIV век) можно найти очень наивные и непосредственные «отклики» на религиозные проповеди. Ничто не мешало Якопоне да Тоди распространять такие, например, стишки:

Вот случай приключился!
Малыш на свет родился,
Из чрева появился
У девы непорочной.
Замок не сдвинут с места,
Родился сын прелестный,
Покинул замок тесный,
Который заперт прочно.

О древнегреческом комедиографе Аристофане (445—385 до н. э., линия № 5—6), если бы хронологи не «поселили» его в глубокую древность, а поместили, как оно и следует из нашей схемы, поближе к Боккаччо, литературоведы могли бы сказать просто: «насаждает антимилитаристские идеи». А его отношение к женщинам просто сверхреволюционно! В комедии «Лисистрата» женщина (представить невозможно) не просто приятное добавление к героической жизни человека, но существо, имеющее право распоряжаться собою, противоречить намерениям человека, не боясь плохих для себя последствий!.. Впрочем, именно потому это произведение и называется комедией. Сюжет в том, что женщины, дабы отвадить мужчин от постоянных войн, сговариваются отказывать им в любовных утехах.

Аристофан. ЛИСИСТРАТА. (Клятва Лисистраты):

«*Лисистрата.*— Клянусь Kипридой, жребий все решит. Все прикоснитесь к чаше... (Клеонике) Ты повторяй одна за всех присягу. А вы клянитесь в подтвержденье слов: «Не подпущу любовника, ни мужа...»

Клеоника.— «Не подпущу любовника, ни мужа...»

Лисистрата.— «Кто с вожделеньем подойдет...» Молчишь?

Клеоника.— «Кто с вожделеньем подойдет...» О, Зевс! Мои колени гнутся, Лисистрата.

Лисистрата.— «Я стану дома чистой жизнью жить...»

Клеоника.— «Я стану дома чистой жизнью жить...»

Лисистрата.— «В пурпурном платье, нарумянив щеки...»

Клеоника.— «В пурпурном платье, нарумянив щеки...»

Лисистрата.— «Чтоб загорелся страстью муж ко мне...»

Клеоника.— «Чтоб загорелся страстью муж ко мне...»

Лисистрата.— «Но я ему не дамся добровольно...»

Клеоника.— «Но я ему не дамся добровольно...»

Лисистрата.— «А если силой вынудит меня...»

Клеоника.— «А если силой вынудит меня...»

Лисистрата.— «Дам нехотя, без всякого движенья...»

Клеоника.— «Дам нехотя, без всякого движенья...»

Лисистрата.— «Не подниму я ног до потолка...»

Клеоника.— «Не подниму я ног до потолка...»

Лисистрата.— «Не встану львицею на четвереньки...»

Клеоника.— «Не встану львицею на четвереньки...»

Лисистрата.— «И в подтвержденье пью из чаши я...»

Клеоника.— «И в подтвержденье пью из чаши я...»

Лисистрата.— «А если лгу, водой наполнись, чаша!»

Клеоника.— «А если лгу, водой наполнись, чаша!»

Лисистрата.— Вы все клянетесь в этом?

Все.— Видит Зевс!»

Читая «Лисистрату» Аристофана, испытываешь недоумение: могут ли взрослые люди вести себя так, как герои этого комедиографа?

Здесь нам, конечно, опять возразят, что все эти «охальники» просто хотели рассмешить читателя. Но можно сделать и другой вывод: в те, отнюдь не древние, а средневековые времена моральные критерии были размыты. В XIII веке люди еще не умели краснеть. Первый краснеющий герой появляется в мировой литературе у Платона, это линия № 6, реальный XIV век, и рассказы об отношениях между мужчинами и женщинами появляются только с линии № 5, а ниже линии № 5 мы женщину в литературе если и встретим, то только как фон, а не как самостоятельный характер.

Знаменитые исландские саги — пример более раннего средневекового эпоса. Здесь мы приводим не сам текст, а

изложение сюжета[1]. Уверяем читателя, что весь этот наив в те времена воспринимался совершенно серьезно:

«В песнях исландской «Эдды» Эрманарик (Иормунрек) посылает к Сванхильде сватом своего сына Рандвера. Злой советник Бикки оклеветал молодую королеву, обвинив ее в измене Эрманарику с его сыном. Эрманарик велит казнить сына и растоптать конями Сванхильду. Мстителями за сестру выступают ее братья Серли и Хамдир. Они наносят Эрманарику смертельные раны, но сами при этом погибают».

Люди, не способные к правильной самооценке; жестокие и доверчивые; безжалостные и неосмотрительные. Кто это? Дети! Мальчики, презирающие девочек! На линии № 4 и ниже не найти в мировой литературе никакой любви между мужчинами и женщинами; отношения между ними регулируются без нее.

Далее приведем пример аморального поступка, совершаемого положительными героями очень серьезной книги Гомера. По нашим представлениям, Гомер — автор конца XII, начала XIII века. Герои и ведут себя, как 12-летние пацаны, играющие в войнушку. Четких понятий о добре и зле у них нет: что хорошо, что плохо? Можно ли обещать сохранить пленному жизнь, и тут же убить его, и похваляться этим?..

Так сговоряся, они у дороги, меж грудами трупов,
Оба припали, а он мимо их пробежал, безрассудный.
Но лишь прошел он настолько, как борозды нивы бывают,
Мулами вспаханной (долее мулы волов тяжконогих
Могут плуг составной волочить по глубокому пару),
Бросились гнаться герои,— и стал он, топот услышав.
Чаял он в сердце своем, что друзья из троянского стана
Кликать обратно его, по велению Гектора, гнались.

Но, лишь предстали они на полет копия или меньше,
Лица врагов он узнал и проворные ноги направил
К бегству, и быстро они за бегущим пустились в погоню.
Словно как два острозубые пса, приобыкшие к ловле,
Серну иль зайца подняв, постоянно упорные гонят
Местом лесистым, а он пред гонящими, визгая, скачет,
Так Диомед и рушитель градов Одиссей илионца
Полем, отрезав от войск, постоянно упорные гнали.
Но, как готов уже был он с ахейскою стражей смеситься,
Прямо к судам устремляяся,— ревность вдохнула Афина

[1] Из «Истории западноевропейской литературы. Средние века и Возрождение» коллектива авторов. (М., «Высшая школа», 2000.)

Сыну Тидея, да в рати никто не успеет хвалиться
Славой, что ранил он прежде, а сам да не явится после.
Бросясь с копьем занесенным, вскричал Диомед на троянца:
«Стой, иль настигну тебя я копьем! и напрасно, надеюсь,
Будешь от рук ты моих избегать неминуемой смерти!»
Рек он — и ринул копье, и с намереньем мимо прокинул:
Быстро над правым плечом пролетевши, блестящее жалом,
В землю воткнулось копье, и троянец стал, цепенея:
Губы его затряслися, и зубы во рту застучали;
С ужаса бледный стоял он, а те, задыхаясь, предстали,
Оба схватили его — и Долон, прослезяся, воскликнул:
«О, пощадите! я выкуп вам дам, у меня изобильно
Злата и меди в дому и красивых изделий железа.
С радостью даст вам из них неисчислимый выкуп отец мой,
Если узнает, что жив я у вас на судах мореходных».

Но ему на ответ говорил Одиссей многоумный:
«Будь спокоен и думы о смерти отринь ты от сердца.
Лучше ответствуй ты мне, но скажи совершенную правду:
Что к кораблям аргивян от троянского стана бредешь ты
В темную ночь и один, как покоятся все человеки?
Грабить ли хочешь ты мертвых, лежащих на битвенном поле?
Или ты Гектором послан, дабы пред судами ахеян
Все рассмотреть?
или собственным сердцем к сему побужден ты?»

Бледный Долон отвечал, и под ним трепетали колена:
«Гектор, на горе, меня в искушение ввел против воли:
Он Ахиллеса великого коней мне твердокопытых
Клялся отдать и его колесницу, блестящую медью.
Мне ж приказал он — под быстролетящими мраками ночи
К вашему стану враждебному близко дойти и разведать,
Так ли суда аргивян, как и прежде, опасно стрегомы
Или, уже укрощенные ратною нашею силой,
Вы совещаетесь в домы бежать и во время ночное
Стражи держать не хотите, трудом изнуренные тяжким».

Тихо осклабясь, к нему говорил Одиссей многоумный:
«О! даров не ничтожных душа у тебя возжелала:
Коней Пелида героя! Жестоки, троянец, те кони;
Их укротить и править для каждого смертного мужа
Трудно, кроме Ахиллеса, бессмертной матери сына!
Но ответствуй еще и скажи совершенную правду:
Где, отправляясь, оставил ты Гектора, сил воеводу?
Где у него боевые доспехи, быстрые кони?
Где ополченья другие троянские, стражи и станы?
Как меж собою они полагают: решились ли твердо

Здесь оставаться, далеко от города, или обратно
Мнят от судов отступить, как уже одолели ахеян?»

Вновь отвечал Одиссею Долон, соглядатай троянский:
«Храбрый, охотно тебе совершенную правду скажу я:
Гектор, когда уходил я, остался с мужами совета,
С ними советуясь подле могилы почтенного Ила,
Одаль от шума; но стражей, герой, о каких вопрошаешь,
Нет особливых, чтоб стан охраняли или сторожили.
Сколько же в стане огней, у огнищ их, которым лишь нужда,
Бодрствуют ночью трояне, один убеждая другого
Быть осторожным; а все дальноземцы, союзники Трои,
Спят беззаботно и стражу троянам одним оставляют:
Нет у людей сих близко ни жен, ни детей их любезных».

Снова Долона выспрашивал царь Одиссей многоумный:
«Как же союзники — вместе с рядами троян конеборных
Или особо спят? расскажи мне, знать я желаю».
Снова ему отвечал Долон, соглядатай троянский:
«Все расскажу я тебе, говоря совершенную правду:
К морю кариян ряды и стрельцов криволуких пеонов,
Там же лелегов дружины, кавконов и славных пеласгов;
Около Фимбры ликийцы стоят и гордые мизы,
Рать фригиян колесничников, рать конеборцев меонян.
Но почто вам, герои, расспрашивать порознь о каждом?
Если желаете оба в троянское войско проникнуть,
Вот новопришлые, с краю, от всех особливо, фракийцы;
С ними и царь их Рез, воинственный сын Эйонея.
Видел я Резовых коней, прекраснейших коней, огромных;
Снега белее они и в ристании быстры, как ветер.
Златом, сребром у него изукрашена вся колесница.
Сам под доспехом златым, поразительным, дивным для взора,
Царь сей пришел, под доспехом, который не нам, человекам
Смертным, прилично носить,
но бессмертным богам олимпийским!
Ныне — ведите меня вы к своим кораблям быстролетным
Или свяжите и в узах оставьте на месте, доколе
Вы не придете обратно и в том не уверитесь сами,
Правду ли я вам, герои, рассказывал или неправду».

Грозно взглянув на него, взговорил Диомед непреклонный:
«Нет, о спасенье, Долон, невзирая на добрые вести,
Дум не влагай себе в сердце, как впал уже в руки ты наши.
Если тебе мы свободу дадим и обратно отпустим,
Верно, ты снова придешь к кораблям мореходным ахеян,
Тайно осматривать их или явно с нами сражаться.
Но когда уже дух под моею рукою испустишь,

Более ты не возможешь погибелен быть аргивянам».
Рек,— и как тот у него подбородок рукою дрожащей
Тронув, хотел умолять, Диомед замахнул и по вые
Острым ножом поразил и рассек ее крепкие жилы;
Быстро, еще с говорящего, в прах голова соскочила.
Шлем хоревый они с головы соглядатая сняли,
Волчью кожу, разрывчатый лук и огромную пику.
Всё же то вместе Афине, добычи дарующей, в жертву
Поднял горе Одиссей и молящийся громко воскликнул:
«Радуйся жертвой, Афина! к тебе мы всегда на Олимпе
К первой взываем, бессмертных моля! Но еще, о богиня,
Нас предводи ты к мужам и к коням, на ночлеги фракиян!»

Интересное психологическое замечание обнаруживаем у Лессинга: «Я знаю, что мы, утонченные европейцы, принадлежащие к более разумному поколению, умеем лучше владеть нашим ртом и глазами. Приличия и благопристойность запрещают нам кричать и плакать... Как бы ни возвышал Гомер своих героев над человеческой природой, они все же всегда остаются ей верны, когда дело касается ощущений боли и страдания и выражения этих чувств в крике, слезах или брани».

Человеческая природа! Никуда не денешься, если человек мыслит, как ребенок, он и поступать будет, как ребенок,— в крике, слезах или брани. Автор же, такой же точно «взрослый ребенок», серьезно описывает эти серьезные дела, которые ныне выглядят столь по-детски... Ну как нам относиться к таким, например, поступкам, как описанное Геродотом (V век до н. э., линия № 5) наказание моря розгами?! По нашей схеме это XIII век:

«Итак, к этому скалистому выступу из Абидоса людьми, которым это было поручено, были построены два моста. Один мост возвели финикийцы с помощью канатов из «белого льна», а другой — из папирусных канатов — египтяне. Расстояние между Абидосом и противоположным берегом — 1 стадий. Когда же наконец пролив был соединен мостом, то разразившаяся сильная буря снесла и уничтожила всю эту постройку.

Узнав об этом, Ксеркс распалился страшным гневом и повелел бичевать Геллеспонт, наказав 300 ударами бича, и затем погрузить в открытое море пару оков. Передают еще, что царь послал также палачей заклеймить Геллеспонт клеймом.

Впрочем, верно лишь то, что царь велел палачам сечь море, приговаривая при этом варварские и нечестивые слова: «О ты, горькая влага Геллеспонта! Так тебя карает наш владыка за оскорбление, которое

ты нанесла ему, хотя он тебя ничем не оскорбил. И царь Ксеркс все-таки перейдет тебя, желаешь ты этого или нет. По заслугам тебе, конечно, ни один человек не станет приносить жертв, как мутной и соленой реке». Так велел Ксеркс наказать это море, а надзирателям за сооружением моста через Геллеспонт — отрубить головы.

И палачи, на которых была возложена эта неприятная обязанность, исполнили царское повеление. Мосты же вновь соорудили другие зодчие».

Здесь Геродот, возможно, излагает легенду более раннего происхождения, нежели XIII век. Этот поступок так и хочется приписать 10-летнему ребенку. Причем случаи, когда автор излагал в художественной форме легенды раннего времени, были нередки, а самый известный случай такого рода — шекспировская «трактовка древних сюжетов». Она сходна с ситуацией, когда кинематографисты переделывают на новый язык драматические произведения.

Но откуда возникла легенда, что Шекспир переделывал произведения и мифы совсем древнего времени? Ведь сами литературоведы зачастую не могут отделить «античность» от ее «возрождения»!

В предисловии к одному из сборников Шекспира читаем:

«Эпоху, охватывающую XIII—XVI века европейской истории, назвали Возрождением по одному признаку: возродился интерес к античности, культуре древнего, греко-римского мира, погибшего во II—IV веках под ударами варваров. Вдохновляющее слово «Возрождение» совпало с пафосом эпохи и во многих других отношениях... Энтузиазмом полны были новые, выходившие на мировую арену силы. Правда, историки до сих пор выясняют, что было новое, а что старое; что нужно было возрождать, а что никогда и не умирало; что возникло собственно в эпоху Возрождения, а что было унаследовано не только от античности, но и от средних веков (V—XIII вв.), пролегавших вроде бы беспросветной полосой между древним и новым миром».

Наша синусоида прекрасно сводит в одну эпоху и «античность», и ее «возрождение», делая ненужным выяснение, что у Шекспира возрождалось, а что и не умирало. И «беспросветную полосу» можно забыть. То, что происходило в реальности до XII—XIII веков, не было временем «одичания» после блестящего периода античности, а было ее началом и прелюдией к ее же развитию под «псевдонимом» Возрождения.

Двинемся же в еще более ранние времена, к самой древней литературе.

В предисловии к «Сказанию о Нибелунгах» читаем, что как целостное произведение эта поэма была завершена в Южной Германии в XII—XIII веках, а исторической ее основой послужили события V века, связанные с разгромом гуннами Бургундского королевства. После чего добавлено: «Причем варварское общество V столетия преобразовано в поэме в более позднее — рыцарско-феодальное». А по нашей синусоиде V век и есть XII реальный век, линия № 4, и что самое удивительное, на этой же линии находится сходная с «Нибелунгами» легенда об Ахилле, которого в XIII веке до н. э. тоже окунули в некую священную жидкость, после чего он, как и Зигфрид, стал неуязвим весь, кроме части тела (пятки).

СКАЗАНИЕ О НИБЕЛУНГАХ

Кримхильда молвит: «Муж мой отважен и силен,
Раз у горы дракона сразил до смерти он;
Отважный искупался в его крови, и вот
С тех пор ничье оружье в бою его неймет.

Но всякий раз, как в битве мой милый муж стоит
И туча крепких копий из рук бойцов летит,
Боюсь я, что утрачу супруга моего.
Ах, сколько раз от страха дрожала за него!

Тебе лишь, в знак доверья, могу я, друг, сказать,
Чтоб мог потом ты верность свою мне доказать,
В какое место может быть ранен Зигфрид мой.
Уж так и быть, скажу я по дружбе лишь одной.

Когда из раны змея кровь хлынула и стал
Боец в крови купаться, то с липы вдруг упал
На спину, меж лопаток, широкий лист,— и вот
В то место могут ранить, и страх меня берет».

Ответил хитрый Гаген: «Какой-нибудь значок
Нашейте на одежду ему, чтоб знать я мог,
Какое место должно в бою прикрыть ему».
Прислушалась Кримхильда к вассалу своему,

Сказала: «Тонким шелком я крестик небольшой
Нашью поверх одежды, а ты своей рукой

То место, витязь, должен усердно охранять,
Когда ему придется перед врагами встать».

«Все, госпожа, исполню»,— так Гаген молвил злой.
Ей мнилось, будет польза ему от речи той.
На деле же тем самым вдруг предан Зигфрид был,
А Гаген, все узнавши, на волю поспешил.

. . . .

Бойцы лихие, Гунтер и Гаген, в лес густой
Собрались на охоту, был замысел их злой.
Разить они хотели бизонов и свиней
И медведей. Что может быть лучше и смелей?

И Зигфрид ехал с ними в лес с радостью большой,
Они немало взяли различных яств с собой.
У вод ручья студеных расстался с жизнью он:
Брунхильдой-королевой на смерть был обречен.

Пошел боец отважный к Кримхильде поскорей.
Охотничьи одежды его и свиты всей
На лошадей взвалили: за Рейн хотелось им.
Кримхильде ж не хотелось прощаться со своим.

Он милую супругу в уста поцеловал.
«Дай Бог, чтоб вновь здоровой тебя я увидал,
И ты меня таким же. Отсюда ныне в путь
Сбираюсь я; покуда ты здесь с родней побудь».

Тут вспомнила Кримхильда (не смея вслух сказать),
Что Гагену сболтнула, и стала горевать
Несчастная супруга, что на свет родилась.
От горя королева слезами залилась...

В лесную чащу быстро помчали кони их
Охотой забавляться, и рыцарей лихих
Поехало немало за Гунтером туда.
Младой Гизель и Гернот остались лишь тогда,

. . . .

Им удалось немало зверей тогда убить.
Уже мечтали скоро награду получить
Все за свою удачу; был их расчет плохой.
Как на коне подъехал король, боец лихой,

Охота прекратилась на время; кто хотел,
Коня к костру направив, с добычею летел.

И сколько ж шкур звериных и дичи той порой
Для кухни королевской они везли с собой.

Дать знать бойцам отборным король тут приказал,
Что он поесть хотел бы. Тут громко прозвучал
Призывный рог; тотчас же по этому узнали
Они, что ждет их Зигфрид давно уж на привале...

Студеный и прозрачный поток бежал, журча.
И вот нагнулся Гунтер лицом к струе ключа.
Воды напившись вволю, оставил он ручей.
Ах, как хотел и Зигфрид к воде припасть скорей!

Что ж Зигфрид за учтивость в награду получил?
И лук, и меч,— все Гаген подальше отложил.
Скорей назад вернувшись, копье его он взял
И знак креста на платье искать глазами стал.

Уж Зигфрид, полон жажды, склонился над ключом,
Как Гаген, в крест наметясь, пустил в него копьем.
Кровь брызнула из сердца на Гагена тогда.
Никто столь злого дела не делал никогда...

Тут все бойцы сбежались туда, где он лежал.
Да, день для них печальный, нерадостный настал!
В ком честь еще осталась, те плакали о нем,
И стоило лить слезы: был удалым бойцом...

Сказал тут Гаген: «Тело я повезу домой.
Мне все равно: пусть будет известно это той,
Кем госпожа Брунхильда была оскорблена;
Мне, право, горя мало, что слезы льет она».

Еще более показательными могут быть откровенные былины X века. Такое чтение вполне подходит современному 10-летнему ребенку! А ведь описаниями битв с драконами и прочим подобным полна мифология всех стран.

Наконец мы докатываемся до самого начала:

«В VII — первой половине VIII в. литературная жизнь романской Европы замирает совершенно: ни Италия, ни Африка, ни Галлия не дают ни одного писателя, и только в вестготской Испании еще некоторое время продолжают писаться трактаты и стихи на случай».

Это линии № 1—2 нашей синусоиды. Вот откуда стартовала мировая литература — с нуля, и достигла высот, как оно и должно быть, в естественном процессе развития! Этот процесс включает и всё то, что по произволу хроно-

логов принято считать античной или древней литературой. А чтобы напомнить, к чему привел этот процесс, закончим главу еще одним стихотворением автора, который главу предварил,— Франсиско де Кеведо, XVII век, линия № 9:

Пусть веки мне сомкнет последний сон,
лишив меня сиянья небосвода,
и пусть душе желанную свободу
в блаженный час навек подарит он,

мне не забыть и за чертой времен
в огне и муке прожитые годы,
и пламень мой сквозь ледяные воды
пройдет, презрев суровый их закон.

Душа, покорная верховной воле,
кровь, страстью пламеневшая безмерной,
земной состав, дотла испепеленный,

избавятся от жизни, не от боли;
в персть перейдут, но будут перстью верной;
развеются во прах, но прах влюбленный.

Песни любви

Г. Лихт в книге «Сексуальная жизнь в Древней Греции» пишет, что «в древности», в эпоху создания гомеровских поэм, велениям чувственности покорялись и сами боги:

«В «Одиссее» мы обнаружим единственный в своем роде пример прославления всепобеждающей красоты. Я имею в виду эпизод из восьмой книги «Одиссеи»...— в котором Афродита наставляет рога своему мужу — невзрачному хромому Гефесту, предаваясь любви со статным богом войны Аресом, дышащим молодостью и силой,— любви, конечно же, беззаконной, зато тем более сладостной. Однако вместо того, чтобы с болью в сердце скрывать свой позор от других, обманутый муж созывает на пикантное зрелище всех богов: взорами, исполненными сладострастия, глядят они на обнаженных любовников, которые сплелись в тесных объятиях. Гомер завершает описание этой сцены следующими словами:

К Эрмию тут обратившись, сказал Аполлон, сын Зевеса:
«Эрмий, Кронионов сын, благодатный богов вестоносец,

Искренне мне отвечай, согласился ль бы ты под такою
Сетью лежать на постели одной с золотою Кипридой?»
Зоркий убийца Аргуса ответствовал так Аполлону:
«Если б могло то случиться, о царь Аполлон стреловержец,
Сетью тройной бы себя я охотно опутать позволил,
Пусть на меня бы, собравшись, богини и боги смотрели,
Только б лежать на постели одной с золотою Кипридой!»
Так отвечал он; бессмертные подняли смех несказанный».

Г. Лихт замечает, что здесь нет ни слова порицания, нет даже негодования; попрание супружеской верности самой богиней любви доставляет блаженным бессмертным только лишний повод для острот и веселья. Весь этот любовный эпизод есть не что иное, как гимн неприкрытой, обнаженной чувственности; это почти животное оправдание того, что зовется «грехом» в эпоху «ханжеской морали».

Это, по нашей версии, реальный XII век, линия № 4. «Веления чувственности» играли тогда, можно сказать, определяющую роль в жизни людей, которые в понятиях своих все еще оставались детьми.

Тут нам, конечно, возразят: как можно сравнивать католические времена с какой-то «античностью», наполненной многобожием? Уж поверьте, сравнивать можно!

Античная теология, изображенная греками VI—V веков до н. э. (линии № 4—5), отличается даже от современного христианства лишь вариацией имен и некоторых терминов. Разделенность «язычества» и «христианства» — следствие неверной хронологии!

Найджел Пенник и Пруденс Джонс пишут в «Истории языческой Европы»:

«Христианский мир инициировал множество «внутренних» крестовых походов... В 1208 г. Папа Иннокентий II, безжалостный и деятельный иерарх, объявил крестовый поход против южнофранцузских катаров, христиан, которые открыто проповедовали дуализм... В результате крестового похода вся экономическая и культурная инфраструктура этой богатой страны, на протяжении пяти столетий сохранявшей римский стиль жизни и процветавшей при всех правителях, будь то католики, ариане или даже сарацины, была полностью разрушена».

Итак, историкам известно, что в XIII веке происходила борьба римской христианской церкви с римским «античным» язычеством. А мы уже приводили пример, как в том же веке император Фридрих II Гогенштауфен, он же Цезарь

Август, выступал против папы и христианства. Эти события совпадают по «линиям веков» с соответствующими гонениями в «древнем Риме».

В XIV веке, как пишут те же авторы, «состоятельные круги располагали как средствами, так и условиями для занятия наукой, что привело к возрождению интереса ко многим классическим текстам (думаем, в это время и написанным.— *Авт.*). Символические «боги и богини» вновь занимали места на пьедестале».

В это время Кристина Пизанская (1365—1430) сочинила почти что гимн богине Минерве:

«О Минерва, богиня оружия и рыцарства, благодаря добродетели понимания превзошедшая всех других женщин и научившая, среди прочих возвышенных искусств, ковать железо в сталь...»

Леон Баттиста Альберти в 1430 году спроектировал в Римини храм в честь победы Сигизмондо Малатесты, заклятого врага Папы Римского. В Капелле Сигизмондо установлен образ сияющего солнца, олицетворяющего Аполлона-Христа. В это время в Римини открыто поклонялись языческим богам. В церквах того времени имеется языческая иконография, вдохновленная «самыми потаенными секретами философии». В Капелла делль Пианетти можно видеть планетарных божеств и знаки зодиака. В Пьенца после 1455 года появился храм Муз. Все это, конечно, подавлялось ортодоксальной христианской церковью. Но кроме хронологии, ничто не противоречит выводу, что так называемое «языческое многобожие» развилось из христианской системы святых, а отраслевые («профсоюзные») боги-покровители разных ремесел появлялись вслед за развитием самих ремесел и наук средневековья.

Возвращаясь к Гомеру, мы теперь не станем удивляться, что боги XII века, сокрытые в «античном пласте культуры» этой линии веков, против плотской любви не возражают, а писатели ее воспевают. В нашей книге «Другая история искусства» мы писали:

«Любовная литература появилась впервые не ранее XII века (линия № 4), однако, по мнению историков, двинулось это искусство вперед с «открытием» европейцами древнеримского «Искусства любви» Овидия (линия № 5). Средневековое сочинение «Искусство куртуазной любви» Андреаса Капелланууса (линия № 4) признают лишь слабым аналогом Овидия. Историки делают вывод: «Наследие античности Капелланус усвоил глубже, чем поучения христианства». Но этот писавший на

Флорентийский мастер. Похищение Елены. Роспись кассона, XV век. Гомеровский сюжет в апперцепции средневекового художника

латыни Капелланус, в отличие от Овидия, ныне совершенно не известен. Если же расставить авторов по линиям веков, становится ясно, что Капелланус предшествовал Овидию, потому и писал хуже, потому и забыт».

Возможно, Капелланус был излишне целомудрен, чтобы остаться в памяти потомков. Он полагал достаточным, когда в литературе amor purus «заходит так далеко, что позволяет поцелуй и объятия и даже скромное соприкосновение с обнаженной возлюбленной, исключая, однако, окончательную утеху, ибо она недопустима для тех, кто любит чистой любовью».

Этот скромный автор жил в века, когда звездами эстрады были трубадуры. В самом конце XII и в XIII веке гремела слава таких исполнителей, как Гильом Аквитанский, Мар-

катрю, Бертран де Вентадорн, Арнаут Даниэль. Трубадурами восхищались Данте и Петрарка. А трубадуры, надо сказать, никогда не сочиняли историй о любви со счастливым завершением. Иногда они даже прямо осуждали желание куртуазного рыцаря добиться взаимности у дамы.

Можно предположить, что они поступали так из чувства самосохранения. Ведь условия жизни трубадура и писателя книг различаются очень сильно! Писатель может никогда не встречаться со своими читателями, а вот если мужчина-трубадур при непосредственной встрече поет даме о любви, то она может отождествить исполнителя и «лирического героя», и вместо духовных переживаний ответить делом. (Да вы посмотрите хотя бы, как ведут себя современные эстрадные фанатки.) Для исполнителя же пение песен является средством добывать деньги, а не любовь. А если он начнет «подыгрывать» даме, то ее муж может неправильно его понять и тоже ответить делом.

Добродетель в жизни и творчестве была просто спасением для трубадуров, потому она восторжествовала и в поэзии, и в жизни общества. Это оказалось важным и для воспитания женщин тоже, поскольку в некоторых местах даму, пойманную на месте супружеской измены, весьма неласково наказывали.

Вообще с конца XII века наступили времена, очень примечательные для истории женщин. С этого времени начался быстрый процесс перемены их «имиджа». Рэй Тэннэхилл пишет:

«В начале XII в. женщины были презираемы, причем не только мужчинами, но зачастую и друг другом; в конце XVI в. они стали пользоваться уважением и даже обожанием».

Почему это произошло? Причин здесь несколько. Одной из важнейших сам Тэннэхилл называет «опыт взросления самих крестоносцев». Дело в том, что за первые тридцать лет после начала в 1097 году крестовых походов не менее половины французских рыцарей отправились в Святую Землю или северную Испанию, на территорию Византийской империи, а вскоре к ним присоединились и огромные толпы немецких и английских рыцарей.

Этот «исход» дал двоякий эффект.

Во-первых, знакомство с передовой византийской культурой и литературой и с теми идеалами отношений, которые ныне называются «древнегреческими», повлияло

Лукас Кранах. «Золотой век». 1530 год

на тех, кто отправился в походы. А временное исчезновение из европейского общества наиболее агрессивных его членов дало шанс множеству других проявить себя в интеллектуальной сфере, причем эта форма «взросления» происходила с одновременным притоком в Европу литературы из завоеванных стран. По словам Тэннэхилла, «многие из достижений античности прошли через фильтр испанского мусульманства, что и стало одной из главных причин возникновения той формы литературы, которая прямо повлияла на положение женщины в Европе». Литературоведы (во «Всемирной истории литературы») пишут:

«Конечно, сейчас никто не повторит слов немецкого византиниста Э. Штейна, охарактеризовавшего Византию как «античность внутри средневековья...», или: «В составе византийской культуры жил, по выражению искусствоведа Э. Китцингера, «вековечный эллинизм».

Мы бы эти слова с удовольствием повторили, ибо так оно и есть: с Византии началась античность в Европе.

Во-вторых, если до крестовых войн женщины полностью зависели от своих отцов, мужей и сыновей, и даже Бог считал их существами низшего сорта, то в результате крестовых войн они оказались вынужденными сами отвечать за себя и хозяйство, и даже заниматься политикой. Это, конечно, способствовало росту самоуважения.

Среди других факторов необходимо отметить, что стабилизации общественного положения женщины способствовала церковь: почти до конца XII века муж мог легко расстаться с надоевшей женой, а церковь пресекла эту практику.

Еще одна причина перемены отношения к женскому полу — развитие культа Девы Марии. Раньше «первой» женщиной была Ева, виновница человеческого грехопадения; теперь таковой стала Мария, мать Спасителя. От такой перемены женщины много выиграли.

Наконец, от XII века начал развиваться chansons de geste, жанр «песен действия», по своему влиянию на культуру сравнимый с современным культом телесериалов. Это были длинные ассонансные поэмы, что-то вроде речитатива под простой аккомпанемент, повествующие в основном о подвигах воинов и христианских рыцарей, путешествующих по сказочной стране, с любовными и боевыми подвигами. Новинкой также стала идеализация женщины. Для рыцаря становилось приличным, во-первых, хранить верность Господу Богу, во-вторых, своему сюзерену, и в-третьих — даме сердца.

Куртуазная (придворная, благородная) любовь наделила даму добродетелью, обернув ее неким волшебным туманом. Мужчины ушли на войну, и с собой унесли идеал. И о том же самом идеале — о женщинах — бродячие трубадуры пели песни... женщинам. А они уже твердо усвоили, что изменять своему рыцарю нельзя. И женщины сами брались за перо.

Сапфо (поэтесса 1 половины VI века до н. э., линия № 4).

Богу равным кажется мне по счастью
Человек, который так близко-близко
Пред тобой сидит, твой звучащий нежно
Слушает голос
И прелестный смех.
У меня при этом
Перестало сразу бы сердце биться:
Лишь тебя увижу,— уж я не в силах

Вымолвить слова.
Но немеет тотчас язык, под кожей
Быстро легкий жар пробегает, смотрят,
Ничего не видя, глаза, в ушах же —
Звон непрерывный.
Потом жарким я обливаюсь, дрожью
Члены все охвачены, зеленее
Становлюсь травы, и вот-вот как будто
С жизнью прощусь я.

Литературоведы прямо пишут: «Апулей, который знал, о чем говорит, называл стихи Сапфо «чувственными» и «распутными», а Овидий говорит о них как о полном руководстве по женскому гомосексуализму». Впрочем, приведенное здесь стихотворение Сапфо едва ли не самое лучшее в ее творчестве. В основном же то, что из него известно, поэзией назвать трудно. Часто это просто несвязанные призывы типа «Придешь ли ты ко мне, прекрасная».

Вообще в этот период (линия № 4) мы видим просто море разливанное любви и страсти. Анакреонт (570—478 до н. э.):

Бросил шар свой пурпуровый
Златовласый Эрот в меня
И зовет позабавиться
С девой пестрообутой.

Подобные произведения («Анакреонтические оды») писали на всех языках в средневековье, и даже в новое время (Парни во Франции, Грейм в Германии, Державин и Батюшков в России),— и вышли из моды только в эпоху романтизма в начале XIX века.

Петроний (I век н. э., линия № 5):

Кто же не знает любви и не знает восторгов Венеры?
Кто воспретит согревать в теплой постели тела?
Правды отец, Эпикур, и сам повелел нам, премудрый,
Вечно любить, говоря: цель этой жизни — любовь.

Что же вы,— возразит нам тут читатель,— начали с эпохи Крестовых походов, а примеры любовной литературы даете из античной Греции. Хорошо, приведем примеры других эпох и стран, и вы увидите, что здесь тоже не обходятся без Венер и амуров. С Петронием перекликается Гвидо Кавальканти (1255—1300, линия № 5):

Амур натягивает лук
И, торжествуя, радостно сияет:
Он сладостную мне готовит месть.
Стрелой пронзенный дух ему прощает
Упадок сил и силу новых мук.

Для сравнения — IX и XIII века (линия № 6 «арабской» волны), произведения Рудаки (ок. 858—941) и Руми (1207—1299).

Для сада разума — ты осень,
Весна — для цветника любви.
Меня Любовь зовет пророком,—
Творцом любви себя зови».

* * *

О вы, рабы прелестных жен! Я уж давно влюблен!
В любовный сон я погружен. Я уж давно влюблен.
Еще курилось бытие, еще слагался мир,
А я, друзья, уж был влюблен!..»

Всемирная «игра в куртуазную любовь», которой были увлечены буквально все, развивалась и усложнялась трудами поэтов и писателей. Полагают, что очень многое было почерпнуто у мусульман, но между мусульманским и христианским обществом было существенное различие: арабские женщины строго охранялись, «предмет страсти» даже не всегда можно было увидеть. Добродетель и целомудрие, которые воспевались поэтами Европы, заменили в здешних условиях стены гарема:

«Куртуазная поэзия Западной Европы находит себе типологическую параллель в ряде литератур Востока. Мы найдем «куртуазных», т. е. придворных, поэтов и в танском или сунском Китае, и в хейанской Японии, и в Ираке. Но наиболее близка к куртуазной лирике Запада арабская любовная поэзия IX—XII вв. (Ибн аль Мутазз, Абу Фирас, Ибн Зайдун, Ибн Халдис и др.)...»

По «синусоиде» время этой восточной куртуазной любви соответствует рыцарской эпохе Европы.

Но вот в чем парадокс: если до начала этой литературнолюбовной эпопеи люди знали только любовь-желание, то появившееся в ее ходе понимание «возвышенной любви» прежних желаний отнюдь не уничтожило. Прелюбодеяние оставалось самим собой, пусть даже его завернули в кружева слов. Позже, с развитием известного «демократизма» и

быстрого увеличения количества грамотных людей, это сыграло свою роль.

И точно такой же путь прошла «античная» литература; мы легко видим параллели по нашим линиям веков.

Гвидо Гвицинелли (1230/40—1274, линия № 5) учитывал в творчестве своем, как говорят, «опыт античной литературы, произведения которой... (так называемые «вольгаризации» Вергилия, Овидия, Лукана, Тита Ливия) на рубеже XIII—XIV вв. стали в Италии неотъемлемой частью городской и собственно народной культуры». Чей же это опыт он учитывал? Смотрим:

Вергилий — линия № 5; Овидий — линия № 5; Лукан — линия № 5; Тит Ливий («римский Геродот») — линия № 5. Ни одного автора выше «родной» для Гвицинелли линии № 5. Может быть, это случайность? Посмотрим же, какие параллели между античностью и средневековьем находят для других авторов сами литературоведы.

«Петрарка изображал мир сквозь призму поэтического стиля и системы метафор, взятых у греков и разработанных Вергилием, Цицероном, Горацием и Титом Ливием» (все — линии № 5).

Боккаччо (1313—1375, линия № 6) «...с жадностью читал Вергилия, Овидия, Станция, Тита Ливия и Апулея...» Здесь Апулей — автор линии № 6 по «римскому» сдвигу, остальные — линии № 5. «В качестве сюжетного материала Боккаччо в равной мере использовал анекдоты... религиозно-нравоучительные «примеры», которыми уснащали проповеди служители церкви, французские фаблио и восточные сказки, «Метаморфозы» Апулея и устные рассказы современных ему флорентийцев». Вполне «всеядный» писатель использует труды кого угодно, включая антиков, но «аппетит» его ограничен: не знает он антиков выше своей собственной линии № 6, и в итоге «с точки зрения фабул «Декамерон» был своего рода компендиумом предшествовавшей ему повествовательной литературы».

Можно, конечно, предположить, что вплоть до линии № 9 «антиков» действительно вспоминали последовательно. Что писатели 1-го трака (Гвицинелли, Боккаччо, Данте, Рабле) по каким-то причинам не знали ни одного писателя или поэта 2-го и 3-го траков, живших на «линиях веков», находящихся выше их по нашей «синусоиде».

Но если учитывать, что «синусоиды» этой тогда не существовало, что обнаружили ее мы сами, изучая творчество художников, архитекторов, писателей применительно к хронологии Скалигера, то правильность такого предположения становится крайне маловероятной. Неужели же люди

Микеланджело. Капелла Медичи. «Ночь». Первая половина XVI века

сумели забыть (и снова вспоминать) не только литературу и искусства, географию и астрономию, но также технику и технологию любовной игры?.. А ведь правило «линий веков» действует вплоть до времени жизни самого Скалигера!

Вот линия № 7:

«Гермафродит» Беккаделли (1394—1471), навеянный эпиграммами Марциала (ок. 40—104 н. э., линия № 5—6), превзошел в откровенности самые дерзкие произведения античной эротики».

Как видим, автор 1-го трака линии № 7 превзошел произведения авторов 2-го и 3-го трака линий № 5—6. Конечно, если сложить «синусоиду» и рассматривать историю в полном объеме, то в этом ничего удивительного нет. Но ведь именно этого историки как раз и не спешат делать.

Далее оказывается, что по «синусоиде» совпадают появления новых литературных стилей. «С конца V в. в аттической классике на первый план выступают новые формы словесного искусства»,— пишет Т. Миллер. Греческий минус V век — это линия № 5. А в римской литературе «новый стиль» возни-

кает в I веке, и это тоже линия № 5 «римской» волны. В конце XIII века «новый сладостный стиль» охватывает литературу Италии (та же линия). По этой же линии, но только «арабской» волны, появляется «бади» — новый стиль арабской поэзии. Даже не сравнивая здесь ни стили как таковые, ни мастерство авторов разных национальных школ, мы обязаны отметить совпадение появления «новых стилей» по линиям веков, то есть, в нашей версии, их одновременность.

В XIV веке мы видим в Европе расцвет любовной литературы. Это произведения Боккаччо и Чосера, творивших, очевидно, вскоре после Овидия. У этих авторов отдельные новеллы (у Боккаччо) или рассказы (у Чосера) соединяются общей сюжетной рамкой, создающей некое подобие общей композиции. Так, с линии № 6 начинается переход от «лучистой», по Морозову, литературы, к скелетной.

«Метаморфозы» Апулея построены по тому же принципу, но можно заметить усложнение композиции по сравнению с Боккаччо и Чосером. О его новелле «Об Эроте и Психее» Ганс Лихт пишет, что «этот, вероятно, весьма древний материал, вне всяких сомнений, впервые нашел свое отражение в греческой прозе, но известен нам только в той форме, которую придал ему Апулей».

В Византии время расцвета любовного романа в стихах, обычно пятнадцатисложного, приходится на Палеологовскую эпоху. Почин положил Продром в XII веке (линия № 6 «византийской» волны). Тогда же написаны «Каллимах и Хриссороя» (XIV век, тоже линия № 6 «византийской» волны), «Ливистр и Родамна», «Иверий и Маргарона», «Флорий и Плацафлора». В этом последнем произведении встречается игра в «протяженно сложенные» словообразования, свойственные Аристофану («пурпурно-розовоустая», например, и т. п.). Удивлять нас это не должно, поскольку «древний грек» Аристофан (ок. 445 — ок. 385 до н. э.) относится к линиям № 5—6 греческой синусоиды, это XIII—XIV реальные века.

А вот Апулея (ок. 125 — ок. 180 н. э.) мы относим на конец XIV — начало XV века, и просим читателя в приведенной далее цитате обратить внимание на его отношение к деталям. Такой сложной детализации не найти у Боккаччо и Чосера, авторов, явно предшествовавших ему:

«Не успел я лечь, как вот и Фотида моя, отведя уже хозяйку на покой, весело приближается, неся в подоле ворох роз и розовых гирлянд. Крепко расцеловав меня, опутав веночками и осыпав цветами, она схватила чашу и, подлив туда теплой воды, протянула мне, чтобы я пил, но раньше, чем я осушил ее всю, нежно взяла обратно и, понемногу потягивая губками, не сводя с меня глаз, маленькими глоточками сладостно докончила. За первым бокалом последовал другой и третий, и часто чаша переходила у нас из рук в руки; тут я, вином разгоряченный, и не только душой, но и телом, к сладострастию готовым, чувствуя беспокойство, весь во власти необузданного и уже мучительного желания, наконец приоткрыл свою одежду и, показывая своей Фотиде, с каким нетерпением жажду я любви, говорю:

— Сжалься, скорей приди мне на помощь! Ведь ты видишь, что пылко готовый к близкой уже войне, которую ты объявила мне без законного предупреждения, едва получил я удар стрелы в самую грудь от жестокого Купидона, как тоже сильно натянул свой лук, и теперь страшно боюсь, как бы от чрезмерного напряжения не лопнула тетива. Но если ты хочешь совсем угодить мне — распусти косы и подари мне свои желанные объятия под покровом струящихся волною волос.

Без промедления, быстро убрав посуду, сняв с себя все одежды, распустив волосы, преобразилась она прекрасно для радостного наслаждения, наподобие Венеры, входящей в волны морские, и, к гладенько выбритому женскому месту приложив розовую ручку, скорее для того, чтобы искусно оттенить его, чем для того, чтобы прикрыть стыдливо: — На бой,— говорит,— на сильный бой! Я ведь тебе не уступлю и спины не покажу. Если ты — муж, с фронта атакуй и нападай с жаром и, нанося удары, готов будь к смерти. Сегодняшняя битва ведется без пощады!

В таких и похожих на эту схватках провели мы ночь до рассвета, время от времени чашами прогоняя утомление, возбуждая вожделение и снова предаваясь сладострастью. По примеру этой ночи прибавили мы к ней других, подобных, немалое количество».

Известно, что на определенном этапе развития изобразительного искусства в «раннем Возрождении» умение детализировать изображение почиталось как высшая ступень мастерства. И вот, то же самое мы видим в литературе, но только видим мы это, лишь отказавшись от негодной хронологии. На той же линии, то есть вскоре после Апулея, написано следующее чудесное стихотворение Микеланджело Буонарроти (1475—1564):

Нет радостней веселого занятья:
По злату кос цветам наперебой
Соприкасаться с милой головой
И льнуть лобзаньем всюду без изъятья!

И сколько наслаждения для платья
Сжимать ей стан и ниспадать волной,
И как отрадно сетке золотой
Ее ланиты заключать в объятья!

Еще нежней нарядной ленты вязь,
Блестя узорной вышивкой своею,
Смыкается вкруг персей молодых.

А чистый пояс, ласково виясь,
Как будто шепчет: «Не расстанусь с нею...»
О, сколько дела здесь для рук моих!

(Перевод А. Эфроса.)

Ошибки в хронологии бывают и на протяжении первого трака, то есть того, что мы в синусоиде иногда обозначаем как «реальную историю». Так, знаменитый рыцарский роман «Тристан и Изольда» традиционно относят к XII веку. Но читатель сам может увидеть, насколько сложна его композиция. Его можно отнести не ранее, как к концу XIV — началу XV века. Мы приводим его краткое содержание, как оно изложено в книге «История западноевропейской литературы»:

«Тристан, сын одного короля, в детстве лишился родителей и был похищен заезжими норвежскими купцами. Бежав из плена, он попал в Корнуол, ко двору своего дяди короля Марка, который воспитал Тристана и, будучи старым и бездетным, намеревался сделать его своим преемником. Выросши, Тристан стал блестящим рыцарем и оказал своей приемной родне много ценных услуг. Однажды его ранили отравленным оружием, и, не находя исцеления, он в отчаянии садится в ладью и плывет наудачу. Ветер заносит его в Ирландию, и тамошняя королева, сведущая в зельях, не зная, что Тристан убил на поединке ее брата Морольта, излечивает его. По возвращении Тристана в Корнуол местные бароны из зависти к нему требуют от Марка, чтобы тот женился и дал стране наследника престола. Желая отговориться от этого, Марк объявляет, что женится только на девушке, которой принадлежит золотистый волос, оброненный пролетавшей ласточкой. На поиски красавицы отправляется Тристан.

Он снова плывет наудачу и снова попадает в Ирландию, где узнает в королевской дочери, Изольде Златовласой, девушку, которой принадлежит волос. Победив огнедышащего дракона, опустошавшего Ирландию, Тристан получает от короля руку Изольды, но объявляет, что сам не женится на ней, а отвезет ее в качестве невесты своему дяде. Когда он с Изольдой плывет на корабле в Корнуол, они по ошибке выпивают «любовный напиток», который мать Изольды дала ей для того, чтобы ее и короля Марка, когда они выпьют его, навеки связала любовь. Тристан и Изольда не могут бороться с охватившей их страстью: отныне до конца своих дней они будут принадлежать друг другу. По прибытии в Корнуол Изольда становится женой Марка, однако страсть заставляет ее искать тайных свиданий с Тристаном. Придворные пытаются выследить их, но безуспешно, а великодушный Марк старается ничего не замечать. В конце концов любящие пойманы, и суд приговаривает их к казни. Однако Тристану удается бежать с Изольдой, и они долгое время скитаются в лесу, счастливые своей любовью, но испытывая большие лишения. Наконец Марк прощает их с условием, что Тристан удалится в изгнание.

Уехав в Бретань, Тристан женится, прельстившись сходством имен, на другой Изольде, прозванной Белорукой. Но сразу же после свадьбы он раскаивается в этом и сохраняет верность первой Изольде. Томясь в разлуке с милой, он несколько раз, переодетый, является в Корнуол, чтобы тайком повидаться с ней. Смертельно раненный в Бретани в одной из стычек, он посылает верного друга в Корнуол, чтобы тот привез ему Изольду, которая одна лишь сможет его исцелить; в случае удачи пусть его друг выставит белый парус. Но когда корабль с Изольдой показывается на горизонте, ревнивая жена, узнав об уговоре, велит сказать Тристану, что парус на нем черный. Услышав это, Тристан умирает. Изольда подходит к нему, ложится с ним рядом и тоже умирает. Их хоронят, и в ту же ночь из двух их могил вырастают два деревца, ветви которых сплетаются».

Сервантес (1547—1616) высмеивал такого сорта литературные поделки. А почему? Потому, что подобное печатают еще и при нем!

В предлагаемом далее отрывке из Лукиана, грека II века н. э.,— а на самом деле автора XV века,— в разговоре гетер заметна не только детализация, но и стыдливость в изображении однополой любви. А как мы покажем в следующей главе, как раз по линии № 7 церковь и общество осудили такие игрища извращенцев. Причем осуждению их подвергала отнюдь не «языческая церковь», а христианская. Соответственно менялись нравы и в «древности» по той же линии веков:

«Клонарион: Удивительные вещи рассказывают о тебе, Леэна. В тебя якобы влюбилась, как мужчина, богачка Мегилла с Лесбоса, и говорят, будто вы живете вместе. Никогда бы не подумала, что такое может случиться. Неужели? Вижу, ты покраснела. Так скажи мне, что в этих разговорах правда.

Леэна: Эх, Клонарион, то, что они говорят — правда, только мне стыдно признаться, уж больно все это необычно.

Клонарион: Благая Афродита, о чем ты?!

Леэна: Мегилла и коринфянка Демонасса тоже пожелали устроить пирушку, на которую пригласили и меня поиграть им на кифаре. Демонасса, да будет тебе известно, так же богата и распутна, как Мегилла. Что ж, я пошла и сыграла им на кифаре. Когда я закончила играть, и наступило время сна, обе они были уже под хорошей мухой, и Мегилла сказала мне: «Видишь, Леэна, пришло время как следует выспаться, иди, ложись между нами».

Клонарион: Ты так и сделала? И что же случилось потом?

Леэна: Сначала они целовали меня, словно мужчины, касаясь не только губами, но и открывая рот и поигрывая языками; затем они обняли меня и стали трогать мою грудь. При этом поцелуи Демонассы походили скорее на укусы. Я уже не знала, что и думать. Вскоре Мегилла, которая к тому времени здорово уже распалилась, сорвала с головы парик, которого я раньше на ней не заметила — столь искусно был он сделан и столь похож на настоящие волосы,— и теперь со своей короткой прической ужасно походила на мальчика или даже на настоящего молодого атлета. В первый момент я просто оторопела. Она же обратилась ко мне и сказала: «Видела ли ты прежде столь прекрасного юношу?» — «Но где же этот юноша?» — спросила я.— «Не считай, что видишь перед собой женщину,— продолжила она,— потому что зовут меня Мегиллом, недавно я женился на Демонассе, и теперь она моя жена». Услышав это, я не сдержала улыбки и молвила: «Так, значит, ты мужчина, Мегилл, а мы об этом и не догадывались: видать, ты, как Ахилл в девичьем платье, рос незаметно среди дев. Но есть ли у тебя тот самый признак мужественности и любишь ли ты Демонассу, как любил бы ее мужчина?» — «Этого, конечно, нет,— возразила она,— да это и не обязательно. Ты скоро узнаешь, что моя любовь еще слаще».

Клонарион: Чем же и как вы затем занимались? Об этом я хотела бы получить как можно более точные сведения.

Леэна: Не задавай больше вопросов; мне так неловко, что от меня правды ты ни за что не узнаешь».

Свободный диалог, сложная детализация, вообще легкое владение словом сразу выдают, что Лукиан (120—180 н. э., линия № 7) — писатель эпохи Возрождения. «...Новаторство Лукиана было своеобразной комбинацией традиционных элементов и вполне укладывалось в рамки культурного реставраторства II в.»,— пишут литературоведы, ибо он «виртуозно владел аттическим слогом, но ...хотел превратить аттицизм в разговорный язык (как впоследствии Эразм — гуманистическую латынь)...»

«Влияние Лукиана на сатиру позднейших веков было исключительно сильным: в Византии ему подражали не раз в XI—XV вв. (и XI, и XV века лежат на линии № 7 «византийской» волны!), а в Западной Европе он служил образцом для Эразма, Гуттена, Рабле и Свифта».

Упомянутый тут Эразм Герт Гертсен (1466/69—1536) всю жизнь писал на латыни, а в Англии он окунулся в атмосферу идей неоплатоников, и даже изучил греческий язык, словно какой-нибудь древний римлянин в Афинах. Для него были характерны «поиски синтеза евангельского учения и античной учености, ранние примеры которого Эразм усматривал в трудах Иеронима, отчасти Августина и Иоанна Златоуста».

Лукиан был наиболее популярен и у немецких гуманистов. Во второй половине XV века они переводили на немецкий язык, кроме него, таких авторов, как Плавт, Теренций, Апулей, Петрарка, Боккаччо, Поджо, Пикколомини, но потом сами перешли на латынь.

В XV веке появляются переводы Цицерона, Тита Ливия, Данте, Боккаччо, Петрарки на каталонский язык. Антонио де Геваро пишет в XVI веке «Часы государевы, или Золотая книга об императоре Марке Аврелии». В Испании проявляют особый интерес к «римским испанцам» — Сенеке и Лукану. Луис де Леон был брошен в тюрьму в 1572 году за перевод «Песни песней».

«В Неаполе более чем где-либо в Италии XV в. Возрождение оказалось проникнуто тем самым духом античного язычества, который еще не так давно считался едва ли не характернейшим признаком европейского Ренессанса».

«Однако и в аристократическом Неаполе следование примеру древних не исчерпывалось бездумным гедонизмом и веселой эротикой на манер Катулла и Марциалла... По остроте антиклерикальной сатиры «Новеллино» Мазуччо превзошел «Декамерона»...

В 1516 году Лудовико Ариосто (1474—1533) написал «Неистовый Орландо». Пинья, издатель Ариосто, расхваливал его в таких выражениях: «В элегиях ему свойственна сладость Тибулла не менее, чем вдохновение Проперция, в ямбах и одиннадцатисложниках он может затмить Катулла».

Из всех здесь перечисленных Тибулл (ок. 50—19 до н. э.) и Проперций (50—15 до н. э.) относятся к линии № 5—6, Катулл — к линии № 5. Также и Б. Кастильоне (1478—1529) писал латинские стихи и прозу, подражая Овидию, Проперцию и Цицерону.

Ручелаи (1475—1525) подражал «Георгикам» Вергилия. Он воспользовался в своей литературной работе легендой, рассказанной Павлом Диаконом (линия № 7). Аретино (1492—1556) пишет «Горация», сюжет которого восходит к Титу Ливию.

Жуан де Баиф напечатал (1572) свои переводы «Хвастливого воина» Плавта, «Евнуха» Теренция и «Антигоны» Софокла. Ронсар работал над переводом плавтовского «Плутоса». Шарль Этьен перевел в 1542 году «Девушку с Андроса» Теренция. Другой перевод этой комедии приписывается Этьену Доле. Жак Пелетье рекомендовал следовать Плавту и Теренцию в области комедии, а Софоклу и Еврипиду — в области трагедии.

Как видим, Плавт и Теренций очень популярны в XVI веке, линия № 8. Быть может, не случайно: ведь они сами жили в годы линий № 7—8. Используя их сюжеты, Лариве (1540—1619), будто соревнуясь с Шекспиром, трактовал их — но только в духе итальянцев, а не англичан; не отставали и французы.

Пьер де Ронсар (1524—1585):

Когда с прелестною кузиною вдвоем,
Затмив светило дня, сидела ты в гостиной,
Я был заворожен волшебною картиной:
Так хороши цветы над луговым ручьем.

Анжуйских девушек легко мы узнаем:
Их милой живостью прославлен край старинный,—
Тепло, приветливо я встречен был кузиной,
А ты задумалась, мечтая о своем.

Ты безразличием мне душу истерзала,
Как ни молился я — ты глаз не подняла
И, полусонная, ни слова не сказала,

Все брови хмурила, сама себе мила,
И испугался я, что дерзким ты сочла
Приветствие мое, и выбежал из зала.

Появились «Странствия Персилеса и Сихисмунды» Сервантеса (линия № 8), отдаленным образцом которых, как сообщают нам литературоведы, были «Эфиопика» Гелиодора и «Левкинна и Клитофон» Ахилла Татия (III и IV века, линии № 6 и 7). Каро переводил «Энеиду» и «Дафниса и Хлою» Лонга.

В конце XV — начале XVI века начался постепенный переход от «нижних» чувств к «верхним». Писатели научаются писать о чувствах и мыслях. Появляется умение «психологического портрета». Один из видных представителей такого рода писателей — Лонг. В общей хронологической карте его размещают во II—III веке до н. э., линия № 7—8, что соответствует XV—XVI реальным векам. Этот грек (или не грек?) с острова Лесбос не датирован с точностью до года, к тому же имя, конечно, сбивает исследователей с толку. Но в рамках нашей концепции место ему именно в XVI веке. О чем его книги? А ни о чем, кроме чувств.

Г. Лихт пишет:

«Четыре книги пасторального романа о Дафнисе и Хлое, написанные Лонгом с Лесбоса, представляют собой нечто совершенно особенное. В них нет ничего, кроме «языческого» настроения и чувственной радости. Это небольшое произведение в прелестных отдельных картинах описывает перипетии судьбы двух подкидышей, которые воспитаны добросердечными пастухами; в конце концов они оказываются детьми состоятельных родителей, но испытывают такую привязанность к прелестным деревенским полям своего счастливого детства, что возвращаются сюда, чтобы пожениться и провести остаток жизни вдали от города. Сельский пейзаж, описываемый с яркой наглядностью, которой так восторгался Гете, поэт оживляет прелестными образами панов, нимф и озорных богов любви. Здесь влюбленным тоже угрожают приключения и опасности: пираты уводят Дафниса; Хлою похищают; к ней сватаются богатые женихи; гомосексуалист Гнафон искушает Дафниса.

Но все эти приключения не более чем эпизоды, а главной темой автора остается мастерски исполненное описание отношений двух влюбленных, которые после первого пробуждения еще не осознаваемого эротического влечения постепенно достигают глубочайшей интимности окончательного сексуального соединения».

Но хватит расхваливать Лонга, да еще чужими словами; приведем несколько примеров из романа.

ЛОНГ

ДАФНИС И ХЛОЯ

«И когда они увидали, что козы и овцы пасутся, как надо, севши на ствол дубовый, осматривать стали они,— в яму свалившись, не ободрался ли Дафнис до крови. Ничего у него не было ранено и ничего окровавлено, но запачканы были землей и грязью волосы и тело все остальное. И было у них решено, чтоб Дафнис обмылся, пока не узнали Ламон и Миртала о том, что случилось.

И войдя вместе с Хлоей в пещеру Нимф, где ручей был, он отдал Хлое стеречь свой хитон и сорочку, и сам, став у ручья, омывал свои кудри и тело. Кудри его были черные, пышные; тело же смуглым сделал от солнца загар, и можно было б подумать, что тело окрашено тенью кудрей. С восхищеньем Хлоя смотрела — прекрасным казался ей Дафнис, и, так как впервые прекрасным он ей показался, причиной его красоты она купанье считала. Когда спину и плечи ему омывала, то нежная кожа легко под рукой поддавалась; так что не раз украдкой она к своей прикасалась, желая узнать, которая будет нежнее. Солнце было уже на закате; тогда свои стада домой они погнали, и с тех пор ни о чем не мечтала уже более Хлоя, лишь о том, что хотела вновь увидать, как купается Дафнис. С наступлением дня, когда на луга они пришли, как обычно, сидя под дубом, Дафнис играл на свирели, а вместе с тем и за козами он наблюдал: они же лежали, как будто его напевам внимали. А Хлоя, севши рядом, глядела за стадом своих овец, но чаще на Дафниса взор направляла. И вновь, на свирели когда он играл, прекрасным он ей показался, и опять причиной его красоты звуки песен считала она, так что, когда он кончил играть, она и сама взялась за свирель, надеясь, что, может быть, станет сама она столь же прекрасной. Она убедила его опять купаться пойти и вновь увидала его во время купанья и, увидавши, к нему прикоснулась и ушла опять в восхищенье, и восхищение это было началом любви. Каким она мучилась чувством, не знала юная дева: ведь она воспиталась в деревне, ни разу она не слыхала, никто не сказал, что значит слово «любовь». Томилась ее душа, и взоры ее рассеянны были, и часто, и много она говорила о Дафнисе. Есть перестала, по ночам не спала, о стаде своем забывала, то смеялась, то горько рыдала, то засыпала, то вновь подымалась; лицо у нее то бледнело, то вновь, как зарево, ярко горело.

...Об одной только Хлое он мог говорить. И если один без нее оставался, он так сам с собой, как в бреду, говорил:

«Что сделал со мной Хлои поцелуй?

Губы ее нежнее роз, а уста ее слаще меда, поцелуй же ее пронзил больнее пчелиного жала. Часто я целовал козлят, целовал нежных щенят и телка, подарок Доркона, но ее поцелуй — что-то новое. Дыханье у меня захватывает, сердце хочет выскочить, душа тает, как воск; и все же опять я хочу ее поцелуя. На горе себе я тогда победил, небывалая раньше меня охватила болезнь, и имя ее я даже назвать не умею. Собираясь меня целовать, не отведала ль Хлоя трав иль питья ядовитого? Как же она не погибла сама? Как поют соловьи, а свирель у меня все время молчит! Как весело скачут козлята, а я недвижимо сижу! Как ярко цветы цветут, распустившись, а я венков не плету! Вон фиалки, вон гиацинт цветы свои распускает, а Дафнис уже увядает. Неужели Доркон станет скоро красивей меня?»

Так говоря, страдал и томился Дафнис прекрасный; ведь впервые вкусил он от дел и слов любовных.

...А с наступлением полдня время уже начиналось, когда их глаза были в плену очарованья: когда Хлоя нагого Дафниса видала, ее поражала его цветущая краса, и млела она; ничего в его теле не могла она упрекнуть. Он же, видя ее одетой в шкуру лани, с сосновым венком в волосах, как она подавала ему чашу с питьем, думал, что видит одну из нимф, обитавших в пещере. И вот он похищал сосновый венок с ее головы, сначала его целовал, а потом на себя надевал; и она, когда он омывался в реке, снимая одежды, надевала их на себя, сама их сначала целуя. Иногда они друг в друга яблоки бросали и головы друг другу украшали, пробором волосы деля; Хлоя говорила, что волосы его похожи на мирты, так как темными были они, а Дафнис лицо ее сравнивал с яблоком, так как оно было белым и розовым вместе. Он учил ее играть на свирели, и когда она начинала играть, он отбирал свирель у нее и сам своими губами проводил по всем тростникам. С виду казалось, что учил он, ошибку ее поправлял, на самом же деле посредством свирели нежно и скромно Хлою он целовал.

Как-то раз в полуденную пору, когда он играл на свирели, а их стада в тени лежали, незаметно Хлоя заснула. Это подметив, Дафнис свирель свою отложил и ненасытным взором всею он ей любовался; ведь теперь ему нечего было стыдиться; и тихо он сам про себя говорил: «Как чудесно глаза ее спят, как сладко уста ее дышат! Ни у яблок, ни у цветов на кустах нет аромата такого! Но целовать ее я боюсь; ранит сердце ее поцелуй и, как мед молодой, безумным быть заставляет. Да и боюсь поцелуем своим ее разбудить. О болтливые цикады! Громким своим стрекотаньем вы не дадите ей спать; а вот и козлы стучат

рогами, вступивши в бой; о волки, трусливей лисиц! чего вы их до сих пор не похитили!»

Когда он так говорил, цикада, спасаясь от ласточки, хотевшей ее поймать, вскочила к Хлое на грудь, а ласточка, преследуя ее, схватить не смогла, но, гоняясь за ней, близко так пролетела, что крыльями щеку Хлои задела. Она же, не зная, что такое случилось, с громким криком от сна пробудилась. Увидав же ласточку,— близко еще летать она продолжала,— и видя, что Дафнис смеется над испугом ее, от страха она успокоилась и стала глаза протирать, все еще дальше хотевшие спать. Тут цикада из складок одежды на груди у Хлои запела, как будто моливший в беде, получивши спасенье, приносит свою благодарность. И вновь громко вскрикнула Хлоя, а Дафнис опять засмеялся. И под этим предлогом руками груди он коснулся у ней и оттуда извлек милую эту цикаду; она даже в руке у него петь продолжала. Увидевши ее, в восхищенье Хлоя пришла, на ладонь ее взяла, целовала и вновь у себя на груди укрывала, а цикада все петь продолжала...

Схоронивши Доркона, омывает Дафниса Хлоя, к нимфам его приведя и в пещеру его введя. И сама впервые тогда обмыла тело свое на глазах у Дафниса, белое, красотой без изъяна сияющее. Для такой красоты незачем было воды; а затем, собравши цветы, что цвели по полям тою порою, увенчали венками статуи богинь, а Доркона свирель прикрепили к скале как дар богам, как им посвященье. И после таких очищений они пошли и коз и овец осматривать стали. Они на земле все лежали; не паслись они, не блеяли они, но, думаю я, так как не было видно Дафниса с Хлоей, о них тосковали они. Когда ж они показались и раздался обычный их окрик, и на свирели они заиграли, овцы тотчас же встали и стали пастись, а козы стали скакать, зафыркали, как бы радуясь все спасенью привычного им пастуха. А вот Дафнис не мог заставить себя быть веселым: когда увидал он Хлою нагою и красу ее, прежде сокрытую, увидел открытою, заболело сердце его, будто яд какой-то его снедал. Дыханье его было частым и скорым, как будто кто гнался за ним, то совсем прекращалось, как будто силы свои истощив в беге своем предыдущем. И можно сказать, что купанье в ручье для него оказалось страшнее, чем в море крушенье. Он полагал, что душа его все еще остается во власти разбойников. Простой и наивный, как мальчик, не знал он еще, что в жизни страшнейший разбойник — любовь».

«Психологизм и эротика — основная его черта, и именно благодаря ей он нашел живой отклик в литературах Нового времени»,— вот что говорят о произведении Лонга литературоведы. А мы возражаем: не отклик нашел этот роман в Новое время, а написан был в XVI веке.

И тут же, в пару к «древнему греку» Лонгу, дадим образец творчества поэта «высокого Возрождения». Этот сыплющий именами античных богов выпускник Буржского университета, всю жизнь писавший на классической латыни — Иоанн Секунд, он же Ян Эверардс (1511—1536):

Перенеся на Киферу Аскания-внука, Венера
Спящему стлала ему нежных фиалок ковер,
Распространяла кругом покровы из роз белоснежных,
Благоуханиями местность кропила вокруг.
Словно воскресло в душе к Адонису прежнее пламя,
В члены глубоко опять вкрался знакомый огонь.
О, сколько раз хотела обнять она шею у внука!
О, сколько молвила раз: был мой Адонис таков!
Но не решалась смутить младенца покой безмятежный
И поцелуев дала тысячу — розам кругом.
И запылали цветы, а губы влюбленной Дионы
Шепотом веют на них, легким дыханием уст!
Сколько касалася роз, поцелуев столько же тотчас
Радость богини в ответ отображали, родясь.
Вот, Киферея, плывя в облаках на лебедях белых,
В путь понеслась: облетать круг непомерный земли.
Как Триптолем, плодородной земле поцелуи богиня
Сыплет, и трижды звучат чуждым звучаньем уста.
И оттого у людей, у немощных, счастлива нива,—
В том врачеванье от мук также и я нахожу.
Ты же прославься вовек, облегченье влюбленного пыла;
Влажный живи, поцелуй, в розах прохладных рожден!
Ваш я отныне поэт. Я буду вас петь, поцелуи,
Не позабыта доколь будет вершина Медуз,
И энеадов своих и отрасль любимую помня,
Нежную Ромула речь не позабудет Амор.

(Перевод с латыни С. Шервинского.)

От XIV к XVI веку происходил переход от простого к сложному описанию переживаний. Сонет Петрарки психологически довольно простой. Это XIV век, линия № 6:

Средь тысяч женщин лишь одна была,
Мне сердце поразившая незримо.
Лишь с облаком благого серафима
Она сравниться красотой могла.

Ее влекли небесные дела,
Вся суета земли скользила мимо.

Огнем и хладом тягостно палима,
Моя душа простерла к ней крыла.

Но тщетно — плоть меня обременяла;
Навеки Донну небеса призвали,
И ныне холод мне сжимает грудь:

Глаза — ее живой души зерцала,—
О, для чего Владычица Печали
Сквозь вас нашла свой беспощадный путь?

Кстати, Петрарка (1304—1374), которого именуют «первым современным мужчиной», хоть и признавал, что Лаура была «вся добродетель, красота и благородство, слитые в единой чудесной форме», позднее говорил:

«Женщина... это настоящий дьявол, враг мира, источник соблазнов, причина раздоров, от которого мужчина должен держаться подальше, если он желает обрести покой... Пусть женятся те, кого привлекает общество жены, ночные объятия, крики детей и муки бессонницы... Что до нас, то, если это в нашей власти, мы сохраним свое имя в наших талантах, а не в браке, в книгах, а не в детях, в союзе с добродетелью, а не с женщиной...»

Некоторые «греки», как мы можем с удивлением (но теперь уже и с пониманием) увидеть, более психологичны в своем творчестве, нежели Петрарка или другие средневековые европейцы. Вот стихотворение Мелеагра; это III век до н. э., линия № 7:

Юношей цвет изобильный собрав, богиня Киприда,
Сплел сам Эрот для тебя, сердце, манящий венок:
Вот, посмотри-ка, сюда он вплел Диодора лилию,
Асклепиада левкой дивнопрекрасный вложил,
Розы тут Гераклита, они без шипов и колючек,
Там сверкает Дион, цвет виноградной лозы,
Вот златокудрого крокус Терона средь листьев проглянул,
И благовонный тимьян дал для венка Улиад,
Нежный Мииск подарил зеленую ветку маслины,
Лавра цветущая ветвь — это наш милый Арет!
Тир священный, из всех островов блаженнейший! Миррой
Дышит лесок, где цветы в дар Афродите даны!

Для сравнения — стихотворение из «Песен поэтов Бургундского двора»:

Иоанн Режи (1430—1485):

Пожелайте — стану Вам слугою
И любовью нежною своей,
Где бы я ни был, до скончанья дней,
От невзгод и горестей укрою.
Никогда я не прельщусь другою,
Преисполнен счастьем новых дней.
Пожелайте — стану Вам слугою,
Вас любовью одарю своей.
К одному стремлюсь я всей душою,
Вечно петь Вам о любви своей,
И клянусь, лишенный страсти сей,
Навсегда глаза свои закрою.
Пожелайте — стану Вам слугою,
И любовью нежною своей,
Где б я ни был, до скончанья дней
От невзгод и горестей укрою.

Сонет Шекспира (1584—1616) психологически сложнее, чем у греков или бургундцев, но он и по времени ближе к нам! Ведь это уже линия № 9:

Когда она клянется, что свята,
Я верю ей, хоть знаю — ложь сплошная.
Пусть мнит она, что я в мои лета
Неопытен и хитростей не знаю.

Хочу я думать, что она права,
Что юности не будет завершенья;
По-детски верю я в ее слова,
И у обоих правда в небреженье.

Зачем она не скажет, что хитрит?
Зачем скрываю возраст свой теперь я?
Ах, старость, полюбив, лета таит,
А лучшее, что есть в любви,— доверье.

Так я лгу ей, и лжет она мне тоже,
И льстим своим порокам этой ложью.

Мужчины и женщины

Мы говорили уже о «возрасте человечества», о том, что общественная жизнь, а также частная в своем усредненном значении подчиняются общим законам эволюции. Сначала люди чего-то не знают, потом узнают, применяют, дополняют... узнают еще что-то... взрослеют. Взрослеет всё человечество в целом.

Примеры этому можно найти, изучая историю наук, религий, войн, торговли, но если делать это в рамках традиционной истории, то обнаружится, что повзрослевшее человечество время от времени впадает в детство и начинает свой путь вновь. То есть общепризнанная ныне история не подчиняется законам эволюции. В рамках же той современной хронологии, которую мы предлагаем в нашей книге, «взросление» человечества проявляется вполне. Произведения литературы дают нам картину, например, эволюции отношений между мужчинами и женщинами. Мы коснулись этой темы в предыдущей главе, но обращали в основном внимание на описание куртуазной любви. Каковы же причины перемен в отношениях между мужчинами и женщинами?

XIV век. Франко Саккетти (1335—1400 или 1410):

«...Не так давно, когда я, пишущий эти строки, был, хотя и не заслуженно, одним из приоров нашего города, приехал некий ученый юрист в должности судьи, по имени мессер Америго дельи Америги из Пезаро, мужчина очень красивой наружности, а также весьма преуспевающий в своей науке. Явившись по приезде в нашу управу и представившись с должной торжественностью и речами, он ушел и приступил к исполнению своих обязанностей. А так как в это время был издан новый закон о женских нарядах, за ним после этого несколько раз посылали и напоминали ему, чтобы он при проверке исполнения этих распоряжений проявлял как можно больше рвения, и он обещал это делать.

Вернувшись домой, он в течение многих дней проверял исполнение этих распоряжений на своих домашних, а затем приступил к поискам по городу. И когда его уполномоченный к нему возвращался и докладывал, какие доводы приводила каждая из женщин, которая ему попадалась и на которую он хотел составить протокол, у него был такой вид, словно он совсем свихнулся. А мессер Америго записывал и обдумывал все донесения своего уполномоченного. Случилось так, что какие-то граждане, увидев, что женщины носят все, что им вздумается, без всякого удержу, и услыхав об изданном законе, а также о том, что прибыл новый чиновник, отправляются к синьорам и говорят, что новый чиновник столь хорошо исполняет свои обязанности, что женщины никогда еще так не излишествовали в своих нарядах, как сейчас. По сему случаю синьоры вызвали к себе означенного чиновника и сказали ему, что они удивляются, сколь небрежно он выполняет свои обязанности в отношении распоряжений, касающихся женщин. Означенный мессер Америго отвечал им нижеследующим образом:

— Синьоры мои, я всю свою жизнь учился, дабы усвоить законы, ныне же, когда я думал, что уже что-то знаю, я обнаруживаю, что не знаю ничего, ибо, когда я разыскивал украшения, запрещенные вашим женщинам согласно распоряжениям, которые вы мне дали, они приводили такие доводы, которых я ни в одном законе никогда не встречал. В числе прочих приведу вам несколько таких доводов. Попадается женщина с кружевной повязкой на чепце. Уполномоченный мой и говорит: «Назовите ваше имя. У вас повязка кружевная». Добрая женщина снимает повязку, которая была приколота к чепцу булавкой, и, взяв ее в руки, говорит, что это просто гирлянда. Иду дальше и вижу множество нашитых спереди пуговиц. Задержанной говорят: «Этих пуговиц вы не имеете права носить». А та отвечает: «Конечно, сударь, имею, ведь это не пуговицы, а запонки. Если не верите, посмотрите, в них нет петель и ни одной дырочки». Уполномоченный подходит к другой, в горностаях, и собирается составить протокол. Женщина говорит: «Не пишите. Это не горностай, это сосуны». Уполномоченный спрашивает: «Что такое сосуны?» Женщина отвечает: «Животное». И уполномоченный мой, как животное... Часто попадаются женщины...[1] Один из синьоров говорит:

— Мы взялись воевать с каменной стеной.

А другой:

— Лучше обратиться к фактам, это важнее.

А третий:

— Сами захотели, так вам и надо.

Наконец, еще кто-то сказал:

— Я хочу вам напомнить, что римляне, победившие весь мир, не могли справиться с собственными женами, которые, чтобы добиться отмены законов против их нарядов, побежали на Капитолий и победили римлян, получив то, что хотели.

Недаром в одной из новелл этой книги Коппо ди Боргезе, прочитав об этой истории у Тита Ливия, чуть не сошел с ума. А после того как каждый по очереди высказал свои доводы, они всем синклитом приказали мессеру Америго действовать по своему усмотрению и больше к этому не возвращаться. И это было сказано своевременно, ибо с этого самого часа ни один из чиновников уж больше не выполнял своих обязанностей и не старался...[2] представляя вольное хождение гирляндам вместо повязок, и запонкам, и сосунам, и всяким оборочкам. Потому-то и говорится во Фриули: «Чего захочет жена, того захочет и муж, но чего захочет муж — тирли-бирли».

---

[1] Пропуски в оригинале.
[2] Пропуски в оригинале.

С XII века менялся «имидж» женщин, от существа, достойного презрения, до человека, достойного обожания. С XIV века началось освобождение женщин, и мы наблюдаем это по всем векам линий № 6 и выше. До этого женщины повиновались мужчинам, после этого — уже не всегда, хотя и применяли мужчины всяческие меры для исправления ситуации. Тот же Франко Саккетти в одной из новелл советовал исправлять дело дубинкой:

«Что касается меня, то я, как уже говорилось, полагаю, что от мужей почти что целиком зависит делать жен хорошими или дурными. Да и здесь мы видим, как Порчелли сделал то, чего не сумел сделать Касторе. И хотя существует пословица, гласящая: «Добрая женщина и злая женщина одинаково требуют палки», я принадлежу к числу тех, кто считает, что злая женщина требует палки, но что добрая в ней не нуждается. В самом деле, если побои наносятся с целью искоренения дурных привычек и замены их хорошими, то злой женщине их следует наносить, чтобы она изменила свои преступные привычки, но с доброй не следует этого делать, ибо если она изменит свои хорошие привычки, она может приобрести дурные, как это часто бывает, когда, например, бьют и дергают смирных лошадей, и они становятся норовистыми».

Конечно, процесс освобождения женщин имел свои особенности в разных странах и в разных сословиях. Литературой занимались люди, близкие к высшему сословию, а если мы вздумаем определять время освобождения женщин низших сословий, нам придется не только учесть географический фактор, но и рассчитать коэффициент, зависящий от процесса освобождения самих низших сословий. То есть предположим, граф Аракчеев не бил свою графиню Аракчееву, и даже не бил крепостных крестьянок, но он бил своих крепостных крестьян, а уже они сами били крестьянок, и какое-то время продолжали делать это даже после того, как было отменено крепостное право. (И даже после того, как всех графов комиссары отправили в Париж или в могилу.)

В Европе же после массового мора, вызванного чумой и чередой войн, в которых гибли в большей части мужчины, причем из лучших, изменилось отношение к женщинам. Дело в том, что владеть имуществом и иметь другие связанные с этим права в то время из всех женщин могли только вдовы, а их как раз оказалось изобилие. Это автоматически привело к изменению положения женщин вообще. Наконец, наступило время, когда не только мужчины высших сословий, но даже средних, а частично и низших научились читать книги и выполнять законы. Они в массе

своей перестали бить женщин, тут-то те и показали им «козью морду». В отличие от России, Европа и наиболее просвещенные страны Азии прошли этот этап именно в XIV веке, и мужчины-писатели оставили нам свидетельства своего восприятия происходившего процесса. Он им не нравился, скажем прямо.

XIV—XV реальные века. Ювенал (ок. 60 — ок. 127). Книга II, сатира 6. Это произведение весьма большое и нудное, мы здесь ограничимся аннотацией. Ход мысли сатирика таков: добродетельных женщин больше нет, они блудят с актерами, музыкантами и гладиаторами; сама императрица Мессалина продавала себя в публичном доме. В женщине нас (мужчин) может прельщать богатство и красота, но их портят гордыня, грекомания, капризное властолюбие, непостоянство; они увлекаются не женскими делами — тяжбами и гладиаторскими упражнениями; неразоблаченные прелюбодейки ревнивы, а разоблаченные дерзки. Богатство и роскошь привели на смену стыдливости разврат на тайных оргиях, мотовство, извращенную похоть, увлечение певцами и музыкантами. Женщины любопытны, жестоки, предаются мужской гимнастике и пьянству или неуместной учености; они заботятся только о своей наружности, за туалетом мучат служанок, разоряют мужей суевериями, не хотят рожать детей, одурманивают мужей зельями и даже убивают их.

Мы поместили здесь Ювенала на то место, какое он и должен занимать в современной хронологии. Вся разница между ним и Франко Саккетти (которого мы цитировали перед ним) в том, что жили они в разных местах: один в Риме, находившемся тогда в ромейской (византийской) части Италии, другой — во Флоренции, в романской ее части. И писали — один стихами, другой прозой.

С этого времени пошли «вширь», «в народ» вырабатывавшиеся еще с XII века в высшем свете куртуазные правила, которые воспевали возвышение женщины. В любом иерархическом обществе нужна система противовесов. Когда отношения между мужчиной и женщиной держались на силе и страхе, сильный мог переусердствовать в жестокости. Но когда мужчина отказался от такой системы отношений, произошла реакция: без давления силы и страха освободившаяся проявила склонность к тому же, то есть к применению силы, или переходила к разнузданности. Требовался другой механизм отношений, который обеспечил

Лукас Кранах. Омолаживающий источник. Фрагмент. 1546 год

бы баланс интересов. Им стала любовь, и литература начала соответствующую пропаганду.

XV—XVI века. Маттео Банделло (ок. 1485—1561):

«Следуя, почтеннейшая мадонна, теме, о которой мы здесь судили и рядили, и желая показать, какие нередко происходят ужасные случаи и неприятности из-за необузданных желаний иных людей, я расскажу вам новеллу, которую слышал много лет тому назад из уст нашего великолепного мессера Фанцино делла Торре, всем вам известного. Он был в числе тех дворян, что были посланы пресветлейшим синьором Джан Франческо, маркизом Мантуанским, в свите госпожи Кьяры, сестры этого маркиза и матери Карла, ныне герцога Бурбонского, во Францию, куда она направлялась для заключения брака с монсиньором Джильберто, графом Монпансье, происходившим из династии королей французских. Так вот он говорил, что слышал эту историю во Франции от людей, внушающих доверие, и даже видел ее запечатленной в мраморной скульптуре, воздвигнутой на том самом месте, где все произошло.

Итак, во французском королевстве жил некий синьор Рокка Соарда, считавшийся в тех краях знатным бароном и весьма богатым человеком. Он держал блестящий, пышный двор, страстно увлекаясь охотой с прирученными хищными птицами. В одном из внутренних двориков он держал львов. Он взял себе в жены прелестную девушку, отличавшуюся, кроме замечательной красоты, самым что ни есть похвальным и разумным поведением, так что всякий, кто ее видел, не мог ею нахвалиться. У мужа ее был мажордом, человек лет тридцати трех, который, не соразмерив своих возможностей и не думая о благородстве и честности своей госпожи, ослепленный ее красотой, до того в нее влюбился, что уже ни о чем другом не мог помышлять, как лишь о том, чтобы добиться ее милости и удовлетворить свою преступную страсть. И не смея выразить словами свои чувства, он старался усердно служить ей, оказывая как можно больше уважения, чтобы она обратила внимание на его любовь. Однако он был очень далек от успеха, потому что она любила своего господина больше очей своих и не замечала ни того, как держит себя мажордом, ни того, что он говорит. К тому же она была честнейшей женщиной и даже мысли не допускала, что ее мажордом может затеять такое дело и оказаться настолько глупым, чтобы просить ее о вещах столь недостойных. Несчастный влюбленный, видя, что из всех его попыток ничего хорошего не выходит, а страсть с каждым днем разгорается все сильнее и страдания становятся невыносимыми, тщательно все обдумав, решил, прежде чем умереть, добиться того, чего он так хотел, и открыться своей госпоже. Придя к такому решению, он лишь искал случая, чтобы без всякой помехи признаться ей в своем пламенном чувстве.

И вот однажды, когда она обсуждала с ним какие-то домашние дела, прохаживаясь по зале, он со всем пылом поведал ей, сколь безмерно он ее любит и какие ужасные муки он терпит. Дама, услышав столь безумные речи, крайне возмущенная, обернулась к мажордому и выбранила его, угрожая бросить на съедение львам, если он когда-нибудь еще посмеет говорить такие безрассудные слова.

— Разве я дала тебе хоть малейший повод, чтобы ты мог просить меня о столь бесчестных вещах? — говорила она.— Быть может, моя жизнь, мои речи, мое прежнее обращение с тобой, мои действия были столь похотливыми, столь развратными и неразумными, что у тебя хватило смелости допустить, будто я могу принадлежать тебе или кому-нибудь другому? Берегись, если тебе дорога жизнь, и даже не помышляй о подобных безумствах. Пусть это будет в первый и в последний раз и больше к этому не возвращайся, потому что можешь жестоко за все поплатиться. Позаботься лучше о том, чтобы больше не совершать такой ошибки и не подвергать себя опасности. Я постараюсь обо всем забыть и ни слова не скажу твоему и моему господину. А теперь займись своими обычными делами и выкинь из головы эти бредни.

Тут она умолкла, а смущенный влюбленный пошел исполнять свои обязанности с душой, полной горечи и такого отчаяния, что просто ума не мог приложить, что ему делать, а еще менее, что говорить. Он знал благородство своей госпожи, которая всегда оставалась честной, и решил, что напрасны будут все попытки соблазнить ее, да и опасность была слишком велика, судя по страшным угрозам дамы.

Однако, не доверяясь вполне ее словам, он все же боялся, что она обо всем расскажет мужу и тогда, без всякого сомнения, он будет убит. Изнемогая под тяжестью этих мыслей, он не находил выхода из своего положения, ибо не хотел оставлять этот дом, но и жить в нем спокойно он тоже не мог, пока жива его госпожа. Тогда пришла ему в голову чудовищная мысль, на которой он и остановился: он найдет способ умертвить женщину с помощью хитрых козней.

Задумав подобную гнусность, этот предатель, ослепленный своей страстью, не переставая, шпионил за своей госпожой. Но не находя ни малейшего повода для ее обвинения, он придумал для этого путь, о котором вы сейчас услышите.

Среди слуг синьора был юноша не по годам взрослый, весьма приятной наружности, но такой покладистый и простоватый, что над его неудачливыми выходками хозяева часто потешались. С ним-то госпожа и имела обыкновение шутить, высмеивала его, дурачилась с ним, и все в доме называли его ее любимчиком, и даже сам хозяин так его звал. Заметив такую близость, злодей мажордом старался быть поласковее с юношей и как можно более его к себе приручить. И когда, по его мне-

нию, настал удобный момент, он наговорил всяких небылиц, которым придурковатый юноша легко поверил, и убедил его ночью, когда госпожа ляжет спать, спрятаться под ее кровать, а часа за два до рассвета выйти оттуда. Простофиля проделал это два или три раза.

У мажордома был в доме приятель, почтенный человек, и ему-то он показал оба раза, как слуга выходит из спальни своей госпожи. Она спала в отдельной комнате, и муж, когда ему вздумается, приходил к ней. Мажордом все рассказал синьору и призывал в свидетели своего почтенного приятеля, который, не подозревая никакого коварства, обвинил свою госпожу в измене, уверяя, что если синьор будет молчать, то он сам легко может увидеть этого слугу выходящим из спальни. Синьор, полагаясь на свидетельство человека, которого он считал добропорядочным, и веря, что тот воочию видел его позор, решил, что ласки, которые жена расточала юноше, не были невинными, что она его горячо любит. И вот любовь, которую он питал к своей жене, обратилась в лютую ненависть, и он ждал лишь случая, чтобы отомстить, поймав курочку на насесте. Предатель, который был в восторге от своих козней, велел юноше войти в спальню, а когда ему пришло время уходить, он привел синьора. Едва муж увидел все это, негодуя на жену, в гневе он велел схватить неповинного юношу и бросить его в подвал башни, более возмущенный своей женой, чем юношей, считая, что, не позови она его и не настаивай, он сам по себе никогда не решился бы на подобный поступок. Поэтому, охваченный яростью, не желая расследовать случившегося, он велел схватить жену и послал ей сказать, что пусть, мол, исповедуется, если желает, ибо сегодня же она, как распутная тварь, будет брошена на съедение львам.

Увидав, что ее предали, и услышав, какими словами называет ее муж, который не желал даже ее выслушать, и зная, что спастись невозможно, она приготовила себя, как умела, к смерти, ревностно исповедалась, предав себя в руки Господа и лишь печалясь о том, что имя ее останется покрытым позором. В этот же день по приказанию синьора она была брошена во дворик ко львам. Толпы людей сбежались поглядеть на столь страшное зрелище. Пути Господни неисповедимы, и трудно их познать. Но Господь Бог всегда спешит на помощь невинным. Женщина преклонила колени, отдавая на милость его свою жизнь и свою честь.

Когда открыли яму, львы мирно приблизились к женщине, ласкаясь к ней, словно она их выкормила. Когда народ увидел это,— а львы всё продолжали ласкаться к женщине,— все в один голос воскликнули: «Чудо! Чудо!» Синьор, уразумев случившееся, велел привести к себе из тюрьмы юношу. Увидев это, проклятый мажордом вскочил на лошадь,

пытаясь спастись бегством. Но Господь Бог, желавший его наказать, сделал так, что лошадь не двинулась с места. Допрошенный юноша рассказал, как все было на самом деле. Тогда синьор велел освободить невинную женщину, а на ее место бросить предателя, который признался, что со зла оклеветал свою госпожу, рассчитывая, что синьор немедленно убьет простака, когда увидит, как тот выходит из спальни. Итак, разбойника бросили во дворик, и львы тут же растерзали его на тысячу кусков.

Зная простоту придурковатого юноши, ему не сделали ничего дурного и лишь удалили его от двора и от синьоров. Дама же, как и раньше, продолжала пользоваться уважением своего супруга и всех окружающих, и муж без конца умолял ее простить ему, говоря, что он, поддавшись гневу, не разобрал хорошенько дела и легко поверил злым наветам негодяя и предателя — своего мажордома.

Каждому не мешало бы быть менее легковерным и не принимать на веру то, что ему говорят, особенно когда говорят что-нибудь дурное. Ведь приходится наблюдать повсюду — и при дворах государей также,— что люди, желая угодить своему синьору и приобрести его милость, придумывают всякие небылицы и стараются очернить то одного, то другого, а чтобы показать, что они, мол, делают это, оберегая честь своего хозяина, иногда говорят хорошо о том, кому в душе желают зла, но в последнюю минуту подливают каплю яду и прибавляют:

«А ведь он сделал так-то и так-то, и доверять ему нельзя, он ведет двойную игру». И так хорошие поступки толкуют на дурной лад. От таких клеветников надо бежать как от чумы, да они и на самом деле чума и зараза как для дворов, так и для частных домов и нередко бывают причиной больших бед.

Но вернемся к тому, на чем мы остановились. Так вот скажу я вам, что дама милостиво простила своего мужа и рассказала ему о настойчивых и наглых домогательствах злодея мажордома. Синьору тогда очень захотелось снова увидеть предателя живым и поглядеть, как огромные львы разрывают его на мелкие кусочки, ибо он считал, что тот за свою гнусность заслуживает тысячу самых ужасных казней. Потом синьор приказал лучшим скульпторам при входе в замок высечь на мраморе всю эту историю, чтобы память о ней осталась навеки. Это тончайшее изображение и сейчас может видеть всякий, кто захочет пойти поглядеть на этот замок.

Вот каков был несчастный исход недостойных домогательств бесчестного и вероломного слуги, заслужившего более суровую и горькую смерть, чем та, что его постигла. Итак, можно поистине сказать, что дела, начатые с дурными целями, редко приводят к благополучному

концу, и, наоборот — начатые с благими намерениями, кончаются всегда хорошо и счастливо».

Отметим в этом средневековом рассказе совершенно древнеримский сюжет, а именно право хозяина кормить львов богобоязненными членами своей семьи, а также слугами. Написано, напомним, в XVI веке о французских событиях, хотя и из «прошлой жизни», о чем автор предупреждает в начале.

Продолжая разговор об освобождении женщин, напомним, что после развития куртуазной любви в «высших слоях» общества начался период пропаганды любви, как необходимого элемента сохранения гармонии в обществе. Затем те же «высшие слои» подарили «низшим» еще и демократию, а одним из основных её принципов, как всем известно, является право выбора. Баланс интересов опять был нарушен, и, кажется, до сих пор толком не установился. Дальше мы цитируем авторов разных веков без комментариев: читатель сам может сделать выводы.

XIX век. Альфред Мюссе (1810—1857). Из романа «ИСПОВЕДЬ СЫНА ВЕКА». В этом романе, как сообщают литературоведы, представлен «обобщенный портрет молодого поколения эпохи реставрации». Итак:

«Есть такие женщины, которым хорошие наклонности и чистосердечие не позволяют иметь одновременно двух любовников. Вы полагали, что такова и ваша любовница. Это и впрямь было бы лучше. Вы обнаружили, что она вас обманывает. Обязывает ли это вас презирать ее, дурно с ней обращаться, словом, считать, что она заслуживает вашей ненависти?

Даже если бы ваша любовница никогда вас не обманывала и если бы она любила теперь вас одного, подумайте, Октав, как далека еще от совершенства была бы ее любовь, какая она была бы земная, маленькая, скованная законами лицемерия света. Подумайте о том, что до вас ею обладал другой человек, и даже не один человек, а несколько, и что еще другие будут обладать ею после вас.

Поразмыслите вот о чем: вас приводит сейчас в отчаяние то ложное представление о вашей любовнице как о совершенстве, которое вы себе составили и которому она в ваших глазах не соответствует больше. Но как только вы поймете, что это прежнее представление само было человеческим, маленьким и ограниченным, вам станет ясно, какая это малость, какое ничтожное значение имеет то, выше ли, ниже ли одной ступенькой стоим мы на огромной лестнице людского несовершенства, к тому же готовой подломиться.

Вы ведь не станете оспаривать того, что у вашей любовницы были и будут другие возлюбленные, не так ли? Вы мне, наверно, скажете, что это вам все равно, лишь бы она вас любила и лишь бы у нее не было никого больше, пока она будет любить вас. А я вам говорю: раз у нее были, кроме вас, другие, не все ли равно, было это вчера или два года назад? Раз у нее будут другие, не все ли равно, случится это завтра или через два года? Раз она должна любить вас только некоторое время и раз она вас любит, так не все ли равно, продлится это два года или одну ночь? Да мужчина ли вы, Октав? Видите вы, как падают листья с деревьев, как восходит и заходит солнце? Слышите вы, как при каждом биении вашего сердца постукивает маятник часов жизни? Так ли уж велика для нас разница между любовью на год и любовью на час, о безумец? Кому из этого окна величиной в ладонь видна бесконечность?

Вы называете честной ту женщину, которая два года любит вас верной любовью. У вас, по-видимому, есть особый календарь, где сказано, в течение какого времени поцелуи мужчин высыхают на женских устах. Вы видите большую разницу между женщиной, которая отдается ради денег, и женщиной, которая отдается ради наслаждения, между той, что отдается из тщеславия, и той, что отдается из преданности. Среди женщин, которых вы покупаете, одним вы платите дороже, другим — дешевле. Среди тех, чьей близости вы домогаетесь ради чувственного наслаждения, вы отдаетесь одним с большим доверием, чем другим. Среди тех, кем вы обладаете из тщеславия, вы кичитесь этой больше, чем той. А из тех, к кому вы питаете преданность, одной вы отдадите треть вашего сердца, другой — четверть, третьей — половину, смотря по ее образованию, ее нравственности, ее доброму имени, ее происхождению, ее красоте, темпераменту, ее душевному складу, смотря по обстоятельствам, смотря по тому, что о ней говорят, по тому, который час, и по тому, что вы пили за обедом.

У вас, Октав, есть женщины потому, что вы молоды, пылки, потому, что лицо у вас овальное и черты его правильны, и потому, что ваши волосы тщательно причесаны, но именно поэтому вы не знаете, друг мой, что такое женщина.

Природа в первую очередь требует от своих созданий, чтобы они производили на свет себе подобных. Повсюду, от горных вершин и до дна океана, жизнь боится смерти. Поэтому Бог, чтобы сохранить свое творение, установил тот закон, в силу которого величайшим наслаждением всех живых существ является акт зачатия. Пальмовое растение, посылая своей женской особи оплодотворяющую пыльцу, трепещет от любви под раскаленным ветром; олень рогами вспарывает живот сопротивляющейся лани; голубка дрожит под крылами голубя, точно влюбленная мимоза; а человек, держа в объятиях свою подругу на лоне

всемогущей природы, чувствует, как вспыхивает в его сердце божественная искра, его создавшая.

О друг мой! Когда вы обнаженными руками обвиваете красивую и цветущую женщину, когда сладострастие исторгает у вас слезы, когда вы чувствуете, что на уста вам просятся клятвы вечной любви, когда в сердце к вам нисходит бесконечность, не бойтесь открыть свою душу, пусть даже куртизанке.

Но не смешивайте вино с опьянением, не считайте божественной чашу, из которой вы пьете божественный напиток. Найдя ее вечером пустой и разбитой, не удивляйтесь. Это женщина, это хрупкий сосуд, сделанный горшечником из глины.

Благодарите Бога за то, что он показывает вам небеса, и не считайте себя птицей только оттого, что вам хочется взмахнуть крылом. Даже птицы не могут летать за облака — на большой высоте им не хватает воздуха, и жаворонок, с пением поднимающийся ввысь среди утренних туманов, иногда падает на борозду мертвый.

Берите от любви то, что трезвый человек берет от вина, не становитесь пьяницей. Если ваша любовница верна и чистосердечна, любите ее за это; если этого нет, но она молода и красива, любите ее за красоту и молодость; если она мила и остроумна, тоже любите ее; и, наконец, если ничего этого в ней нет, но она любит вас, любите ее. Не часто встречаешь любовь на своем пути.

Не рвите на себе волосы и не твердите, что заколетесь кинжалом, оттого что у вас есть соперник. Вы говорите, что ваша любовница обманывает вас ради другого, и от этого страдает ваше самолюбие. Но только переставьте слова: скажите себе, что она обманывает его ради вас, и вот вы уже возгордились.

Ничего не ставьте себе за правило и не говорите, что хотите быть единственным у любимой женщины. Вы мужчина и сами непостоянны, а потому, говоря так, вынуждены будете мысленно прибавить: «если это возможно».

Принимайте погоду такой, какая она есть, ветер таким, как он дует, женщину такой, какова она на самом деле. Испанки, лучшие из всех женщин, любят, соблюдая верность, сердце у них правдивое и неистовое, но на сердце они носят стилет. Итальянки любят наслаждение, но ищут широкоплечих мужчин и меряют своих любовников меркой портного. Англичанки восторженны и меланхоличны, но холодны и напыщенны. Немки нежны и ласковы, но бесцветны и однообразны. Француженки остроумны, изящны и сладострастны, но они лгут, как демоны.

Прежде всего, не вините женщин за то, что они такие, какие они есть. Это мы сделали их такими, искажая при всяком удобном случае то, что создано природой.

Природа, которая все предусматривает, создала девушку для того, чтобы она была возлюбленной, но как только она производит на свет ребенка, волосы ее выпадают, грудь теряет форму, на теле остается рубец; женщина создана быть матерью. Мужчина тогда, быть может, ушел бы от нее, отталкиваемый зрелищем утраченной красоты, но его ребенок с плачем льнет к нему. Такова семья, таков человеческий закон. Все, что от него отклоняется, противоестественно. В том-то и состоит добродетель деревенских жителей, что их женщины — машины для рождения и кормления детей, подобно тому, как сами они — машины для пахоты. У них нет ни фальшивых волос, ни косметики, но их любовная страсть не тронута порчей; в своем простодушии они не замечают, что Америка уже открыта. Они не отличаются чувственностью, зато они душевно здоровы; руки у них грубы, но не сердце.

Цивилизация поступает противоположно тому, как поступает природа. В наших городах и согласно нашим нравам девушку, созданную для того, чтобы носиться по залитым солнцем просторам, чтобы любоваться, как это было в Спарте, обнаженными атлетами, а потом остановить на ком-нибудь свой выбор и любить,— девушку держат взаперти, под замком.

Однако под своим распятием она прячет роман. Бледная и праздная, она развращается перед зеркалом, она теряет в тишине ночей свежесть красоты, которая ее душит и рвется выйти на волю. Потом ее,— ничего не знающую, ничего не любящую, всего на свете жаждущую,— неожиданно извлекают из этого заточения. Какая-нибудь старуха ее наставляет, ей шепчут на ухо бесстыдные слова и бросают в постель незнакомца, который ее насилует. Вот вам брак, то есть цивилизованная семья. И вот теперь эта бедная девушка производит на свет ребенка; и вот ее волосы, ее прекрасная грудь, ее тело увядают; вот она утратила красоту любовницы, а она еще не любила! Вот она уже зачала, родила уже,— и все еще недоумевает, как это вышло. Ей приносят какого-то ребенка и говорят: «Вы — мать». Она отвечает: «Я не мать, пусть этого ребенка отдадут женщине, у которой есть молоко, у меня в груди его нет»; не так ведь появляется у женщин молоко. Муж отвечает ей, что она права, что ребенок вызовет у него отвращение к ней. К ней приходят, ее прихорашивают, покрывают брюссельским кружевом ее окровавленную постель; за ней ухаживают, ее излечивают от болезни материнства. Месяц спустя мы встречаем ее в Тюильри, на балу, в опере. Ее ребенок в Шайо или в Оксере, муж в каком-нибудь притоне. Десять молодых людей твердят ей о любви, о преданности, о том, что вечно будут держать ее в объятиях, обо всем, что скрыто у нее в сердце. Она выбирает одного из них и привлекает к себе на грудь, он бесчестит ее, поворачивается и уходит на биржу. Теперь она попала в обычную ко-

лею; проплакав одну ночь, она приходит к выводу, что от слез краснеют глаза. Она обзаводится утешителем, в потере которого ее утешает другой; так это продолжается, пока ей не минет тридцать лет, а то и больше. Вот тогда, пресыщенная и развращенная, ничего не сохранившая в себе из того, что свойственно человеку, даже чувства отвращения, она встречает однажды вечером прекрасного юношу с черными волосами, с пламенным взглядом и сердцем, трепещущим надеждой; она узнает в нем свою молодость, вспоминает все, что выстрадала, и, возвращая ему полученные в жизни уроки, навсегда отучает его от любви.

Вот женщина, какой мы ее сделали; таковы наши любовницы. Но что нам до того! Это женщины, с ними проводишь иногда приятные минуты!»

XX век. Ричард Олдингтон (1892—1962). «СМЕРТЬ ГЕРОЯ»:

«Элизабет и Фанни нелепыми карикатурами не назовешь. К войне они приспособились на диво быстро и ловко, так же как и применились к послевоенным порядкам. Обеим была присуща жесткая деловитость, что отличала женщин в те военные и послевоенные годы; обе умело маскировали извечную хищность, собственнический инстинкт своего пола дымовой завесой фрейдизма и теории Хэлвока Эллиса. Слышали бы вы, как они обе обо всем этом рассуждали! Обе чувствовали себя весьма свободно на высотах «полового вопроса», в дебрях всяческих торможений, комплексов, символики сновидений, садизма, подавленных желаний, мазохизма, содомии, лесбиянства и прочая и прочая. Послушаешь и скажешь — до чего разумные молодые женщины! Вот кому чужд всякий сентиментальный вздор, уж они-то никогда не запутаются в каких-нибудь чувствительных бреднях. Они основательно изучили проблемы пола и знают, как эти проблемы разрешать. Существует, мол, близость физическая, близость эмоциональная и, наконец, близость интеллектуальная,— и эти молодые особы управляли всеми тремя видами с такой же легкостью, с какою старый опытный лоцман проводит послушное судно в самую оживленную гавань Темзы. Они знали, что ключ ко всему — свобода, полная свобода. Пусть у мужчины есть любовницы, у женщины — любовники. Но если существует «настоящая» близость, ничто ее не разрушит. Ревность? Но такая примитивная страсть, конечно же, не может волновать столь просвещенное сердце (бьющееся в довольно плоской груди). Чисто женские хитрости и козни? Оскорбительна самая мысль об этом. Нет уж! Мужчины должны быть «свободны», и женщины должны быть «свободны».

Ну, а Джордж, простая душа, всему этому верил. У него был «роман» с Элизабет, а потом «роман» с ее лучшей подругой Фанни.

Джордж считал, что надо бы сказать об этом Элизабет, но Фанни только пожала плечами: зачем? Без сомнения, Элизабет чутьем уже все поняла — гораздо лучше довериться мудрым инстинктам и не впутывать в дело наш бессильный ум. Итак, они ни слова не сказали Элизабет, которая ничего чутьем не поняла и воображала, что Джордж и Фанни «сексуально антипатичны» друг другу. Все это было в канун войны. Но в 1914 году у Элизабет случилась задержка, и она вообразила, будто беременна. Ух, что тут поднялось! Элизабет совсем потеряла голову. Фрейд и Хэвлок Эллис тотчас полетели ко всем чертям. Тут уж не до разговоров о «свободе»! Если у нее будет ребенок, отец перестанет давать ей деньги, знакомые перестанут ей кланяться, и ее уже не пригласят обедать у леди Сент-Лоуренс, и... Словом, она вцепилась в Джорджа и мигом положила его на обе лопатки. Она заставила его раскошелиться на специальное разрешение, и они сочетались гражданским браком в присутствии родителей Элизабет,— те и опомниться не успели, сбитые с толку ее неожиданным замужеством. Отец Элизабет попытался было возражать — ведь у Джорджа ни гроша за душой, а миссис Уинтерборн разразилась великолепном драматическим посланием, закапанным слезами: Джордж — слабоумный выродок,— писала она,— он разбил ее нежное материнское сердце и нагло растоптал его ради гнусной похоти, ради мерзкой женщины, которая охотится за деньгами Уинтерборнов. Поскольку никаких денег у Уинтерборнов не осталось, и старик изворачивался и перехватывал в долг, где только мог, обвинение это было, мягко говоря, чистейшей фантазией. Но Элизабет одолела все препоны, и они с Джорджем поженились.

После свадьбы Элизабет вновь вздохнула свободно и стала вести себя более или менее по-человечески. Тут только она догадалась посоветоваться с врачом; он нашел у нее какую-то пустячную женскую болезнь; посоветовал месяц-другой «избегать сношений» и расхохотался, услышав, что она считает себя беременной. Джордж и Элизабет сняли квартирку в Челси, и через три месяца Элизабет снова стала весьма просвещенной особой и ярой поборницей «свободы». Успокоенная заверениями доктора, что у нее никогда не будет детей, если только она не подвергнется особой операций, она завела «роман» с неким молодым человеком из Кембриджа и сказала об этом Джорджу. Джордж был удивлен и обижен, но честно играл свою роль и по первому же намеку Элизабет благородно уходил на ночь из дому. Впрочем, он не так страдал и не столь многого был лишен, как казалось Элизабет: эти ночи он неизменно проводил у Фанни».

«Роман-джаз» Олдингтона, отрывок из которого мы привели, повествует о судьбах «потерянного поколения», о людях, участвовавших в Первой мировой войне. Следу-

ющий автор пишет роман, в общем-то, о любви, но на фоне иного мира. XXI век будет не таким, как XX век; возможно, он станет эпохой мирового терроризма и борьбы с ним, и литераторы уже показывают нам изменение отношений между мужчинами и женщинами.

XXI век. Олег Горяйнов (род. В 1959). «ГРУ ВЕДЕТ ИГРУ»:

«Матушка ей всегда говорила: любовь — это ответственность за того, кого любишь.

Став взрослой, она поняла: ответственность за любимого — это готовность платить по его счетам.

Нет, это — счастье, которое испытываешь, неся ответственность за любимого человека, вот что такое любовь! Она сегодня счастлива, ведь она убила ради любимого человека, она закрыла его собой, своим мастерством, она натянула нос чертовым гринго!..

А он — ее любимый — как он теперь будет благодарен ей, как похвалит ее и прижмет к сердцу, ожесточенному борьбой за всемирную справедливость! О, сколь любезны ласки его!..

Он ведь всё еще не воспринимает ее всерьез. И это не оттого, что ей только двадцать лет. Это оттого, что он сильно любит ее и беспокоится о ней, вот и не воспринимает. Ведь он иногда бывает таким нежным с ней.

Она на секунду закрыла глаза. Например, как это было, когда она стажировалась после лагеря в Венесуэле...

Посла они в тот раз не достали, но Октябрю удалось подстрелить двух бешеных псов — морских пехотинцев из охраны посольства, а Агата тогда растерялась — сейчас даже смешно об этом вспоминать — и ни в кого не попала, но Октябрито нисколько на нее за это не рассердился, а даже наоборот...

Или — еще лучше — месяца два с половиной тому назад...

Хоть в тот раз и приходилось быть настороже, не снимать кобуры с оружием, потому что дело происходило в горах Сьерра-Мадре, у подножия красавца Чорреpаса, в их убежище номер восемнадцать, и ложе у них было — зелень. За ними охотились приспешники бешеных псов-гринго, потому что они с Октябрем взорвали перед этим какой-то пёсий дом, а потом уходили по отдельности, и она отдала Октябрю все деньги. Оставшейся мелочи ей едва хватило, чтобы добраться автобусом до Чильпансинго, там она позвонила из автомата папочке, и он приехал за ней на своем «альфа-ромео», а в пещере они с Октябрем занимались любовью, и все пришлось делать быстро, три раза помогать любимому...

Для себя она тогда, конечно, ни черта не получила, но настоящей революционерке, настоящей комсомолке разве так уж необходим вульгарный оргазм?

Разве у нее нет других, более высоких целей?..

Оргазм — удел домохозяек.

Тем более, что виноградника своего она для любимого в свое время не сберегла.

В конце концов, боевого компаньеро нужно любить как боевого компаньеро. Если она будет выказывать слишком много чувственных желаний, ее любимый боевой компаньеро может подумать, что ей хочется превратиться в румяную толстую курицеголовую домохозяйку, и не позволит ей дальше участвовать в Революции. Он и без того нет-нет, да и скажет, глядя на нее полными любви и нежности прекрасными глазами цвета чилийского янтаря, скажет, что она еще молода для того, чтобы действовать на самых опасных ролях, что она с чрезмерной пылкостью относится к...»

В голубых и розовых тонах

Анализ литературы по нашей синусоиде времен показывает, что тема гомосексуализма тоже становится актуальной на одних и тех же линиях веков на разных траках. Приведем мнения литературоведов, из которых видно, что эта беда охватила человечество на линиях № 4—6.

«Греческий» 3-й трак:

«На протяжении двух столетий (с начала VI до начала IV вв. до н. э.), когда процветала педерастия, греки твердо придерживались традиции, включавшей этот порок в систему высшего образования. Теоретически, когда мальчик оканчивал школьный курс образования, его брал под свою опеку более зрелый мужчина (обычно тридцатилетний), принимавший на себя ответственность за нравственное и интеллектуальное развитие мальчика. Он должен был относиться к нему с добротой и согревать его той чистой любовью, единственная цель которой, согласно Сократу, создание нравственного совершенства в возлюбленном».

Далее в сноске к этому тексту Тэннэхилла сообщается, что «греческая педерастия как бы возродилась в X в. н. э. среди буддистских монахов в Японии». Надо отметить, что по Индийско-китайской синусоиде X век Японии находится на уровне линии № 8, так что это может быть не «как бы

возрождением», а действительно прямым продлением европейско-азиатской практики извращений, свойственной истории линий № 4—6, да и № 7 тоже. В традиционной же истории это «как бы» возрождение греческой педерастии в Японии происходит через 1200 лет, что нелепо.

Чтобы разобраться с причиной такого явления, как мужеложство, надо обратиться, как ни странно, к условиям хозяйствования людей. Есть такая особенность во взаимодействии человека со средой: переходы от одного типа хозяйствования к другому. Уровень ресурса для народа, совершившего такой переход, изменяется, — как правило, увеличивается. В истории человечества можно выделить четыре перехода, качественно изменивших ресурсные запасы для людей. Первый, это переход от собирательства к охоте. Второй, это переход от охоты к скотоводству. Третий, это переход от скотоводства к земледелию. И, наконец, последний переход — к промышленному производству.

Накануне перехода к этому четвертому этапу перенаселенность Европы была очень значительной. А надо сказать, что биосфера имеет возможности дать понять тем видам, которые чрезмерно размножились, что они не правы. То есть природа или «сигнализирует» об избыточности численности популяции, или сразу начинает ее сокращать через неподвластные человеку прямые и беспощадные действия, используя как факторы среды, такие как пища, конкуренты, паразиты, хищники, загрязнения, так и не биологические, но контролируемые биосферой факторы (газовый состав атмосферы, осадки, климат и т. п.).

Один из важнейших способов снижения численности — переход масс людей к гомосексуальному половому контакту. Он происходит, конечно, из-за снижения нравственности; но сама нравственность падает в результате перенаселенности и включения программ снижения рождаемости. Но общество не понимает причин происходящего и стремится вернуть свою нравственность к ее прежнему уровню, осуждая гомосексуализм.

Если на 3-м «греческом» траке мы наблюдаем повальное увлечение педерастией, то вот что творится на 2-м траке на тех же линиях № 4—6 в Риме:

«Вплоть до III в. н. э., несмотря на кое-какие призрачные остатки законодательства, сохранившиеся еще со времен республики, римские

императоры не предпринимали никаких официальных мер против гомосексуализма среди взрослых мужчин».

Прежде всего, обратим внимание на слово «призрачные». Вся «римская» история этого периода достаточно призрачная. По рассматриваемой теме исследователю просто нечего сказать, ведь «официальных мер» не было, а значит, не было и письменных документов! Самое удивительное, что после слов «вплоть до III века» Тэннэхилл не упоминает никаких официальных мер против педерастии, которые принимались бы не только в этом III веке, но в IV или в V, а прямо переходит к VI веку и к императору Юстиниану. Может быть, он поступил так случайно, но для нас важно, что и упомянутый III век находится на линии № 6 стандартной греческой синусоиды, и юстинианов VI век лежит на той же линии, но только относится к ее «византийской» волне:

«Однако в Константинополе, «втором Риме», император Юстиниан сочетал римские законы с христианской моралью и за короткое время распространил и то и другое на больших территориях, входивших в Римскую империю. С точки зрения Юстиниана, богохульство и гомосексуализм были в равной степени безбожными. «Ибо из-за этих преступлений,— говорит Юстиниан,— происходит голод, землетрясения и мор; если мы убедим людей воздерживаться от упомянутых беззаконных действий, они смогут спасти свои души... Мы приказываем начальнику столичной стражи схватить тех, кто будет продолжать упомянутые беззаконные и безбожные действия после того, как мы предупредили их, и подвергнуть их суровым наказаниям, чтобы город и государство не пострадали из-за их ужасных деяний». Это было в 538 г. н. э.»

Кстати, одним из самых популярных наказаний была кастрация.

Юстиниан писал в указе:

«Хотя нам всегда необходимы доброта и милосердие Бога, но в данном случае, сейчас, мы нуждаемся в ней особо, потому что мы сами разными способами вызвали Его гнев, который излился на множество наших грехов... Нам следует отказаться от всех низменных поступков и помыслов — и в особенности... от осквернения мужчин, на которое некоторые мужчины святотатственно и нечестиво осмеливаются, совершая непотребные соития с другими мужчинами».

О том, что результат этих мер (а равно и чумы, произошедшей об эту пору) был положительным для достижения баланса между численностью населения и средой, мы можем судить по литературе XV—XVI веков. После принятых

Юстинианом (и, надо думать, другими владетельными людьми тоже) действий, которые следует отнести к XIV веку, на 1-м траке гомосексуальные безумства немногочисленных любителей выглядят очень элегантно, аналогии же с Древней Грецией находят сами историки. Сказав, что лишь «к XV в. мужчина Ренессанса стал больше интересоваться мужской наготой, чем женской», Тэннэхилл тут же увязывает этот факт с «греческим влиянием», которое отразилось в «несколько двусмысленной юношеской наготе творений Верроккьо, Боттичелли и Леонардо», и пишет:

«Но несмотря на то что итальянский Ренессанс стремился вернуть к жизни греческие традиции и что итальянцы были очарованы платоновским отношением к любви (заново открытым благодаря появлению в Европе «Пира», дошедшего до Италии позже, чем другие работы Платона), культ педерастии в Италии лишь очень отдаленно напоминал то, что происходило в Древней Греции».

А мы, подводя итоги, скажем, что «древнегреческие» сексуальные изыски после эпидемий чумы, осуждения церковью, применения наказаний оказались востребованными, если верить литературе и мемуарам, только в самой «утонченной» части общества, среди деятелей искусств, в среде культурной и отчасти политической элиты[1]. Греческие же откровения плавно превратились в европейскую «возрожденческую» литературу. Нельзя не иметь в виду, что в условиях обструкции таким занятиям авторы XV—XVI веков могли скрываться под греческими именами. Например, хотя Мелеагра называют поэтом III века до н. э., но это линия № 7, реальный XV век:

Мальчик прелестный, своим ты мне именем сладостен тоже,
Очарователь — Мииск; как же тебя не любить?!
Ты и красив, я Кипридой клянусь, красив совершенно.
Если ж суров, — то Эрот горечь мешает и мед.
. . . .
Был я еще не настигнут страстями, как стрелы очами
Выпустил в грудь мне Мииск, слово такое сказав:
«Вот я поймал наглеца и гордо его попираю.
Хоть на лице у него царственной мудрости знак».
Я же ему чуть дыша отвечал: «Не диво! И Зевса
Также с Олимпа Эрот вниз совлекал, и не раз».

---

[1] Возможно, оттого, что «нижние» слои населения не оставляют мемуаров.

Гетеры и наложницы

Сколь ни удивительным это покажется, но даже такой социальный институт, как продажная любовь, подтверждает нашу синусоиду времен. У Демосфена можно найти фразу: «Нам даны гетеры для удовольствия, наложницы для повседневных нужд и жены, чтобы давать нам законных детей и присматривать за хозяйством». Конец IV, а более определенно начало III века до н. э. (линия № 6—7) называют историки временем, когда из-за ослабления политической и военной активности и роста доходов населения резко возросла популярность куртуазной проституции.

В это время развивалось сценическое искусство, менялось отношение к театру, в котором стало доминировать изображение романтической любви, хотя женские роли продолжали играть юноши. Для любого, знакомого с историей театра, очевидно, что такие же процессы протекали в театре XIV—XV веков. Искусствоведы говорят, что скульпторы античной Греции этого времени начали ваять обнаженное женское тело. Да, так и есть, эволюционное развитие искусства приводит к тому, что в какой-то момент художники осваивают новое умение,— и вот, на одних и тех же «линиях веков» они научились изображать обнаженное тело, сначала мужское, а затем (возможно, после преодоления естественной стыдливости моделей) и женское.

Все эти новые веяния в III веке до н. э., полагают историки, привели в Афинах к взлету интереса к проституции, прежде всего столь утонченной, как проституция гетер,— умных, образованных, культурных, чувственных, склонных к искусствам женщин. Говорят, что доходы от этого вида частнопредпринимательской деятельности сильно увеличились. Спрос был так велик, что одна из самых знаменитых проституток по имени Метиха получила прозвище Клепсидры из-за того, что время обслуживания клиента регламентировала при помощи водяных часов (клепсидры). Тут нам остается, на выбор, только два вывода: или совсем было мало работниц такого профиля, или это просто очередной анекдот господина Боккаччо.

Рэй Тэннэхилл с некоторой долей сочувствия пишет:

«Гетеры всегда сознавали, что их привлекательность не сохранится навсегда и что им нужно копить деньги. Одна гетера по имени Филумена

Амманати. Венера. 1571

«Гетера с клиентом». Краснофигурный килик V века до н. э.

(не исключено, что это лишь литературный персонаж) в письме к своему любовнику цинично замечает: «Для чего ты трудишься писать длинные письма? Мне нужны пятьдесят золотых, а не твои письма. Если ты любишь меня, плати; а если ты больше любишь деньги, то не надоедай мне. Прощай!»

И тут же нам излагают такие легенды, как сообщение о гетерах, сумевших накопить достаточно денег для меценатства и вложения в большие предприятия. Ламия из Афин, говорят, восстановила разрушенную картинную галерею (!) в городе Сикион близ Коринфа, а Родопис, фракийская гетера, работавшая в Египте, как утверждают, за свой счет построила целую пирамиду!!!![1] Поверить в это невозможно.

А вот сообщение о гетерах средних веков: «Проститутки в эпоху Возрождения превосходно умели петь, играть на музыкальных

[1] Это сообщает Геродот.

инструментах, декламировать стихи, а иногда даже сочинять. Туллия Арагонская в XVI в. написала трактат на языке Платона; другие, менее честолюбивые, превращали свои гостиные в салоны, которые навещали прелаты, уважаемые господа и философы-гуманисты. Чтобы вести такой образ жизни, им, естественно, приходилось быть очень практичными. Вероника Франко требовала за один поцелуй от четырех до пяти крон, а за то, что Монтень называл полной сделкой,— 50 крон; Туллия Арагонская потребовала от своего клиента-немца заплатить за одну ночь сотню крон. Перевести деньги XVI в. в современный эквивалент затруднительно, но поцелуй Вероники стоил примерно столько, сколько домашняя прислуга получала за шесть месяцев работы».

Кажется, сходство в нравах и ценах налицо, и характерно, что мы находим его на одной и той же линии № 7—8.

Ниже гетер на социальной лестнице стояли (лежали?) наложницы. И в античной Греции, и в средневековой Европе их положение вряд ли можно назвать счастливым; у наложницы не было такой эмоциональной и финансовой независимости, как у гетеры, и не было законных прав, как у жены. Если хозяин уставал от нее, ничто не мешало ему бросить ее или продать,— хотя бы в публичный дом.

Здесь еще один анекдот. Из-за нехватки материала об античной жизни историки хватаются за любую мелочь, поэтому они склонны верить мнению, что «первые публичные дома в Афинах были организованы по приказу Солона в начале VI века до н. э. Сперва они не приносили большой прибыли, но к IV в. до н. э. дела пошли в гору». Чтобы показать, насколько это сообщение несообразно, приведем придуманный пример: «Первые сапожные мастерские были организованы в XVIII веке по приказу Петра Великого. Сперва они не приносили большой прибыли, но к XX веку дела пошли в гору». Ведь это же чушь!

Владельцы публичных домов платили в казну годовой налог, сообщает историк. Были также и уличные проститутки, в совершенстве владевшие мастерством заманивания клиентов. Этим сообщениям вполне можно верить, но дальше — очередной анекдот. Оказывается, «до наших дней сохранилась одна сандалия уличной проститутки. На подошве сандалии была выбита надпись, которая при ходьбе отпечатывалась на немощеной дороге, так что человек, шедший следом, мог прочитать ее. Надпись, естественно, гласила: «Следуй за мной». Тут нам остается только руками развести. Чего же после этого стоят утверждения, будто печать изобрели в XV веке. Вот вам, неграмотная проститутка в III веке до н. э. переворачивает сандалию, режет в

зеркальном изображении буквы — печатные, конечно, какие же еще — и идет печатать рекламу прямо в пыли.

Проституция особенно процветала в городах, где было много приезжих. Например, Коринф с его двумя гаванями и оживленной торговлей прямо-таки кишел публичными домами и уличными проститутками, готовыми оказать услуги морякам, сошедшим на берег. Говорят, что при коринфском храме Афродиты состояло более тысячи гетер, посвятивших себя служению богине (и ее почитателям).

Из исторических книг мы узнаем, что в «древнем Риме» жены (а не наложницы), узнав каким-то образом о счастливой жизни греческих гетер, предприняли попытки эмансипироваться. Но у них ничего не получилось, да и местные гетеры и проститутки успеха, сходного с греческим, тоже не достигли. Такой вывод историки делают скорее всего потому, что пользуются негодной хронологией; просто на линии № 7, в XV реальном веке, «Рим» — Константинополь перешел к мусульманству.

Все эти приключения относятся к высшим линиям синусоиды, № 7—8. Но ведь любой социальный институт имеет свою эволюцию. И вот мы просто, без всяких натяжек находим начало этого процесса. Ведь о храмовых проститутках, посвятивших себя служению Богу, записано еще в Законах (кодексе) Хаммурапи, которые относят к XX веку до н. э., а это линия № 3 по ассиро-египетской синусоиде, или линия № 2 «старовавилонской» волны. Здесь, конечно, точности быть не может, ибо требуются дополнительные изыскания, но хоть какие-то хронологические рамки мы получаем: практика храмовой проституции сложилась к X—XI векам, когда на деле и были написаны законы Хаммурапи.

Ведь что такое эти законы? В местности, отдаленной от культурных центров империи, на специально установленной каменной плите содержатся для удобства местных законоведов тексты имперских законов царя, которого ныне именуют «Хаммурапи», а первоначально прозывали, вероятно, Амму-Раби, или Аммон-Раввин. И в этих законах специально предусмотрены права женщин, совершающих культовые акты. В кодексе[1] есть четыре статьи об этом:

178. Если божьей сестре, божьей жене или блуднице (здесь различаются: zicrum,— обыкновенная проститутка, и прости-

[1] Цитируется по Н. А. Морозову.

тутка храмовая, kadishrum.— *Авт.*) даст приданое ее отец и напишет документ, [но] не напишет в написанном документе, что она может дать свое наследство куда хочет, не предоставит ей свободного распоряжения, то по смерти отца, братья ее получают ее поле и сад и должны давать ей, сообразно с размером ее доли, хлеб, масло и шерсть и (этим) продовольствовать ее. Если ее братья не станут давать ей, сообразно с размером ее доли, хлеб, масло, шерсть и (этим) продовольствовать ее, то она может передать свое поле и сад подходящему для нее земледельцу, (чтобы) он содержал ее. Она пользуется садом и всем, данным ей отцом, пока жива, (но) не может ни продавать за деньги, ни отдавать другому в уплату (долга). Ее наследство принадлежит ее братьям.

179. Если божьей сестре, божьей жене или блуднице отец ее даст приданое и напишет в написанном документе, что она может отдать свое наследство куда хочет, предоставит ей свободное распоряжение, то по смерти отца она может отдать свое наследство куда захочет. Ее братья не могут предъявлять никаких требований.

180. Если отец не даст своей дочери, живущей в одиночестве, божьей жене или блуднице, приданого, то по смерти отца она получает из имущества отцовского дома часть, равную доле отдельного наследника, и пользуется ею, пока жива. Ее наследство принадлежит ее братьям.

181. Если отец не даст приданого своей дочери — божьей жене Убитого (Мардука) Врат Господних, не напишет документа, то по смерти отца, при разделе со своими братьями, она получает из имущества отцовского дома треть наследственной доли (и) не должна нести ленной службы (за это); свое наследство жена Мардука может отдать куда захочет.

Итак, при ромейских храмах X—XI веков имелись божьи жены, божьи сестры и церковные блудницы кадишты (от еврейского кадеш — святой). Последние были, возможно, чем-то вроде браманских баядерок, то есть храмовых танцовщиц и певиц, а божьи жены вроде средневековых христианских диаконисс, божьи сестры — что-то вроде монашенок, и к этому же разряду, как низшая ступень, прибавляются еще и божьи блудницы, а также и отдельно живущие блудницы. Очевидно, что эта профессия тоже считалась благочестивой, чем-то вроде подражания Богоматери, родившей ребенка без мужа, ведь о христианской Троице упоминается в предисловии к этому «кодексу».

Если отнести появление Законов Хаммурапи к XI веку, то понятно, что за несколько столетий, прошедших от него до XV века, вполне мог этот «институт» блудниц переро-

диться в прослойку богатых, культурных гетер, о которых мы и читаем как в греческих текстах, так и в «возрожденческой» литературе.

Скажем еще несколько слов о законах Хаммурапи. Ведь в них говорится не только о правах публичных женщин на отцовское наследство и об усыновлении чужих детей, но и о правилах заключения брака, об ответственности за нарушение супружеской верности, об условиях расторжения брака, о взятии второй жены, о собственности замужней женщины, о имущественных правах супругов, о правах вдов и детей от разных браков в отношении к наследству, о браках между свободными и рабами, об условиях вторичного брака вдовы, имеющей малолетних детей, о правах лиц, посвященных Богу. Статьи 194—214 определяют характер возмездия за умерщвление и телесные повреждения. В статьях 215—240 таксируется вознаграждение врачей, строителей и судостроителей. Статьи 241—260 посвящены отношениям повседневной сельскохозяйственной жизни, они о найме домашних животных, об ответственности за телесное повреждение бодливым быком, о плате за полевые работы, о краже земледельческих орудий, о заработной плате поденщиков и ремесленников, здесь же таксируется плата за наем судов. Последние пять статей говорят о правилах покупки рабов и о наказании раба за отречение от своего господина. В заключение кодекс характеризует благодетельное значение для страны царственной деятельности Аммона-Рабби вообще и обнародованных им законов.

«Мы видим, что во всех этих статьях,— отмечает И. М. Волков,— наблюдается полная секуляризация правовых норм от норм религиозных, что возвышает его, как историко-юридический памятник над всеми восточными законодательствами, не разграничивающими правовых, религиозных и моральных норм, и приближает его к развитым законодательствам Запада».

Н. А. Морозов, соглашаясь с И. М. Волковым, пишет, что страна, где выработался такой кодекс, должна была уже представлять собою большое, строго централизованное культурное государство. Общество, из которого оно состоит, уже давно пережило родовую и племенную ступень своего развития. И вот мы опять оказываемся не в доисторической древности, а в XI—XII веках н. э.

Искусные юристы составили Кодекс по поручению верховной власти. Очень хорошо. А как же он мог быть

Тициан. Диана и Актеон. Ок. 1559

опубликован в средневековье, когда не было еще печатного станка, да еще на территории всей Византийской (Ромейской) империи? Путем прочтения на площади? Но слово — звук, быстро замирающий в воздухе, и никто не обязан его помнить. И вот за неимением другого выхода приходится допустить, что эти «своды законов» выставлялись на площадях в виде исписанных столбов, вроде того, какой мы и имеем в данном случае.

Нашли только один такой столб у речки Шатт-эль-Араб, возможно, утащенный туда в качестве военной добычи, а может, был там перекресток дорог, и в судный день приходили процессии истцов и ответчиков из окрестных поселков, предводительствуемые грамотными судьями. А с отделением этих поселков от империи и развитием собственного языка, культуры, да и права, наконец, столб был забыт и утонул в земле.

Почему таких же столбов не осталось, например, в Константинополе, понятно. Там, как и в Европе, после перехода письменности и культа от еврейского языка к греческому и латинскому, остатки прежней еврейской письменности, как уже отмененной не без борьбы, подверглись умышленному уничтожению со стороны новаторов.

После столь длительного экскурса в жаркие страны позвольте вернуться к нашей сладкой теме.

Всем известно, для достойного отдыха мужчин в Риме имелись бани. Причем о том, что в бани ходили не мыться, а именно отдыхать, тоже все знают. И вот мы, совершая свой хронологический маневр из Древнего Рима в средневековый, читаем: «Древнеримский обычай посещать общественные бани давно прекратил свое существование, но крестоносцы возродили эту идею, принеся ее из мусульманского мира, хотя в слегка исправленном виде. Обычно бани в публичных домах были достаточно большими... Известно, что в Париже в начале XV в. существовало тридцать подобных «бань».

Вообще в Рим и другие европейские города XV века, если верить Тэннэхиллу, можно было совершать полноценные секс-туры:

«Число «доступных женщин» в Риме в 1490 г. достигало почти 7000; это связано с тем, что население Вечного Города состояло в основном из мужчин; женщины жили в домах, принадлежавших монастырям и церквям, и нередко их можно было увидеть на улицах в компании священников. В Венеции, согласно хронике Санудо, было 11 654 «веселых девиц» при общей численности населения около 300 000; некоторые из них в эпоху Возрождения выполняли роль, подобную древнегреческим гетерам. Аретино говорит об одной из таких женщин, которая знала наизусть «всего Петрарку и всего Боккачо, и бесчисленное количество стихов Вергилия, Горация, Овидия и тысячи других авторов».

Сходство описаний жизни, деятельности и успехов гетер времен античности и ее возрождения столь велико, что тексты можно различить лишь по именам героинь (и то не всегда) или по названию валюты. И что интересно, для II—I веков до н. э. (линии № 8—9) ни Тэннэхилл, ни другие специалисты по «истории любви» не нашли материала, и для XVI века (та же линия) они тоже сообщают лишь, что «популярность борделей и проституток резко упала из-за эпидемии сифилиса». Неужели же это опять простое совпадение?

Причины появления сифилиса остались необъяснеными. Французы называли его неаполитанской болезнью, испанцы — французской болезнью, а немцы — испанской чесоткой. Историки медицины одно время полагали, что болезнь завезли из Америки, потому что множество европейцев внезапно заболели ею через 18 месяцев после возвращения Колумба из его первого путешествия в «Индию» в 1493 году. Если это правда, пишет Тэннэхилл, то 50 человек команды, бывшей на корабле с Колумбом, должны были очень постараться после своего возвращения.

Кстати отметим, что среди плававших в Америку практически не было случаев гомосексуализма, во всяком случае, среди испанцев и португальцев. За весь долгий период завоевания Латинской Америки среди конкистадоров зарегистрировано только два случая, один, говорят, среди моряков-немцев, а другой — в Венеции, где пятеро итальянских солдат были должным образом «повешены и сожжены под всеобщие рукоплескания» по приказу их командира-испанца.

Даются и другие объяснения появлению сифилиса, снимающие вину с колумбовых моряков и их американских скво. Оно заключается в том, что сифилис существовал и раньше в относительно мягкой форме и вспыхнул в своем опасном варианте без видимой причины в результате генной мутации. Люди были поражены размерами эпидемии и наконец поняли, что это новая болезнь, а раньше сифилис могли принимать за проказу. Действительно, есть множество случаев в средневековой литературе, когда описывается якобы проказа, но с иными симптомами; это мог быть сифилис. Как бы то ни было, сифилис был и по сей день остается одним из самых тяжелых бедствий человечества.

Чума, оспа и другие неприятности

Поступки людей, а соответственно и вся наша история определяются в общем случае глобальной программой выживания, но это свойственно всей живой природе. Если численность населения (или вообще популяции) превышает возможности среды, то происходят всякие неприятности, вроде сифилиса или других болезней, способствующих

приведению ее к балансу со средой. Люди ищут причины, и, конечно, находят их (грехи наши тяжкие, враги наши злобные, мутации и так далее). А события между тем происходят как бы сами собой.

Даже у животных при скученности и недостатке пищи появляется большое количество опустившихся особей. На них плодятся вши, разносящие многие заразные болезни. То же самое и у людей: за время первой мировой войны в XX веке болезни унесли больше человеческих жизней, чем оружие. У подавленной части популяции животных резко снижается забота о собственной гигиене и сохранении в чистоте мест обитания, что ведет к эпизоотиям; и человечество многократно подвергалось сильному воздействию эпидемий, отражавших, прежде всего, факт перенаселенности.

Одной из самых страшных была пандемия чумы, за два года вдвое сократившая в XIV веке население Европы. Это — линия № 6. Вспышки происходили, конечно, и до XIV века, и после; да и в течение самого этого столетия была целая череда эпидемий, но факт, что именно XIV век считают «веком Чумы».

Если наша реконструкция хронологии верна, мы должны обнаружить описания не менее ужасных пандемий во всех веках по линии № 6 синусоиды. И мы действительно их обнаруживаем. В веках линий № 1—2, похоже, эпидемий нет; линия № 3 дает эпидемии в VI и XI веках во франкских землях, но пандемии, когда болеют люди целых континентов,— только по линии № 6.

Несколько слов о франкской чуме в изложении А. М. Петрова:

«Григорий Турский говорит о присутствии в VI в. в королевстве франков такой разновидности чумы (леденящей воображение только названием, не говоря уже о симптомах), как «бес полуденный». Болезнь наступала внезапно, ее припадки, сопровождавшиеся безумием, обычно начинались в середине дня, после чего следовала смерть. Это поветрие всегда было одним из тяжелейших испытаний для людей. Писание особо выделяет его: в мольбе из Псалтири к Всевышнему избавить именно от «язвы, ходящей во мраке, заразы, опустошающей в полдень» (Пс. 90, 6). Кроме того, на протяжении всей книги Григорий то и дело возвращается к бедствиям, наносимым паховой (бубонной) чумой, когда она, «вспыхнув, словно пламя на ниве», сжигала население городов и многих провинций страны. Ряд же чумных заболеваний он и вовсе не идентифицирует, а называет просто мором».

Есть мнение, что эта эпидемия, воспринятая как «гнев Божий за грехи наши», спровоцировала начало крестовых войн. Затем имеются эпидемии на линии № 5: моровая болезнь в Афинах времен Перикла (около 429 года до н. э.): «Разразилась губительная моровая болезнь и поглотила молодежь в цвете лет и сил»; от нее же умер и сам Перикл, и мор в Риме 365 до н. э. (тоже линия № 5 «римской» волны): «На Рим обрушилась повальная болезнь, которая погубила бесчисленное множество простого народа и почти всех должностных лиц»[1]. А следующие по времени моровые напасти относятся уже к линии № 6. Нам нет нужды что-либо подгонять или «подчищать»; сами историки совсем не дают нам материала для линий № 1, 2, 4 и 9, лишь немного для линий № 5 и 7, и очень много для линий № 6 и 8.

О «римской» волне напомним, что она на треть сдвинута относительно стандартной греческой; а потому можно сказать, что к линии № 6 («век Чумы») принадлежат в какой-то своей части века I, II и III, но этот последний, в силу своей растянутости на три линии, только с 250 до 290 год. Какова же эпидемиологическая статистика Рима этого периода, в описании историков? Можно ли говорить о пандемии? Судите сами.

В правление Нерона (54—68 годы) чума унесла в одну осень 30 тысяч человек; в царствование Веспасиана (69—79) «была также чума невиданной силы»; при Тите (79—81) случилась «почти беспримерная по силе моровая язва»; при Траяне (98—117) «жестокая чума распространилась на множество римских провинций»; императорство Марка Аврелия (161—180) сопровождалось сплошными эпидемиями; при Коммоде (180—192) «чумная болезнь охватила Италию».

Моровая язва с 250 по 265 год свирепствовала без перерыва во всех римских провинциях, во всех городах и почти во всех семьях. В течение некоторого времени в Риме умирало ежедневно по 5 тысяч человек, и многие города совершенно опустели. В Александрии (а это уже Африка), как указывает Э. Гиббон, вымерла половина населения. Но все эти цифры не в состоянии передать апокалипсического состояния духа общества. Евсевий Памфил в «Церковной истории» приводит слова епископа Александрии Дионисия, очевидца трагедии:

[1] По Плутарху.

«Вдруг появилась эта язва — событие ужаснейшее всякого ужаса и бедственнейшее всякого бедствия»; люди находились в отчаянии, близком к безумию: полумертвые выбрасывались на улицу, мертвые оставались без погребения, прогонялись начинающие хворать, любящие убегали от самых любезных».

Теперь мы увидим «век Чумы» на нашей «византийской» волне. Здесь к линии № 6 относятся VI и VIII века.

Прежде всего, нельзя не упомянуть «Юстинианову чуму», получившую название по времени правления императора Византийской (Ромейской) империи Юстиниана I (527—565). Она гуляла по империи 52 года и унесла то ли треть, то ли половину жителей. Эпидемии чумы одна за другой (общим числом в пятнадцать) сотрясали континенты. Прокопий Кесарийский, очевидец пандемии, пишет, что чумой болел сам Юстиниан. Другой византийский историк, Евагрий, был свидетелем четырех последовательных эпидемий чумы в Антиохии, перенес эту болезнь в детстве, затем потерял от нее нескольких детей и внука. Вот текст из его «Истории церкви»: «Я должен также рассказать о чуме, которая появилась в этот период и распространилась на весь мир... не оставив, как я полагаю, непосещенным ни одного места, где живут люди. Некоторые города были столь сильно поражены, что совершенно обезлюдели».

А вот описание еще одним византийским историком, Агафием, «будней» чумного города в 557 году:

«Итак, умирали многие внезапно, как будто пораженные апоплексией. Те же, кто был наиболее вынослив, не переживали пятого дня... Горячки с нарывами были продолжительные, а не однодневные. Они нисколько не ослаблялись и прекращались только со смертью... У некоторых не было ни лихорадочного жара, ни другого заболевания, но занятые обычным делом, и дома, и на площадях, принуждаемые необходимостью, они падали и быстро становились бездыханными, и поражался всякий возраст без различия, а в особенности люди цветущего возраста и молодые».

В придачу к чуме около 576 года разразилась ужасная эпидемия оспы, от которой пострадала вся континентальная Европа. По современным оценкам, население Европы, достигавшее в 200 году 36 миллионов человек, к 600 году уменьшилось до 26 миллионов. Христиане, вероятно, страдали от эпидемий больше, чем иудеи и мусульмане, поскольку гигиена не входила в обрядовую сторону их религии: по словам Иеронима, человек, прошедший через Христову купель, не нуждается в других омовениях.

Теперь от VI века сразу перейдем к VIII (о VII веке скажем чуть ниже). Константинопольский патриарх Никифор оставил нам ярчайшее описание огромной эпидемии, которая началась в Константинополе в 746 году и продолжалась в течение года:

«Тогда напала на столицу и на лежащие кругом селения и на те местности губительная болезнь, так что истребила весь населявший их человеческий род, и люди совершенно исчезли. Спаслись же по божьей воле некоторые, которые далеко бежали из этих районов... И спасавшиеся были не в состоянии тела умиравших предавать погребению... И так как город стал почти лишенным жителей, Константин (V) перевел и поселил в нем большое число народа из областей и с островов, находящихся под властью ромеев».

Параллель между античным, византийским и средневековым периодами истории находят сами историки. А. М. Петров прямо пишет: «Если продолжать цитировать подобные сообщения византийских исторических хроник (а их вполне достаточно), то мы лишь повторим рассказ о трагедиях античного общества, разве что в еще более драматическом варианте. Ведь только с 1348 по 1431 год в Константинополе девять раз свирепствовали сильнейшие эпидемии чумы. А кроме того, существовали и обычные, но очень тяжелые недуги, которые врачи тоже пытались облегчить (и порой с большим успехом) с помощью восточных пряностей и благовоний».

Так, продолжая двигаться по линии № 6 синусоиды времен, мы попадаем, наконец, в средневековье. Поскольку А. М. Петров в своей великолепной книге «Запад — Восток. Из истории идей и вещей» дал очень точное и сжатое описание болезней XIV века, дадим ему слово и дальше:

«Хорошо известна пандемия чумы 1347—1350 гг., получившая название «черной смерти». Она проникла из Восточной Азии через Каспийское и Черное моря в Левант и оттуда распространилась по всему Средиземноморью. «Где бы ни приставали корабельщики,— рассказывает летописец,— повсюду все, кто ни приходил с ними в сношения, умирали, как будто их дыхание заключало в себе смертоносный яд». Из прибрежных областей Италии, Испании и Франции она пошла в глубь материка. В 1348 г. чума появилась и в Англии. Стали вымирать целые города и селения. Современники утверждали (хотя это и было некоторым преувеличением), что из десяти человек «черную смерть» пережил всего один. Ужас, обуявший людей, был беспредельным; казалось, все говорило о наступлении конца света, и никто не был уверен в завтраш-

нем дне. «Чтобы написанное не исчезло вместе с писавшим,— читаем у одного монаха-летописца,— и не погиб труд вместе с трудившимся, я оставляю пергамент для продолжения его на случай, если бы кто из племени Адама избежал этого мора и стал продолжать труд, который я начал»... Полагают, что «черная смерть» унесла во всех странах Европы не менее трети населения, во Франции и Англии, быть может, даже половину.

Массовые моровые поветрия многократно бывали и до и после этой пандемии. В Германии с 1326 по 1400 г. насчитывалось 32 года чумных эпидемий, с 1400 по 1500 г.— около 40 лет. В городах иногда в течение нескольких месяцев вымирала десятая, шестая, а иной раз и четвертая часть населения. В Безансоне вспышки чумы с 1439 по 1640 г. наблюдались 40 раз, в Савойе между 1530 и 1587 гг.— 7 раз. В XVI в. она 10 раз охватывала Лимузен и 22 раза — Орлеан».

Как видим, действие выходит за пределы XIV века и захватывает XV век, линию № 7.

ДЖОВАННИ БОККАЧЧО

ДЕКАМЕРОН

«Некоторые полагали, что умеренная жизнь и воздержание от всех излишеств сильно помогают борьбе со злом; собравшись кружками, они жили, отделившись от других, укрываясь и запираясь в домах, где не было больных и им самим было удобнее; употребляя с большой умеренностью изысканнейшую пищу и лучшие вина, избегая всякого излишества, не дозволяя кому бы то ни было говорить с собою и не желая знать вестей извне — о смерти или больных,— они проводили время среди музыки и удовольствий, какие только могли себе доставить. Другие, увлеченные противоположным мнением, утверждали, что много пить и наслаждаться, бродить с песнями и шутками, удовлетворять, по возможности, всякому желанию, смеяться и издеваться над всем, что приключается,— вот вернейшее лекарство против недуга. И как говорили, так, по мере сил, приводили и в исполнение, днем и ночью странствуя из одной таверны в другую, выпивая без удержу и меры, чаще всего устраивая это в чужих домах, лишь бы прослышали, что там есть нечто им по вкусу и в удовольствие. Делать это было им легко, ибо все предоставили и себя и свое имущество на произвол, точно им больше не жить; оттого большая часть домов стала общим достоянием, и посторонний человек, если вступал в них, пользовался ими так же, как пользовался бы хозяин. И эти люди, при их скотских стремлениях, всег-

да, по возможности, избегали больных. При таком удрученном и бедственном состоянии нашего города почтенный авторитет как божеских, так и человеческих законов почти упал и исчез, потому что их служители и исполнители, как и другие, либо умерли, либо хворали, либо у них осталось так мало служилого люда, что они не могли отправлять никакой обязанности; почему всякому позволено было делать все, что заблагорассудится».

«Мало было таких, тело которых провожали бы до церкви более десяти или двенадцати соседей; и то не почтенные, уважаемые граждане, а род могильщиков из простонародья, называвших себя беккинами и получавших плату за свои услуги: они являлись при гробе и несли его торопливо и не в ту церковь, которую усопший выбрал до смерти, а чаще в ближайшую, несли при немногих свечах или и вовсе без них, за четырьмя или шестью клириками, которые, не беспокоя себя слишком долгой или торжественной службой, с помощью указанных беккинов, клали тело в первую попавшуюся незанятую могилу. Мелкий люд, а может быть, и большая часть среднего сословия представляли гораздо более плачевное зрелище: надежда либо нищета побуждали их чаще всего не покидать своих домов и соседства; заболевая ежедневно тысячами, не получая ни ухода, ни помощи ни в чем, они умирали почти без изъятия. Многие кончались днем или ночью на улице; иные, хотя и умирали в домах, давали о том знать соседям не иначе, как запахом своих разлагавшихся тел. И теми и другими умиравшими повсюду все было полно. Соседи, движимые столько же боязнью заражения от трупов, сколько и состраданием к умершим, поступали большею частью на один лад: сами, либо с помощью носильщиков, когда их можно было достать, вытаскивали из домов тела умерших и клали у дверей, где всякий, кто прошелся бы, особливо утром, увидел бы их без числа; затем распоряжались доставлением носилок, но были и такие, которые за недостатком в них клали тела на доски. Часто на одних и тех же носилках их было два или три, но случалось не однажды, а таких случаев можно бы насчитать множество, что на одних носилках лежали жена и муж, два или три брата, либо отец и сын и т. д. Бывало также не раз, что за двумя священниками, шествовавшими с крестом перед покойником, увяжутся двое или трое носилок с их носильщиками следом за первыми, так что священникам, думавшим хоронить одного, приходилось хоронить шесть или восемь покойников, а иногда и более. При этом им не оказывали почета ни слезами, ни свечой, ни сопутствием, наоборот, дело дошло до того, что об умерших людях думали столько же, сколько теперь об околевшей козе. Так оказалось воочию, что если обычный ход вещей не научает и мудрецов переносить терпеливо мелкие и редкие утраты, то великие бедствия делают даже недалеких людей рассудительными и равнодушными. Так как для большого количества тел, которые, как сказано, каждый день и почти каждый час свозились к каждой церкви, не хватало освященной для погребения земли, особливо если бы по старому обычаю всякому захотели отводить особое место, то на кладбищах при церквах, где все было переполнено, вырывали громадные ямы, куда сотнями клали приносимые трупы, нагромождая их рядами, как товар на корабле, и слегка засыпая землей, пока не доходили до краев могилы.

Не передавая далее во всех подробностях бедствия, приключившиеся в городе, скажу, что, если для него година была тяжела, она ни в чем не пощадила и пригородной области. Если оставить в стороне замки (тот же город в уменьшенном виде), то в разбросанных поместьях и на полях жалкие и бедные крестьяне и их семьи умирали без помощи медика и ухода прислуги по дорогам, на пашне и в домах, днем и ночью безразлично, не как люди, а как животные...»

Таково литературное описание чумы линии № 7. И для Византии под 622 годом (линия № 7 «византийской» волны) некоторые историки сообщают о «заразительных смертельных болезнях, уничтоживших ромейское государство».

Закончим изложение чумной истории по А. М. Петрову:

«Впрочем, чума была всего лишь одной из повальных болезней, постоянно свирепствовавших в европейском обществе. Большой урон наносила оспа. Считалось, что из каждых 100 человек она поражает 95 и один из семи умирает. Неистовствовали также «алая лихорадка» (как теперь полагают, это сыпной тиф, переносимый вшами), холера, различные гриппы, скарлатина, корь, брюшной тиф, всевозможные горячки, кровавые поносы, дифтерит, просяная лихорадка (она поражала сердце и легкие, и больные, страдая сильным ознобом и обильным потоотделением, часто умирали в несколько часов) и целый ряд других инфекционных болезней, которые ныне с очень большим трудом поддаются идентификации».

Мы можем констатировать, что основные случаи пандемий совпадают по нашим линиям веков. Разнообразие описаний, которые относят к разным эпохам, сведенные вместе, позволяют сделать картину бедствия XIV века более полной и объемной.

А теперь несколько слов о том, что происходило после того как чума проносилась над городами и селами. Хроника Маттео Виллани повествует, что люди и впрямь вели себя, как оно описано в поэме Пушкина. Только «пир» устраивали не только во время чумы, но и после нее:

«Людей осталось слишком немного по отношению к унаследованным ими земным благам, так что забыв о прошлом, словно ничего и не было, они ударились в невиданный ранее разгул и бесстыдный разврат. Оставив дела, они предавались пороку обжорства, устраивая пиры, попойки, празднества с утонченными яствами и увеселениями, не зная удержу в сластолюбии, наперебой выдумывали необыкновенные и причудливые платья, часто непристойного вида, и переменили вид всей одежды. Простонародье, как мужчины, так и женщины, ввиду избытка всех вещей не желали заниматься своим привычным трудом, они пристрастились к самым дорогим и изысканным кушаньям, то и дело устраивали свадьбы, а прислуга и уличные женщины надевали платья, оставшиеся от благородных дам. Почти весь наш город (Флоренция) очертя голову погрузился в постыдные утехи, в других местах и по всему свету было еще хуже».

Вот что произошло с цивилизацией: резкое уменьшение численности населения предоставило немногим выжившим условия жизни, ранее доступные только самым богатым и родовитым. В частности, произошла быстрая и резкая перемена моды, стилей и фасонов одежды. Комментируя тексты Виллани, написанные непосредственно в XIV веке, историк Герман Вейс сообщает, что до 1340-х годов «мужчины одевались в красивую и величественную одежду древних римлян, а затем променяли ее на более роскошный, но иностранный наряд», по примеру Афинского герцога Готье и его многочисленной свиты. Легко догадаться, что Виллани, автору XIV века, самому приходилось носить тогу, и не мог он употреблять таких слов, как «древнеримский» наряд, это редакция Вейса, который далее пишет:

«В женском костюме (XIV века) отклонение от древнеримских фасонов было заметно прежде всего по верхней одежде. У мужчин прообразом такой одежды была туника, а у женщин — волочащаяся стола, начавшая изменяться довольно рано, при этом не потеряв своей первоначальной формы... Рукава ее, согласно древнему обычаю, были довольно короткие и умеренно широкие. В таком виде, часто не подпоясанной, эту одежду носили до конца следующего (XV) столетия. Нижнее одеяние, соответствовавшее древнеримской тунике, интериор, долгое время выполняла функции нижнего белья, пока верхнюю одежду не начали укорачивать и разрезать так, что сквозь нее проглядывала нижняя».

«В верхней Италии... начали отступать от принятого в то время покроя длинных сборчатых казакинов, суживая их немного в верхней

части... До начала XV века в форме украшений (вооружения) еще придерживались древнеримских образцов».

Неудивительно, ведь это и есть время императорского Рима!

Что произошло дальше? Очевидец событий Маттео Виллани с недоумением сообщает, что избыток вещей не пошел людям впрок:

«Думали также, что будет в избытке платье и других вещей, необходимых человеку, кроме пропитания, но на деле вышло совсем наоборот: очень долго почти все товары стоили вдвое больше, чем до эпидемии. Стоимость труда и всякой ремесленной и заказной работы выросла в два с лишним раза против обычной цены. По всем городам среди жителей сплошь и рядом вспыхивали ссоры, тяжбы, распри и споры из-за наследства... раздоры и войны всколыхнули весь мир, вопреки человеческим предположениям».

Очень скоро пришлось создавать новую цивилизацию. А старая, которую в XV веке стали называть словом «антико», впоследствии «провалилась», стараниями хронологов, на тысячу лет в прошлое.

Дым гигиены

Школьные учителя истории, а того пуще мультфильмы об античной жизни создали в представлении людей благостную картинку: возле чистого, белокаменного античного города, на берегу чистого-чистого моря сидит чистый Архимед в белоснежном хитоне и рисует на чистом песочке архимедов винт, чтобы греки могли построить водяные насосы. Остается за кадром цель всей затеи: этот насос понадобился, чтобы смыть, наконец, завалы дерьма и грязи с улиц белокаменных городов.

Историки рассказывают о правильно распланированных улицах полисов, о работах по осушению болот, о водопроводах, сработанных рабами Рима, об общественных банях и прочем подобном. А как же скученность в городах, антисанитария, отсутствие канализации, миазмы воздуха, клопы, тараканы, крысы? Кто задумывался о том, что общественный водопровод был именно общим, вода текла для всего города, не только не обеззараживаясь, а даже наобо-

рот: вверху заразный моет ноги или чего похуже, внизу здоровый пьет.

Иногда складывается впечатление, что в древности эти проблемы люди решили, а затем (в средневековье) почему-то об этом забыли. Вот современное описание древних Помпей, «пропавших» из истории в I веке[1]. О Термах Форума:

«Построенные в первый период римской колонии дуумвиром Луцием Цезием на общественные деньги, имели все характеристики римских терм: в них находятся все помещения, необходимые для полного цикла (раздевалки, баня с холодной водой, баня с теплой водой, баня с горячей водой), мужское и женское отделения. Каждое помещение обогревалось соответствующим образом посредством центрального отопления, циркулирующего под полом («Hipocaistum» гипокаустерий) и, по необходимости, даже в двойных стенах. Очаровывает фригидарий (прохладная комната), его форма напоминает интерьер баптистерия или храмика эпохи Возрождения... В калидарии (в горячей бане) помещался большой умывальник для мытья лица и рук горячей водой (эта услуга обходилась в то время в 5250 сестерций — старинных римских монет[2]), а с противоположной стороны находился мраморный бассейн».

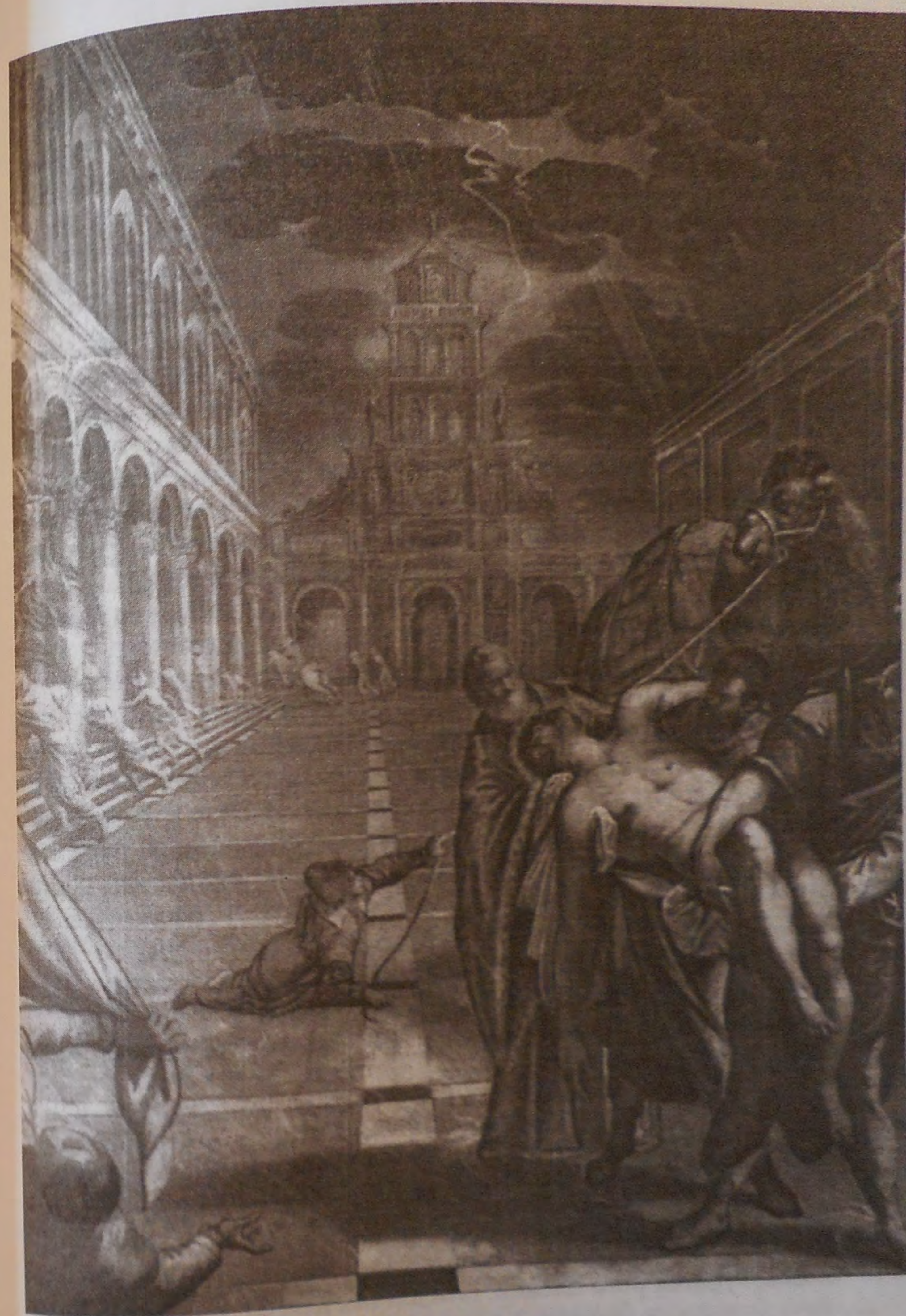
Были здесь уже кое-какие правила дорожного движения, акведуки, цистерны с дождевой водой возле домов, общественные туалеты. Город отрыли в XIX веке, когда запахи уже выветрились; а погиб он, можно предположить, в XV веке (линия № 7). Разительным контрастом выглядит описание, составленное около 260 года (линия № 6, чумной XIV век) епископом Дионисием о другом знаменитом городе, прославленной египетской Александрии, столице имперской мудрости:

«Да и воздух — бывает ли он когда чист, заражаясь отовсюду зловредными испарениями? В самом деле, из земли поднимаются такие пары, с моря такие ветры, с рек такой воздух, с гаваней такие туманы, что росы суть сукровица мертвых тел, гниющих всеми составными своими началами. После сего удивляются и еще недоумевают, от чего эти непрестанные язвы, от чего эти жестокие болезни, откуда эта всякого

---

[1] Из проспекта «ПОМПЕИ путешествие в далекое прошлое» Альберто К. Капричечи, издательство Бонеки «Иль туризмо», Флоренция, 1995.

[2] Отметим не для дискуссии, а просто по ходу дела: если для того, чтобы помыть руки, нужно было приносить с собою пять с четвертью ТЫСЯЧ монет, то, представьте себе, сколько мешков с деньгами несли рабы за помпейской гражданкой, отправляющейся на базар за покупками.



Тинторетто. Похищение тела св. Марка из Александрии. 1562—1566

рода гибель, откуда частая и многообразная смертность, что за причина, что такой обширный город уже не заключает в себе столько жителей».

Как видим, епископ знает не только о причинах заразных болезней, но и том, что воздух делится на некие «составные части», хотя подобное знание мог иметь только образованный представитель эпохи «Возрождения». Люди всегда проявляли повышенное внимание к своему здоровью, но почему же никто не обращает внимания на такую странность: эллинистические греки, как и просвещенные «древние римляне», знали о санитарии, писали медицинские трактаты; византийские ученые знали об этих работах, переписывали медицинские трактаты; наконец, средневековые деятели, отыскав в сырых монастырских подвалах древние рукописи, «возродили» старые знания — и только теперь это знание привело к практическим результатам, улучшению гигиены, снижению заболеваемости?!

Традиционная история помалкивает, потому что не может этого объяснить. В лучшем случае вам расскажут сказку о варварах, которые вроде и не люди вовсе. Они были такие грязные, что их, наверное, даже клопы не кусали; пришли они в цивилизованный Рим и ликвидировали медицину.

А из средств гигиены как в древности, так и (после многовекового перерыва) в средневековье самым эффективным способом обеззараживания воздуха было окуривание помещений ароматическими смолами. Этот же метод использовали для очищения мест обитания людей от ядовитых насекомых и змей. В девятой книге «Фарсалии, или Поэмы о гражданской войне» Марк Анней Лукан (39—65 годы, линия № 6) описывает подготовку римских легионов к походному ночлегу:

> Лагерь затем целебным огнем они окружают:
> Здесь трещит бузина и каплет гальбан иноземный,
> И тамариск, небогатый листвой, и восточная коста,
> И панацея горит, и Фессалии тысячелистник;
> Здесь и укроп шумит на огне, и тапс эрицийский,
> Дым от полыни идет и от лиственниц — дым, ненавистный
> Змеям; курятся рога оленей, рожденных далеко.
> Ночь безопасна бойцам. А если дневная зараза
> Воину смертью грозит, берется за магию племя —
> И начинается бой заклинателя змей и отравы.

Даже само слово «парфюмерия», столь нам известное, произошло от латинского «per fumum» — «через дым». И посмотрите, как перекликаются через века мыслители!

Вольтер: «Возжигание ладана на паперти храма, где убивают животных в честь божества или на ужин священникам, закономерно. Эта бойня, именуемая храмом, превратилась бы в источник распространения мерзкого смрада, если бы храм постоянно не очищали; без помощи благовонных веществ религия древних принесла бы чуму».

Плутарх: «...Воздух, которым мы пользуемся и с которым соприкасаемся больше всего, не всегда имеет один и тот же состав и состояние... поэтому, восстав ото сна они (египтяне) тотчас возжигают камедь, оздоровляя и очищая воздух через разряжение его, и снова воспламеняют угасший природный дух тела, потому что аромат камеди имеет в себе нечто мощное и возбуждающее. Опять-таки, когда они видят, что полуденное солнце силой увлекает с земли обильные и тяжелые испарения и смешивает их с воздухом, тогда они возжигают смирну (мирру), ибо тепло разгоняет и рассеивает сгустившуюся в атмосфере муть и пыль».

Геродиан (о чумной болезни в царствование Коммода): «жители Рима по предписанию врачей наполняли ноздри и уши самым благовонным мирром и постоянно употребляли курения и пахучие вещества, так как некоторые говорили, что благовоние, опередив, наполняет проходы чувствительных органов и препятствует восприятию вредоносного воздуха, а то, что раньше попадает туда, подавляется более мощной силой благовония».

Точно так же, как в античности, и при ее «Возрождении» к оздоровлению воздуха ароматическими веществами прибегали повсеместно, в том числе и для профилактики болезней. У лекарей, посещавших зачумленные кварталы, голова, по выражению Б. Гиббонса, напоминала баскетбольный мяч, ибо они надевали шлемы, в которых закреплялись «емкости с ароматами».

В «Утопии» Томаса Мора жители идеального общества равнодушны к роскоши, испытывают презрение к золоту и серебру, но... делают исключение для ароматических веществ. «Утопийцы возжигают курения и разбрызгивают благовония». Указывается, что горожане чрезвычайно боятся нечистоты воздуха, от чего может «возникнуть болезнь». Социальный фантаст Томас Мор в XVI веке не мог себе представить, что чума будет побеждена!

В то время зараза буквально витала в воздухе, поскольку города были феноменально грязны. Лишь после двух —

трех столетий, наполненных чередой пандемий, в результате усилий ученых стало все-таки понятно, из-за чего возникают болезни, как с ними бороться и как предотвращать. Вот как выглядели реальные города, — «античные», и одновременно средневековые,— до середины XVI века (линия № 8) и даже позже, в изложении А. М. Петрова:

«...Европа в буквальном смысле задыхалась от нечистот, погибала от антисанитарии, тяжелейших болезней, нескончаемых эпидемий чумы, оспы, тифа, различных моровых поветрий, описания коих затмевают трагизм подобных бедствий времен античности и Византии.

И. М. Кулишер пишет: «...грязны были и люди, и дома, и улицы. В комнатах гнездились всевозможные насекомые, которые в особенности находили себе удобное место на трудно очищаемых балдахинах, устраиваемых над кроватями именно в защиту от находившихся на потолке насекомых». (Вот таким было истинное предназначение балдахина, этого якобы непременного атрибута изысканной роскоши, как в наивном неведении его теперь изображает историко-куртуазный кинематограф.) Однако вернемся к нашим вшам. Ф. Бродель добавляет: «Блохи, вши и клопы кишели как в Лондоне, так и в Париже, как в жилищах богатых, так и в домах бедняков». Впрочем, все это только предисловие к чудесам антисанитарного состояния европейских обществ.

Следующие факты, глядя из наших дней, кажутся неправдоподобными: «Свиньи гуляли “перед всей публикой” по улицам; даже когда это запрещалось, все же в определенные часы дня они могли свободно ходить по городу; перед домами были выстроены хлева для них, которые загораживали улицу; дохлые собаки, кошки лежали перед домами и на площадях. Французский король Филипп II Август, привыкший к запаху своей столицы, в 1185 г. упал в обморок, когда он стоял у окна дворца, и проезжавшие мимо него телеги взрывали уличные нечистоты... А германский император Фридрих III едва не погряз в нечистотах вместе с лошадью, проезжая в 1485 г. по улицам Рейтлингена». В большинстве городов еще не было водопроводов; в городских же резервуарах находили трупы кошек и крыс. Не чище были и реки в городской черте — эту воду пили, на ней замешивали хлеб.

После каждого дождя улицы превращались в непроходимые болота. Здесь же находились сточные канавы, издававшие зловоние и служившие очагами заразы. Зачастую отсутствовали даже выгребные ямы, «и население удовлетворяло свои потребности во дворе (и выбрасывало экскременты на улицу); в небольших городах это проделывалось даже посреди улицы; Лувр, в Испании даже королевский дворец были совершенно загажены». Улицы главного города Оверни Клермон-Феррана по своей грязи и зловонию, говорит Артур Юнг, «напоминали траншеи, прорезанные в куче навоза». В 1531 г. жителям Парижа было приказано устроить у себя в домах выгребные ямы, чтобы не пользоваться для тех же целей улицами, но еще при Людовике XIV только немногие обзавелись ими. Еще в XVIII в. нечистоты из плохо устроенных выгребных ям попадали в соседние колодцы. Во всем Париже не было места, где проходящие по улице были бы гарантированы от того, что им на голову не выльют содержимое ночной посуды или ведер с экскрементами.

Изредка города очищались: когда в Париже в 1666 г. вследствие непрекращающихся чумных эпидемий была произведена подобная очистка улиц, то в ее честь не только слагались поэмы, но были чеканены две медали в память об этом чрезвычайно знаменательном историческом событии. Дижонский врач Жаре (XVIII в.) в ярких красках описывает весь ужас погребения мертвых в церквах и указывает на огромные опасности, связанные с таким соседством для населения, ибо земля и воздух отравлялись трупами погребенных, «вследствие чего испарения, исходящие от мертвых, убивали живых». Сохранилось описание одного из кладбищ Парижа, которое было устроено так, что в прилежащих к этой местности домах от зловония припасы портились в течение нескольких часов.

Можно ли что-либо лучшее придумать для питомника инфекций? «Главным, наводящим ужас действующим лицом,— пишет Ф. Бродель об этом периоде,— выступает чума — «многоглавая гидра», «странный хамелеон»,— столь различная в своих формах, что современники, не слишком присматриваясь к ним, смешивают ее с другими заболеваниями. Самый видный персонаж пляски смерти, — она явление постоянное, одна из структур жизни людей».

Конечно, в книге об истории литературы нельзя обойтись без художественного описания обстановки того времени. Но обстановка эта была столь гнусна, что литераторы средней руки даже не брались за такую ужасную тему. Тут нужен был не меньше, чем гений. К счастью, только в фантазиях историков бывают «бесплодные» на таланты века. На самом деле, они есть всегда. Нашелся автор, который описал послечумные времена с натуры.

Микеланджело Буонарроти (1475—1564):

Я заточен, бобыль и нищий, тут,
Как будто мозг, укрытый в костной корке,
Иль словно дух, запрятанный в сосуд;

И тесно мне в моей могильной норке,
Где лишь Арахна то вкушает сон,
То тянет нить кругом по переборке;

У входа кал горой нагроможден,
Как если бы обжоре-исполину
От колик здесь был нужник отведен;

Я стал легко распознавать урину
И место выхода ее, когда
Взгляд поутру сквозь щель наружу кину;

Кошачья падаль, снедь, дерьмо, бурда
В посудном ломе — все встает пределом
И мне движенья вяжет без стыда;

Душе одна есть выгода пред телом:
Что вони ей не слышно; будь не так —
Сыр стал бы хлебу угрожать разделом;

С озноба, с кашля я совсем размяк:
Когда душе не выйти нижним ходом,
То ртом ее мне не сдержать никак;

Калекой, горбуном, хромцом, уродом
Я стал, трудясь, и, видно, обрету
Лишь в смерти дом и пищу по доходам;

Я именую радостью беду,
Как к отдыху тянусь я к передрягам —
Ведь ищущим Бог щедр на маету!

Взглянуть бы на меня, когда трем Магам
Поют акафисты,— иль на мой дом,
Лежащий меж больших дворцов оврагом!

Любовь угасла на сердце моем,
А большая беда теснит меньшую:
Крыла души подрезаны ножом;

Возьму ль бокал — найду осу, другую;
В мешке из кожи — кости да кишки;
А в чашечке цветка зловонье чую;

Глаза уж на лоб лезут из башки,
Не держатся во рту зубов остатки —
Чуть скажешь слово, крошатся куски;

Лицо, как веер, собрано все в складки —
Точь-в-точь тряпье, которым ветер с гряд
Ворон в бездождье гонит без оглядки;

Влез в ухо паучишка-сетопряд,
В другом всю ночь сверчок поет по нотам;
Одышка душит, хоть и спать бы рад;

К любви, и музам, и цветочным гротам
Мои каракули — теперь, о страх!
Кульки, трещотки, крышки нечистотам!

Зачем я над своим искусством чах,
Когда таков конец мой,— словно море
Кто переплыл и утонул в соплях.

Прославленный мой дар, каким, на горе
Себе, я горд был,— вот его итог:
Я нищ, я дряхл, я в рабстве и позоре.

Скорей бы смерть, пока не изнемог!

(Перевод А. Эфроса.)

Такова, читатель, была гигиеническая ситуация в ренессансной Европе! А вот при описаниях городов арабского Халифата даже для IX—X веков историки находят иные слова.

Из книги «Всемирная история искусств» П. П. Гнедича:

«Кордова быстро изменила свой вид и достигла под управлением мавров высшей степени благосостояния... На 10 миль вокруг горели фонари на отлично вымощенных улицах (а между тем несколько столетий спустя в Лондоне не было ни одного городского фонаря, а в Париже обыватели буквально тонули в грязи.— *Авт.*). Роскошь и блеск азиатской неги были привиты арабами Европе. Их жилища с балконами из полированного мрамора, висевшими над померанцевыми садами, каскады воды, цветные стекла — все это представляло такую резкую разницу с дымными хлевами Франции и Англии, где ни труб, ни окошек не делалось... Мануфактурное производство шелковыми, льняными, бумажными пряжами и тканями совершало чудеса. Арабы впервые ввели опрятность в одежде, употребляя нижнее моющееся платье из полотна... Арабские авантюристы, проникая на север через Пиренеи, заносили в варварскую Европу рыцарские нравы арабов, их роскошь и вкус к изящному. От них в Европе получили начало рыцарские турниры, страстная любовь к лошадям, псовая и соколиная

охота. Звуки лютней и мандолины раздавались не только в Кордове, но зазвучали и во Франции, и в Италии, и в Сицилии».

Это описание — результат использования историками неверной хронологии. Такая ситуация в Испании и вообще арабском мире могла быть в XIII—XIV веках, то есть европейская гигиена отставала (если отставала) от арабской лет на сто, но никак не на шестьсот.

Фармакология — тема безграничная, и здесь нет никакой возможности уделить ей много места. Однако отметим, что в качестве лекарств использовалось огромное, именно огромное количество так называемых «пряностей Востока» (что, кстати, еще раз подтверждает нам близкую связь европейского и арабского миров и невозможность шестисотлетнего «отставания»). Будет большой ошибкой считать, что Европа принимала их только в качестве приправ к пище. Для лечения применяли буквально все: корицу при тифозных горячках, гвоздику и имбирь против чумы; перец жевали с изюмом «от нервов», а также для укрепления желудка и печени. В ход шли алоэ, сабур, опий, кассий, мускатный цвет и мускатный орех, шафран, сандал, кардамон, камфора, ладан, бделлий...

«Пряности играли не меньшую роль, чем благовония, в борьбе с эпидемическими заболеваниями в древнем мире. Однако мы можем рассмотреть это их свойство, перейдя непосредственно к средним векам, так как античные рецепты, да и большинство приемов врачевания вошли в византийскую, арабскую и европейскую ветви медицинской науки»,— пишет А. М. Петров. Вот уж воистину!..

Постоянные «повторы» медицинских знаний мы видим в творчестве лучших людей того времени. Не было других лекарств, кроме природных, и не было другой медицины, кроме заклинаний, сопровождавших прием этих лекарств, и это — общее свойство времен, называйте их древними, старыми или новыми. Только травы, «зелья» и маги спасают от болезней; только от старости и смерти они не спасут.

Эразм Роттердамский (1469—1536):

...Но век, какой однажды
Выпряден странной Клото: на висящих ее веретенах,
Тот век ни зелья Кирки
Не возродят, ни жезл чудодейственный Майина сына,
Ни фессалийцев злые
Все заклинанья вернуть не сумеют, ни соки Медеи,
Ни если б сам Юпитер

Нектаром даже тебя напитал и амброзии влагой,—
Ведь это пища юных,
Как написал пустомеля-Гомер, а старым — запретна;
Ни если бы росою
Мощной тебя укрепила, сияя, супруга Титона,
Ни если б три и восемь
Раз, как Фаон, перевез ты Венеру по волнам Хиосским,
Ни если б любые
Травы Хирон сам тебе подарил, что земля производит,—
Ни перстенёк, ни зелья
Вместе с могуществом их не задержат летящие годы,
Ни магов заклинанья
Пеньем диковинным реки бурлящие не остановят;
И не достигнуть тем же,
Чтобы стремнины потоков течение вспять повернули,
И звездные плеяды
Остановились, и Феба недвижно стала квадрига.

(Перевод с латинского Ю. Шульца.)

Автора приведенных выше стихов Эразма Роттердамского (линия № 7—8) считают лучшим латинистом своего времени; но ничуть не хуже была латынь жившего за двенадцать — тринадцать веков до него медика по прозвищу Квинт Серен Самоник (2-я треть III века, линия № 7 «римской» волны), автора медицинской книги «Целебные предписания». Книгу принято называть поэмой, и действительно, рецепты написаны стихами. Поэма излагает всю практическую медицину, кроме акушерства и хирургии, и состоит из вступления и 64 глав, которые содержат весьма научные рецепты, хотя упоминаются и магические средства и заклинания, в числе которых ставшая впоследствии знаменитой «абракадабра». Но все же автор отрицательно относится к суевериям:

«Но о других умолчу многочисленных я небылицах:
Ведь лихорадку изгнать песнопения всякие могут,
Как суеверье пустое и бабки дрожащие верят».

В основном же произведение повествует о том, что ныне называется «народной медициной»: как правильно применять простые природные средства лечения. Среди рекомендуемых автором чаще всего упоминаются перец, чеснок, плющ, рута и укроп, свыше 40 раз появляются на страницах поэмы различные сорта вин, свыше 30 раз — ук-

сус. Ю. Ф. Шульц, комментируя поэму, пишет также: «Во многих случаях применяются внутренности и помет различных животных — средства, получившие наибольшее распространение в медицине средних веков». Это упоминание средних веков в комментариях к римскому поэту кажется нам весьма показательным.

Квинт Серен Самоник. Средства для желудка и пищеварения:

Те, кто считают желудок властителем нашего тела,
На справедливое, кажется мне, опираются мненье.
Так, если действует он безотказно,— все органы крепки,
Если же болен,— и в них нарушенья тогда возникают.
Мало того, коль бесплодно леченье, то мозга коснется
Также болезнь и оттуда здравый рассудок похитит.

В ступе тогда деревянной салата черного семя
Ты разотри натощак, добавив и сладкого меда.
Будет трех ложек тебе на одну достаточно пробу.
Редьки растертое семя с медовым напитком поможет;
Или две части полыни берут и руты частицу
С влажным греческим сеном и пьют в воде кипяченой.
Иль молоко от родившей козы с семенами укропа;
Также вареный полей по-дружески помощь окажет.
В виде питья и припарок и уксус полезен желудку.
Или в горячей воде свежесваренных также улиток
Прямо на уголья ставь и, поджарив, вином их опрыскай
С соусом рыбным, но помни, что лучше — улитки морские.
Если в желудке твоем несварение пищи лютует,
Пей розмариновый цвет вместе с перцем горячим, но средство
Есть и другое: из соли крупинок и ломкого тмина;
Их ты добавишь к еде и вместе с едою проглотишь.
Или в постели своей выпей острого уксуса влагу.
Вынув желудок нырка, ты сожги его, соли добавив,
Кроме того — сухарей и, перцем обильно посыпав,
Вместе смешай: и божественный дар
ты получишь в лекарстве.
Средство и это поможет нормальному пищеваренью:
Зернышек пять расколи ты привозного перца и утром
С фиником мягким дамасским глотай этот перец скорее.

Знакомясь с творчеством других авторов, писавших на ту же тему — как, например, Валафрид Страбон (809—849 годы, линия № 7), «каролингской» волны,— обнаруживаем, что желудок продолжали считать «властителем нашего тела» и полтысячи лет спустя. Если же учесть явное сходство стиля этого и следующего произведения, выражающееся не только в стихотворном размере, но и в предмете и дидактическом характере разговора,— автор продолжает давать советы, объясняя, как надо поступать с растениями, как готовить лекарства и как их применять,— то становится ясной одновременность создания этих произведений.

Валафрид Страбон. СЕЛЬДЕРЕЙ:

В наших садах сельдерей свою ценность хотя и теряет
И, полагают, что он лишь одним ароматом полезен,
Многим, однако, лекарствам на помощь приходит своими
Свойствами он. Коль его семена ты растертыми примешь,
То, говорят, что задержку мочи, приносящую муки,
Сломишь, а если его пожевать вместе с нежной листвою,
Он переварит еду, что блуждает в глубинах желудка.
Если же тела властитель тесним тошнотою мутящей,
Пьется тотчас сельдерей и с водою, и с уксусом горьким,
И отступает страданье, сраженное быстрым леченьем.

Наш спор с историками — о хронологии. Мы говорим, что столь похожие дидактические стихи есть произведения одной эпохи, а хронология требует пересмотра. Историки немедленно ответят, что схожесть стихов и рецептов произошла не из-за неверной хронологии, а из-за обезьяньих свойств человеческого характера, и что просто фармакологи разных веков «подражали» стилю древних, полагая его самым совершенным и не требующим улучшений. Возникает вопрос: а откуда же взялись медицинские стихи Квинта Серена Самоника? Ведь он не подражал *своим* древним, которые и стихов не писали, и медицины не знали.

Хотя в рамках того конгломерата сведений, который принято называть *историей*, можно найти и такие чудеса, как упоминание древних египетских медицинских трактатов в поэзии Древнего Египта (в переводах Анны Ахматовой и Веры Потаповой):

Семь дней не видал я любимой.
Болезнь одолела меня.
Наполнилось тяжестью тело.
Я словно в беспамятство впал.

Ученые лекари ходят —
Что пользы больному в их зелье?
В тупик заклинатели стали:
Нельзя распознать мою хворь.

Шепните мне имя Сестры —
И с ложа болезни я встану.
Посланец приди от нее —
И сердце мое оживет.

Лечебные побоку книги,
Целебные снадобья прочь!
Любимая — мой амулет:
При ней становлюсь я здоров.

От взглядов ее — молодею,
В речах ее — черпаю силу,
В объятиях — неуязвимость.
Семь дней глаз не кажет она!

Из традиционной хронологии неизбежно является вывод: древние (египтяне, греки, римляне) имели другие человеческие свойства, нежели средневековые люди. Древние изобретали, средневековые подражали. Но поскольку современные историки не пишут свои летописи в стиле «Повести временных лет», подражая гениальным древним, то, значит, в какой-то момент люди опять поменяли свойства своего характера и опять начали изобретать и развиваться. Это видно и на примере медицины с фармакологией: вряд ли современные наши академики от истории будут лечиться по рецептам Самоника или Страбона.

Реконструируя всю хронологическую карту истории, некуда нам деваться, кроме как датировать все приведенные здесь стихи XV веком. Среди предшественников поэтов-врачей нет никого, кто жил бы раньше линии № 7. Все известные рукописи книги Квинта Серена Самоника (всего 14 экземпляров) тоже относятся к этой линии, причем две — прямо к XV веку, а другие — к нему же по разным «волнам» (каролингской и византийской), кроме одной, которая может быть отнесена к линии № 6.

Да и сам переводчик и комментатор этих текстов Ю. Ф. Шульц подтверждает, что традиционные даты жизни Самоника определены «гипотетически»:

«Вопрос о времени создания поэмы неотделим от проблемы личности ее автора. И хотя и личность, и время создания поэмы определены гипотетически, однако, суммируя все «pro et contra» в этом вопросе, также подробно исследованном <...>, можно сделать достаточно обоснованный вывод о том, что поэма была создана в начале III в. н. э. Два наиболее авторитетных исследователя поэмы Квинта Серена: Р. Пепин

и М. Шанц называют предполагаемые даты: первый до 222 г., а второй до 235 г., что и остается как наиболее достоверная дата (при отсутствии даты точной).

...Спорили даже об имени поэта — Квинт, но поскольку, помимо поздней рукописи — Неаполитанского кодекса XV в.,— оно засвидетельствовано гораздо более близким по времени к Квинту Серену его подражателем Бенедиктом Криспом (VII век — это та же линия № 7 «византийской» волны), то этот вопрос можно считать решенным...»

А вот пример произведения упомянутого подражателя, Бенедикта Криспа. Если его медицинские стихи поставить в подбор со стихами Самоника, не указывая имени автора, различить их невозможно.

Бенедикт Крисп. О мочевом пузыре:

Многие средства при многих несхожих болезнях пригодны.
С вышнею волей в согласье лекарства недуг побеждают.
Род существует болезни — опасная пагуба многим —
Камешек тут в пузыре горячий безумствует яро,
Камни рождая затем, что моче преграждают дорогу;
Так и не может больной обильную выпустить влагу.
Плющ, что высоко растет, с высокой верхушки доставит
Ягоды, сок же его с подогретым вином выпивают;
Без промедленья сорви подорожник, берется и пьется
Средство благое — растенье, что цветом зовется кровавым.
Камни дробящую тут применяют траву и петрушку;
Средства одобрив, себя укрепишь ты и Бога восславишь.

Быт

На войне и в праздник, на работе и дома, в городе и селе, всюду и всегда есть у человека потребность во всякого рода бытовых мелочах. Они могут очень много сказать историку,— даже какая-нибудь пуговица оказывается в этом деле далеко не мелочью,— проблема только в том, что о «мелочах» не говорили в своих книгах философы и полководцы; писатели и историки средневековья тоже не находили для них места в своих работах. Поэтому столь ценны для науки единичные свидетельства жителей той поры об их быте.

В других наших книгах уже были показаны параллели в вооружении, одежде, утвари различных эпох. Однако это обширная тема, и мы коснемся ее еще раз. Не будем рассматривать мебель, музыкальные инструменты и т. п., хотя и здесь можно было бы обнаружить множество параллелей по «линиям веков», а об оружии и военной амуниции вспомним еще и в следующей книге; здесь поговорим подробнее о костюме и посуде.

Герман Вейс пишет в «Истории цивилизации»:

«Приблизительно до X в. костюм высших государственных сановников сохранил прежнюю простоту. Лишь его орнамент отличается большим богатством, свойственным роскоши Феодосиева двора. Начиная с X в. в названном костюме произошли некоторые изменения. Во-

Одежда германской знати. Скульптурные изображения. XIII век, линия № 5

«Древнегреческая» одежда. Раскрашенные терракотовые статуэтки из Танагры. IV век до н. э., линия № 6

первых, верхняя одежда вновь стала украшаться на манер консульского плаща[1] не только нашивкой, но и сплошными кругообразными орнаментами. Вместо короткой, ниже колен, туники стала входить в моду длинная и пышная стола».

Стола — верхняя одежда, отличалась от туники отделкой, дороговизной ткани и, главное, размерами. Могла быть длинной и не очень, подпоясанной и нет, с рукавами и без. И хотя это была одежда «древних» греков и римлян, она, показывает Вейс, характерна и для X века, а в книгах других

[1] Консульское звание со времен Августа стало утрачивать свое значение; при Юлиане должность консулов была восстановлена на короткое время. И то и другое событие приходится на линии № 5—6.

историков показаны богато украшенные столы, изображенные на мозаиках VI века. В этом нет ничего удивительного, поскольку VI век — это и XIV, и X век по «византийской волне».

«...На греческих миниатюрах X в. нередко встречаются фигуры, облаченные в древнегреческий костюм, не говоря уже о скульптурных произведениях, где это еще больше заметно. Даже на картинах XIV в., т. е. времени, когда византийская одежда полностью переняла азиатский характер, фигуры изображались преимущественно в древнеримском костюме».

Итак, в XIV веке на мозаиках можно увидеть византийскую одежду азиатского характера, а фигуры скульптурных изображений той поры, как правило, несут на себе древнеримский костюм. Запомним это. И кстати, по поводу приставки «древне...» — которую историки всовывают везде, как только речь заходит о греках или римлянах,— приведем свидетельство биографа Карла Великого:

«Император Карл,— пишет он,— носил старинную франкскую одежду... Иностранной одежды он не терпел, как бы роскошна она ни была, и никогда не носил, исключая два случая в Риме, когда, уступая желанию Папы Адриана, а в другой раз — просьбе преемника этого Папы Льва, он согласился надеть на себя длинную тунику, хламиду и римские сандалии».

То есть туника, хламида и сандалии, по сообщению современника Карла Великого, были не «древней», а иностранной одеждой. Это, скажем прямо, очень разные вещи!

Причем сами историки пишут в своих научных работах, что на мозаике главного триклиния дворца в Латеране Карл изображен в «типичной греко-римской» накидке и в чем-то вроде митры на голове, а «кроме того, волосы его не длинные и кудрявые, какие имели обыкновение носить меровинги, а острижены по-римски...»

В итальянской литературе Возрождения длинные римские тоги упоминаются наряду с короткими испанскими плащами:

«Как и в других странах Европы,— пишет М. Мерцалова,— длинную одежду носили должностные лица, ученые, духовенство, монашество. Незнатные юноши... носили только короткую одежду».

Такие же параллели мы видим и на примере вооружения. Например, на мозаике в церкви Св. Виталия в Равенне изображены исключительно палатинцы, то есть воины внутренней дворцовой стражи (палат), а не солдаты регу-

Воин-мученик. XIV век.
Константинопольская мозаика

«Позднегреческая» городская одежда. IV век до н. э., линия № 6.
Рисунок из книги «История костюма от древности до Нового времени»

лярного войска. На них верхняя одежда персидского фасона, а овальный щит украшен монограммой Христа. В этом же веке, как пишет Г. Вейс, «на изображениях воинов в боевой амуниции времен Юстиниана заметны характерные формы римского вооружения. Даже в миниатюрах рукописей VII и VIII вв. бросается в глаза его устаревший характер». А мы добавим от себя, что этот «анахронизм» заметен в миниатюрах и живописных полотнах не только VII—VIII веков, но также XIV, XV и даже XVI веков!

«Сохранилось немало письменных памятников и изображений, в которых можно найти подробное описание облачения священнослужителей. На основании этих источников можно сделать вывод, что вплоть до VI в. (реальный XIV век по «византийской» волне) форма одежды духовных лиц строго не регламентировалась и не подчинялась определенным правилам. Однако имеются свидетельства, что еще во II в. (XV реальный век) некоторыми настоятелями христианских общин, например, Пием I в Аквиле (158 год) и его преемником Аникитой (167 год) были сделаны попытки установить особую одежду для отличия духовных лиц от мирян. Многочисленные упоминания, вплоть до VI в., служат доказательством того, что в то время не существовало никакого различия между одеждой духовных лиц и мирян... О том, что одежда священнослужителей того времени сохраняла характер древнеримского костюма, свидетельствует мозаичное изображение в церкви

«Позднегреческая» городская одежда. IV век до н. э., линия № 6. Молодые венецианцы. Ок. 1495, линия № 7. С картины Витторе Карпаччо

Св. Виталия в Равенне, на котором представлен патриарх Максимилиан и несколько других лиц духовного звания низшего сана»...

«До конца XIII в. низшие сословия в Византии придерживались обычая древних римлян покрывать голову только в исключительных случаях... Одежда женщин всех сословий сохранила почти без изменений свойственный ей еще со времен Августа характерный азиатский отпечаток. У женщин остались по-прежнему в моде широкая сто́ла с длинными рукавами, туника и почти не изменившие свою форму накидки. Все трансформации, которым подвергались эти одежды с течением времени, ограничивались переменой материй и орнамента».

Ничего удивительного, ведь время Августа (линия № 6) — это начало реального XIV века. Монахи «отказывались от всякого удобства в одежде и вместо обычного наряда надевали на себя рубища бедняков и нищих, подобно им довольствуясь только туникой из грубой материи... Именно этот костюм, составлявший еще в Древнем Риме конца республики обычное одеяние «философов»

и «циников», стал основой для формирования монашеских орденских одежд».

Все, что вы только что прочли (кроме текста в скобках) и что прочтете в следующем абзаце, написано совсем не нами, а признанным специалистом по истории цивилизации. Он сообщил, что до VI века одежда византийских священников не регламентировалась, а VI век, по нашей реконструкции, это XIV век. Значит, она стала регламентироваться только с XIV века. И, будто следуя нашей мысли, Герман Вейс подтверждает:

«Опираясь на несколько сохранившихся изображений, писанных на досках, а также рисунки на стенах, представляющие священнослужительское облачение XIII в., можно прийти к выводу, что используемая и теперь в греческой церкви богослужебная одежда окончательно сложилась не ранее XIII или XIV в.»

Самое любопытное при чтении книг, подобных книге Германа Вейса, это то, как историки (писатели, художники) создают свое виртуальное средневековье. Вот, например, что пишет историк об одежде женщин малоазиатской Греции:

«По рисункам и скульптурам из различных эпох видно, что даже в более поздние времена она почти ничем не отличалась от женской одежды, описанной Гомером. Состояла она из широкой и длинной рубашки, подпоясанной вокруг талии, а иногда еще раз под грудью, и широкого плаща или накидки. Богатые одежды вышивались по краям узорчатой каймой. Любимым цветом был белый; впрочем, и женщины, подобно мужчинам, носили одежды из цветных и узорчатых тканей. Таковы были драгоценные аморийские и койские ткани, до такой степени тонкие, что тело просвечивало даже через двойную одежду, сшитую из этих тканей. Такие прозрачные одежды носили, разумеется, только богатые женщины и только дома. Для выхода из дома надевали длинные, довольно узкие одежды, которые спереди зашнуровывались сверху донизу и имели рукава, закрывающие всю руку до кисти. Сверху накидывали широкий плащ».

Всю эту соблазнительную красоту автор относит к «античности», а судя по изображениям тех времен, гречанки имели обыкновение одеваться еще свободнее. И все подобные описания подходят и к средневековым модам!

Кроить одежду научились лишь после того, как на смену стальным латам пришли кольчуги, ведь тяжесть кольчуг давила на все тело, а латы были свободными. Как всегда, изобретения для быта шли вслед потребностям обороны.

И очень интересно, что в симпатичной книге Вольфганга Бруна и Макса Тильке «История костюма от древности до Нового времени», в первых таблицах, посвященных костюмам Египта, Рима, Персии, Греции и Европы 1000—1400 годов, выкройки представляют собой сложенные вместе прямоугольные и треугольные куски материи разного размера. Это, говоря по совести, выкройками назвать трудно. Только начиная с таблицы 7 «Европа. 1400—1800 гг.» появляются действительно ВЫКРОЙКИ. Это значит, что вплоть до XV века (линия № 7) кроить ткань не умели.

Как же нам отнестись после этого к женским модам так называемой крито-микенской культуры? Дамы одеты в кроеные платья из набивной ткани, а ведь изображения этих модниц датируют аж XX веком до нашей эры!

Изображения для нас гораздо важнее описаний, потому что описаниям, особенно в интерпретации историков, верить нельзя: историки прибегают ко всевозможным ухищрениям с целью исказить текст источника. Так, Вейс пишет:

«В начале XI в. наряду с обычной женской одеждой, прикрывавшей все тело, существовала одежда иного характера. Об этом свидетельствуют описания Титмара Мерзебургского, указывающего на скромный вид одной матроны, «нисколько не походящей на женщин нашего века, которые, обнажая непристойным образом некоторые части своего тела, раскрывают то, что есть в них продажного, перед взорами любителей, и в таком виде, не зная никакого стыда, показываются в народе». Впрочем, под словом «обнажать» Титмар, по всей вероятности, подразумевает не буквальную наготу, как подтверждается и другими свидетельствами, а имеет в виду ношение платья, тесно облегающего тело и подчеркивающего его формы. Такого рода одежда вызывала жалобы духовенства, особенно та, что представлена на некоторых миниатюрах, как полагают, XI в., но по художественному исполнению соответствующих скорее второй половине XII в.»

Итак, летописец сообщает, что женщины «обнажались» и «раскрывались», а историк поясняет: де, летописец «подразумевает не наготу», а что-то другое.

Говоря о костюме в России, Г. Вейс неоднократно утверждает, что он с XIII века подвергся сильному монгольскому влиянию. Однако в чем сказалось это влияние, не говорит:

«Основываясь на некоторых памятниках, мы можем заметить некоторые моменты перехода от византийского костюма к монгольскому... Гораздо отчетливее, чем в национальном костюме, отразилось монголь-

Фигурки крито-микенской культуры, 2000—500 годы до н. э.

ское влияние на церемониальном царском орнате, причем в крайне варварском смешении с древневизантийскими формами. Царское одеяние соединяло в себе все, что может поразить неразвитого человека».

Из цитаты следует, что влияние монголов на русский костюм не отчетливое. В таком случае правильнее было бы говорить о «восточном влиянии» в более широком смысле, а не о монгольском. Восточное же влияние сам Вейс находит и в европейском костюме.

Достоверные сведения о турецком костюме датируются лишь концом XV века. Он образовался, как считает историк, от слияния традиционной (?) формы с арабо-персидской. Что понимает он под «традиционной», непонятно. Нам под таковой, видимо, следует понимать одежду византийскую.

Раздетые или одетые, люди жили в домах. Как выглядели дома, например в Древнем Египте? Если вы думаете, что это просто тростниковые хижины, так вы ошибаетесь. Они жили в дворцах, а лучшие образцы древнеегипетской поэзии содержат в себе упоминания о древнеегипетских дверных замках, ключах и засовах:

Ночью я проходил мимо ее дома.
Я постучал, но мне не открыли,—

Женская придворная одежда Франции XV века

Превосходная ночь для привратника.
О засов, я хочу отомкнуть тебя!

Дверь! Ты судьба моя,
Ты мой добрый дух.
Там, внутри, для тебя зарежут быка.
В жертву твоему могуществу, о дверь!

На закланье принесут длиннорогого быка — тебе, дверь!
Короткорогого быка — тебе, замок!
Жирного гуся — вам, петли!
Жир — тебе, ключ!

Самые лакомые куски быка —
Подмастерьям плотника,
Чтоб он сделал засов из тростника,
А дверь из соломы.

Пусть приходит Брат, когда захочет,
Он найдет дом открытым,
Он найдет постель, покрытую лучшим полотном,
И прекрасную девушку в этой постели.

И девушка скажет мне:
«Дом принадлежит правителю города».

Скажем теперь несколько слов и о посуде. Керамику, как известно, производили во все времена, но и здесь мы легко обнаружим «взлеты и падения», тем более что историки на это, по сути дела, согласны: «Значительное число дошедших до нас греческих сосудов дает возможность наглядно проследить весь ход развития этого искусства у греков». Затем Г. Вейс рассказывает такую историю гончарного искусства:

«В ряде сосудов, известных под общим названием древнеаттических (безотносительно к месту, где они были найдены), можно видеть переход от тяжелых форм описанных сосудов к более свободным. Они отличаются от первых легкостью и красотой форм и большим удобством в употреблении.

В течение следующего периода, который можно ограничить началом V в. до н. э., наряду с улучшениями в технике изготовления сосудов достигло значительных успехов и изобразительное искусство (роспись.— *Авт.*)... Форма сосудов за это время также изменилась: она стала легче, благороднее и при этом разнообразнее. Всевозможные виды сосудов, от простого блюда до вазы, от кубка до амфоры, представляют в своих формах гармоничное сочетание изящества с целесообразностью. На сосудах этого периода встречаются уже имена их мастеров (Созия, Эвфрония и др.)».

Гончары того «древнегреческого» времени делали гид-

Статуя царицы Нефертити. 1360—1350 до н. э. По стилю — произведение линий № 5—6

рии, гидриски, коносы, стамносы для вина и масла, кроссоны и диносы, триблионы для подливок и соусов, оксибафы для рыбы, оксисы, мазономионы, артофороки для комсы для воды, пелике и чусы, келебы для теплого питья, лекапотов, кратеры (в Арголисе, Лесбосе и Коринфе были большие фабрики глиняных кратеров), псиктеры, карчесионы и кантаросы, кимбионы, фиалы или киликсы, акатосы в виде лодочки, кераты и риты в виде рогов, котиле для сыпучих тел, лепастэ, скифосы, киафы и т. д. и т. п.

Затем начинается падение:

«Так изготовление сосудов достигло высшей точки своего развития. Но не надолго. В конце IV в. оно начинает приходить в упадок. Изящная пропорциональность и благородная простота стиля уступают место массивным украшениям и яркой живописи. Искусство керамики истощается и опускается до уровня простого ремесла: изделия утрачивают всякое художественное значение, и даже их качество ухудшается».

В средние же века не было не только разнообразия, а и вообще посуды! На весь стол ставили одну тарелку на пару (мужчина и женщина) и один стакан на всех,— правила этикета требовали, чтобы пьющий допил стакан до дна, и лишь затем отдавал другому. Не отсюда ли наше требование «пей до дна»? Куски мяса и другой еды брали с общего блюда и клали на дощечку или ломоть хлеба.

Если бы задолго до этого в некоей «древней Греции» была столь развита керамика, естественным было бы предположение, что там также развивалось изготовление посуды из металла. Но...

«В связи с недостатком вещественных свидетельств мы вряд ли можем верно оценить греческое искусство изготовления металлических сосудов.

Другое дело — средневековье. До наших дней сохранилось крайне мало образцов византийской ремесленной промышленности. Многие из предметов, характерных для того времени, известны только по художественным изображениям... В техническом отношении византийцы не смогли превзойти высокое художественное совершенство, достигнутое их предшественниками во всех отраслях промышленности».

А средневековые западноевропейцы, говорят историки, предпочитали не лепить горшки из глины, а выстругивать их из дерева, почему те и сгнили к нашему времени. Также в большом ходу у них были изделия металлические, которых греки не знали:

«Об увеличившемся употреблении металлических сосудов свидетельствует то обстоятельство, что производство их в середине X в. достигло в некоторых местностях такого развития (преимущественно в Нидерландах), что изделия эти в большом количестве вывозились на продажу».

Возможно, все гораздо проще: средневековая Византия специализировалась на производстве керамической посуды (и ее, найденную в разных местах, относят к «античности»), а романская Европа — на изготовлении металлической, и ее (найденную и в Греции тоже), относят к средневековью — это так называемый «средневековый антик». Причем совершенно особый характер имели сосуды, применяемые в богослужебных целях.

«Сосуды для питья по-прежнему состояли из различных чаш и кубков, с той разницей,— пишет Вейс,— что теперь их чаще делали из дорогих металлов... Встречаются также, хотя и редко, сосуды для питья из других материалов, например из кокосовых орехов или страусовых яиц, привезенных с Востока. Сохранившийся до наших дней «питейный сосуд святого Ульриха» (923—973 гг.) сделан из тыквы, обложенной внутри серебром, и с золотым щитком, на котором вырезан лик святого.

Из уцелевших сосудов, относящихся ко времени от Константина до Юстиниана, заслуживают особого внимания небольшой потир и дискос, найденные вместе с монетами Юстинина и Афанасия (508—527 гг., это XIV реальный век.— *Авт.*)... Он (потир) снабжен двумя ручками, а по верхнему краю усыпан мелкими драгоценными камнями (рубинами и изумрудами), ограненными в виде сердец и оправленными сканью. По своей форме он соответствует тем чашам, которые при совершении Священных Таинств использовались в греческих церквях и в более поздние времена».

Итак, можно предположить, что всю, так сказать, «светскую» художественную керамику археологи отнесли к античности, а в средневековье осталась металлическая посуда из золота и серебра. Изделия же древнегреческих «металлистов» Ментора, Боефа, Миса, Акрагаса не сохранились!!!

Византия во времени и пространстве

Одновременность греческой и римской литератур I века до н. э.— I века н. э. должна была привести к значительной их взаимосвязи и взаимозависимости. Но так как этого

не произошло (в рамках традиционной хронологии), историки выдумали теорию о том, что греки не желали знать никакой другой культуры: «Чтобы грек услышал, нужно было говорить по-гречески».

Сложилась фантасмагорическая ситуация: греки так убеждены в превосходстве своей культуры, что не хотят знать никакой другой, а сами ничего не пишут. Везде нравственное разложение (после падения Карфагена) и в то же время огромные успехи в науке, предвосхитившие достижения Нового времени!

Например, вот как сообщается во «Всемирной истории литературы» об анонимном трактате «О возвышенном». Его датируют 20—50-ми годами I века н. э. (линия № 8, XVI реальный век):

> «Греческая литература пребывала в состоянии глубочайшего, явного, черного унижения... Что из написанного на греческом языке осталось для будущего?.. Исключительно грекоязычные сочинения евреев — Филона и Иосифа Флавия». И в это же время в Риме Сенека-трагик «совершенно неантичными словами пророчил о географических экстазах Колумбовой эры...»

В чем тут дело? Дело в том, что история Византийской (Ромейской) империи в наибольшей степени послужила «строительным материалом» при создании Скалигером оккультной, ставшей ныне традиционной хронологии разных стран. Не зря Вольтер называл византийскую историю «позором человеческого ума»,— но она стала так выглядеть лишь после того, как из нее изъяли солидные «куски» и передали их историям Вавилона, Рима, Афин, Египта, да к тому же еще и мифической монголо-татарской империи.

Вся история человеческой цивилизации есть эволюция методов сохранения, обработки и передачи информации. Можно выделить следующие четыре этапа этой эволюции: овладение человека речью, появление письменности, изобретение позиционной системы счисления и скорописи (XI век), изобретение печати (XV век). Сейчас человечество вступило в пятый этап: развитие информационных технологий.

Первый и пятый этапы остаются за пределами нашего исследования. На втором этапе, в период, когда единственным алфавитным письмом было так называемое древнееврейское письмо, возникло впервые государственное образование, развившееся со временем в Византийскую (Ромей-

скую) империю. Точную дату здесь указать нельзя, но она, конечно, должна находиться ниже линии № 1 нашей синусоиды; предположительно это III—IV века н. э. стандартного летоисчисления.

Это не была империя в современном значении слова, а скорее добровольный союз племен и народов, объединившихся на основе общности письменности, признании единого Бога, дающего власть человеку (императору), а также на совместной эксплуатации единичных в то время источников металла. Медь добывали на Кипре, серебро в Испании, золото в Египте, а железо плавили в Венгрии, в Пеште, хотя названия местностей тогда были, очевидно, другие.

Очень скоро — возможно, менее чем через сто лет, империя развалилась. Причины просты: появление новых источников сырья на землях, князья которых не желали делиться с другими, а также появление новых алфавитов, сначала греческого, а на его основе латинского. В VIII веке начали формироваться национальные письменности Европы; для убедительности процитируем Большой энциклопедический словарь 2000 года выпуска:

> «Народно-разговорный латинский язык перестал существовать в 9 в., к этому времени закончилось формирование романских языков на его основе. В средние века (латинский язык) существовал в качестве общего письменного языка западноевропейского общества, католической церкви, науки и частично литературы».

Из-за отсутствия достаточных военно-технических средств и надежных средств коммуникаций началось обособление территорий, что привело к возникновению различных толкований религиозных положений. Но первичное применение всеми входящими в империю племенами еврейской письменности и исповедание первичной религии (арианства) привело к тому, что в V-VII веках сложились однотипные государства — каганаты, протянувшиеся от Испании до Сибири: Иберийский, Тюркский, Русский, Хазарский, Уйгурский и другие.

Историю этой империи, какой она была со всеми дроблениями, от самого ее возникновения и до XII века н. э. включительно, хронологи отдали старовавилонскому царству, Ассирии и Египту, не только разместив события в глубокой древности, но и придав им циклический характер. Пятикнижие Моисеево является сводом этой истории в литературной обработке.

Греческая событийность XIII—XV веков была искусственно удлинена и предстала как история Византии IV—XV веков; светская литература, искусство и наука «достались» Древней Греции и Риму.

Мы уже показали в предыдущих главах, что в XV веке греческий язык широко использовался в Европе, в частности в Италии. Понятно, что и в XVI веке он мог оставаться, наряду с латинским, языком науки. А это — линия № 8 нашей синусоиды. «Загнав» эллинизированных ученых этого времени в какой-то выдуманный минус II — плюс I век, историки и были вынуждены выдумывать теорию, что якобы греки, не желая знать никакой культуры, не писали литературных текстов, но все же почему-то занимаясь наукой.

Здесь подмена в том, что эти «греки» уже не были византийцами!

Например, никем, кроме как гуманистом, нельзя назвать драматурга Феокрита, автора III века до н. э., линия № 7. Он пишет о греках, поселившихся в Александрии. Они обратились к учению жрецов о загробном мире и к их магическим обрядам; большое их внимание привлекал культ Исиды, которая сумела вернуть к жизни своего супруга Осириса. В комедии женщины идут на праздник Адониса, возлюбленного Афродиты; эту историю использовал также Шекспир в своей поэме «Венера и Адонис» в XVI веке, линия № 8.

Приведем фрагмент комедии. Сцена происходит в Александрии в 270 году до н. э., по нашей реконструкции в XV веке. Основные персонажи — две александрийские женщины, Горго и Праксиноя. Специально обратите внимание, как свободен их разговор, как они держатся с мужчинами, оцените изделия швейного искусства, которые они обсуждают и, наконец,— как мастерски все это написано!

Феокрит (III век до н. э.). Фрагмент комедии «ВЕНЕРА»:

Горго:
Что, у себя Праксиноя?
Праксиноя:
Горго! Где пропала? Войди же!
Диво, как ты добралась. Ну, подвинь-ка ей кресло, Эвноя.
Брось и подушку.
Горго:
Спасибо, чудесно и так.
Праксиноя:
Да присядь же!

Горго:
Ну, не безумная я? Как спаслась — сама я не знаю.
Вот, Праксиноя, толпа! Колесницы без счета четверкой!
Ах, от солдатских сапог, от хламид — ни пройти ни проехать.
Прямо конца нет пути — нашли же вы, где поселиться!
Праксиноя:
Все мой болван виноват: отыскал на окраине света
Прямо дыру, а не дом — чтобы с тобой мне не жить по соседству.
Назло, негодный, придумал: всегда вот такой он зловредный.
Горго:
Ты муженька бы, Динона, бранить погодила, голубка:
Крошка ведь здесь, погляди,— с тебя же он глаз не спускает.
Зопирион, дорогой мой, она не про папу — не думай!
Праксиноя:
Все понимает мальчишка, клянусь.
Горго:
Ах, папочка милый!
Праксиноя:
Давеча папочка этот (для нас — это все «давеча», впрочем)
Соды и трав для приправы пошел мне купить на базаре,
Соли принес! А верзила — тринадцать локтей вышиною!
Горго:
То не у нас. Диоклид мой — деньгам перевод, да и только:
Взял он овчинок пяток за семь драхм — словно шкуры собачьи
Или обрывки мешков. Сколько же будет над ними работы!
Плащ ты теперь надевай поскорей и с пряжками платье,
Вместе пойдем мы с тобой в палаты царя Птолемея,
Праздник Адониса там. Говорят, что по воле царицы
Все там разубрано пышно.
Праксиноя:
Ну да, у богатых — богато!
Горго:
Все, что увидишь, о том перескажешь тому, кто не видел.
Время, пожалуй, идти.
Праксиноя:
Кто без дела, всегда ему праздник...
Боги, какая толпа!
Ах, когда бы и как протесниться
Нам через весь этот ужас! Без счета — ну впрямь муравейник!
Много ты сделал добра, Птолемей, с той поры, как родитель
Твой меж богами живет. Никакой негодяй не пугает

Путника мирного нынче по скверной привычке египтян.
Прежде ж недобрые шутки обманщики здесь учиняли;
Все на один были лад — негодяи, нахалы, прохвосты.
Что же нам делать, Горго, дорогая? Смотри, перед нами
Конницы царской отряд. Любезный, меня ты раздавишь!
Рыжий-то конь — на дыбы! Погляди, что за дикий!
Эвноя!
Словно дворняжка смела! Не бежишь? Он же конюха топчет.
Как же я рада, что дома спокойно малютка остался!
Горго:
Праксиноя, взгляни на толпу у ворот.
Праксиноя:
Глазам не поверю. Горго, возьми меня за руку, ты же, Эвноя,
Держись за Эвтихию. Крепче держись, не то
Потеряем в толпе мы друг друга.
Все в едином потоке стремятся, все рвутся вовнутрь!
Рядом быть постарайся, Эвноя. Позор-то какой мне —
Мое летнее платье разорвали надвое! Послушай, любезный,
Ты не мог бы быть чуть осторожней. Взгляни на работу свою.
Первый мужчина:
Не моя в том вина, здесь должны быть мы все осторожны.
Праксиноя:
Что за давка! Мы словно бы свиньи у пойла.
Мужчина:
Так держать! И мы будем там, дай только срок.
Праксиноя:
Как я вам благодарна, любезный, за вашу заботу.
Это так мило, что вы проявляете столько вниманья.
Ох, Эвноя в беде! Растолкай же их! Так!
Наконец-то!
«Все в сборе»,— молвил жених и двери закрыл.
Горго:
Праксиноя, иди сюда. Прежде взгляни
На вышивку тонкую эту. Подумаешь, что для богов
Были сделаны эти одежды.
Праксиноя:
О, защитница наша Афина! Кропотливые руки каких мастеров
Изготовили их, что за дивный художник —
Автор этих картин, столь изящной работы?
Они словно живые, вот-вот шевельнутся:
Живые, ей-богу, не нитью расшитые лица.
Дань таланту людскому. Взгляни на него —

Восхитительный юноша, что лежит на серебряном ложе,
Едва пробивается нежный пушок на лице.
Ты троекратно любим, наш Адонис.
Даже в Аиде ты троекратно любим.
Второй мужчина:
Замолчите вы, женщины,
Хватит вам охать да ахать,
Воркуя как голуби в поле. Всякую гласную
Вы исковеркали с вашим никчемным акцентом.
Праксиноя:
Откуда он будет?
Тебе что за дело, что мы говорим на дорийском?
Ты будешь рабам своим рот затыкать, а не нам!
Ты думал, что будут послушно
Внимать тебе сиракузянки? К тому же
Мы коринфянки, как был Беллерофон.
Мы говорим на языке Пелопоннеса.
А говорить вольны дорийцы на дорийском,
Полагаю...

Затем их перепалку прерывает певица, которая поет гимн, призывая Афродиту оплакивать Адониса. Певица обещает, что он будет снова возвращаться каждый год с наступлением весны, тем самым как бы воплощая собой бессмертие. Пьеса заканчивается тем, что обе женщины выражают согласие вновь прийти на праздник в следующем году...

Это уже вершина грекоязычной литературы, и она проделала к этой вершине свой эволюционный путь. К сожалению, объем книги не позволяет нам процитировать, хотя бы понемногу, всех византийских и итальянских писателей X—XIV веков; даже упомянуть их всех было бы затруднительно. Поэтому поищем подтверждения нашей версии истории у самих литературоведов. Хоть они и остаются поныне в плену традиционных исторических представлений, но все же, как люди умные и эрудированные, параллели между временами, выраженные в творчестве писателей, видят. Что же они видят?

Цитируем по «Истории всемирной литературы». Об Альберике, монахе из Монтекассино (XI век, линия № 7 «византийской» волны):

«Он приводит примеры «стилистического совершенства» из Цицерона, Теренция, Вергилия, Горация, Лукана и Саллюстия... он более по-

ходит на гуманиста XV столетия, чем на средневекового отшельника». Это, напоминаем, мнение литературоведа.

О Боэтии (ок. 480—524, линия № 5—6):

«Во всей своей деятельности... Боэтий ближе к средневековым эрудитам, чем к античным мыслителям». VI век — это закат античности, а не рассвет средневековья. До XIII века «средневековых эрудитов» оставалось семь столетий. А он — «ближе»!

О Романе Сладкопевце (конец V век — после 555 года):

«В открытии рифмы византийской поэзии принадлежит приоритет перед западной, латинской. Позднее, однако, византийская поэзия не знала столь последовательного пользования рифмой (как у Романа) вплоть до эпохи Четвертого Крестного похода (XIII в.), когда мода на рифму шла уже с Запада».

О Флавии Клавдии Юлиане (332—363):

«...Все прошлое греческой культуры от Гомера до Ливания, от Гераклита до Ямвлиха одинаково ему (Юлиану «Отступнику») дорого, и он силится во всей полноте воскресить его в собственных произведениях. Мы встречаем у него... сатирические сочинения в манере Лукиана — диалог «Цезари», где зло осмеян «равноапостольный» Константин Великий...»

Вот какие персонажи встречаются у Юлиана, линия № 5:

Константин Великий (ок. 285—337), линия № 5.
Гомер (XII или VII до н. э.), линия № 4.
Ливаний (314 — ок. 393), линия № 5.
Гераклит (544/40 — ?), линия № 3.
Ямвлих (ок. 250 — ок. 330), линия № 5.
Лукиан (ум. 312), линия № 5.

Все, за исключением Гомера и Гераклита, современники Юлиана. Отчего же литературовед пишет, что он «силится их воскресить»? Да оттого, что литературоведение пользуется неверной хронологией, вместо того чтобы указывать историкам, как им строить историю.

О египтянине Ноине (V век):

«От его сочинений дошли огромные по объему (сорок восемь книг — как «Илиада» и «Одиссея», вместе взятые) поэма «Деяния Диониса» и гекзаметрические переложения «Евангелия от Иоанна». По материалу эти сочинения контрастируют друг с другом: в поэме господствует языческая мифология, в переложении — христианская мистика. Но стилистически они вполне однородны».

О Юстиниане (482 или 483—565):

«Ситуация была противоречивой до гротеска: Юстиниан преследовал отступления от церковной идеологии (на его царствование приходится ряд процессов против язычников... и разгон неоплатонической Афинской школы), однако в литературе поощрял тот язык форм, который был заимствован у языческой классики...»

«...Для византийской литературы в некоторые эпохи (например, в эпоху Юстиниана) чрезвычайно характерны жанры, унаследованные от античности (эротическая эпиграмма, светская историография и т. п.); в этих жанрах заняты представители мирской образованности...»

Итак, мы убедились, что литературоведы, изучая творчество писателей 2-го трака нашей синусоиды, сами обнаружили (пусть даже и не догадываясь об этом), что объекты их изучения в творчестве своем опирались на авторов 3-го трака по тем же линиям веков. В предыдущих главах вы видели, что и авторы реальной истории (1-го трака) поступают сходным образом. Вот еще примеры.

В XIII веке Чино да Пистойя (1270—1337) «упоминает произведения Саллюстия, которого он назвал повелителем историков, Цицерона, Вергилия, Овидия, Сенеки, Ювенала, Кассиодора и Боэтия».

Вот у кого бы найти упоминания не «древних писателей», а авторов XI—XII веков: Дамиани, Пьера Абеляра и других! Да вряд ли это возможно. Парадоксально, но факт! Не найдем мы у авторов XIII века ссылок на авторскую литературу XII, а не на фольклорные сюжеты «Древнего Рима». Реальный XII, да и XIII век тоже еще не знали фамилий (а в Византии обходились без них и позже), потому мы и утверждаем уверенно, что «абеляры» принадлежат XIV—XV векам. Например, автором «Золотой легенды» (XIII век) был Якопо из Варацце. Литературоведы присвоили ему имя Якопо Ворагин!

«Гуманисты Возрождения, в частности испанский эрудит Х.— Л. Вивес, говорили, что «Золотая легенда» — беспорядочное собрание произвольно объединенных рассказов. Имя автора в ранних рукописях обычно не упоминается».

По этой-то причине имена авторов XII века (Исайя, Гомер, Гесиод), ставшие известными с XIII века, остались полулегендарными. Но нам надо еще учитывать, что «подделыватели старины» умели подражать стилистике избранной эпохи во всем. Даже в выборе псевдонимов для себя. И чтобы «выловить» теперь стилистические подделки, наша сину-

соида незаменима. Приведем пример. Гвидо из Пизы, вместе с его творениями, датируют XII веком. Фамилии у него нет. О нем сообщается следующее:

«В компиляцию Гвидо из Пизы вошли также труды Исидора Севильского, старые латинские путешествия, обработки историй об Александре Великом Псевдо-Каллисфена, легенды о разрушении Трои, неполный пересказ «Энеиды», «Римская история» Павла Диакона».

И Александр Македонский, и «Энеида» Вергилия относятся к линии № 6. Потому и автора компиляции надо относить к линии № 6, ибо никого в ней нет, кто был бы выше линии № 6. Гвидо из Пизы — компилятор XIV века, и хронологизировать его надо по «византийской» волне.

Тут мы снова возвращаемся к «расхищенной» истории Византии.

Традиционная история говорит нам:

«Латинская литература Италии передала XIII и XIV столетиям знания, пусть и несовершенные, античной культуры (после их полного забвения в VI—XI веках?) и спасло от забвения народные легенды «мрачного средневековья».

Вот в чем была цель создателей всей цепи «возрождений» X—XII веков! Спасти от забвения не высочайшие достижения культуры XIII — начала XIV веков, а прежде всего легенды «необразованной» Европы, утвердить приоритет ее литературы перед Византией, писатели которой первыми прошли этот путь. Вообще ликвидировать историю Византии!

Это в значительной степени удалось из-за разной специализации разных ученых. Один изучает Древнюю Грецию, другой — Византию. Один литературу, другой живопись. Один — религиозные сюжеты, другой — эротические. Если же свести эти знания воедино, получим цельную, последовательную и непрерывную историю.

Древнегреческий сатирик Лукиан (120—190 н. э., линия № 8) в «Диалогах гетер» дважды упоминает писателя VI века н. э. Аристенета (линия № 6), жившего якобы через 400 лет после его смерти. Для нас это еще не является доказательством хронологической ошибки, поскольку отдельный факт — не доказательство, ведь мы частенько встречаемся с позднейшими вставками в старинные тексты. Доказательной хронологическая ошибка станет тогда, когда мы найдем подтверждения своим выводам, рассмотрев подробнее ситуацию в культуре по этой линии № 6.

Существует стереотипное представление о византийской литературе как о сухой, назидательной и аскетичной. Оно настолько въелось в сознание, что автор предисловия к книге «Византийская любовная проза» С. Полякова была вынуждена специально пояснить читателю, что он встретит здесь «свободу мироощущения, не скованную христианской религией и моралью, где господствует не Христос, а Эрот». Произведение Аристенета — роман типа того, что писал позже А. Моруа («Письма к незнакомке»),— он тоже выполнен в виде писем. Приводим отрывок переписки двух подруг.

Аристенет. «ЛЮБОВНЫЕ ПИСЬМА»:

«Мы, милая, знаем о любовной страсти друг друга. Ты жаждешь моего мужа, а я безумно люблю твоего раба. Что делать? Как каждой из нас найти удобный выход, чтобы удовлетворить свое желание? Знай, что я молила Афродиту дать мне совет, как быть, и богиня тайно вдохнула в меня мысль, которую я доверяю тебе, Миррина, чтобы ты ее следующим образом выполнила. Сделай вид, что очень рассердилась на своего раба, владыку моей любви, и с побоями прогони из дому, но, ради богов, бей осторожно, соразмеряя

Скопас. Менада. Уменьшенная римская копия с греческого оригинала середины IV века до н. э.

свои удары с силой моей страсти. Красавиц Евктид, разумеется, побежит ко мне, приятельнице своей хозяйки; тут я сейчас же пошлю к тебе мужа, якобы для того, чтобы он молил госпожу за раба, прямо-таки вытолкаю его с этим поручением. Таким образом, каждая из нас получит своего любимого и сумеет, руководствуясь Эротом, спокойно и без помех воспользоваться выпавшим ей счастьем. Но как можно дольше растяни свои любовные радости, чтобы мне тоже подольше насладиться. Прощай, и перестань оплакивать раннюю смерть своего мужа: судьба взамен посылает тебе в возлюбленные моего».

Нужно сказать, что Аристенета довольно долго относили к древнегреческим временам, пока «выработанный Винкельманом в его «Истории искусства древности» идеал не развенчал позднегреческую культуру». Что значит эта фраза литературоведа? А значит она следующее: никакой последовательной истории литературы не существует; историки, опираясь на созданную ими же самими хронологию, назначали даты рождения как произведениям, так и авторам, как хотели, еще в XVIII веке. А впрочем, и в XIX тоже.

После Аристенета и вплоть до XII века, относящегося (будем ли удивляться?) к той же линии № 6, нет в византийской литературе эротической прозы такого же уровня. Только в XII веке, как пишут литературоведы, «византийское возрождение широко открыло двери[1] античной языческой тематике». Скажем, эротические сцены следуют одна за другой в «Повести об Исминии и Исмине» Евматия Макремволита.

Но если мы находим в Византии не только религиозные тексты, но и эротические, а, как известно, были здесь также исторические работы, то могли появляться и вообще любые тексты. В таком случае перед нами не какой-то «урезанный» в силу идеологических причин пласт культуры, а пласт полноценный. А при наличии полноценной литературы должно было тут быть соответствующее изобразительное искусство, включающее и эротическое. А его нет.

И только наша хронология позволяет его обнаружить. Это — то самое «древнегреческое» искусство, хорошо известное, надо полагать, и сатирику Лукиану, который сам письменно сознался, как мы сообщали вам пятью абзацами ранее, в своем знакомстве с творчеством эротического византийского писателя Аристенета.

---

[1] Обычному человеку знать это ни к чему, а литературовед знать обязан: открывают то, что имеет крышку, а то, что имеет створку — отворяют.

Римская литература

Вергилий (70—19 до н. э.) писал «Энеиду» до самой смерти; он умер на 51-м году жизни. Он вполне мог обобщить литературным языком перемены, произошедшие в Риме за 30 лет, и мог описывать в своей поэме то, что видел в молодости собственными глазами,— а по нашей синусоиде это конец XIII века,— то есть поэма показывает жизнь после 1261 года, года падения Латинской империи на Босфоре. Между тем историки и литературоведы убеждают нас, что в его описаниях представлен VIII век до н. э., строительство Рима.

Приведем для начала несколько мнений о творчестве Вергилия, высказанных литературоведами. Они весьма противоречивы. Первое: «...христианское средневековье с уверенностью видело здесь пророчество о рождении Христа («Мальчика лишь сохрани, рожденного, с коим железный кончится век, золотой же возникнет, для целого мира...») и за это чтило Вергилия как святого».

Второе: «Вергилий же на исходе античности считался уже не только мудрецом, но и колдуном и чернокнижником». И вот получается, что в средние века античного колдуна чтили как святого!

«Энеида» — эпос, основанный на мифе о переселении троянца (византийца) Энея в Лаций (в латинскую землю, Италию), относится, по нашей хронологии, к концу XIII — началу XIV века и повествует о перенесении столицы Византийской империи с Босфора в Италию. То есть рассказ идет о том, как вернувшиеся из Рима-на-Босфоре участники Крестовых войн строили Рим-на-Тибре. Посмотрите с этой точки зрения и на беседу Энея с римским царем, когда они бредут по берегу Тибра, и на остальные разговоры:

> Тут Эней к царю обращается с дружеской речью:
> «Лучший из Грекорожденных, кому с мольбами фортуна
> Мне обратиться велит, простирая обвитые шерстью ветви.
> Меня не страшит, что ты Данаев вождь аркадийских,
> Что с Атридами ты от единого корня восходишь:
> Доблесть моя меня и святые богов предвещанья,
> Наших отцов родство и земли твоей громкая слава
> Соединили с тобой, добровольно ведомого роком».
> . . . .
> (Затем бедняк Эвандр ведет Энея по будущему Риму):

Вот к Торпейской скале он ведет, к Капитолиям, ныне
Златовенчанным, тогда ж заросшим дебрями дерна.
Святость грозная мест уже тогда повергала
В страх поселян, уж тогда дрожали пред лесом и камнем.
«Эту рощу,— он рек,— и холм этот зеленоверхий
Бог неизвестно какой населяет, Аркады верят,
Будто видали порой, как Юпитер черной Эгидой
В воздухе здесь потрясал, воздвигая десницею бури.
Далее города два, со стенами, лежащими в прахе;
Видишь ты древних мужей останки и сооруженья.
Яном построен отцом этот Кремль, а оный — Сатурном,
Имя Яникул сему, а тому — Сатурния имя».
Так меж собой говоря, они подходили к жилищу,
Где бедняк Эвандр обитал, и на форуме римском
Зрели разбросанный скот, мычащий в пышных Каринах.

Итак, коровы мычат на месте будущего Форума, но не во время Ромула, а во время этой, приведенной только что беседы об основании Рима. Упоминание «древних мужей» не должно вводить нас в смущение, как и «стены, лежащие в прахе»,— этой древности может быть лет сто, а то и пятьдесят. Ничего нет необычного, что рядом с будущей столицей уже когда-то что-то строили, и это «что-то» развалилось, тем более что древние стены, лежащие во прахе на земле,— удивительная вещь: нынешним археологам, чтобы найти прах древних стен, приходится в землю зарываться, и достаточно глубоко.

Другой перевод последней строки:

«...стада попадались навстречу повсюду —
Там, где Форум теперь, и Карин роскошных кварталы».

О времени Вергилия вот что можно прочесть в книге Джованни Виллани, лучшего итальянского историка XIV века:

«После разрушения Трои (сноска редактора книги Виллани: падение Трои сейчас датируется приблизительно 1260 годом до н. э.) ее оставил и Эней, вместе со своим отцом Анхизом, сыном Асканием... и с отборным отрядом из трех тысяч трехсот троянских мужей, поместившимся на двадцати двух судах... Эней отплыл в Италию, но поднявшаяся буря рассеяла его флот и разбросала корабли в разные стороны. Один из них затонул... а остальные прибило к африканскому берегу независимо друг от друга, поблизости от воз-

двигнувшегося там славного города Карфагена (сноска: считается, что Карфаген был основан в 814 году до н. э.)...

Покинув Албанию, Ромул и Рэм, потомки Энея, окружили стеной великий и славный город Рим, который и до этого издревле был населен жителями отдельных деревень и укрепленных мест, разбросанных по холмам и долинам, но близнецы впервые поселили их в одном городе. Было это через 454 года после разрушения Трои (сноска: по «римской традиции», Рим был основан в 753 году до н. э., как утверждают современные историки)»...

Разночтения в тексте Виллани налицо. Сам он дат нигде не ставит, но из его высказываний, приложенных к традиционным датировкам, в одном случае следует, что Рим основан то в 806 году до н. э. (через 454 года после падения Трои в 1260), то вдруг оказывается, что Христос родился через 704 года после основания Рима. А традиционная история показывает это основание на 753 году до н. э., явно найдя «среднюю» величину. Да и упоминание Карфагена, «воздвигнувшегося» через 446 лет после высадки на африканском берегу соратников Энея, выглядит нелепо.

Книга Виллани, написанная в XIV веке,— как нам представляется, вскоре после появления «Энеиды»,— показывает всю историю как бы в привычной нам хронологии, но нужно учитывать, что перевод этого текста сделан с издания 1857 года, уже отредактированного, «причесанного» под традицию. К тому же в сносках редакторы поместили традиционные даты, чтобы читатель «правильно» понимал сообщения автора. Однако те места, по поводу которых в XIX веке еще возможны были разные толкования, остались не вычищенными редакторами, как, например, следующий пассаж:

«Когда папа и Пипин (отец Карла Великого) вошли в Рим, горожане встретили их с почетом: Пипин стал римским патрицием, то есть наместником империи и отцом Римской республики».

А ведь не только не существовало тогда Священной Римской империи германской нации, но не было еще и империи самого Карла Великого. Чьим же наместником стал Пипин? Очевидно, Византийской. Спрашивается: а что же такое в этой империи — Римская республика? Может быть, Папская область?..

Поразительна хронология римских памятников. Капитальным строительством здесь, похоже, занимались только от I века до н. э. и до II века, а затем — начиная с XV века.

«Раннехристианским» же постройкам даты не дадены. Поскольку мы только что, реконструируя хронологию, показали, что строительство должно было вестись с конца XIII и весь XIV век, можно предположить, что традиционные римские постройки относятся как раз к этому периоду. Впрочем, так оно и следует из нашей синусоиды.

Специально для людей, верящих в древность римских строений, приведем выписку об архитектуре Ватикана и Рима из Большого энциклопедического словаря:

«ВАТИКАН. ...сосредоточены ценнейшие сокровища культуры и искусства. Собор св. Петра (Сан-Пьетро, 15—18 вв.); барочная пл. св. Петра (17 в., Л. Бернини); дворцовый комплекс: Скала Реджа (17 в., Л. Бернини), Зала Реджа (16 в., А. Да Сангалло Мл.); капеллы: Паолина (16 в.), Сикстинская (15 в., Дж. Дольчи, фрески Микеланджело и др.), Николая V (15 в.), апартаменты Борджа со Станцами Рафаэля; дворы: Сан-Дамазо с Лоджиями Рафаэля, Бельведера (16 в., Д. Браманте); сады с Казино Пия (16 в., П. Лигорио), Базилика, худ. музеи».

«РИМ. ...Богатые архитектурные комплексы разных эпох: руины римских и императорских форумов (Триумфальная арка Тита, 81; колонна Траяна, 111—114), Колизей, Пантеон, термы Каракаллы, Аппиева дорога и др. Раннехристианские катакомбы, христианские базилики. Ренессансные дворцы (Канчеллерия, Фарнезе), виллы (Фарнезина, Мадама), ансамбль пл. Капитолия (с 1546), собор св. Петра (1506—1614). Динамические ансамбли (пл. св. Петра, 17 в.), церкви (Сан-Карло алле Куатро Фонтане, Сант-Андреа) и дворцы эпохи барокко».

Вспомним, что в 1472 году Иван III объявил: отныне Москва — Третий Рим. Понятно, что до этого их уже было два, и что интересно, оба византийские; первым Римом был Константинополь, и Рим в Италии строили на землях, входящих в Византийскую (Ромейскую) империю. Строительством «запасной» византийской столицы был создан прецедент появления нового Рима, поэтому Иван соображал, что говорит. Если бы хоть один из «Римов» был языческим или католическим, царь тоже такого не сказал бы. В XVI веке писатель Филофей, монах псковского Елизарова монастыря, развивая мысль о преемственности власти московских государей от византийских императоров, начертал: «Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не бывать». Первый Рим пал перед мусульманином, второй — перед латинянином. А строил их обоих грек.

Возможно, и даже наверняка Рим строили на месте какого-то старинного культового поселка. Его искусственное удревление по сравнению с Константинополем дало начало путанице. Читая исторических писателей, люди начинают верить, что Рим был столицей могучей Римской империи; между тем только в 1870 году этот Рим был воссоединен с Италией, а в 1871 году стал столицей объединенного Итальянского королевства. Рим расположен так неудачно, что не смог стать даже столицей Священной Римской империи; столицей был Ахен. И, кстати, не исключено, что, говоря «Рим», средневековые летописцы имели иногда в виду германский Ахен.

О строительстве Рима при Вергилии И. Шифман пишет:

«Август (современник Вергилия) видел одну из своих заслуг в том, что он развернул в Риме интенсивное строительство. И он, и его ближайшие сотрудники организовали работы по благоустройству города... По словам Светония, Август гордился тем, что оставляет мраморным Рим, который принял кирпичным. По другой версии, Август говорил перед смертью своим друзьям, что принял Рим земляным (!), а оставляет им его каменным».

Во-первых, здесь мы видим, как первоначальный текст менялся при обработке его самим Светонием (да и только ли Светонием?) Во-вторых, что же означает весь этот эпизод? Что царский и республиканский Рим во времена Вергилия и Августа был земляным? Куда-то делась его древность... Ведь если Рим строили при Вергилии, а его жизнь относят на I век до н. э., то легенда о Ромуле, вместе с датировкой того Ромула VIII веком до н. э., переходит целиком в разряд легенд. Но ведь дату «от сотворения Города» историки оставляют прежней — 753 год до н. э.!

«Вергилий, как кажется, далеко выходит за пределы простого выявления параллелей между правителями. Им, по-видимому, движет представление о том, что предназначением Августа было воспроизвести деяния Энея и как бы заново основать Рим», пишет П. Бёрк в статье «История как аллегория». Ну что ж, если возможно допущение, что автор (Вергилий) в угоду живущему при нем императору (Августу) берется писать поэму о событиях, произошедших в Риме за семьсот лет до его рождения с героями, покинувшими Трою за тысячу двести лет до его

рождения, то ничего другого, кроме аллегорий, историку от этой истории ждать не приходится.

Уже совсем другую картину Рима дает нам Ювенал, живший более чем двумя столетиями позже Вергилия (II век н. э.):

Тот, кто в Тренесте холодной живет, в лежащих средь горных,
Лесом покрытых кряжей Вольсиниях, в Габиях сельских,
Там, где высокого Тибура склон,— никогда не боится,
Как бы не рухнул дом, а мы населяем столицу
Все среди тонких подпор, которыми держит обвалы
Домоправитель: прикрыв зияние трещин давнишних,
Нам предлагают спокойно спать в нависших руинах.
Жить-то надо бы там, где нет ни пожаров, ни страхов.
Укалегон уже просит воды и выносит пожитки,
Вот задымился и третий этаж, а ты и не знаешь.

В соответствии с нашей синусоидой это конец XIV — начало XV века, последние десятилетия существования Византийской империи. Рим еще не входит в состав Священной Римской империи, он — византийский. Городу почти полтораста лет. Уже много построено здесь знаменитых «древних» сооружений из мрамора, простой же люд теснится по-прежнему в Риме земляном и кирпичном, пусть даже и в трехэтажных домах, по свидетельству Ювенала. (Сравните с описаниями Петербурга у Гоголя, сделанными через 130—140 лет после основания новой столицы России.) То, что пишет Ювенал о Риме, аналогично многим описаниям средневековых городов, разница только в хронологии. Не пора ли ее поправить?

Большая часть больных умирает у нас от бессонниц;
Полный упадок сил производит негодная пища,
Давит желудочный жар. А в каких столичных квартирах
Можно заснуть? Ведь спится у нас лишь за крупные деньги.
Вот потому и болезнь: телеги едут по узким
Улиц извивам, и брань слышна у стоящих обозов,—
Сон улетит, если спишь ты как Друз, как морская корова.

Если богач спешит по делам, над толпы головами,
Всех раздвинув, его понесут на просторной либурне;
Там ему можно читать, писать или спать по дороге,—
Ежели окна закрыть, то лектика и дрему наводит;
Все же поспеет он в срок; а нам, спешащим, мешает
Люд впереди, и мнет нам бока огромной толпою

Сзади идущий народ: этот локтем толкнет, этот палкой
Крепкой, иной по башке заденет бревном иль бочонком;
Ноги у нас все в грязи, наступают большие подошвы
С разных сторон, и вонзается в пальцы военная шпора[1].

Это время, когда, как сообщается в книге М. Гаспарова, «сенатор Фабий Пиктор... пишет на греческом языке и для греческих читателей первый обзор римской истории, выставляя на вид троянское (византийское) происхождение, исконную доблесть и высокие цели Рима». Правда, историк полагает, что речь идет о II — начале III века. Для нас же здесь важно, что на уровне линий № 6—7 (XIV—XV реальные века) «город (Рим) обстраивается греческими храмами, учреждает новые пышные празднества по греческому образцу...», и что «Все поэты первого столетия римской литературы (Ливий Андроник, Гней Невий и Макций Плавт) происходят... не из Рима, а из более глубоко эллинизированных областей Италии».

Это описание полностью подходит для реальной ситуации, которая сложилась в итальянском Риме, когда сюда валом хлынули греки накануне и после падения Константинополя в 1453 году. Вот о чем пишет Ювенал, причем надо учитывать, что при нем — явно до падения Константинополя — приток греков и других народностей империи еще не столь велик:

Высказать я поспешу — и стыд мне не будет помехой,—
Что за народ стал приятнее всем богачам нашим римским:
Я от него и бегу. Перенесть не могу я, квириты,
Греческий Рим! Пусть слой невелик осевших ахейцев,
Но ведь давно уж Оронт сирийский стал Тибра притоком,
Внес свой обычай, язык, самбуку с косыми струнами,
Флейтщиц своих, тимпаны туземные, разных девчонок:
Велено им возле цирка стоять. Идите, кто любит
Этих развратных баб в их пестрых варварских лентах!
Твой селянин, Квирин, оделся теперь паразитом,
Знаком побед цирковых отличил умащенную шею!
Греки же все — кто с высот Сикиона, а кто амидонец,
Этот с Андроса, а тот с Самоса, из Тралл, Алабанды,—
Все стремятся к холму Эсквилинскому иль Виминалу,
В недрах знатных домов, где будут они господами.
Ум их проворен, отчаянна дерзость, а быстрая речь их,
Как у Исея, течет. Скажи, за кого ты считаешь

[1] По традиционным представлениям, стремена для коней изобретены в XI веке; тогда же, и не раньше, могли появиться и шпоры.

Этого мужа, что носит в себе кого только хочешь:
Ритор, грамматик, авгур, геометр, художник, цирюльник,
Канатоходец, и врач, маг,— все с голоду знает
Этот маленький грек; велишь — залезет на небо;
Тот, кто на крыльях летал,— не мавр, не сармат, не фракиец,
Нет, это был человек, родившийся в самых Афинах.

Тот же народ, умеющий льстить, наверно, похвалит
Неуча речь, кривое лицо покровителя-друга,
Или сравнит инвалида длинную шею — с затылком
Хоть Геркулеса, что держит Антея далеко от почвы,
Иль восхвалит голосок, которому не уступает
Крик петуха, когда он по обычаю курицу топчет.
Все это можно и нам похвалить, но **им** только вера.
Кто лучше грека в комедии роль сыграет Фаиды,
Или же честной жены, иль Дариды совсем не прикрытой,
Хоть бы рубашкой? Поверить легко, что не маска актера —
Женщина там говорит: настолько пусто и гладко
Под животом у нее, где тонкая щелка двоится.

Весь их народ: где смех у тебя — у них сотрясенье
Громкого хохота, плач — при виде слезы у другого,
Вовсе без скорби. Когда ты зимой построишь жаровню,
Грек оденется в шерсть; скажешь: «жарко»,— он уж потеет.
С ним никак не сравнимся мы: лучший здесь — тот, кто умеет
Денно и нощно носить на себе чужую личину,
Руки свои воздевать, хвалить покровителя-друга.

Раз уж о греках зашла наша речь, прогуляйся в гимназий,—
Слышишь, что говорят о проступках высшего рода:
Стоиком слывший старик, уроженец того побережья,
Где опустилось перо крылатой клячи Горгоны,
Друг и учитель Бареи, Барею он угробил доносом,—
Римлянам места нет, где уже воцарился какой-то
Иль Протоген, иль Гермахт, что по скверной привычке
Другом владеет один, никогда и ни с кем не деляся;
Стоит лишь греку вложить в легковерное ухо патрона
Малую долю отрав, естественных этой породе,—
Гонят с порога меня, и забыты былые услуги:
Ценится меньше всего такая утрата клиента.

На протяжении XIV—XV веков турки теснили греков, а в середине XV и вовсе отняли у них Византию. Греки, вместе со своим языком и культурой, окончательно заполонили Рим. По нашей реконструкции (по синусоиде), в новый

пласт культуры должна попасть «древнегреческая» литература IV—III веков до н. э., «древнеримская» от минус III до плюс III века и собственная литература итальянского Рима XIV—XV веков.

И что же мы видим? В самом деле, римляне не желают делать ничего, кроме как перелицовывать греков, и в точности по указанной методике: во II веке н. э. они «переделывают» греков IV до н. э. и более ранних веков, в III веке н. э.— греков III до н. э. и ранее. А итальянцы в XIV—XV веках, в самом деле, опять берутся за греческие произведения и опять увлекаются аттической литературой!

Гней Невий, создавший национальную эпопею «Пуническая война» (сатурнийским стихом в семи книгах), занимается также перелицовкой греческих комедий, не иначе как на потребу ностальгирующим грекам Рима:

«В комедии, своем любимом жанре (известно более 30 заглавий), он старался как можно свободнее перерабатывать образцы греческой новой комедии, вводя в одну греческую пьесу мотивы из другой (контаминация) и вставлял куски собственного сочинения, часто с прямыми намеками на римскую действительность: на разгульную молодость полководца Сципиона...», и т. п.

А вот что сообщают литературоведы о римлянине Тите Макции Плавте (ок. 225—184 годы н. э., линии № 6—7):

«...Аристофановский дух буйного полнокровного веселья... сохранился и в его пьесах... (Аристофан — V—IV до н. э.) Аттическая новая комедия с ее идеалом «воспроизводства жизни» превращается в его произведениях в забавную буффонаду:

...В переработке Плавта новоаттическая комедия утрачивает изящество и глубину, но приобретает буйную жизнерадостность и оптимизм, уже недоступный для Менандра (IV до н. э.) и его продолжателей».

Точно так же Квинт Энний (239—169) берется перелагать Еврипида (480/84—406), «трагичнейшего из поэтов». И такие примеры можно длить и длить... А для нас, главное, эту же самую ситуацию описывают историки применительно к XIV—XV веку. Вот цитата из учебника «История западноевропейской литературы»:

«В центре внимания гуманистов стояло собирание и изучение рукописей древних писателей, среди которых все большее значение приобретали греческие авторы. После падения Константинополя (1453) эмигрировавшие в Италию византийские ученые познакомили гумани-

стов со всеми писателями Древней Греции. Это значительно расширило кругозор поздних гуманистов по сравнению с Петраркой и Боккаччо.

Гуманисты XV в. окончательно эмансипируются от учения католической церкви и вступают в решительную борьбу со средневековой схоластикой. Они ощущают себя подлинными язычниками и возрождают целый ряд течений античной философии. Сначала у гуманистов пользуется большой популярностью стоическая философия, разработанная Леонардо Бруни и Поджо Браччолини. Затем на смену ей приходит увлечение эпикурейским учением, крупнейшим представителем которого был Лоренцо Валла. Во второй половине XV в. во Флоренции начинается увлечение платонизмом; начало ему положил Марсилио Фичино, который становится во главе учрежденной Козимо Медичи Платоновской Академии. После Платона в XVI в. наступает очередь Аристотеля, освобожденного от средневековой схоластической оболочки. Пропаганда его в Италии является заслугой Помпонацци».

Вот еще некоторые литературоведческие мнения, с нашими комментариями:

В Риме «из греческих оригиналов трагедия пользовалась преимущественно патетическим Еврипидом, комедия — Менандром; таким образом, Рим был наследником эллинистических вкусов... Так, в «Ифигении» Энния еврипидовский хор служанок был заменен хором солдат, чтобы подчеркнуть одиночество героини, а в «Братьях» Теренция эпизод похищения девушки у сводника был перенесен из рассказа на сцену ради бурного комического действия».

Как всякие подражатели «на потребу дня», римляне стремятся усилить в трагедии трагизм, а в комедии — комизм.

«Лутиций Катул, Порций, Лицин, Валерий Эдитуй упражняются в сочинении эротических эпиграмм и ученых дидактических поэм».

Это — якобы II—I века до н. э., линия № 6, одновременно с Боккаччо. «Именно римская трагедия (где традиция не дошедших до нас пьес Энния, Пакувия и Акция была продолжена Сенекой) стала образцом для первых европейских трагиков — от Альбертино Муссато в XIV в. до драматургов елизаветинской Англии».

Все — линии № 6 (XIV реальный век), Сенека — линия № 5.

«...со II—I вв., когда Греция под властью Рима стала утешаться лишь культом древности во имя древности, ученые риторы начинают копировать аттический диалект классических ораторов именно потому, что он был прошлым, а не настоящим языка».

А нам понятно, что после чумы 1347—1350 годов изменился и язык, он стал более азиатским, в связи с массовыми переселениями.

«Цицерону пришлось вести борьбу против обеих крайностей: как против излишней пышности римских азианцев, так и против излишней скудости римских аттицистов; памятником этой полемики остались два его трактата, «Брут» и «Оратор».

«...Петрарка, впервые обнаружив (?) в 1345 г. письма Цицерона к Аттику, был так взволнован этим чтением, что написал оратору латинское письмо на тот свет...»

Петрарка был слабоумным? Или Цицерон умер от чумы в XIV веке, а при Петрарке был еще жив? На деле же Цицерон стал создателем латинского литературного языка, вот в чем дело. Видимо, и греческий литературный язык (так называемый древнегреческий) создавался в это же время. Как известно, Данте не знал греческого, так он мог не знать его именно поэтому!

Кстати, Джон Перкис в книге «Греческая цивилизация» отмечает (почему-то совсем этому не удивляясь), что «в современном греческом безошибочно узнается прежний язык, и он гораздо ближе к своему предку, чем современный английский к языку Чосера». Поскольку Чосер жил в 1340—1400, легко сделать вывод, что «предок» современного греческого создавался не раньше этого времени, а стал широко известным еще позже.

Полициано пишет во второй половине XV века:

«Во Флоренции дети лучших фамилий говорят на аттическом диалекте так чисто, так легко, так непринужденно, что можно подумать, будто Афины не были разрушены и взяты варварами, а по собственному желанию переселились во Флоренцию».

Под варварами он тут, наверное, понимает турков, а историки, конечно, имеют в виду каких-то древних варваров. Получается, автор XV века всерьез утверждает, что из-за древних варваров древние греки переселились во Флоренцию и стали его соседями.

В это время члены Венецианской Академии Альдо Мануция беседовали между собой только по-гречески! Будем ли удивляться, что в «древнеримском» ответвлении этой же самой истории писатели тоже сплошь перешли на греческий язык?

«...появляется ряд «Всемирных историй» на греческом языке, общей целью которых было показать (вслед за Полибием), как Рим при-

шел к власти над миром: авторами их были уже упоминавшийся ритор Дионисий Галикарнасский, известный географ Страбон, историки Диодор Сицилийский, Николай Дамасский; на латинском языке такую же компиляцию составил Трог Помпей; все эти сочинения сохранились частично или в отрывках. В отличие от всех этих авторов Ливий не пытается охватить мировую историю и ограничивается римскими делами; за образец он берет не Полибия, а древних анналистов, но их материалу старается придать... стилистическую отделку».

Мало было Ливию историю сочинять, так он еще «подделывался» под «древний стиль». И, кстати, эти «подделки под древность» очень распространены на всей линии № 5—6. Скажем, Альбертино Муссато (1261—1329) написал пятиактную трагедию «Эцеринис» не абы как, а «в подражание кровавым драмам Сенеки», и в том же стиле:

> «В пьесе Муссато нет динамизма, действие не реализовано в драматических формах... Рассказы о происходящем где-то за сценой комментируются хором, служащим как бы рупором общественного мнения... Трагедия перегружена морализующими партиями хора и длинными монологами».

Откуда же взял в XIV веке итальянец Муссато свои стилистические приемы? Не только у Сенеки, но и у Тита Ливия, представьте себе, который, в свою очередь, как мы только что прочли, подражал древним грекам:

> «Мастерству исторического повествования он (Муссато) учился у своего соотечественника (и современника! — *Авт.*) Тита Ливия. Итальянский историк старался следовать римскому историографу даже в построении периодов, в приемах передачи авторской речи и речи действующих лиц. Для обозначения современных ему учреждений и должностей Муссато вводит римскую терминологию».

О Ливии вот что еще нам сообщают:

> «Свою задачу он видит в том, чтобы выявить воспитательное значение исторических событий, а не в том, чтобы проверить их подлинность, подробности и причинную связь... Если Цицерон больше всего заботился о том, чтобы отделить прозаический язык от поэтического, литературный от разговорного, нормы от нарушений норм, то у Ливия эти категории вновь начинают смешиваться (нисходящая ветвь синусоиды, ничего не поделаешь. — *Авт.*) Первые книги Ливия нашел Петрарка. Позднейшие подражания Ливию учитывали эту его особенность. Первое издание — 1469 г.»

Нам непонятно, каким образом все литературные приемы, стиль, язык, могут перелетать на тысячу — полторы тысячи лет в неизменном виде, не поддерживаемые на протяжении всего этого срока постоянной практикой. А историкам традиционной школы, надо думать, это понятно:

> «Наука поэзии» Горация... именно она — и лишь во взаимодействии с ней «Поэтика» Аристотеля — послужила образцом для поэтик Возрождения и классицизма в прозе и в стихах (Вида, Буало)...
>
> Мощные фигуры Тацита и Ювенала замыкают развитие идейных и стилистических исканий I в. н. э... II в. н. э. по традиции считается периодом последнего расцвета Римской империи».

Созданная в «Древнем Риме» литературная традиция, говорят историки, «законсервировалась» и вновь обнаружилась в средневековой Европе. Вот как изящно объехали «темные века» последователи Скалигера, рассказывая эту удивительную историю:

> «Реформа языка и стиха латинской поэзии в творчестве поэтов конца I в. до н. э. дала римской литературе совершенную систему художественных средств, оставшуюся в основе своей неизменной до последних веков античности, а отчасти и позже, в ученой поэзии Средневековья, и тем более Возрождения».

От Рима к «Риму»

Итак, по утверждению историков, литературные приемы «Древнего Рима» оставались в неизменности до последних веков античности; потом их «вспомнили», творя свою «ученую поэзию», средневековые авторы, а затем и поэты эпохи Возрождения.

О том, как поэты «вспоминали» язык и литературный стиль давно минувших веков, историки сообщают: они находили древние рукописи и быстренько начинали им подражать. А каким же образом произошло «забывание» античного наследия? Для объяснения хронологических парадоксов историками написаны тонны книг, не могли же они обойти такой важный вопрос. И что же? Сам процесс «забывания» историки, в силу его абсолютной необъяснимости, все же вниманием обошли. Зато они нашли причину для завершения этого процесса: оказывается, свое окончательное поражение историческая античность получила в результате нашествия готов.

Большой энциклопедический словарь сообщает:

«ГОТЫ, группа германских племен. В 3 в. жили в Сев. Причерноморье. Делились на вестготов (зап. Г.) и остготов (вост. Г.)».

Это — линия № 6, реальный XIV век. Упомянутые здесь готы, говорят историки, пошли завоевывать Европу, но не как племена, а как армия. Вестготы захватили Испанию, которая входила в состав Византии, а остготы — византийские же итальянские земли и были затем вынуждены воевать с византийским императором Юстинианом.

В. Уколова пишет: «По существу, готы были беженцами от гунского нашествия». Беженцами, понимаете? Побили их гунны, потому что готы были слабыми, вот и стали они беженцами, но не просто так, а «по существу». Кроме того, «готское войско не отличалось особой дисциплинированностью, что компенсировалось мощной наступательной энергией, граничившей с безрассудством».

Этой противоречивой фразой историк как бы готовит будущие готские победы. Энергичные они были и безрассудные, вот и победили великий, но не энергичный и слишком рассудительный Рим. Но сначала энергично и безрассудно убежали от гуннов. Если бы к их энергии добавить рассудительности, может, они и победили бы гуннов. А может, и нет: ведь Риму его рассудительность не помогла. Или причина в том, что у Рима была слишком дисциплинированная армия, а недисциплинированных готов отличала «безудержная отвага, даже свирепость, совершенное владение оружием». Кстати, было бы интересно узнать, обладали ли рассудительностью гунны, от которых готы отступали с «безудержной отвагой».

В 410 году, после победы над римлянами под Адрианополем (современный Эдирне в Турции), готские войска под руководством Алариха взял Рим. Какой Рим? Богатейший город планеты, столица Византийской (Ромейской, Римской) империи — Константинополь — совсем рядом! Но непобедимый беженец Аларих этого Рима вроде бы не заметил — или его «не заметили» историки? — и отправился от Адрианополя в Италию.

Мы уже писали, что с XIV века история Рима как бы раздваивается: все, что происходит на Босфоре, в сознании европейцев дублируется в Италии. Поэтому вся история готов недостоверна не только хронологически, но и географически.

Однако нам нужно найти причину, приведшую к разделению истории мира на античность и не античность. Пусть себе традиционные историки говорят, что были какие-то «темные века». И в нашей версии, и в их версии известен период, когда можно было нажиться «отважным» людям без особого риска быть убитыми стрелой или мечом. Поэтому поговорим не о выдуманных переселениях народов, а о неизбежных, которые историки не заметили или не захотели заметить. Речь о том, что чума 1347—1350 годов уменьшила население Западной Европы наполовину, во многих странах на две трети, а кое-где и на три четверти, даже четыре пятых. Остались пустовать дома, пригодные для жилья, в которых было все необходимое для комфортной жизни. Ведь чума не разбирала, кто беден, а кто богат.

И что же должно было произойти, когда об этом стало известно в тех местах, где чума свирепствовала меньше, или в тех, которые она вообще обошла стороной? Из северных и восточных стран на берега теплых морей устремились бы любители легкой наживы, и прежде всего всякие лихие люди. Естественно, в глазах выжившего местного населения это выглядело бы как «нашествие». Да нашествием это и было. Только стараниями историков столь неприятные события тоже оказались выкинуты из истории XIV века, а попали они в III—IV века, и как бы в результате пандемии чумы появились готы, после нашествия которых Европа погрузилась в «темные века», да и в Византии от блестящего античного периода осталась только смесь из христианства и язычества.

«После чумы 1348 года в обстановке распространения суеверий и фанатизма, презрения к радостям жизни» (как пишет современный историк искусства М. Мураро), наверное, и не могло быть никаких иных переселений и нашествий. Беда лишь в том, что представления скалигеровцев расходятся со свидетельствами очевидцев, например с хроникой Маттео Виллани, отрывок из которой мы приводили в одной из предыдущих глав. Согласно этому и другим подобным документам, после чумы XIV века остались свободными от людей не только поселки, но даже города, и со временем их заселяли пришлые люди.

Население, создавшееся от перемешивания местных и пришлых, начало возрождать культуру предшествовавшего периода, которую и назвали словом «antico». Умерло много

художников, писателей, философов — но были целы их труды, и выжили многие, лично знавшие этих людей, да и кое-кто выжил из авторов той «античности». Какие-то труды умерших, конечно, находили — но не через тысячу, а через пять, десять лет — и немедленно пускали их в культурный оборот.

Это настолько ясно, что не требует особых объяснений,— в отличие от традиционной версии, которая на самом-то деле объяснить причины европейской дикости и стремления подражать найденным древним текстам не может. Ведь когда стала общепризнанной скалигеровская «модель» истории, перепутавшая и времена, и страны, в возможность «забываний» и «возрождений» стали просто *верить*, не вдаваясь в объяснения.

История, «раздвоившаяся» между двумя Римами, византийским (Константинополь) и итальянским, к тому же поделена теперь на три периода: античность, «темные века» и позднее средневековье. Постоянные «возрождения» становились неизбежными. Уже для IX века историки нашли в Византии «македонское» возрождение, а на западе (в Европе) — «каролингское», плавно перетекающее в «оттоновское».

В литературоведении известное историкам «каролингское» возрождение называется «Вергилианским» возрождением середины VIII—IX веков. Непосредственно к нему примыкает «Оттоновское» возрождение, оно же «Горацианско-теренцианское», произошедшее в X — начале XI века. За ним наступает «Овидианское» возрождение конца XI—XII веков. Возникли они во многом как раз из-за того, что после окончания чумы 1350 года ряд европейских авторов (Павел Диакон, Алкуин, Рабан Мавр, Лиутпранд, Пьер Абеляр и другие) взялись возрождать поэзию Вергилия, Горация, Теренция и Овидия (живших до 1350 года).

Историки, и никто иной, «разместили» их творения по хронологической схеме Скалигера; вот почему одномоментно «забыли» (а потом неоднократно возрождали) великую античную культуру — в результате хронологических неурядиц! Отсюда и все недоумения: как это, античное язычество уже кончилось, и вот, оно «высовывается» вновь и вновь, то в Византии, то в Италии. В христианских странах впадают в язычество...

В сборнике «Памятники Византийской литературы IV—IX веков» читаем:

«Приводимое ниже двустишие примечательно законченно языческим духом. От самоубийства, по признанию Олимпиодора, его удерживает лишь авторитет Платона; об авторитете христианской религии, видящей в самоубийстве тягчайший грех, он не считает нужным говорить».

Вот это двустишие VI века:

«Когда бы ни Платоновы внушения,
Бежал бы я давно из жизни горестной».

По «византийской» волне следует датировать XIV веком не только это стихотворение, не только произведения Романа Сладкопевца, Прокопия Кесарийского и других ромеев, но и произведения многих средневековых латинских поэтов. Например, «последний поэт языческой античности» Максимиан Этрусский, сочинения которого были найдены в 1501 году, пишет якобы в VI веке элегию, подражая самой откровенной из «любовных элегий» Овидия, показывая читателю умение мастерского владения словом. Как это может быть?

Что сказали бы искусствоведы, если бы узнали, что итальянский скульптор VI века без всяких усилий подражает римскому портрету I века н. э.? Наверное, сказали бы, что это совершенно невозможно. По мнению, высказанному Карлом Верманом, произведения искусства, начиная с эпохи Константина, «до такой степени отличаются бедностью вымысла и неумением владеть формой и выражаться художественно, что в них ясно видно окончательное падение античного искусства. Надо было пройти после того тысяче с сотней лет, прежде чем потомство римлян было в состоянии восстановить связь своего искусства с лучшими образцами древнего...

Приходится говорить о довольно посредственных, безыменных произведениях этой отрасли искусства (живописи), снова сделавшейся отраслью ремесла и с каждым десятилетием утрачивавшей понимание форм...»

А вот поэт Максимиан Этрусский прекрасно умеет выражать свои мысли художественно! Настолько умеет, что когда его стихи в 1501 году нашли и опубликовали, то издатель решил, что это стихи первого римского элегика Корнелия Галла. И чтобы нам не говорили, что «этого не может быть», приведем пример, а потом дадим читателю возможность сравнить его с «настоящим Овидием». В этом приме-

ре некий пожилой дипломат рассказывает о своей неудаче на любовном поприще.

Максимин Этрусский. ЭЛЕГИЯ V:

Послан когда-то я был государем в восточную землю —
Мир и союз заключить, трижды желанный для всех.
Но между тем как слагал я для царств условия мира,
Вспыхнула злая война в недрах души у меня.
Ибо поймала меня, потомка этрусского рода,
В сети девица одна греческим нравом своим.
Ловко делая вид, что она влюблена в меня страстно,
Этим пленила она: страстно влюбился я сам.
Часто ко мне под окно она по ночам приходила,
Сладко, невнятно звучал греческих песен напев.
Слезы лились, бледнело лицо, со стоном, со вздохом —
Даже представить нельзя, как изнывала она.
Жалко мне стало смотреть на муки несчастной влюбленной,
И оттого-то теперь жалок, несчастен я сам.

Эта девица была красива лицом и пристойна,
Ярко горели глаза, был изощрен ее ум;
Пальцы — и те у нее говорили, и лира звенела,
Вторя искусной руке, и сочинялись стихи.
Я перед нею немел и, казалось, лишался рассудка
Словно напевом сирен завороженный Улисс.
И, как Улисс, ослеплен, я несся на скалы и мели,
Ибо не мог одолеть мощи любовных искусств.
Как рассказать мне о том, как умело она танцевала
И вызывала хвалу каждым движением ног?
Стройно вились надо лбом завитками несчетными кудри
И ниспадали волной, белую шею прикрыв.
Воспламеняли мой взгляд упруго стоящие груди —
Каждую можно прикрыть было ладонью одной.
Дух трепетал при виде одном ее крепкого стана,
Или изгиба боков, или крутого бедра.
Ах, как хотелось мне сжать в объятиях нежное тело,
Стиснуть его и сдавить, так, чтобы хруст по костям!
«Нет! — кричала она,— ты руками мне делаешь больно,
Слишком ты тяжко налег: так я тебя не сдержу!»
Тут-то я и застыл, и жар мои кости покинул,
И от большого стыда жилы ослабли мои.
Так молоко, обращаясь в творог, истекает отстоем,
Так на текучем меду пена всплывает, легка.
Вот как пал я во прах — незнакомый с уловками греков,
Вот как пал я, старик, в тусской своей простоте.
Хитростью Троя взята, хоть и был ей защитою Гектор,—
Ну, а меня, старика, хитростью как не свалить?!

Службу, что вверена мне, я оставил в своем небреженье,
Службе предавшись твоей, о жесточайший Амур!
Но не укор для меня, что такою я раною ранен —
Сам Юпитер, и тот в этом огне пламенел.

Первая ночь протекла, отслужил я Венерину службу,
Хоть и была тяжела служба для старческих лет.
А на вторую — увы! — меня покинули силы,
Жар мой угас, и опять стал я и слаб и убог.
Так; но подруга моя, законной требуя дани,
Не отставала, твердя: «Долг на тебе — так плати!»
Ах, оставался я глух и к крикам и к нежным упрекам:
Уж чего нет, того нет — спорить с природой невмочь.
Я покраснел, я оцепенел, не мог шевельнуться —
Стыд оковал меня, страх тяжестью лег на любовь.
Тщетно ласкала она мое охладевшее тело,
Тщетно касаньем руки к жизни пыталась воззвать:
Пальцы ее не могли возбудить того, что застыло,—
Холоден был я, как лед, в самом горниле огня.
«О! — восклицает она,— неужели разлучница злая
Выпила всю у тебя силу для сладостных битв?»
Я отвечал ей, что нет, что сам я казнюсь, угрызаясь,
Но не могу превозмочь сладостью скорбь моих мышц.
«Нет, не пытайся меня обмануть! — возражает подруга,—
Знай, хоть Амур и слепой,— тысячи глаз у него!
Не береги своих сил, отдайся игре вожделенной,
Мерзкую скорбь изгони, к радости сердце стреми!
Знаю: под гнетом забот тупеют телесные чувства —
Сбрось же заботы на миг: будешь сильней и бодрей».

Я же, всем телом нагим разметавшись на ложе любовном,
В горьких, горьких слезах вот что промолвил в ответ:
«Ах, злополучнейший я! Я должен признаться в бессилье,
Чтоб не казалось тебе, будто я мало люблю!
Не заслужило мое вожделенье твоих порицаний —
Нет, только немощь моя наших несчастий виной.
Вот пред тобою оружье мое, заржавелое праздно —
Верный служитель, тебе в дар я его приношу.
Сделай, что в силах твоих,— вверяюсь тебе беззаветно:
Если ты любишь меня, сможешь ты сладить с врагом».

Тут подруга моя, вспомнив все ухищрения греков,
Ринулась — жаром своим тело мое оживить.
Но увидав, что предмет любви ее мертв безвозвратно
И неспособен восстать к жизни под бременем лет,
С ложа вскочила она и бросилась снова на ложе,
И об утрате своей так зарыдала, стеня:

«Труженик нашей любви, отрада моя и опора,
Лучший свидетель и друг праздничной нашей поры,
Ах, достанет ли слез оплакать твое униженье,
Песню сложу ли, твоих славных достойную дел?
Изнемогающей мне так часто спешил ты на помощь,
Огнь, снедавший меня, в сладость умел превратить;
Ночь напролет на ложе моем мой лучший блюститель,
Верно делил ты со мной счастье и горе мое.
Наших полуночных служб неусыпный надежный участник,
Свято хранил ты от всех тайны, что ведомы нам.
Ах, куда же твоя расточилася жаркая сила,
Сила ударов твоих, ранивших сладко меня?
Ныне ты праздно лежишь, совсем не такой, как когда-то,—
Сникнув, опав, побледнев, ныне ты праздно лежишь.
Не утешают тебя ни игривые речи, ни ласки,
А ведь когда-то они так веселили тебя!
Да, это день похорон: о тебе, как о мертвом, я плачу —
Тот, кто бессилен вершить долг свой, тот истинно мертв».

Этому плачу в ответ, и жалобам тяжким, и стонам,
Так я, однако, сказал, колкость смешав и упрек:
«Женщина, слезы ты льешь о моем бессильном оружьи —
Верно, тебе, а не мне эта утрата больней!
Что ж, ступай себе прочь, дели со счастливцами счастье:
Много дано вам услад, ты в них хороший знаток».

В ярости мне отвечает она: «Ничего ты не понял!
Дело сейчас не во мне — мир в беспорядок пришел!
Тот, о ком я кричу,— он рождает людей и животных,
Птиц и всякую тварь — все, что под солнцем живет.
Тот, о ком я кричу, сопрягает два пола в союзе —
Нет без него ни жен, ни матерей, ни отцов.
Тот, о ком я кричу, две души сливает в едину
И поселяет ее в двух нераздельных телах.
Ежели этого нет — красота не утеха для женщин,
Ежели этого нет — сила мужчин ни к чему.
Ежели этот предмет не дороже нам чистого злата,
Вся наша жизнь — тщета и смертоносная ложь.
Ты — и веры залог, и тайны надежный хранитель,
Ты — драгоценнейший клад, всякого блага исток.
Все на земле покорно тебе, что высоко и низко:
Скиптры великих держав ниц пред тобой склонены.
Не тяжела твоя власть, но радостна всем, кто подвластен:
Лучше нам раны и боль, нежель немилость твоя.
Мудрость сама, что над миром царит, размеряя порядок,
Не посягает ни в чем на достоянье твое.

Дева, ложась под удары твои, тебя прославляет:
Ей, пронзенной тобой, сладостно кровью истечь.
Слезы глотая, смеется она раздирающей боли,
Рада над телом своим видеть твое торжество.
Ты гнушаешься всем, что скудно, бессильно и вяло:
Даже и в нежной игре мужества требуешь ты.
Служат тебе и разум людской и мышцы людские;
Самое зло, и оно власти покорно твоей.

Тщетно тебя одолеть враждебные силятся силы —
Труд, холода и дожди, ссоры, коварство и гнев.
Нет — и жестокому ты укрощаешь душу тирану,
И окровавленный Марс кроток становится вновь.
Нет — и когда сокрушил гигантов Юпитер перуном,
Ты из казнящей руки ласково вынул перун.
Нет — пред тобою и тигр признает владычество страсти,
Перед тобою и лев станет и нежен и мил.
Мощь необорна твоя, а милость твоя несравненна —
Сладко с тобой победить, сладко тебе уступить.
Даже в бессилье своем ты вновь исполняешься силой —
Снова готов побеждать, снова готов уступать.
Ярость твоя коротка, а нега твоя бесконечна —
Смерть свою духом поправ, вновь оживаешь и вновь».

Это сказав, удалилась она, пресытившись скорбью,
Я же остался лежать, словно мертвец, на одре.

Это прекрасно написанное произведение странно выглядит на фоне эпохи, о которой специалисты сообщают, что она наполнена «бедностью вымысла и неумением владеть формой и выражаться художественно» и что в работах поэтов этого времена «ясно видно окончательное падение античного искусства». Похоже, мы имеем основания, чтобы сделать большой подарок историкам: вот вам, дорогие наши, новое возрождение — «остготское возрождение» VI века. Ну а «вестготское возрождение» VII века, произошедшее в Испании, пусть найдут сами. Оно есть.

Читателям же, чтобы они имели возможность сравнить приведенное только что стихотворение «остготского возрождения» с, так сказать, античным оригиналом, предлагаем «натурального Овидия», финал книги «НАУКА ЛЮБВИ»:

Полно, за дело! Без всяких прикрас довершу я, что начал,
Правлю к ближним брегам путь утомленной ладьи.
К ближним ведя берегам путь утомленной ладьи.
Нетерпеливо ты ждешь попасть на пиры и в застолья,

Хочешь узнать от меня и для застолий совет?
Слушай! Заставь себя ждать: ожидание — лучшая сводня;
Вам промедленье к лицу — дай загореться огням!
Будь ты красива собой или нет, а станешь красива,
Скравши ночной темнотой всякий досадный изъян.
В кончики пальцев кусочки бери, чтоб изящнее кушать,
И неопрятной рукой не утирай себе губ.
Не объедайся ни здесь, на пиру, ни заранее, дома:

Вовремя встань от еды, меньше, чем хочется, съев.
Если бы жадно взялась за еду при Парисе Елена,
Он бы, поморщась, сказал: «Глупо ее похищать!»
Меньше есть, больше пить — для женщин гораздо пристойней!
Вакх и Венерин сынок издавна в дружбе живут.
Только и тут следи за собой, чтобы нога не дрожала,
Ясной была голова и не двоилось в глазах.
Женщине стыдно лежать, одурманенной влажным Лиэем,—
Пусть бы такую ее первый попавшийся взял!
Небезопасно и сном забываться на пиршестве пьяном —
Можно во сне претерпеть много срамящих обид.

Стыд мне мешал продолжать; но так возвестила Диона!
«Где начинается стыд, там же и царство мое».
Женщины, знайте себя! И не всякая поза годится —
Позу сумейте найти телосложенью под стать.
Та, что лицом хороша, ложись, раскинувшись навзничь;
Та, что красива спиной, спину подставь напоказ.
Миланионовых плеч Аталанта касалась ногами —
Вы, чьи ноги стройны, можете брать с них пример.
Всадницей быть — невеличке к лицу, а рослой — нисколько!
Гектор не был конем для Андромахи своей.
Если приятно для глаз очертание плавного бока —
Встань на колени в постель и запрокинься лицом.
Если мальчишески бедра легки и грудь безупречна —
Ляг на постель поперек, друга поставь над собой,
Кудри разбрось вокруг головы, как филлейская матерь,
Вскинься, стыд позабудь, дай им упасть на лицо.
Если легли у тебя на живот морщины Луцины —
Бейся, как парфский стрелок, вспять обращая коня.
Тысяча есть у Венеры забав; но легче и проще,
Выгнувшись, полулежать телом на правом боку,
Истинно так! И ни Феб, над пифийским треножником вея,
Ни рогоносный Амман вас не научит верней!
Ежели вера жива меж людей, то верьте науке:

Долгого опыта плод, песня Камены не лжет.
Пусть до мозга костей разымающий трепет Венеры

Женское тело пронзит и отзовется в мужском;
Пусть не смолкают ни сладостный стон, ни ласкающий ропот:
Нежным и грубым словам — равное место в любви.
Даже если тебе в сладострастном отказано чувстве —
Стоном своим обмани, мнимую вырази сласть.
Ах, как жаль мне, как жаль, у кого нечувствительно к неге
То, что на радость дано и для мужчин и для жен!
Но и в обмане своем себя постарайся не выдать —
Пусть об отраде твердят и содроганье, и взор,

И вылетающий вздох, и лепет, свидетель о счастье,—
У наслаждения есть тайных немало примет.
После таких Венериных нег просить о подарке —
Значит себя же лишать прав на подарок такой.
В опочивальне твоей да будут прикрытыми ставни —
Ведь на неполном свету женское тело милей.
Кончено время забав — пора сойти с колесницы,
На лебединых крылах долгий проделавшей путь.
Пусть же юношам вслед напишут и нежные жены
На приношеньях любви: «Был нам наставник Назон»!

Чтобы сравнить приведенные работы с поэзией XIV—XV веков, обратитесь к уже приведенным нами примерам из Чосера и Франко Саккетти, а также Джованни Боккаччо.

А мы добавим, что судьба стихов Максимиана просто поразительна. По сообщению литературоведов, его элегии (включая элегию о слабосильном дипломате) «усердно читались и изучались в средневековых школах, несмотря на самое, казалось бы, неподходящее для школьного чтения содержание».

Если же двинуться по череде средневековых возрождений дальше, то, читая поэтов VIII—IX «каролингских» веков, мы обнаружим в них стиль, мастерство, язык и образы, свойственные поэзии зрелого средневековья, то есть XIV—XV веков. Свое название это возрождение получило по имени Карла Великого, который завоевал Рим столь же лихо, как и готы, и провозгласил себя императором. И эта его военная эскапада оценивалась римлянами, по словам историков, как новое завоевание северными варварами!

Но в поэзии каролингского периода, в отличие от случая первого нашествия варваров, появляются гении не любовной лирики, а мастера прославления христианской церкви и наихристианнейших светских владык. Например, в поэме Ангельберта «Карл Великий и папа Лев», действие которой относят к 799 году, автор описывает охоту Карла

близ Ахена, причем с особым восторгом изображает он великолепные наряды Карла и его спутников — наряды, более уместные при дворцовых церемониях позднего средневековья, а не на охоте в VIII веке. В поэме много реминисценций не только из Вергилия, но и из Лукана. Так что в этом «хронологическом конгломерате» не только изображается быт XIV века, но и посредством литературных приемов, «забытых» уже тысячу лет как.

Ангельберт. Из поэмы «КАРЛ ВЕЛИКИЙ И ПАПА ЛЕВ»:

Лес расположен вблизи на горе, и приятную зелень
Роща скрывает в себе, и свежие есть в ней лужайки.
Все зеленеет вдоль стен, кольцом окружающих город,
Взад и вперед над рекой все виды пернатых летают,
Часто на берег садясь и клювами пищу копая.
То, к середине реки подлетев, погружаются в воду,
То обращаются вспять и вплавь достигают прибрежья.
Около тех берегов пасется стадо оленей
В длинной ложбине меж гор, на пастбище, полном услады.
Серна туда и сюда несмелым бегает шагом,
Чтоб отдохнуть под листвой, и разные виды животных
Всюду таятся в лесах. Так вот почему среди темных
Рощ этих Карл, наш отец и герой досточтимый, усердно
На мураве предаваться любил прелюбезной забаве,
Псами зверя травить и дрожащей стрелою своею
Племя рогатое бить под мрачною тенью деревьев.

Только что Феб воссиял лучом, преклоненья достойным,
И огнебровым зрачком его свет пробежал по высотам,
Все крутые холмы и верхушки лесов озаряя
Самых высоких, спешат отборные юноши к спальне
Царской, и знатных толпа, собравшись туда отовсюду,
Стала на месте своем, дожидаясь на первом пороге.
Шум поднялся, беготня по всему обширному граду;
Эхом своим с высоты ответствуют медные кровы;
Неописуемый гул голосов возносится к небу.
Ржаньем приветствует конь коня, и кричат пехотинцы;
Перекликаются все, и всякий своих созывает;
Пышно украшенный конь, в тяжелых металлах и злате,
Щедрого рад принять короля на могучую спину,
Буйной трясет головой и готовится к скачке по кручам.

Вот, наконец, из палат, окруженный свитой придворных,
Вышел на воздух король, досточтимейший светоч Европы.
Светит он дивным лицом и ярко сияет обличьем.
Лоб благородный увил драгоценной златой диадемой

Карл, наш король; над толпой возвышаются плечи крутые;
Отроки держат в руках широкие острые копья
И четверною каймой обвитые льняные тенета,
Псов кровожадных ведут, привязанных крепко за шеи,
Алчных к добыче всегда молоссов с бешеной пастью.

Вот уже Карл, наш отец, покидает святые пороги
Храма, и герцоги с ним, и окольные шествуют графы.
Вот растворились врата высокого града пред ними,
Вот затрубили в рога, и клики двор наполняют.
Юноши вперегонки поспешно к берегу мчатся...

Вот королева к толпе долгожданная вышла из пышной
Опочивальни своей, окруженная свитой огромной.
То — Лиутгарда сама, прекрасная Карла супруга.
Дивно сверкает у ней подобная розану шея,
Пышный багрец красотой уступает косам, увитым
Алыми лентами вкруг висков, белизною блестящих.
Мантию шнур золотой скрепляет, берилл самоцветный —
На голове у нее, в лучах золотой диадемы.
Ярок пурпур одежд из промытого дважды виссона;
Много различных камней украшают пресветлую шею.
В свите прелестных девиц в охотничью рать она входит.
Вот, веселясь, госпожа на коня горделивого села
Между высоких вождей в окружении юношей пылких.
В юной красе молодежь стоит у дверей в ожиданье:
Ждут королевских детей. Окруженный пышною свитой,
Нравом своим и лицом с высоким родителем схожий,
Карл выступает вперед, носящий отцовское имя;
На спину злому коню вскочил он привычным движеньем.
Вслед ему Пипин идет, нареченный по имени деда,
Славу отца своего возродивший в делах государства,
Сильный в бою и отважный герой, и храбрый в сраженьях.
Средь приближенных своих полководец щедрый выходит;
Вот высоко на коне, окруженный блестящею свитой,
Светит он дивно лицом и ярко сияет обличьем,
Лоб же красивый его окружен лучезарным металлом.
Сгрудившись вместе, толпа смешалась в широком проходе
Настежь раскрытых ворот.
Придворный синклит протесниться
Хочет вперед, отчего поднимается ропот немалый.
Резко трубят рога, и собаки с несытою пастью
Лаем наполнили воздух, и шум достигает созвездий.

Движется вслед за толпой ослепительных дев вереница.
Ротруд у них впереди перед прочими девами едет
На быстроногом коне, спокойным двигаясь шагом.

Кудри, что снега светлей, аметистовой лентой увиты,
Перемежаются в них каменья, сверкая лучами,
А на главе у нее дорогими камнями усеян
Венчик златой; скреплена изящная мантия пряжкой.
Средь многочисленных дев, стремящихся следом за нею,

Тут же и Берта горит, окруженная девственным сонмом,
Голосом, духом мужским, обычаем, ликом пресветлым,
Нравом, очами и ртом и сердцем с родителем схожа.
Вкруг ее нежной главы — позолоченная диадема,
В кудри, что снега светлей, вплетены золотистые нити,
И дорогие меха украшают млечную шею.

Взоры ласкает наряд, усыпанный всюду камнями,
В пестром порядке они сияют лучами без счета
И на монисте, а плащ хрисолитами сплошь изукрашен.
Гисла следом за ней, сверкая своей белизною,
В девичьем сонме идет, короля золотистая отрасль.
В мальвовом платье своем блистает прекрасная дева.
Мягкая ткань покрывал отделана вышивкой алой;
Волосы, голос, лицо лучистый свет источают,
Шея в блестящей красе горит розоватым румянцем,
Будто бы из серебра — рука, а чело — золотое,
Очи сияньем своим посрамляют пресветлого Феба.
Радостно на скакуна быстроногого дева садится,
Конь горделивый грызет удила, обдавая их пеной.
В сопровожденьи мужей, с окружившим ее отовсюду
Сонмом бесчисленных дев, при ржаньи коней громогласном,
В пышном уборе своем, покинув высокие крыльца,
Дева стыдливая вслед за властителем праведным едет.

Ротхайд выходит затем в украшеньи из разных металлов:
Быстрым шагом она своей предшествует свите.
Волосы, шея и грудь — в огне разноцветных каменьев;
Шелковый плащ дорогой с роскошных плечей ниспадает,
И на прелестной главе сверкает камнями корона;
Держат хламиду шары золотой в каменьях застежки.
На горделивом коне туда направляется Ротхайд,
Где притаились стада оленей с шершавою кожей.

Вышла меж тем из палат со светлым лицом Теодрада:
Ясное блещет чело, и волосы с золотом спорят;
Шеи прелестный убор — из одних изумрудов заморских,
Руки, ланиты, уста и ножки лучисто-прекрасны;
Светлые ярко горят просветленным пламенем очи.
На гиацинтовый плащ нашиты кротовые шкурки.
Славную деву сию Софоклов котурн украшает.
Шумной густою толпой ее окружили девицы,

И благолепный собор вельмож потянулся за нею.
Дева воссела тотчас на свою белоснежную лошадь,
Скачет на буйном коне короля благоверная дочка,
К роще держит свой путь, покинув дворец освещенный.

Поезда крайнюю часть занимает прекрасная Хильтруд.
Ей указала судьба подвигаться в последнем отряде.
Вот посредине толпы сияет прелестная дева,
Крепкой уздою она умеряет поспешную скачку
По прибережной земле.
За нею народ достославный
В жажде ловитвы спешит, и все королевское войско

Соединяется с ним. Вот сразу железные цепи
С хищных упали собак. Глубокие норы животных
Ищут прилежным чутьем и, как должно, бегут за поживой.
Жадно молосские псы по кустарнику частому рыщут,
Поодиночке сперва по тенистой дубраве блуждают:
Все поживиться хотят кровавой добычей лесною.
Всадники, лес окружив, противопоставили своры
Стаям бегущих зверей... Бурый вепрь обнаружен в долине!
Тотчас же всадники в лес поскакали, преследуя криком,
Наперебой понеслись за бегущей добычей молоссы,
И врассыпную спешат по безмолвному сумраку чащи.
Мчится беззвучно один, как должно, за вепрем проворным,
Лаем немолчным другой оглашает воздух спокойный,
Третий плутает в кустах, обманутый запахом ложным;
Кружат туда и сюда, один за прыжками другого:
Видит один, а другой унюхал бегущего зверя.
Шум поднялся, разлился по рощам, лежащим в долине.
Рог подбодряет собак отважных к свирепому бою,
Гонит туда, где кабан бежит, угрожая клыками.
Всюду с задетых стволов дождем осыпаются листья.
То по открытым местам, то по чаще бежит непроглядной,
Скор на бегу, скрежеща, устремляется к горным вершинам;
Но, наконец, утомлен, он стал и с усилием дышит.
Вот наседающим псам он орудие смерти готовит;
Мордой ужасной своей раскидал он свирепых молоссов.
Карл же отец с быстротой сквозь сонмы охотников скачет,
Птицы пернатой быстрей, мечом своим дикого зверя
В грудь поражает, вонзив железо холодное в сердце.
Рухнул кабан, изрыгнув свою жизнь вместе с бурною кровью,
Бьется и корчится он, издыхая, в песке рудожелтом.
Подвиг с высокой горы семья короля созерцает.
Карл же немедля велит загонять другую добычу,
К спутникам славным своим обращается с дружеской речью:
«Знаменьем благостным сим нам, как видно, судьба разрешает

День с весельем провесть, и потворствует нашим затеям.
Ну, так старайтесь же все завершить начатую работу
И к полеванью сему приложите усердные силы».
Еле промолвил герой, как ответили кликами толпы
С верха горы, и опять устремились к дубраве вельможи...

Поэма начинается с описания пейзажа. Мы писали уже об изображениях пейзажа в главе «Природа и ландшафт»; по нашим представлениям, описания, подобные тому, что приведено в этом творении Ангельберта, появляются не раньше XIV века.

Кстати, здесь мы находим редкий случай, когда литературоведы осмеливаются спорить с историками. Они прямо пишут, что творчество Ангельберта — пример придворно-рыцарского произведения, хотя историки уверяют нас, что в это время кроме монахов никто за перо не брался.

Отметим основные вехи на нашем пути из Рима в «Рим».

В XII—XIII веках в результате крестовых походов произошло массированное знакомство западноевропейцев с византийской культурой, находившейся к тому времени на более высоком уровне развития. Это стимулировало ускоренное окультуривание самой Европы, но и Византия не отставала. Хотя ее территории (Малая и Передняя Азии, Испания, Южная Италия, Египет) пользовались огромной самостоятельностью, Константинополь (Первый Рим) повсеместно признавался столицей. В сфере византийского влияния находилась и Россия, за исключением некоторого промежутка времени, когда после захвата Константинополя крестоносцами (1204 год) она находилась в унии с латинянами.

В конце XIII — начале XIV века построен итальянский Рим как «запасная» столица Византийской империи, возможно на месте старинного культового поселка. Следует понимать, что «римские папы» — это отцы империи, а не города, то есть они названы «римскими» не по названию города; во всю крестоносную эпоху они скитались по Франции, имея резиденции в разных городах (что в рамках традиционной истории не имеет достаточных объяснений).

С конца XIV века после пандемии чумы, поразившей Европу и Азию, выжившее население начало возрождение культуры предшествовавшего периода. В середине XV века власть в Константинополе взяли мусульмане, и Ромейская

Церковь Вознесения в Коломенском. 1532 год

империя преобразовалась в Румский султанат. Переехавшие в Европу, а прежде всего в Италию греки стимулировали мощное развитие культуры. Одновременно кончилось «монголо-татарское» иго на Руси, и вскоре после этого Иван III объявил, что отныне Москва — Третий Рим.

Как же сказались все эти события на Руси? Историю ее ведут с IX века, ну и где же наши «возрождения»? Этому вопросу в «Истории всемирной литературы» посвящено две главы, написанные Д. С. Лихачевым,— «Предвозрождение в русской литературе» и «Вопрос о Возрождении на Руси». Автор пишет:

«В Московской Руси, поскольку она возглавляла патриотическую борьбу против монголо-татарского ига, в XIV—XV вв. были благоприят-

ные условия для Предвозрождения. Но в XVI в., когда важнейшее условие для ренессансного развития — национальное объединение — было достигнуто, деспотизм царского государства и православной церкви, бывшей в Московии государственной, препятствовал быстрому экономическому и культурному развитию, изолировал Московскую Русь, затормаживал и сковывал ренессансные процессы».

Иначе говоря, все было б очень хорошо, когда бы не было так плохо. Была Русь под игом (плохо), но имела благоприятные условия для «Предвозрождения» (хорошо). Сбросила Русь иго и объединилась (хорошо) — затормозились ренессансные процессы (плохо).

Что же из всего этого следует? Можно ли сделать рациональный вывод из множества путаных, а то и просто невероятных сведений? Можно. Причем вывод достаточно простой: надо не только летописи читать, а шире смотреть на проблему.

Действительно, Овидия на Руси никто не «возрождал», и мы не найдем здесь произведений типа элегий Максимиана Этрусского. Но ведь Русь — не Италия. Мы утверждаем, что Максимиан в конце XIV или в XV веке писал в стиле Овидия, творившего в конце XIII или начале XIV века, и оба они были представителями одной культуры. А на Руси своя культура, и, как вы очень скоро увидите, процессы на территории нашей страны, если говорить о литературном развитии, вполне сходны с европейскими. Пусть и с запаздыванием, но к своему Возрождению Русь пришла — с А. С. Пушкиным. И это подтверждает наш вывод, что термин «возрождение» следует применять к возрождению национальных культур, пострадавших в средневековье. Овидию же, как представителю иной культуры, на Руси только подражали (а не возрождали), и то достаточно поздно.

В Европе никакой литературы, если не считать за таковую разрозненные записи, ранее XII века нет, а так называемые античные писатели жили и творили позже этого времени. И в этом же русле находится наша отечественная литература. Мы здесь не будем ничего цитировать из произведений писателей, потому что, слава богу, русскую литературу пока еще преподают в школах, а бегло перечислим, что имеется в мировой сокровищнице из нашей словесности.

1037—1050. Иларион, «Слово о законе и благодати». Изборник Святослава. Феодосий Печерский, «Слово о вере варяжской».

«Хождение» игумена Даниила (1106—1108) повествует, как автор был приветливо принят иерусалимским королем-крестоносцем Балдуином I.

Владимир Мономах (1053—1125), «Поучение» (ок. 1117). Нестор-монах, «Житие Феодосия Печерского», «Чтение о житии Бориса и Глеба», «Повесть временных лет» (1113—1118).

Появляется ряд былин. Змееборец Добрыня спасает Забаву. По мнению литературоведов, текст содержит переклички с англосаксонским эпосом (Беовульф), греческим (Персей и Андромеда), германо-скандинавским (Зигфрид), исландским (Сигурд), византийским и южно-славянским. Вообще борьба с драконами — излюбленный сюжет средневековой европейской литературы.

В «Истории всемирной литературы» сообщается, что «Проповедник Климент Смолятич в «Послании» к пресвитеру Фоме отклонял упрек последнего, что он пишет «от Омира (Гомера) и от Аристотеля, и от Платона», и отстаивает право писателя на символическое толкование Библии, так что это XIV век или позже.

«Слово о полку Игореве» (1185—1187).

О «Слове» скажем подробнее.

Созвучия, найденные литературоведами: Ярославна сходна с Брамимондой («Песнь о Роланде») и Либгардой («Сказание о Вольфдитрихе»). А. Робинсон пишет:

«Древнегерманский, скандинавский и англосаксонский эпосы хранили память о западно-восточных, римско-гуннских и готско-гуннских войнах. (Тысячелетняя память без письменных источников! Вот бы такую нашим историкам.— *Авт.*) Таковы основные закономерности западно-восточных взаимосвязей в области сюжетосложения и символизации в европейском раннефеодальном эпосе, в сферу которых входило и «Слово о полку Игореве». Затем упоминаются циклы Гильома Оранжского и Доона де Майанса и другой раннефеодальный эпос, поскольку «по сюжетной ситуации, настроению и поэтической структуре, напоминающей четырехчастное строфическое членение с единообразными зачинами, заклинание Ярославны типологически приближается к этим западным песням и служит их своего рода архаическим преддверием».

Также пишут, что по ряду признаков «Слово» созвучно с «Песнью о моем Сиде». А «Песнь о Сиде» (Испания, XII век) сравнивают с «Илиадой», причем все перечисленные литературоведами стилистические черты поддаются

имитации, и не исключено, что «Песнь о моем Сиде» — стилизация эпохи Возрождения.

«Слово» вступило в прямое противоречие с литературным процессом второй половины XII века... В «Слове» нет типичной для современного ему летописания религиозно-провиденциальной концепции...» (здесь и дальше Д. С. Лихачев). Неспроста не утихают споры о «Слове»! Оно тоже может оказаться стилизацией, например XVI века. Интересно, что подражанием «Слову» считается «Задонщина», написанная в XV веке. А не наоборот ли?

Пойдем дальше по списку российской словесности.

«Повесть временных лет», Нестор, XII век,— наверняка написана позже даже XVI века. Вот мнение Лихачева:

«Рассказы летописи о мести княгини Ольги древлянам за убийство ее мужа Игоря насыщены фольклорными мотивами многих народов... Подобные рассказы изложены Титом Ливием в повествовании о Ганнибале, в исландской саге о Харальде Суровом (зяте Ярослава), в монгольской летописи о Чингисхане».

В XIII веке появилось «Слово о погибели Русской земли»:

«Слово о погибели...» типологически соотносится с некоторыми из античных и средневековых памятников, воспевавших в более или менее сходных образах свое отечество. Таково описание Италийского полуострова в «Естественной истории» Плиния Старшего (I в.), Галилеи — в греческом тексте и в древнерусском переводе «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия (I в.), Испании в «Испанской истории и великой общей истории» (XIII в.)».

Напомним, что I век и XIII век — одна и та же линия № 5.

В XIV веке, как почти везде в Европе, мы видим на Руси новый стиль: «плетение словес».

«В поисках опоры для своего культурного возрождения русские, как и другие европейские народы, обращаются к древности, но не к древности классической (Греция, Рим), а к своей национальной. И в этом следует видеть главную особенность русского Предвозрождения», пишет Д. С. Лихачев. В том-то и дело, что в этом нет ничего особенного, потому что «классическая древность» — это и есть нормальное европейское средневековье. И другие народы точно так же обращаются с конца XIV века к своей национальной классике, появляется множество стилизаций «под средневековье» и на Руси, и в Европе, и даже в Индии и Китае.

«Этот повышенный интерес к «своей античности» — к древнему Киеву, к старому Владимиру, к старому Новгороду — отразился в усиленной работе исторической мысли... в обостренном внимании к произведениям XI — начала XIII в.».

Например, былины об Алеше Поповиче были сложены именно в это время, тогда как былины об Илье Муромце гораздо более раннего происхождения. Также и некоторые саги на Западе, внешне мало отличимые от более ранних, сложены в это время.

А кстати, нельзя сказать, что Руси не была знакома «античная» культура и система ценностей. Согласования с античными произведениями наших литературных работ литературоведы нашли, как мы это только что показали. А специалисты по изобразительному искусству нашли также схождения с античной Грецией в живописи.

«Для России... античность отнюдь не была далекой от современности, замкнутой в прошлом исторической эпохой,— пишет Г. Кнабе.— Творчество Рублева в целом и его «Троица» в частности были как бы заново открыты на рубеже XX века и с тех пор вызывали и вызывают... все большее количество отзывов, наблюдений и ученых анализов. Среди них обращает на себя внимание всеобщее ощущение реальной и очевидной связи этих произведений с искусством классической Греции».

А вот мнение Н. Деминой: «В своей разумной уравновешенности и соразмерности всему человеческому Рублев ближе к эллинам классической поры, чем к напряженно взволнованным людям эллинистического мира и Византии».

Итак, искусствоведы приходят к мнению, что художник Андрей Рублев (1360/70 — ок. 1430, линия № 6—7) в творчестве своем ближе эллинам классической поры (V—IV века до н. э., линия № 5—6), чем к более высокой культуре эллинизированного мира (III—II века до н. э., линия № 7—8) или искусству Византии (ниже линии № 5). И это совершенно правильно. Россия линии № 6 сопоставима именно с Европой именно линии № 5, потому что у нас искусство всегда отставало от европейского и средиземноморского уровня.

Из литературных произведений в XV веке появляются «Задонщина» — крупнейшее произведение о Куликовской битве (начало века); «Сказание о Мамаевом побоище» (середина века); «Хождение за три моря» Афанасия Никитина; «Сказание о князьях Владимирских», рассказывающее о происхождении русских князей от римского императора Августа.

В это же время или в начале XVI века появляется повесть о Вавилонском царстве, где развивается идея преемственности византийских монархов от Вавилона.

Воскресенский Новоиерусалимский монастырь. Скит патриарха Никона. 1657—1662 годы

XVI век. «Великие Минеи Четьи» митрополита Макария — собрание всех произведений, посвященных житиям святых. «Домострой». «Стоглав».

«Однако неудача Возрождения была завуалирована пышными формами официальной историографии... и появлением грандиозных «обобщающих предприятий» в литературе», пишет Д. С. Лихачев, продолжая переживать за Русь. Но то же самое мы видим и в «древней» Греции в эпоху эллинизма, то есть, если перевести скалигеровскую хронологию в нашу, в XV—XVII веках. В Западной Европе в это время выходят огромные серии античных писателей, целые университеты «дорабатывают» Аристотеля и других «древних», которые, впрочем, действительно были древними в сравнении с теми, кто их обрабатывал.

Приведем пример русской литературы.

СТОГЛАВ

«Оиже в церквах стоят в тафьях и в шапках. Да по грехам бесстрашие вошло в люди в церквах божиих, в соборных и приходных, стоят без страха и в тафьях, и в шапках, и с посохи. Якоже на торжище, или на позорище[1], или на пиру, или яко в корчемнице, и говор, и ропот, и всяко прекословие, и беседы, и смрадные словеса; пения божественного не слышат в глумлении. Церковь божия устроена на молитву приходити и на оставление грехов, и Бога молити со страхом, мы же паче на гнев Бога подвизаем.

Иже бреют главы и брады. Да по грехам слабость, и небрежение, и нерадение вниде в мир в нынешнее время; нарицаемся хрестьяне, а в тридцать лет и старые главы бреют и брады и ус, и платье и одежи иноверных земель носят, то по чему познати хрестьян?

Иже хрестьяне рукою крестятся не по существу[2]... и крестное знамение не по существу кладут на себе, отцы духовные о сем не радят и не поучают.

Иже крестьяне клянутся и лаются[3]. Клянутся именем Божиим во лжу всякими клятвами, и лаются без зазору всегда всякими укоризнами неподобными, скаредными и богомерзкими речьми, иже не подобает хрестьянам. И во иноверцах такое бесчиние не творится. Как Бог терпит нашему бесстрашию?..

О птицах и зайцах, о удавлениие[4]. Продают в торгу по всем градам и по всем землям моего государства всякие птицы и зайцы давленину, а не колото живо и кровь не точена. И о сем в заповедях божиих вельми возбраняет хрестьянам давленина ясти. Достоит о сем законоположение рассудно утвердити, чтобы хрестьянские души давлениною не оскверняли́ся...

О детином крещении. А детей бы крестили в церквах по уставу и по преданию святых апостол и святых отец. А не обливали водою, но погружали в три погружения. А крещали бы детей по священным правилам достоверно, якоже есть писано «О крещении младенец». Креща-

[1] Зрелище.
[2] Не по установлению.
[3] Ругаются.
[4] Мясо задушенного животного.

ется от священника, глаголюще сице: «Крещается раб Божий имярек. Во имя Отца». И погружает его единощи, глаголя «аминь». Та же «И Сына. Аминь», и погружает паки[1]. «И святаго Духа», и паки погружает третием. И глаголет: «И ныне, и присно, и во веки веков, аминь». Ведомо же буди, яко по апостольском 49 правиле измещется священник, крестивый сице, рек: «Крестится раб Божий, имярек. Во имя Отца и Сына и святаго Духа ныне, и присно, и во веки веком, аминь». И тако погрузив крещаемого, и паки тоже слово рек и паки погрузив. И паки тоже слово третием рек и паки погрузив. Крестит бо, рече, в три безначальныя и в три сыны и в три утешителя — в 9 лиц. Такоже измещется по 8 правиле и рекий все тожде слово и погрузив крещаемаго единощи, яко не славя воскресения. Но сице подобает крестити. Прием священник рукама крещаемого и глаголет: «Крещается раб божий, имярек. Во имя Отца, аминь». И низводит его и возводит. «И Сына, аминь». Низводит и возводит. «И святаго Духа. Ныне, и присно, и во веки веком, аминь». И паки погружает его. И тако бы крестити в три лица божественна. В тридневное воскресение Христово треми погруженми, и посем мажет его великим миром и облачит его во вся новая, прежде вдав его на руки приемнику. И поет священник с людьми: «Блажени, им же отпустишася беззакония, и им же прикрышася греси» и прочая по уставу. А кум был бы один любо мужеский пол, а любо женский, а по два бы кума и мнози кумове не были, как у вас преже сего было.

О обручении и о венчании ответ. А обручение бы и венчание было по божественному уставу все сполна во всем священническом чину. И венчали бы после обедни, а ночи бы не венчали. А венчали бы отрока пятинадесяти лет, а отроковицу двунадесяти лет по священным правилам. А меньше бы отрока пятинадесяти лет не венчали. И потом бы новобрачных поучали от Божественного Писания, како подобает православным по закону жити и прочая.

Чин и указ. Аще будет поняти[2] вдовцу девица или за юношу идет вдовица. Пришедшим сим по литоргии в церковь и станут на месте пред святыми дверями. Священнику же наченшу во всем сану: «Благословен Бог наш», таже все по ряду венчание. Именует напредь первобрачного имя и потом двоебрачного или есть мужеский пол или женский. И по скончании всего глаголет молитву о двоеженце. Аще ли случится и треженец быти един от них, в той молитве применяет глаголя: «К третьему совокуплению», и не глаголет «браку», понеже нужа ради телесныя се бывает. Таже отпуст[3]. Аще ли есть в неделю глаголется:

---

[1] Опять, снова.

[2] Взять.

[3] Заключительное благословение священника в конце службы.

«Воскрес из мертвых Христос, истинный Бог наш, молитвами пречистыя его матери, и святаго его же есть храм, и его же есть день, и всех святых помилует и спасет нас, яко благий человеколюбец...»

О втором же браку и о треженцах. А второму браку венчания несть, но токмо молитва по правилам, и третьему молитва под запрещением по священным правилам. Второму — 2 лета епитимьи, аще будет млад, то едино лето. А третьему пять лет от общения и ото всякия святыни. А четвертый бы брак от вас никогда же не именовался, четвертый же брак и законни правила возбраняют, блудяй убо себе едино му неправду сию имеет. А иже четвертого брака яко рекше себе смесив поругается, убо сим возбраняющим божественным и священным правилам, он убо который разрушает божественных и священных правил, каковое имеет благочестие и каковый ответ ждет на Страшнем суде, той убо и сам себе отлучи от славы Божия...»

С конца XV века на Руси началась борьба с «ересью жидовствующих»:

«Вероятнее всего, это даже была не столько ересь (т. е. не богословское учение, меняющее некоторые из церковных догматов), сколько движение вольнодумцев. Вольнодумцы эти критически относились к церкви и к отдельным догматам православия, но больше тянулись к светским знаниям, усиленно занимались астрологией и логикой».

Это, скорее всего, розенкрейцерство. Масонство в самом деле проникло на Русь в это время, и уже с XVI, а особенно в XVII веке начинается пересмотр истории.

Литература Древнего Востока

Так называемая «литература Древнего Востока» — составная часть литературы Византийской (Ромейской) империи, ведь саму империю составляли многие, ставшие затем самостоятельными страны Азии и Северной Африки. Конечно, возникла и развилась литература этих стран ни в какой не древности, а одновременно со всеми прочими; первенство в развитии может быть обнаружено только для литератур на египетском и греческом языках; и, кстати, становится ясным, что многие знаменитые произведения (Рамаяна, сказки 1001 ночь) инспирированы европейцами.

Материала, чтобы показать это, накопилось столько, что хватит на отдельную книгу,— но у нас на подробный разбор этой темы уже нет места. Поэтому ограничимся

лишь несколькими примерами да обзором мнений литературоведов, взятых в основном из «Истории всемирной литературы».

Как известно, первым взялся анализировать произведения литературы ради выяснения хронологических приоритетов Н. А. Морозов. В одной из рукописей[1] он пишет:

«Действительно ли всякая банка с кильками, на которой написано «Made in England», сделана в Англии, а не в Риге? Или всякая тетрадь, о которой говорят, что она найдена в Персии, действительно из Испагани, а не из Испании?

Возьмите любую из средневековых повестушек, перенесите место действия их из Севильи в Багдад, переведите имена героев и героинь по их значению на язык Корана; вместо слова Бог напишите Аллах, а слово вуаль, под которым героиня идет по улице Мадрида на свидание с возлюбленным, замените равнозначным с ним восточным словом чадра, и вы получите зеркальное отражение восточных рассказов, которым приписывают азиатское происхождение».

Как же показать, что подобные «восточные рассказы» сделаны не в Париже? Прежде всего, это было бы возможным, найди мы в них подробные и точные описания местностей, сходные с описаниями, сделанными европейскими путешественниками и географами. Но именно таких деталей и нет в восточной беллетристике! Все местности восточных поэм и повестей чисто фантастические, все их знаменитые города — Дели, Лахор, Багдад, Басра — не имеют ни одной улицы, ни одного дворца, ни одной площади, похожей на те, какие имелись там в реальности,— ни в описаниях, ни по названию. А ведь это прямо свидетельствует об их возникновении где-то далеко от сцены рассказываемых событий!

За местное происхождение могла бы, кроме географических деталей, свидетельствовать многочисленность рукописей, найденных в данной стране. Это было бы даже совершенно неизбежно, если б таким произведением там интересовались, но и в этом отношении сказать особо нечего: обычно европейским ученым-искателям и спешащим вслед за ними охотникам-авантюристам удавалось «с великими трудами» отыскать какой-нибудь один, в самых сенсационных случаях — несколько экземпляров. Нечего говорить,

[1] Неизданные труды Н. А. Морозова готовятся к печати.

что их отличить нельзя от обратных переводов с уже прогремевших в Европе «переводов с неведомых рукописей». И так было на протяжении всего XIX века.

Но ведь отсутствие многих сотен копий есть явное доказательство, что данным произведением совсем не интересуются у себя на родине! Пусть нам ответят, что зато им интересовались там в «глубокой древности» и оно тогда, конечно, ходило в тысячах списков, которые потом истребили ненавистники всякой роскоши и учености мыши и моль, от трапезы которых остались только кучи пыли.

Но и это лишь отговорка, потому что во всех находимых таким образом «униках» обнаруживаются анахронизмы, показывающие, что рукописи обрабатывались незадолго до времени их нахождения.

Вот что говорится, например, в предисловии к русскому переводу Рамаяны, сделанному Ю. А. Роменским[1]:

«Рамаяна», или «Песнь о Раме» — великая индийская эпопея. Ее содержание, по мнению историков, относится к XIII-XIV столетию до Р.Х., героическому периоду распространения арийских владений на южный полуостров Декан. Создание ее предание приписывает поэту Вальмики. В своем полном объеме «Рамаяна» состоит из семи книг и заключает в себе множество позднейших вставок и искажений первоначального текста. Георг Вебер по этому поводу говорит:

«Древнейшие части Махабхараты и Рамаяны принадлежат, хотя и не в нынешнем своем виде, очень древнему времени, но свою нынешнюю форму эти поэмы получили не ранее последних двух, трех столетий до нашей эры. В них собран весь материал индийского эпоса. Они обе основаны без сомнения (sic!) на древних песнях времен переселения и завоеваний, на преданиях о последних нашествиях и войнах арийских племен в святой области Сарасвати и Ямуни и о первом их расширении на юг. Но **каждое новое поколение делало новые прибавки**, перерабатывало полученные от предков поэтические рассказы дополнениями и **изменениями в духе своего времени,** своего культурного развития, своих религиозных понятий. Таким образом индийские эпопеи разрослись до громадных размеров. Вставками множества эпизодов и прибавок, деланными в течение веков, они превратились в огромные компиляции, лишенные художественного единства. **Все переделано** в древних частях их состава, и **язык,** и **форма** рассказа, и **характерного,** так что **прежний смысл совершенно искажен переработкою в духе религиозных понятий позднейших времен...**

[1] Цитируется по рукописи Н. А. Морозова.

Распознать в этой переделке первоначальные контуры индийского эпоса очень трудно».

После такой отчаянной характеристики как будто не оставалось ничего другого делать, как признать весь этот «индийский эпос» лишенным всякого исторического значения. Нужно было бы даже признать его за современный, хотя и постепенно выработавшийся фольклор, но... в таком случае, что осталось бы от древней истории Индии? У историков возникла жгучая потребность предложить публике хоть что-нибудь и за «полторы тысячи лет» до пресловутого Рождества Христова. Переводчик этого «эпоса» на русский язык Ю. А. Роменский сообщает:

«И вот, на долю европейских санскритологов и поэтов-переводчиков выпал поистине непреодолимый труд разработки санскритского текста с тем, чтобы «выделить из него позднейшие браманские вставки, исправить искажения и таким образом по возможности восстановить эпопею в ее первоначальном виде». И дело началось. В 1829 году профессор санскрита в Бонне Артур Шлегель издал обработанный им санскритский текст двух первых книг Рамаяны, и это издание послужило Адольфу Гольцману оригиналом для его перевода Рамаяны на немецкий язык. Но в своем предисловии к 3-му изданию немецкого перевода Рамаяны и Магабгараты, вышедшему в свет в 1854 году он сам между прочим говорит:

«**Вся первая книга санскритского текста Шлегеля поддельная.** Я даю только содержание второй книги, хотя явились и остальные пять книг этой поэмы в издании Горрезио, но Горрезио избрал такую редакцию текста, которая для меня не годится».

Итак, первая книга Рамаяны — апокриф новейшего времени... Но почему же не могут оказаться апокрифами и следующие книги, тоже никому не известные в Индии до их открытия европейцами в одном экземпляре? Но, впрочем, потом нашлись и другие, пополненные списки, что было даже неизбежно при таком большом спросе на них после напечатания первого «открытия».

После Шлегелевского издания «поддельной Рамаяны» эту поэму нужно было во что бы то ни стало найти еще раз в Индии, и она была, как и следовало ожидать, найдена в расширенных рукописях, сначала в Восточной Индии и издана в 1859 году в Калькутте, а потом и в Западной Индии и издана Горрезио в Бомбее и в Париже в 1870 году с итальянским переводом. Это и было то самое издание, которое

так не понравилось Адольфу Гольцману, что он даже и рассматривать его не захотел. В 1860 году вышел французский перевод, в 1874 — английский в 5 томах. Наконец и индусские интеллигенты ознакомились со своим национальным эпосом по изданиям европейцев.

Каковы же признаки ее глубоко древнего происхождения? Оказывается, никаких.

«Отличительной чертой Рамаяны (от действительных индийских работ) служит естественность положений и событий,— пишет Ю. А. Роменский в своем предисловии.— В ней нет тех преувеличений и того сплетения мифологических черт и образов, которые свойственны индийскому эпосу и которые для читателей, не знакомых с вероучением индусов, были бы непонятны. Рассказ Рамаяны прост, натурален, исполнен глубокого драматизма и понятен каждому от начала до конца. «Индийский эпос,— говорит Вебер,— не уступает греческому ни по высокой нравственности и глубине мыслей, ни по художественному совершенству и нежности чувства».

А русский переводчик, сам не понимая убийственного значения своих собственных слов, продолжает:

«Сопоставление индийской морали, существовавшей три тысячи (!!) лет тому назад, с современной европейской моралью, прошедшей через горнило христианства и через обширную лабораторию новейших гуманных и философских наук, может навести на многие назидательные размышления».

И это совершенная правда. Сопоставление индийской литературы и философии с европейской прямо наводит на вывод, что индийская литература и философия представляют собою только переделку европейских, и притом очень недавнего времени.

Современные литературоведы, сравнивая «Рамаяну» с другим знаменитым индийским произведением, «Махабхаратой», вставали в тупик. «Особенности содержания и стиля "Рамаяны", казалось бы, предполагают сравнительно позднюю дату ее возникновения», говорится во «Всемирной истории литературы». Ученые видят также, что и язык, и композиция, и сам дух первого индийского эпоса, «Махабхараты», более архаичен. Однако, в то время как «Рамаяна» ни разу не упоминает о «Махабхарате», эта последняя, напротив, несколько раз цитирует «Рамаяну». Отсюда делается вывод:

«Первоначальные версии «Рамаяны» возникли, видимо, позже ранних редакций «Махабхараты» — предположительно в III—II вв. до н. э. (линии № 7—8), и поэтому в памятниках конца I тыс. до н. э. на

нее... нет никаких ссылок. Но, с другой стороны, окончательная редакция «Рамаяны» сложилась на один-два века раньше окончательной редакции «Махабхараты», вероятнее всего в II в. н. э., и отсюда — знакомство последней с эпосом...»

Мы можем предположить, что «Махабхарата» приняла свой окончательный вид в XVII реальном веке (линия № 9), а первичные тексты «Рамаяны» появились в конце XV — начале XVI века (линия № 7—8). Интересно, что все подражания этому эпосу и его «продолжения» располагаются на линиях № 7—8: в VII веке (линия № 7) Бхавабхута пишет ее продолжение «Дальнейшая жизнь Рамы»; Тулсидас (1532—1624) написал поэму «Рамачаритаманаса» («Озеро деяний Рамы»). Лишь затем тексты попали в руки Артуру Шлегелю.

Почему же «Рамаяне» не подражали в III, IV, VIII и XIV веках? Ответ дает индийская синусоида: потому что эти века располагаются ниже линии № 7.

Линии веков №	**Индийско-китайская синусоида.** Века указаны не римскими, а арабскими цифрами для экономии места	Реальная история
- 9 -	— 1 11 17	XVII
- 8 -	— 2 1 10 12 16 -	XVI
- 7 -	— 3 2 6 7 9 13 15 -	XV
- 6 -	— 4 3 5 8 14 -	XIV
- 5 -	— 27 — 14 — 11 — 5 4 -	XIII
- 4 -	— 28 — 26 — 15 — 13 — 10 — 9 — 8 — 6 -	XII
- 3 -	— 29 — 25 — 16 — 12 — 7 -	XI
- 2 -	— 30 — 24 — 17 -	X
- 1 -	— 31 — 23 — 18 -	IX
- 0 -	— 32 — 22 — 19 -	VIII
- 0 -	— 33 — 21 — 20 -	VII

А теперь приведем отрывки содержания, показывающие метод изложения и фабулу.

В Айоции, в своем дворце,
На троне Дазарат[1] сидел.

[1] Считается, что Дазарат от каждой из своих трех жен имеет по одному сыну: от Кавзалии — Раму, от Кейкеи — Фарату и от Сумитры — Лакшану. При начале рассказа второй сын, Фарата, находится у родителей своей матери в стране Кекайи. Рама женат на Сите, дочери царя страны Бидехи.

В палату царскую вошли
Князья и сели по местам,
Согласно званью своему,
И, взоры обратя к царю,
Безмолвно ожидали. Их
Поклоном государь почтил
И низким голосом, как бой
Торжественный литавр, как гром,
Рокочущий из туч, сказал
Им мудрые слова:
«Князья!
Вам всем известно хорошо,
Как правили страной мои
Предместники и как о ней
Всегда отечески пеклись.
Я следовал по их пути;
Без отдыха, по мере сил,
О благе царства я радел,
Но ныне в тягостных трудах,
Под желтым зонтом[1] я ослаб
Душою, телом изнемог.
Мне в тягость почести и власть,
И не по силам долг царя:
Добро и правду охранять.
Мне нужен отдых, я стремлюсь
К покою. Пусть же за меня
Заботу примет старший сын
О благе подданных. Я вас
У трона своего собрал,
Чтоб ваше мнение узнать
И выслушать от вас совет.
Я Раме назначаю трон.
Он добродетелью своей
Глубоко радует меня.
Как Индра[2] духом он могуч,
В нем сочетался светлый ум
С телесной силой, красотой
И добронравием. Ему,
Как лучшему из всех мужей,
Который в силах может быть
Тремя мирами[3] управлять,
За благо почитаю я

[1] Желтый зонт — в Китае знак царского достоинства в значении скипетра.
[2] Индра — царь богов.
[3] То есть не иначе, как Европой, Азией и Африкой.

Заботы и труды свои
С высоким саном передать.
Мы этим выбором дадим
Стране порядок и покой,
А я избавлюсь от трудов,
Тяжелых в возрасте моем.
Скажите, по душе ли вам
Царевич? Кажется ль он вам
Вождем достойным? Ждете ль вы
В грядущем блага от него?
Подобно мне, и вы теперь,
Обдумав, мнение свое
Должны открыто объявить.
И если не согласны вы
С моею волей, я готов
Желанья ваши примирить
Ко благу общему».
Так царь
Собранью с трона говорил.
Как туча дождевая в зной
Павлинов стаю веселит,
И криком радостным ее
Они встречают, так слова
Царя восхитили князей.
И стены царского дворца
От громких кликов потряслись:
«На царство Раму посвяти!
Пусть царствует над нами он!»

Вот таковы, если верить историкам, были цари в Индии, когда в Европе жили еще пещерные люди! За исключением «желтого зонта», который тут вставлен совершенно некстати (так как дело происходит не в Китае), все это описание слово за слово могло бы быть отнесено к событиям в любой стране в устах поэта хоть XVI, хоть XVIII века нашей эры в Европе. А впрочем, возьмите да и сравните с «Королем Лиром» Шекспира.

А теперь посмотрим один образчик действительного индийского эпоса и увидим огромную разницу с «Рамаяной» в стиле и конструкции. Причем и в этом случае о «древности» судить невозможно.

СУНДАС И УПАСУНДАС

Ты послушай со вниманием
Эту повесть, что скажу тебе.
. . . .

В роде доблесных асурасов[1]
Был один — Асур по имени.
Он между вождями Дайтиев[2]
Своей силой и отвагою
Так блистал, как солнце яркое,
И два сына родились у него —
Такие же богатыри крепкие,
Сунд и Упасунд, по имени.
Груб и жесток был нрав их,
Сердца их были железные.
Но думою одной сопряженные,
Всегда заодно друг с другом действуя,
Два эти суровые Дайтия
На единый миг не расставалися.
Радость и горе были у них общие,
Друг без друга и не ели они,
Друг без друга не ходили никуда,
Лишь угодное друг другу делали
И говорили друг другу — угодное.
Мысля заодно, поступая заодно,
Оба сделавшись существом одним,
Они выросли, великие богатыри,
И единою думою дело задумали:
Все три мира завоевать захотели они,
Землю, и воздух, и небо самое.
А чтобы власть получить для этого,
Они к горе Виндгьях пошли
И свершили там покаянья страшные.
Лишь воздух да ветер служили им пищею,
И на кончиках пальцев, как камни недвижные,
Стояли они, подняв руки вверх,
Не вращая глаз, много времени...
Их жар бесконечный горел до того,
Что гора Виндгьях накалилась им
И проникнул огонь ей в каменные кости,

[1] Титанов, могучих великанов, будто бы живших сначала на земле.

[2] «Дайтья» значит просто — создание. Дайтьи считаются добрыми творениями Агуры-Мазды (творцы света), не испорченными врагом чистоты Ариманом (сатаной). Но это плохо соответствует их поведению в рассказе о Сундасе и Упасундасе, как увидим далее.

И дым покатился столбом к небесам,
И страшно и чудно зарделась гора[1].
И Праотец мира к ассурам великим
На гору Виндгьях низошел[2],
Почтил их вопросом: «чего вы хотите?»

А Сунд с Упасундом, суровые братья,
Предстали пред Богом, сложив свои руки,
И так говорили великому Богу:
— Если нашим покаяньем
Был отец миров доволен,
То пред нами да не будет
Сокровенных тайн волшебства,
И оружие врагов всех
Об наш щит да сокрушится....
Пусть все твари нас страшатся,
Мы же, кроме себя только,
Никого не убоимся.
— Что желали, что сказали,
То даю,— ответил Брама[3].
Лишь по вашему ж желанью,
Не иначе, вы умрете.
Благодать принявши Брамы,
Вожди дайтьев, братья оба,
Возвратилися в дом отчий.
И весь город славных дайтьев
Утопал в увеселеньях.
В наслаждениях бессменных
В упоении год целый
Был не год, а день единый.
. . . .
Приступив к завоеванию,
Что ни есть, земли всей твердыя,
Они созвали дружины все,
И такую речь суровую
Ополчениям своим молвили:
— Все цари — дарами щедрыми
А брамины — совершением
Жертв своих приумножают здесь

[1] Автор явно описывает вулкан
[2] Возможно, автор вдохновлялся библейским рассказом о явлении Бога Моисею на горе, в огне и дыме.
[3] Брама означает Бог-Слово, откуда видно, что автору было уже известно средневековое ромейско-византийское учение о Логосе, выраженное впервые в Евангелии Иоанна (I, 1): «В начале было Слово (Логос), и слово было у Бога, и слово было — Бог».

Крепость, блеск богов и счастье их.
Их молитвами смиренными
Расцветает слава Божия.
А ассуры всем враги они,
Значит, нам единодушно всем
За работу взяться надобно,
Умерщвлять их всюду надо нам,
Где лишь только мы ни встретим их».

Затем идет явный сбой ритма повествования:

Так на восточном берегу моря великого
Два богатыря говорили своим войскам
Слова эти страшные,
И, жестокосердных помыслов преисполненные,
Они разошлись на все стороны, по всей
Что ни есть твердой земле.
И везде дважды рожденных[1]
И богам творящих жертвы,
Умерщвив насильственной смертью,
Подвигалися все дальше.
По обителям отшельников,
Просветленных созерцанием,
Рати дайтиев надменные,
Сам огонь жертвопылающий
Побросали в воду с яростью...

Обнаружив, какое зло творят братья, всевышний всемогущий Бог собрал что-то вроде пленума с президиумом из богов и премудрых и, выслушав мнения делегатов, решил остановить Сунда и Упасунда, пересорив их между собой (ибо только по собственной воле они могут умереть). Он создал специальную женщину-красавицу с одной функцией: влюбить в себя братьев — и назвал ее Тилеттамой.

...А в то время Тилеттама,
Проходя в лесу дремучем,
Рвет цветы. Наряд прельщения
Покрывает ее члены,
Словно радуга, спустившись,
Эти члены обхватила,
Словно всю ее одело
Легкое зари сияние,

[1] Дважды рожденными (движдами) назывались две высшие касты: Брахманов (священников) и Кшатриев (воинов).

За которым видно солнце.
Она рвет цветы, идя вдоль
По потоку, незаметно
За цветочками следит все.
И пришла она в то место,
Где сидели асурасы.
А они, упоенные питьем благородным,
Вдруг увидели эту женщину с чудной поступью,—
Запылали страстью к ней очи богатырские,

И сердца их стеснилися тоской несказанною.
Воспрянувши с мест и оставив свои престолы,
Оба побежали туда, где стояла дивная,
Оба к ней любовью загорелись неистовой,
Оба обладать ею желали одинаково.
Ее правую руку схватил тогда Сундас,
Упасундас ухватил за левую руку.
И своим могуществом собственным упоенные,
В чаду от богатства, от камней дорогих,
В чаду от питья разжигающего,
Друг на друга они брови наморщили.
— Мне невеста, тебе — невестка! — говорит Сундас.
— Мне невеста, тебе — невестка! — говорит Упасундас.
— Не твоя!
— Нет, моя!
Ярость дикая
Вдруг вошла в них и овладела ими.
От упоенных красотой ее
Удалилась дружба и приязнь.
И тот и другой схватили по палице страшной,
И, любовью к ней помраченные,
Палицами сраженные, на землю оба упали они
С членами, обагренными кровию,
Словно с неба упали солнца два.
После этого все их красавицы
Разбежались, а дружины дайтиев
Все под землю в тартарары пошли,
Пораженные исступлением и ужасом.
А Великий Отец, после этого,
Вместе с богами и с премудрыми
Вниз сошел, с душой пресветлою
Чтобы возвеличить достойно Тилеттаму.
И спросил ее Всевозвышенный:
— Какой благодати желаешь ты?
И выбрала она в благодать себе —
Миры, озаренные светом могущественным,
Непогасающие чистотой и красотой своей.

И благодать ту отдавая ей,
Сказал ласково Праотец так:
— По мирам, по которым солнце расхаживает,
Ты расхаживать будешь, возвышенная,

И не быть тому во всех мирах,
Кто на тебя, сияньем огражденную,
В любое время смотреть бы мог.
И эту благодать отдавши ей,
Праотец великий всех миров
Возвратил над ними Индры власть,
И улетел Всевозвышенный снова в царство Брамы-Слова.

Сразу после того как поэма стала известной в Европе, было отмечено, что этот индусский миф напоминает греческое классическое сказание о восстании титанов, то есть шести гигантских сыновей Неба и Земли (по-гречески Урана и Геи), против бога Отца (Зевса).

Посмотрим теперь и на древнейший текст Междуречья. Ритуальная «Любовная песня» датируется специалистами концом третьего тысячелетия до н. э., оснований для чего, кроме хронологии Скалигера, тоже нет. Это разговор молодого человека с Инанной Нинегаллой:

«Девушка, не заводи ссоры!
Инанна, обменяемся речами достойно!
Инанна, не заводи ссоры!
Нинегалла, посоветуемся достойно!
Мой отец твоего не хуже!
Инанна, обменяемся речами достойно!
Моя мать твоей не хуже!
Нинегалла, посоветуемся достойно!
. . . .
Речи, что сказаны,— речи желанья!
С ссорою в сердце вошло желанье!»

Синусоида позволяет датировать этот текст несколькими веками от VIII до XII. К концу этого же периода относится самое знаменитое произведение «Древней Месопотамии» — поэма о Гильгамеше, о которой А. И. Немировский пишет:

«Перед нами — выдающийся памятник мировой литературы. Уже в первых его строках мы сталкиваемся с литературным приемом, впоследствии использованным Гомером в поэмах «Илиада» и «Одиссея»: общая характеристика героя до рассказа о его подвигах, содержания поэмы и

Голова Саргона Древнего из Ниневии. XXIII век до н. э., линия № 3 «Старовавилонской» волны

ее идеи. Так же как и в гомеровских поэмах, в «Поэме о Гильгамеше» действие развертывается в двух сферах: в земной, где живут, сражаются и гибнут герои, и в небесной, где боги наблюдают за ними и решают их судьбу. Автор вавилонской поэмы выдвинул на передний план и разработал тему, которой не избежал ни один из классиков современных национальных литератур: смысл человеческой жизни, имеющей один исход — смерть. Все герои мировой литературы, совершая свои подвиги, одерживают если не физическую, то моральную победу над смертью, обеспечивая бессмертие своему роду, городу, народу.

Гильгамеш — первый из этих героев не только по времени, но по гуманистической мотивировке поставленной им перед собой цели. Он совершает немыслимое путешествие в страну, откуда нет возврата, в подземный мир, ради своего побратима и друга Энкиду. В союзе Гильгамеша и Энкиду впервые выражена идея, которая впоследствии будет

Статуя царя Ашшурнацирапала II, фрагмент. IX век до н. э., линия № 4 ассирийско-египетской синусоиды

без конца разрабатываться поэтами и философами,— идея противоположности естественного состояния человечества и прогресса. Гильгамеш — человек городской цивилизации, уже в самые ранние эпохи враждебной миру природы. Гильгамеш испорчен преимуществами своего происхождения (на две трети бог и на одну треть человек), своей властью, дающей ему возможность осуществлять произвол над подданными. Энкиду — дитя природы, естественный человек, не знающий ни благ, ни зла цивилизации. В схватке между Гильгамешем и Энкиду нет победителя (герои равны физической силой), но Энкиду одерживает моральную победу над Гильгамешем. Он уводит его из города в степь, выпрямляет характер, очищает душу».

Мы дали здесь полную выписку из А. И. Немировского без купюр. Есть ли в этом мнении, высказанном одним из

серьезнейших знатоков восточной литературы хоть что-то, противоречащее нашему выводу, что поэма о Гильгамеше написана в XII веке?

В «Истории всемирной литературы» говорится:

«...Неупоминание в ранних версиях аккадского эпоса о Гильгамеше главного бога Вавилона — Мардука позволило предположить, что эпос впервые записан до XVIII в. до н. э. (линия № 6), т. е. до того времени, когда Мардук выдвигается на первый план».

Действительно, если следить по ассиро-египетской синусоиде, эпос записан до линии № 6, то есть до XIV реального века,— в XII веке, линия № 4.

Вообще случай с месопотамской литературой очень сложен, обычно невозможно определить даже примерные хронологические рамки создания произведения,— ведь здесь, по традиционным представлениям, не раз менялось население, и произведения литературы, которые могли быть созданы одновременно, разнесены на немыслимые сроки в тысячи лет. В то же время массив здешней литературы очень велик. Важнейший памятник, помимо эпоса о Гильгамеше, «Энума элиш» («Поэма о сотворении мира»), которую мы можем отнести к линии № 2—4. Это культовый, храмовый эпос.

Отметим еще диалог «Советы мудрости», о котором читаем у специалистов:

«Часть исследователей видят в нем одного из предтеч библейского «Екклизиаста». Неясно и когда создан этот памятник, т. к. до нас дошло пять его разновременных копий, часть которых относится к III—II вв. до н. э. Вероятнее всего, однако, что оригинал диалога восходит к концу II — началу I тыс. до н. э.»

А мы что говорили? Разница — тысяча лет!

Самой же древней литературой планеты считается египетская. Читатель знает о древности Египта и, может быть, полагает, что эта древность была известна историкам всегда. Ведь не мог же Скалигер в XVI веке, занимаясь хронологией, не учитывать в расчетах своих Египта! Да, наконец, он многократно упоминается в Библии.

На самом деле научное сообщество Европы узнало о реальном, а не библейском Египте только в XIX веке, после наполеоновских войн 1809—1813 годов. В это время во Франции вышли 24 фолианта под названием «Описание Египта», о чем В. Замаровский пишет:

Умирающая львица. Фрагмент рельефа «Большая львиная охота» из дворца царя Ашшурбанапала. VII до н. э., линия № 5

«С величайшей тщательностью здесь был собран и опубликован богатейший материал: зарисовки египетских строений и скульптур, пейзажей, животных, растений, и прежде всего длинных иероглифических надписей. Изумленная Европа поняла, что не знает об этом крае **ничего**... Эти труды показывали Египет, но не объясняли его. Памятники его были тут как на ладони. Но о его истории не говорилось ни звука. Тогдашние египтяне, жившие под знаком «феллахского внеисторизма», не знали о ней **ничего**... Древний Египет могли объяснить нам лишь древние египтяне».

Из всего этого следуют два капитальных вывода. Первое: все, написанное о Египте в Библии, не имеет к реальному Египту никакого отношения, тем более что в первоначальных текстах Библии нет Египта, а есть лишь Миц-Рим, который совершенно непонятно почему отождествили с этой африканской страной. Второе: ни один народ до широкого развития письменности не имел истории; национальные истории стали сочинять в позднейшее время в подражание какому-то образцу, хоть бы и той же самой Библии.

Корабль экспедиции в Пунт. Ок. 1480 до н. э., линия № 4 «египетской» синусоиды

Пробежимся вдоль египетской литературы, замечая параллели между нею и другими.

Линия № 3.

«Потерпевший кораблекрушение» — египетский папирус начала II тыс. до н. э. (XX век до н. э.):

«Совпадений между египетской повестью и рассказом «Одиссея» слишком много, чтобы считать их случайными... Есть все основания предположить, что сказители (?!) «Одиссеи» хорошо знали если не «Потерпевшего кораблекрушение», то какие-то однотипные с ним египетские рассказы и инкарнировали их содержание в греческий эпос, тем более что и «Илиада» и в особенности «Одиссея» обнаруживают достаточное знакомство с Египтом и преисполнены уважения к этой стране».

«Одиссея», видимо, относится к следующей линии после «Потерпевшего кораблекрушение»; между ними мень-

ше ста лет. Идею о реинкарнации мы здесь обсуждать не можем.

«Если бы мы признали справедливость гипотезы об узах преемственности, связывающих «Одиссею» и «Гильгамеша», то, говоря словами Г. Жермена, мы бы обнаружили между ними отношения «популярной версии и ученой модели».

«Следует подчеркнуть, что по языку литературные памятники XVIII династии (XVI век до н. э.) примыкают к среднеегипетским — они написаны среднеегипетским языком (вот почему они так странно датированы!), в то время как новоегипетский язык становится языком литературным лишь с начала XIX династии (вторая половина XIV века до н. э.). Во всем остальном они непосредственно связаны с новой эпохой и новыми историческими веяниями».

Налицо — полная хронологическая путаница у языковедов!

Линия № 4.

Великий завоеватель Тутмос III (первая половина XV в. до н. э., линия № 4, XII реальный век). Сюжетом сказки о нем является взятие города Юпы. Сюжет, как признано литературоведами, перекликается с эпизодом Троянской войны.

Мы читаем такую периодизацию:

«Египетская литература на протяжении всей своей... истории представляет собой языковое единство при разнообразии форм письма... Памятники письменности свидетельствуют, что... он прошел в своем развитии несколько стадий... Стадии эти таковы:

I. Староегипетский, или классический, язык эпохи Среднего царства (XXII—XVI вв. до н. э.);

II. Среднегипетский, или классический, язык эпохи Среднего царства (XXII—XVI вв. до н. э.);

III. Новоегипетский язык эпохи Нового царства (XVI—VIII вв. до н. э.);

IV. Демотический язык (VIII в. до н. э.— III в. н. э.);

V. Коптский язык (с III в. н. э.)».

Если теперь эту периодизацию осмыслить с помощью нашей синусоиды, то получится, что коптский язык был в ходу с XV века, демотический и новоегипетский — с XII, классический применялся в XII—XIV веках, а староегипетский — до XII века, хотя в какой-то степени мог применяться и в XII, и в XIII веках. По меткому сравнению Б. А. Тураева, соотношение между иероглифическим, иератическим и демотическим письмом приблизительно такое же, как меж-

ду нашими печатными, рукописными и стенографическими знаками.

Эти системы письма (и языки) существовали параллельно, а не последовательно. И такой вывод мы можем делать тем более смело, что сами литературоведы дают возможность для многовариантных толкований: «Принятая периодизация египетской литературы,— говорят они,— является вынужденной, поскольку она обусловлена в основном состоянием источников и невозможностью проследить шаг за шагом развитие самого литературного процесса».

О каких же еще параллелях мы можем прочесть во «Всемирной истории литературы»?

«[Египетская] басня о льве и мыши поразительно похожа на соответствующую басню Эзопа...»

«Любопытно, что Геродот сравнивает греческие мистерии Диониса с египетскими религиозными празднествами, находит в них много общего и приходит к заключению, что греки переняли у египтян их праздники и обычаи».

А вот поразительное сообщение о египетской сказке, за два столетия до «исторической» Трои повторяющей ее сюжеты:

«В одной сказке говорится о времени великого завоевателя XVIII династии фараона Тутмоса III (первая половина XV век до н. э., линия № 4). Сюжет — взятие города Юпы, местонахождение которого точно неизвестно:

В кувшинах... были спрятаны... воины... Подобного рода способ проникновения во вражеский город напоминает известный эпизод Троянской войны («Троянский конь»), подробно рассказанный Вергилием в «Энеиде», а также перекликается со сказкой об Али-Бабе и сорока разбойниках из «Тысячи и одной ночи».

Приведем эту сказку целиком. На ее стиль, конечно, особого внимания обращать не стоит, поскольку это стиль не рассказчика, а русского переводчика. Но сюжет занимательный.

ХИТРЫЙ ПОЛКОВОДЕЦ ДЖХУТИ

Однажды в столицу Та-Кемет въехала колесница. Она с грохотом пронеслась по улицам, взвихривая пыль и отгоняя прохожих к заборам и обочинам.

Конями правил гонец фараонова войска. И колесница, и конские крупы, и тело возничего — все было забрызгано дорожной грязью. Видно было, что гонец проделал неблизкий путь.

Колесница остановилась у дворца фараона. Гонец спрыгнул на землю и поспешил в зал приемов.

Фараон в это время совещался со своими военачальниками. Сидя на троне, он выслушивал их доклады и отдавал приказы. Придворные стояли, затаив дыхание и боясь пошевелиться. И в этот момент вбежал гонец.

Фараон прервал свою речь, удивленно оглядел его с ног до головы и спросил:

— Откуда ты? Кто тебя прислал и зачем?

— О владыка, да живешь ты вечно! — сказал гонец.— О великий, могучий и несравненный сын богов! В городе Яффе, завоеванном тобой, вспыхнуло восстание. Правитель Яффы изменил тебе. Он собрал злоумышленников и возглавил их. Они перебили всех воинов твоего величества. Они разгромили отряд, который пытался подавить мятеж.

Фараон молчал. Лицо его было бледным от гнева.

— Владыка! Прикажи послать в Яффу большое войско,— взмолился гонец.— Только силой можно усмирить бунтовщиков.

— Клянусь жизнью и любовью ко мне бога Ра, я так и сделаю! — воскликнул фараон.

Придворные закивали, спеша выразить свое одобрение, и, перебивая друг друга, стали расхваливать мудрость великого владыки, принявшего такое разумное решение. Каждый из придворных нет-нет да и поглядывал на фараона: слышит ли он его льстивые речи? Хорошо бы, чтоб услышал и наградил за верную службу.

И вдруг один из приближенных фараона, полководец Джхути, решительно шагнул вперед.

— О великий, которому весь мир воздает почести! — сказал он.— Не надо посылать в Яффу большое войско. Дай мне всего пятьсот воинов, и я повергну бунтовщиков. Тем более что негде нам набрать многочисленную армию для подавления мятежа, разве что вывести гарнизон из какого-нибудь другого города и отправить в Яффу. Но тогда этот город останется незащищенным.

— Ты прав, верный мой Джхути! — воскликнул фараон.— Я вижу, что ты служишь мне честно, а не выслуживаешься ради награды. Но скажи: как ты собираешься идти в бой с таким малым отрядом?

Джхути смиренно поклонился.

— Этот гонец сказал, что только силой можно усмирить бунтовщиков,— ответил он.— Но гонец ошибся. Моя сила — это хитрость. Я одолею их хитростью.

— Что ж,— сказал фараон.— Я тебе верю. Отправляйся в поход.

Через несколько дней Джхути со своим отрядом прибыл в Сирию. Отряд встал лагерем неподалеку от Яффы, и Джхути послал в город гонца.

— Я слуга Джхути, полководца из Та-Кемет,— сказал гонец правителю Яффы.— Мой господин служил фараону верой и правдой, одержал во славу его величества много побед, выиграл пять кровопролитных сражений — и вот благодарность: фараон назначил главным военачальником не Джхути, а вельможу, который заработал эту почетную должность ничего не делая, одним только своим сладкоречивым языком. Он не участвовал в боях, зато умело льстил фараону. Другой вельможа получил должность верховного советника. Третьего одарили богатыми подарками. А моему господину Джхути не досталось от фараона ничего! Вот как несправедливо обидел фараон моего господина. Теперь он послал его воевать против тебя. Но Джхути зол на фараона, он хочет ему отомстить и перейти на сторону мятежников. Все это он велел тебе передать и ждет меня с ответом.

— Хвала богам! — вскричал правитель Яффы.— Как отблагодарить великого Ра за то, что Джхути, доблестный полководец, стал мне союзником!.. Но скажи, велик ли его отряд и хорошо ли вооружен?

— Джхути привел сто человек на боевых колесницах,— сказал гонец.— Теперь все это принадлежит тебе. Но отряд пришел издалека, люди и лошади устали. Прикажи открыть городские ворота и впустить нас в город, чтоб мы могли отдохнуть и задать корм лошадям.

— Воистину я так и сделаю! — правитель Яффы торжествующе расхохотался.— Я открою ворота перед отрядом Джхути, чтоб вооруженные воины спокойно въехали в город на боевых колесницах, застали мой гарнизон врасплох и перебили его на месте! Взять город без боя! Ловко придумано. Послушай, неужели Джхути всерьез надеялся, что я поверю в эту выдумку? — И правитель Яффы, гордый тем, что так легко разгадал вражескую хитрость, засмеялся еще громче.

— Ты не веришь моему господину? Ты думаешь, он тебя обманывает? — спросил гонец. Правитель Яффы рассвирепел:

— Убирайся прочь, не то я велю повесить тебя вниз головой на городских воротах!

Но гонец не уходил:

— А если воины Джхути отдадут тебе все сто колесниц и бросят к твоим ногам все оружие — тогда ты поверишь, что мы не замышляем против тебя никакого зла?

«Значит, это все-таки правда,— подумал правитель Яффы.— Доблестный Джхути в самом деле хочет перейти на мою сторону и воевать против фараона. Но если это так, мне очень повезло. Выходит, на моей

стороне боги во главе со всемогущим Ра. Теперь я смогу отразить любое войско!»

— Скажи,— обратился он к гонцу,— почему Джхути выступил в поход с таким маленьким отрядом? Неужели фараон думал, что сто человек смогут захватить город? — И правитель Яффы подозрительно прищурился.

— Нет, фараон дал Джхути очень много воинов. Несколько тысяч. Но почти все они разбежались, когда узнали, что Джхути намерен совершить измену. Остались только те, которые сами не любят фараона: те, кого фараон обделил землей или у кого сборщики налогов отобрали все имущество, так что он, дабы не помереть с голоду, вынужден был продать в рабство детей, бросить дом и уйти служить в войско.

Выслушав такой ответ, правитель Яффы окончательно успокоился.

— Пусть доблестный Джхути сдастся мне,— сказал он.— Я буду ждать его в пустыне, к югу от города. Со мной будет отряд в сто двадцать человек. Пусть сперва придет Джхути и с ним не больше чем двадцать воинов. Пусть они принесут луки, мечи и копья всего отряда и бросят их к моим ногам, и только после этого дозволяется прийти остальным воинам — без оружия, пешком.

— Я передам моему господину Джхути твой приказ,— поклонился гонец.— Все будет так, как ты хочешь. Воины придут без оружия, ведя под уздцы коней, а колесницы будут нагружены дарами.

Два часа спустя правитель Яффы, сидя в шатре, ждал прихода Джхути. Неподалеку отдыхали сто двадцать сирийских конников.

И вот вдали заклубилась пыль. Это возвращались дозорные, которых правитель Яффы выслал на разведку. На полном скаку всадники влетели в лагерь и осадили коней.

— Они идут,— доложили всадники правителю Яффы.

— Сколько их? — спросил тот.

— Двадцать безоружных воинов и сто колесниц, на которых они везут корзины с дарами. А впереди — Джхути.

— Хвала великому Ра! — воскликнул правитель Яффы.

Когда Джхути пришел в лагерь, египетские воины сразу же бросили на землю оружие — копья, мечи, луки и колчаны со стрелами — и встали в стороне.

— Я привез тебе также богатые подарки: золото, серебро, драгоценные ожерелья и ларцы из черного дерева,— сказал Джхути, идя навстречу правителю Яффы.— Взгляни на эти корзины. Все они твои. А в руках у меня — видишь? — жезл фараона Та-Кемет.

Приосанившись, с торжествующим видом правитель Яффы сделал Джхути знак, чтобы тот положил жезл к его ногам. Джхути поклонил-

Женский торс из Амарны. XIV век до н. э., линия № 5. Это — реальный XIII век н. э. Обращает на себя мастерство скульптора, декорировавшего фигуру в прозрачную «ткань», — стиль, освоенный в «Древней Греции» в V веке до н. э., а в средневековой Европе — лишь в XIV—XV веках

ся и, держа жезл в вытянутой руке, как бы нечаянно постучал им о камень. В тот же миг открылись корзины, и оттуда один за другим стали выскакивать вооруженные воины. Весь отряд Джхути, все пятьсот человек были здесь! Размахивая копьями, с грозным боевым кличем ринулись они на сирийских конников, безмятежно отдыхавших у костра. Запели в воздухе стрелы, понеслись вперед боевые колесницы. Ни один из сирийцев не успел вскочить на коня или выхватить меч из ножен. Многие из них сразу упали замертво, сраженные стрелами, а те, кто остался жив, обратились в бегство.

— Взгляни на меня, побежденный злодей! — воскликнул Джхути, потрясая жезлом.— Вот жезл фараона! Великий владыка Та-Кемет сразил тебя им!

Правителя Яффы связали, надели ему на шею деревянную колодку, а ноги заковали в кандалы. После этого Джхути сказал воинам:

— Полезайте опять в корзины и поезжайте к воротам Яффы. Привратникам скажите: Джхути с остатками войска захвачен в плен, все воины обращены в рабов, и вот они везут во дворец трофеи. Стража вас пропустит. Когда въедете в город, сразу выскакивайте из корзин, хватайте всех жителей и вяжите их.

И вот сто боевых колесниц фараонова войска въехали в мятежную Яффу. Едва городские ворота остались позади, воины открыли корзины — и час спустя все было кончено.

...Поздно вечером Джхути отправил в столицу гонца, велев сказать фараону:

«Пусть возрадуется твое сердце, несравненный владыка Та-Кемет, да будешь ты жив, здоров и могуч! Великий бог Ра, твой отец, покарал злодеев и отдал в твои руки изменника. Пришли нам людей, чтоб отвести в Та-Кемет пленных сирийских воинов, которые склоняются перед тобой отныне и навсегда».

Такие воинские подвиги, с хитростями и обманом, характерны для европейской литературы XII—XIII веков, но в византийской провинции Египет подобное писали, может быть, и раньше.

Пролистаем дальше «Всемирную историю литературы» и посмотрим, какие еще совпадения нашли литературоведы и историки в произведениях «древнего» Египта и Греции.

Линия № 5.

«На рубеже III и II тыс. с началом Среднего царства Египет вступает в новую эпоху исторического и литературного расцвета». Один из самых знаменитых произведений — так называемый «Папирус Весткар», о котором читаем:

«...этот эпизод перекликается с известным рассказом Евангелия от Матфея, в котором повествуется о том, как царь Ирод, узнав от волхвов о рождении Иисуса Христа, приказал уничтожить всех младенцев мужского пола в возрасте до двух лет». (Напомним, что I «римский» век Христа совпадает у нас с XIII веком Евангелий, линия № 5).

«Это, в свою очередь, перекликается с теми преданиями о деспотизме Хуфу, которые были живы в V в. до н. э. и которые слышал Геродот...» (Хуфу, IV и V династии, это XXVII век до н. э., линия № 5 «египетской» синусоиды; к этой же линии относится и Геродот).

Вот мнение о «Песне арфиста» (Среднее царство):

«Самая подробная версия «Песни арфиста» сохранилась в папирусе Харрис 500 времени Нового царства. Она написана на среднеегипетском языке и относится ко времени фараона XI династии Интефа (конец III тыс. до н. э.)... Нельзя не согласиться с мнением академика Б. А. Тураева, утверждавшего, что «они общечеловечны» и напоминают мысли, высказанные в эпосе о Гильгамеше и в библейской книге «Екклизиаста»... «Путешествие Ун-Амона» выделяется жизненной достоверностью, искренностью и лиризмом».

А вот — про «Сказки о Хасмуасе» (эпизод о Са-Осирисе):

«...Это место сказки напоминает рассказ евангелиста Луки (линия № 5) о том, как двенадцатилетний Иисус потерялся в Иерусалиме и как через три дня его нашли сидящим в храме среди учителей, слушающим и спрашивающим их, причем все дивились его разуму и ответам; еще подробнее этот сюжет изложен в апокрифическом Евангелии от Фомы... В сказке, таким образом, развивается идея, лежащая в основе 125-й главы «Книги мертвых» (XIV век до н. э., линия № 5). В то же время рассказанный эпизод перекликается с преданием о бедном Лазаре, лаконично изложенном в Евангелии от Луки. Возможно, евангельская притча восходит в конечном итоге к демотической сказке. Так или иначе, огромный интерес и значение сказки о Са-Осирисе для истории христианства очевидны».

Следующее произведение, «Сказание о Петубасте», написано в VII веке до н. э.; оно опять «перекидывает» читателя к гомеровским поэмам:

«В связи с циклом Петубаста, так же как и в связи с баснями, возник вопрос о возможности греческого влияния на египетскую литературу этого периода.

Видный современный египтолог А. Вольтен считает, что в сказаниях о Петубасте налицо ряд неегипетских элементов. Он допускает, что египтянам было знакомо содержание "Илиады", но при этом подчеркивает, что эпический характер сказаний о Петубасте не должен рассматриваться как проявление иноземного влияния, ибо эпос в Египте существовал задолго (еще как! — *Авт.*) до создания этих сказаний».

Голова статуи Монтуэмхета, правителя Фив. VII век до н. э., линия № 5

К этой линии № 5, реальному XIII веку, можно отнести такое известное произведение, как Гимн Атону.

Правление фараона Аменхотепа IV (Эхнатона) относят к 1400—383 годам до н. э. Историки описывают, как он ввел единобожие, и не только для Египта, а и для всего мира. Придя к власти, он переменил свое имя Аменхотеп (Амон доволен) на Эхнатон (Полезный Атону), провозгласил Атона главным богом Египта и перевел свою резиденцию во вновь построенный город Ахетатон (Горизонт Атона). О написанном им произведении А. И. Немировский пишет:

«Новым в этом гимне, по сравнению с гимнами другим богам, является универсализм. Атон рассматривается как божество, благодетельст-

вующее не один Египет, а все человечество. Гимн написан в то время, когда египтяне владели захваченными ими частями Сирии и Нубии. Знакомство с этими народами и их религиями дало возможность убедиться, что чужеземцы почитают под другими именами того же Атона. Признание этого факта в гимне, рассчитанном на исполнение в храмах, было необычайной смелостью, подобной проповеди первыми христианами Библии среди чужеземцев»...— так что нам тут даже добавить нечего.

ЭХНАТОН

ГИМН АТОНУ

Великолепен, Атон, твой восход на горизонте.
Живой солнечный диск, положивший жизни начало,
Ты восходишь на восточном горизонте,
Красотою наполняя всю землю.
Ты прекрасен, велик, светозарен и высок над землею,
Лучами ты обнимаешь пределы

земель, тобою сотворенных.
Ты — Ра, ты достигаешь и до них,
Ты подчиняешь их для тобою возлюбленного сына.
Ты заходишь на западном горизонте
— земля во мраке, как мертвые
Спят люди, с головою укрывшись, не видя друг друга.
Их обирают грабители, они не слышат.
Из логовищ львы выходят. Змеи жалят во мраке.

Земля безмолвствует. Творец ее за горизонтом.
Земля расцветает, когда ты восходишь на горизонте,
Мрак разгоняя лучами.
Обе земли в ликовании.
Обе земли торжествуют.
Пробуждаются люди.
Тела освежив омовеньем, надев одежды,
К тебе они простирают руки
И за труд берутся.
Все на земле зеленеет. Травы стада вкушают.
Птицы из гнезд вылетают,
Взмахами крыльев душу твою прославляя.
Скачут, резвятся все твари с каждым твоим восходом.
Плывут корабли на Юг и на Север.
Любые пути открыты в твоем сиянье.
Рыба в воде играет, на свет твой выходит,
Ибо ты проницаешь лучами глубины.

Животворишь младенцев в материнских утробах.
Даешь рожденным дыханье и им уста отворяешь.
Зародыш в яйце тебя, Атон, славословит,
Птенец в яйце жив тобою.
Сквозь скорлупу ты его насыщаешь, даруешь дыхание.
Ее пробивая клювом, к тебе он стремится
На шатких ножках.
Человеку твоих творений не счесть:
От глаз они скрыты.
Ты земли единый создатель, ее наполняешь жизнью,
Всем, кто на ногах своих ходит,
Кто парит над нею на крыльях,
Каждого, где бы он ни жил,
Ты судьбой наделяешь.
Пусть языки различны, разного цвета кожа,
Всех одаряешь пищей, жизни конец назначаешь.
Нил сотворен тобою в глубинах подземных.
Он выведен по твоему желанью
На благо Египту.
Ты сострадаешь людям дальних пределов.
Живут тобою чужеземные страны.
Создал ты Нил небесный, он им дарует влагу.

Лучи твои каждую пашню холят,
Поднимают всходы, их превращают в колос,
В меру тепла давая, в меру прохлады.
Ты сам сотворил небосвод,
Чтоб по нему подниматься, свои созерцая творенья.
Ты един во многих обличьях, солнечный диск животворный,
Пылающий, сверкающий, далекий и близкий.
Нет числа твоим проявленьям.
В моем пребываешь ты сердце.
У тебя сыновей мириады,
Но я, Эхнатон, правдой живущий,
Единственный в твои посвященный тайны,
Твое постигший величье.
Ведаю я, что землю ты создал
Своей могучей рукою,
Что люди — твое творенье:
Поднимаешься ты — они живы, спрячешься — умирают.
В тебе дыхание жизни. Ты украшаешь землю,
Людей от сна пробуждаешь, для службы царской,
Делаешь слугами сыну, владыке обоих Египтов
И возлюбленной им Нефертити,
Царицы земель обеих.
Да будет она жива, молода и здрава
Вечные веки.

Плотник. Древний Египет. Конец XV века до н. э., линия № 4

Линия № 6.

Произведения времен XII династии (прибл. 2000—1800 гг. до н. э.) — это «Пророчество Неферти», «Поучения Аменемката I», «Рассказ Сенухе», «Речения Ипуера», «Книга мертвых». Это — обширное собрание заупокойных текстов самого различного содержания, предназначенных для обеспечения бессмертия уже не только царю, но и любому смертному.

Самое известное произведение этого периода, «Рассказ Сенухе», литературоведы не только считают одной из жемчужин египетской литературы (происходит резкий взлет «египетской» синусоиды до линии № 6), но и называют древнейшим в мировой литературе произведением, «в котором окружающая действительность была воссоздана с удивительной полнотой и достоверностью».

Историки серьезно обдумывали ситуацию, предлагаемую текстами, и пришли к вот какому выводу:

«Новейшие исследования подтвердили предположение, что часть произведений этого времени была даже инспирирована дворцом с

целью укрепить и пропагандировать авторитет фараонов XII династии, положившей конец предшествующей вековой политической неурядице».

Если сложить два и два, то мы увидим, что эти события линии № 6 логично завершают события линии № 5, когда после заговоров, оппозиций и прочего подобного, Эхнатон (гимн которого мы только что привели) произвел религиозно-политический переворот. Если же приложить мифические египетские события к реальному XIV веку, то получится интересная картина некоего военно-идеологического вмешательства, коими так наполнен этот период:

«Придя к власти, цари XII династии (монголы? крестоносцы? ставленники Царьграда? — *Авт.*) должны были опираться не только на силу оружия, но и на силу убеждения, показать стране, что они не захватчики престола, не простые узурпаторы, но спасают страну от внутренней смуты, восстанавливают порядок, озабочены благом народа, словом, что они его благодетели... Для авторитета этой династии было необходимо, чтобы на ее основателя смотрели не как на одного из многих узурпаторов, приходивших к власти и до него, а как на мессию-спасителя, пророчество о котором заранее предопределено. Тем самым в «Пророчестве Неферти» Аменемкат I выделялся из ряда многочисленных претендентов на престол, его личности придавался особый авторитет».

Линия № 7.

О «Вавилонике» Бероса авторы «Истории всемирной литературы» сообщают следующее:

«По цитатам из Бероса (III в. до н. э.), сохраненных в сочинениях Евсевия, Иосифа Флавия, Татиана, Павсания, Плиния и других авторов, можно достаточно полно судить о содержании «Вавилоники». Состояла она из трех книг... Со второй книги начиналась собственно история... (первые исторические династии, ассирийское правление, нововавилонская и персидская империи), а в заключение — царствование Александра Македонского. Уже по содержанию видно, что Берос объединил в своем труде восточные псевдоисторические сюжеты с хронологическим принципом эллинской историографии».

Это что же такое за Берос, который объединяет сюжеты с принципом? Жрец ли это храма бога Мардука или, прямо скажем, гуманист эпохи Возрождения?.. А кстати, совсем смешной случай: если только что вы прочитали, как вавилонский жрец переложил греческие принципы на вавилонский лад, то сейчас прочтете, как греческий ритор

Сфинкс фараона Аменемхета III, XIX век до н. э., линия № 6 египетской синусоиды

приписывал индийцам переложение «Илиады» на индийский лад. И все «переложители» относятся к линии № 7:

«Как известно, греческий ритор Дион Хрисостом, живший в I—II вв. н. э. утверждал, что «индийцы переложили «Илиаду» на свой язык». Исходя из этих данных и опираясь на ряд параллелей между греческим и индийским эпосом, часть исследователей пришла к выводу о зависимости второго от первого (индийского эпоса от греческого.— *Авт.*). Однако вывод этот представляется нам несостоятельным.

убедительно доказано (?), что истоки индийского эпоса относятся ко времени более раннему, чем знакомство индийцев с греками».

Так пишет П. Гринцер. Подобные хронологические фантазии — не редкость. С. Аверинцев сообщает о вавилонской истории и ее хронологии таким стилем, что и не поймешь, над чем он призывает посмеяться:

«Огромную роль играли разного рода реальные и фантастические выкладки по хронологии: весь временной универсум истории, исчисляемый Беросом в сотни тысячелетий (!!! — ничего себе, переложил хронологические принципы эллинов) был представлен как единое целое и расчленен на массивные ярусы эпох. Греческая историография Геродота и Фукидида не знала этой хронологической архитектоники, оперирующей с тысячелетиями... Можно, конечно, посмеяться над дутыми сроками вавилонского историка... У Вавилона был, однако, соперник, споривший с ним о древности национального предания,— Египет».

А мы скажем, что после XV века уже ничто не удерживало историков «от наукообразного шарлатанства хронологических экстазов». Можно, конечно, посмеяться над Беросом и его дутой хронологией. Можно вволю потешиться и над Фукидидом, да и других кандидатов на осмеяние при желании можно найти немало. Хотя, представляется нам, интереснее было бы разобраться, как возникла наша хронология. А уже потом смеяться.

П. Гринцер пишет в статье «Эпос древнего мира»:

«...Термин «героический век» закрепился не только за эпохой, породившей «Илиаду» и «Одиссею», но и за **типологически родственными эпохами,** вызвавшими к жизни эпосы индийцев и германцев, кельтов и славян, тюрок и иных народов».

Все это одна и та же эпоха, но литературоведы, оставаясь в плену скалигеровщины, продолжают выдумывать «типологически родственные эпохи»!

Затем и Н. Конрад пишет:

«С чего обычно мы начинаем историю, скажем, древнегреческой литературы? С «Илиады» и «Одиссеи». С чего начинается, например, история литературы в Индии? С вед и эпоса: «Махабхараты» и «Рамаяны». Первыми произведениями древней китайской литературы считаются «Шуцзин», «Шицзин», «Ицзин». Разумеется, мы очень хорошо знаем, что все эти произведения — плод работы многих веков, что тот текст их, который имеется в нашем распоряжении, далеко не первоначальный... Фабульное богатство, структурная сложность материала греческого эпоса могли быть созданы миром, имевшим в своем прошлом уже большой

культурный опыт, прожившим богатую, сложную жизнь. То же можно сказать и о материале, легшем в основу «Махабхараты» и «Рамаяны». И то же можно повторить в приложении к **наиболее ранним** по происхождению частям первых литературных памятников китайской Древности».

Спрашивается: какой «мир» прожил уже богатую, сложную жизнь, кто — скажите же нам, наконец,— кто имел культурный опыт, чтобы написать «структурно сложный» и «фабульно богатый» народный эпос? Кто еще до начала первичной литературы создал пережившие, надо думать, целые тысячелетия наиболее ранние философские трактаты? Прилетельцы со звезд?

Оказывается, да. Мнение историков литературы таково, что Старый Древний мир «уходил с авансцены истории в ореоле грандиозности, величия, силы и блеска, и этот ореол отразился на необъятной широте сложной основы литературных памятников, на яркости образов действующих персонажей, на могучей силе эмоций, движущих их действиями, на осмыслении героического характера человеческой личности. Недаром в этих памятниках действуют герои и боги, как в греческих и индийских поэмах, совершенные правители — «устроители мира...»

Ну точно, звездные скитальцы: «устроители мира», «прогрессоры» и прочие космические спасатели. История всемирной литературы имени братьев Стругацких. Прилетели инопланетяне, «зародили» человечество. Прилетели вторично, построили пирамиды и улетели (утонули вместе с Атлантидой). Прилетели еще раз, сочинили для тупых землян «Махабхарату» с «Илиадой» и снова улетели (утонули). А туземцы выучили наизусть и передавали стишки из поколения в поколение, пока сами не додумались до письменности. Когда же придет время действительно научного изучения прошлого?..

Эпилог

Одна из русских летописей заканчивается словами:

«Радуется купец, прикуп совершивший, и кормчий, приставший к пристани, и путник, пришедший в свое отечество. Так радуется и книжный писатель, кончая книгу. Радуюсь и я, худой, и недостойный, и многогрешный раб божий...»

Радуемся и мы, ибо закончили труд свой.

Для того чтобы опровергнуть наш «литературный» подход к эволюции мировой цивилизации, оппонентам придется представить шедевры исторических изысканий, и уже в одном этом положительный результат нашей работы. Но уже сегодня можно сказать: ни одна версия истории не обладает ДОСТАТОЧНОЙ доказательностью, ведь каждый отдельный факт допускает различные толкования. Легко понять, что одновариантной истории существовать не может.

Всякий, выступая в роли автора исторического исследования, должен помнить о том, что не все документы найдены, открыты и опубликованы, а потому не может он претендовать на владение окончательной и непреложной истиной. В любом случае читатель встречается лишь с одной из возможных трактовок истории. Проходит время, и какие-то материалы объявляются фальшивкой или хорошо продуманной мистификацией; напротив, другие — «басни», «выдумки», «заблуждения современников» — вновь используются наукой для построения нового варианта прошлого. С историческими исследованиями всегда так было и всегда так будет. Не зная точно, что происходило на самом деле, мы должны признать различные варианты истории в равной степени достойными.

Нам непонятно, как историки могут представить себе одновременно великолепную литературу и ничтожное искусство, высокую науку и низкую мораль, технологичную армию и отсутствие производственной базы. Мы стараемся выстроить версию, в которой не было бы таких «непонятностей». И все же, предлагая свою версию, кажущуюся нам более стройной и логичной, нежели традиционная, мы следуем принципу: пока традиционная версия окончательно не опровергнута, ее не следует отвергать.

А мы продолжаем работать, поэтому-то читатель может найти не вполне сходящиеся утверждения в наших собственных книгах. Анализ стилистики искусства показал одно, изучение эволюции литературы — немного другое. Работа над историей науки, ремесел, военного дела наверняка проявят еще что-то новое.

Продолжим работу.

Список использованной литературы

Андреев Ю. А. Поэзия мифа и проза истории. Л., «Лениздат», 1990.

Антология мировой философии в 2-х т. М., АСТ, Минск, Харвест, 2001.

Апулей. Апология. Метаморфозы. Флориды. М., АН СССР, 1956.

Аристотель. Сочинения. т. 4. М., «Мысль», 1983.

Аристотель. Поэтика. Риторика. Спб., «Азбука», 2000.

Аристофан. Комедии в 2 т. М., «Гослитиздат», 1954.

Асмус В. Античная философия.

Арцруни А. Армянское нагорье и цивилизация. М., «Менеджер», 1999.

Базен Ж. История истории искусства от Вазари до наших дней. М., «Прогресс-Культура», 1995.

Белявский В. А. Тайны Вавилона. М., «Вече», 2001.

Бердяев Н. А. Философия свободы. М., «Олма-пресс», 2000.

Беркова К. Н. Вольтер. М., Соцэкгиз, 1931.

Бестужев-Лада И. В. Альтернативная цивилизация, М., «Владос», 1998.

Библия. Современный перевод библейских текстов. Всемирный Библейский Переводческий Центр. М., 1993.

Бобров А. Г. Апокрифическое «Сказание Афродитиана» в литературе и книжности Древней Руси. СПб, «Наука», 1994.

Боден Ж. Метод легкого познания истории. М., «Наука», 2000.

Боккаччо Дж. Декамерон. М., ННН, 1994.

Брун В., Тильке М. История костюма от древности до нового времени. М., «Эксмо-пресс», 2000.

Булгаков С. Н. Сочинения в 2-х томах. М., «Наука», 1993.

Бычков А. А., Низовский А. Ю., Черносвитов П. Ю. Загадки Древней Руси. «Вече», 2000.

Валянский С. И., Калюжный Д. М. Другая история Руси. Другая история средневековья. М., «Вече», 2001.

Валянский С. И., Калюжный Д. М. Другая история науки. М., «Вече», 2002.

Васильев А. А., История Византийской империи (324—1453), т. 1—2, СПб, 1998.

Вейс Г. История цивилизации. Архитектура, вооружение, одежда, утварь. В 2-х т. М., «Эксмо-пресс», 2000.

Вельфлин Г. Классическое искусство. Введение в изучение итальянского Возрождения. Сиб., «Алетейя», 1999.

Вельфлин Г. Основные понятия истории искусств. М.-Л., «Академия», 1930.

Вергилий. Энеида. М-Л., Академия, 1933.

Верман К. История искусства всех времен и народов. В 3-х томах. М., АСТ, 2000—2001.

Византийская любовная проза. Серия «Литературные памятники». М., «Наука», 1965.

Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. М., «Наука», 1973.

Винкельман И. И. История искусства древности. М., ОГИЗ, 1933.

Вольтер. Стихи и проза. М., «Московский рабочий», 1987.

Вотяков А. А. Теоретическая история. К., София, 1999.

Всемирная история в 10 т. М., «Политиздат», 1957.

Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., «Художественная литература», 1990.

Гнедич П. П. Всемирная история искусств. М., «Современник», 1996.

Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М., «Наука», 1987.

Горсей Дж. Записки о России. XVI — начало XVII в. М., МГУ, 1990.

Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., «Ди-Дик», 1997.

Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. М., «Ди-Дик», 1997.

Гуц А. К. Многовариантная история России. М., АСТ, СПб, «Полигон», 2000.

Данте Алигьери. Божественная комедия. М., «Московский рабочий», 1986.

Дж. Виллани. Новая хроника, или История Флоренции. М., «Наука», 1997.

Джеймс П. Римская цивилизация. М., «Фаир-пресс», 2000.

Домини А. У истоков христианства. М., «Политиздат», 1979.

Домострой. М., «Художественная литература», 1991.

Древний Рим. История. Быт. Культура. М., «Московский лицей», 2000.

Древняя Греция. История. Быт. Культура. М., «Моск. лицей», 2000.

Древняя Русь в свете зарубежных источников. Сборник. М., «Логос», 1999.

Другие Средние века. Сборник. М.-СПб., 2000.

Дюрер Альбрехт. Трактаты, дневники, письма.— СПб.: Азбука, 2000.

Жабинский А. М. Другая история искусства. От самого начала до наших дней. М., «Вече», 2001.

Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII—V вв. до н. э. Сиб., Филологический факультет СибГУ, 2001.

Замаровский В. Тайны хеттов. М., «Вече», 2000.

Иван IV Грозный. Сочинения. СПб., «Азбука», 2000.

Изборник. Сборник произведений литературы Древней Руси. М., «Художественная литература», 1969.
Иоанн Хильдесхаймский. Легенда о трех святых царях. М., «Эпигма, Алетейа», 1998.
Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica. СПб., «Алетейя»,
Историография античной истории. М., «Высшая школа», 1980.
История западноевропейской литературы. Средние века и Возрождение. М., «Высшая школа», 2000.
История крестовых походов. Сборник. М., «Крон-пресс», 1998.
История средних веков. Хрестоматия. М., «Просвещение», 1974.
Итальянская новелла Возрождения. М., «Гослитиздат», 1957.
Калюжный Д. В., Жабинский А. М. Другая история литературы. От самого начала до наших дней. М., Вече, 2001.
Каспаров Гарри. История с географией. Журнал «Огонек» № 21/4696 за май 2001.
Кипрос Л. Расцвет и упадок Османской империи. М., «Крон-пресс»,
Клавихо Р. Г. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура. М., «Наука», 1990.
Климент Александрийский. Педагог. М., Учебно-информ. центр ап. Павла, 1996.
Культура Возрождения и власть. М., «Наука», 1999.
Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи. М., «Наука», 1997.
Культура эпохи Возрождения. Сборник. Л., «Наука», 1986.
Кураев А. Раннее христианство и переселение душ. М., Изд-е Сретенского монастыря, 1998.
Куртц П. Искушение потусторонним, М., «Академический проект», 1999.
Лависс Э., Рамбо А. Эпоха крестовых походов. Смоленск, «Русич» 2, 2001.
Ланн Е. Литературная мистификация. М-Л., ГИЗ, 1930.
Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., «Педагогика-пресс», 1994.
Леви-Строс К. Структурная антропология. М., «Наука», 1985.
Легенды и мифы Древнего Египта. Спб, «Летний сад», 2001.
Леонардо да Винчи. Суждения о науке и искусстве.— СПб.: Азбука,
Литература Востока в средние века. Сборник. М., «Сиринъ», 1996.
Лихт Г. Сексуальная жизнь в Древней Греции. М., «Крон-пресс», 1995.
Лосев А. Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. М., «Искусство», 1994.
Лукан Марк Анней. Фарсалия. М., «Ладомир» — «Наука», 1993.
Лызлов А. И. Скифская история. М., «Наука», 1990.
Макиавелли. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М., «Мысль», 1997.
Марбод Реннский. Лапидарий. М., «Наука», 2000.
Марко Поло. Книга о разнообразии мира. СПб., «Амфора», 1999.
Масонство и русская литература XVII—начала XIX в. М., «Эдиториал УРСС», 2000.
Мерцалова М. Н. Костюм разных времен и народов. М., Академия моды, 1993.
Мец А. Мусульманский Ренессанс. М., «В и М», 1996.

Мишо Г. История крестовых походов. М., «Алетейа», 1999.
Морамарко М. Масонство в прошлом и настоящем. М., «Прогресс», 1990.
Музыка и не звучащее. М., «Наука», 2000.
Немесий Эмесский. О природе человека. М., Учебно-информ. центр ап. Павла, 1996.
Немировский А. И. Мифы и легенды Древнего Востока. М., «Просвещение», 1994.
Неруда Пабло. О поэзии и о жизни. М., «Художественная литература», 1974.
Ницше Ф. Сочинения в 2-х томах. О пользе и вреде истории в жизни. М., «Мысль», 1990.
Новиков В. Н. Масонство и русская культура. М., «Искусство», 1998.
Носовский Г. В., Фоменко А. Т., Русь и Рим. Правильно ли мы понимаем историю Европы и Азии. М., АСТ-Олимп, 1997.
Овидий. Наука любви. Лекарство от любви. Элегии и послания. СПб, «Азбука», 1997.
Олдингтон Р. Смерть героя. К., «Будівельник», 1982.
Ориген. О началах. СПб, «Амфора», 2000.
Памятники византийской литературы IX—XIV веков. М., «Наука», 1969.
Памятники мирового искусства. Искусство Древнего Востока. М., «Искусство», 1968.
Памятники мирового искусства. Искусство Италии XVI века. М., «Искусство», 1967.
Памятники средневековой латинской литературы X—XII веков. М., «Наука», 1972.
Пенник Н., Джонс П. История языческой Европы. СПб., «Евразия», 2000.
Перкис Дж. Греческая цивилизация. М., «Фаир-пресс», 2000.
Песнь о Роланде. М., «Гослитиздат», 1958.
Петров А. М. Великий шелковый путь. О самом простом, но малоизвестном. М., «Восточная литература», 1995.
Петров А. М. Запад-Восток. Из истории идей и вещей. М., «Восточная литература», 1996.
Петроний Арбитр. Сатирикон. М., «Вся Москва», 1990.
Пилкингтон С. Н. Иудаизм. М., «ФАИР-ПРЕСС», 2001.
Плутарх. Сравнительные жизнеописания в 2-х т. М., «Наука», 1994.
Поршнев Б. Ф. О начале человеческой деятельности. М., «Мысль», 1974.
Поэты эпохи Возрождения. М., «Правда», 1989.
Пселл М. Хронография. М., «Наука», 1978.
Пюссе А. Избранные произведения в 2-х т. М., Гослитиздат, 1957.
Р. Максуд. Ислам. М., «Гранд, ФАИР-ПРЕСС», 2001.
Рабинович В. Л. Алхимия как феномен средневековой культуры. М., «Наука», 1979.
Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. М., «Правда», 1981.
Рак И. В. Легенды и мифы Древнего Египта. Сиб., «Летний сад», 2001.
Рашид-ад-дин. Сборник летописей, в 3-х т. М.-Л., АН СССР, 1946—1952.
Римская сатира. М., «Художественная литература», 1989.
Римские древности. Смоленск, «Русич», 2000.
Робинсон Дж. Масонство. Забытые тайны. М., «Крон-пресс», 2000.

Родник жемчужин. Персидско-таджикская классическая поэзия. М., «Московский рабочий», 1982.
Сандулов Ю. Дьявол. Истор. и культ. феномен. СПб., «Лань», 1997.
Сказания о начале славянской письменности. М., «Наука», 1991.
Спиркин А. Г. Философия. М., «Гардарики», 1998.
Средневековая Европа глазами современников и историков. Часть вторая. Европейский мир X—XV вв. М., Интерпракс, 1995.
Стендаль. Собрание сочинений в 15 т. М., «Правда», 1959.
Страбон Валафрид. Садик. М., «Наука», 2000.
Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М., «Политиздат», 1989.
Так оно и оказалось! Критика «новой хронологии» А. Т. Фоменко (ответ по существу). М., «АНВИК К», 2001.
Татищев В. Н. Собрание сочинений в 8 т. М., «Ладомир», 1994.
Тит Ливий. История Рима от основания города. М., «Наука», 1994.
Трухина Н. Н. История Древнего Рима. М., «Международные отношения», 1994.
Тэннэхилл П. Секс в истории. М., «Крон-пресс», 1995.
Уилсон Я. Туринская плащаница, Нерукотворный Спас и другие христианские святыни. Ростов-на-Дону, «Феникс», 2000.
Фарлонг Д. Стоунхэндж и пирамиды Египта. М., «Вече», 1999.
Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., «Восточная литература РАН», 1998.
Фридрих И. История письма. М., Эдиториал УРСС, 2001.
Ходаковский Н. И. Спираль времени, или Будущее, которое уже было. М., АиФ-принт, 2000.
Хосроев А. Из истории раннего христианства в Египте, М., «Присцельс», 1997.
Хрестоматия по истории философии от Лао-Цзы до Фейербаха. М., «Владос», 1998.
Хэнкок Г. Следы богов. В поисках истоков древних цивилизаций. М., «Вече», 1998.
Хэнкок Г., Файл С. Зеркало небес, или Поиск пропавшей цивилизации. М., «Вече», 2000.
Чаша Гермеса. Гуманистическая мысль эпохи Возрождения и герметическая традиция. Сборник, М., «Юристъ», 1996.
Черняк Е. Б. Призрачные страницы истории. М., «Остожье», 2000.
Чосер Дж. Кентерберийские рассказы. М., «Грантъ», 1996.
Шамбаров В. Е. Русь: дорога из глубин тысячелетий. Когда оживают легенды. М., «Алгоритм», 2000.
Шахермайр Ф. Александр Македонский. М., «Наука», 1986.
Шифман И. Ш. Цезарь Август. Л., «Наука», 1990.
Шичалин Ю. Античность. Европа. История. М., «Греко-латинский кабинет», 1999.
Шпицер Я. Б. Иллюстрированная всеобщая история письмен. СПб., Изд. А. Ф. Маркса, 1903.
Ювенал. Сатиры. М-Л., Академия, 1937.
Юлий Цезарь. Записки о галльской войне. СПб., «Азбука», 1998.

«Синусоиды» А. М. Жабинского

Стандартная «греческая» синусоида: 4-й трак	3-й трак	2-й трак	1-й трак	Линии веков №	«Римская» волна
	— I		XVII	- 9 -	
	— II	I	XVI -	- 8 -	
	— III	II	XV -	- 7 -	— 1/3 III 1/3 III
	— IV	III	XIV -	- 6 -	
— XIV	— V	IV	XIII -	- 5 -	— 2/3 III — II II 2/3 III
— XIII	— VI	V	XII -	- 4 -	— 3/3 III — I I 3/3 III
— XII	— VII	VI	XI -	- 3 -	— IV IV
— XI	— VIII	VII	X -	- 2 -	
— X	— IX	VIII	IX -	- 1 -	

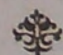
Греческая синусоида с **«арабской»** волной	Реальная история	Линии веков №	«Византийская» волна
-1 **17**	**XVII** -	- 9 -	-
1 **11** **16**	**XVI** -	- 8 -	-
2 **10 12** **15**	**XV** -	- 7 -	VII XI XV
3 **9** **13 14**	**XIV** -	- 6 -	VI VIII X XII XIV -
4 **8** 13	**XIII** -	- 5 -	IV V IX XIII -
5 **7** 12	**XII** -	- 4 -	
6 11	**XI** -	- 3 -	
7 10	**X** -	- 2 -	
8 9	**IX** -	- 1 -	

Ассирийско-египетская синусоида		Линии веков №	Реальная история
— 1 11 17		- 9 -	XVII
— 2 1 10 12 16	-	- 8 -	XVI
— 3 2 6 7 9 13 15	-	- 7 -	XV
— 4 3 5 8 14	-	- 6 -	XIV
— 27 — 14 — 11 — 5 4	-	- 5 -	XIII
— 28 — 26 — 15 — 13 — 10 — 9 — 8 — 6	-	- 4 -	XII
— 29 — 25 — 16 — 12 — 7	-	- 3 -	XI
— 30 — 24 — 17	-	- 2 -	X
— 31 — 23 — 18	-	- 1 -	IX
— 32 — 22 — 19	-	- 0 -	VIII
— 33 — 21 — 20	-	- 0 -	VII

Содержание

МНОГОМЕРНОЕ ПРОШЛОЕ:
Культурологическое исследование

В ТРЕХ ТОМАХ



Том второй

Д. В. Калюжный
А. М. Жабинский
О любви в папирусах и книгах

Редакторы *О. Замшева, Ю. Денисова*
Художественный редактор *И. Марев*
Технический редактор *Л. Платонова*
Корректор *Т. Мельникова*

Изд. № 0403185.
Подписано в печать 27.11.03 г.
Формат 60×90[1]/[16]. Бумага офсетная.
Гарнитура «Журнальная». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 19,0. Уч.-изд. л. 18,81.
Заказ № 0314680.

ТЕРРА—Книжный клуб.
115093, Москва, ул. Щипок, 2.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат».
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Трехтомник «Многомерное прошлое» представляет иное видение всей мировой истории, иную точку зрения на имеющиеся факты. Авторы ставят под сомнение достоверность официально принятой хронологии и, в частности, событий, составивших историю искусства, предлагая собственную характеристику «действующих лиц». Например, на достоверных исторических фактах доказывается, что именно в XIII–XV веках были созданы произведения Аристофана, Софокла, Аристотеля и других. С позицией авторов можно спорить, но над их выводами стоит задуматься.

ISBN 5-275-00892-9